

ВЕЛИКИЙ
ЙОГ ТИБЕТА
МИЛАРЕПА

Эванс-Вентц У.Й.

Великий йог Тибета Миларепа

Жизнеописание, называемое по-тибетски «Джецюн-Кахбум», или «Житие Джецюна-Миларепы», написанное учеником Миларепы Речунгом и переведенное на английский язык ламой Кази Дава-Самдупом.

Под редакцией с введением и примечаниями Эванса-Вентца (Джизус-Колледж, Оксфорд), автора книг «Вера в духов в кельтских странах», «Тибетская книга мертвых» и др.

Перевод с английского О.Т. Тумановой
Эту книгу о Миларепе
я посвящаю
тем, кто не удовлетворяется верой,
основанной на книгах и традициях,
и стремится к прямому познанию
Истины.

ПОБЕДНАЯ КОЛЕСНИЦА ЙОГА

Кто стяжал Веру и Мудрость,
Того, хорошо снаряженного, движет вперед разум
его.
Сознание – дышло, а Ум – запряженная пара,
Бдительность – осторожный возничий.
Праведная жизнь – Колесница;
Радость – ось, Энергия – колеса.
Спокойствие – союзник уравновешенного Ума.
Отсутствие желаний – его украшения.
Доброжелательность, непричинение вреда и
отрешенность –
Его оружие.
Терпение – броня Порядка.
Колесница эта движется к Миру.
Самим человеком она строится, его внутренним я
создается.

Она лучшая из всех колесниц.
Мудрецы на ней покидают этот мир
И, поистине, они достигают победы.

Будда, из «Самьютта Никая»

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ ПУТЬ К ПРОСТОЙ ЖИЗНИ И СВОБОДЕ

«Иметь немного желаний и довольствоваться малым
свойственно возвышенным людям».

Заветы Учителей (Гуру)

Все тот же призыв Великих Людей древности к
простой жизни и подвигу, не раз повторенный в течение
тысячелетий и услышанный в Америке Торо, Эмерсоном
и Уитменом, обращен со страниц этой книги из Тибета,
страны снежных гор, к людям Запада, превозносящим
свою сложную жизнь в век индустриализации и
отдающим ей предпочтение, хотя и не без многих,
смущающих их до недавнего времени, предчувствий.

В то время как «Тибетская книга мертвых» (первый
том нашей оксфордской серии о Тибете) дает знание о
том, как правильно умирать и выбрать лоно матери, чтобы
родиться вновь, эта, составляющая второй том серии,
книга учит, как правильно жить и направить жизнь к
трансцендентальной цели – Освобождению от
обусловленного существования.

Поскольку жизнь, смерть и новое воплощение
рассматриваются буддизмом и многими другими
религиями как неразрывные состояния Единого Бытия,
первый том серии следует считать продолжением второго,
хотя он представляет собой отдельный трактат о йоге.

Откликом на первое издание Жития Миларепы –
великого буддийского святого Тибета, было большое
число восторженных писем, присланных издателю этой
книги не только мирянами и членами Сангхи Северного и
Южного буддизма, но также индуистами и
христианами-католиками и протестантами. Им всем
редактор выражает глубокую признательность за высокую
оценку его труда. В каждом письме содержалась мысль о
том, что в личности Миларепы воплотились те
универсальные черты святости, которые ни одна религия
не может считать своим исключительным достижением и
которые присущи святым всех религий. Поэтому
Миларепу можно причислить к светочам, рассеивающим
мрак Невежества, о котором Просветленный сказал, что
этот мрак окутал мир. К Миларепе также приложимы
слова, сказанные об Аврааме Линкольне, что он

принадлежит не только своей стране, но и всему миру.

В книге утверждается, что путь йоги, ведущий к достижению Высшего состояния, трансцендентен умозрительным концепциям о спасении и открыт для всех людей независимо от их вероисповедания. Миларепа учил, что ни один метод развития ума не приводит к Мудрости. Истинное знание не может быть достигнуто путем изучения книг или изложения вероучения. Многие из святых высшей учености и культуры, жившие в Тибете и Индии, были неграмотными, как об этом свидетельствует готовящийся к выпуску четвертый том оксфордской серии – «Тибетская книга о великом освобождении». Эту же мысль Миларепа выразил в своей песне:

«Привыкнув с давних пор медитировать на
Избранных Истинах, передаваемых шепотом,
Я забыл все в переписанных и напечатанных книгах.
Привыкнув с давних пор приобретать все новый и
новый опыт на пути духовного совершенствования,
Я забыл все верования и догмы.
Привыкнув с давних пор знать смысл Несказанного,
Я забыл о способах исследования корней слов и
происхождения слов и фраз».

Приведя ум посредством самодисциплины, аналогичной способу приручения дикой лошади, в состояние невосприимчивости к навязчивым и, с точки зрения йоги, нежелательным влияниям, порождаемым иллюзорной фантазмагорией мира, мы освобождаемся, как учит Миларепа, от оков, привязывающих к нему. Как поет он в своей песне о Конце Ума, недисциплинированный ум должен быть пойман петлей Единой Цели, привязан к столбу Медитации, накормлен учениями гуру и напоен от Источника Сознания. Молодость Разума будет наездником, скачущим на Конце Ума по широкой Равнине Счастья к достижению состояния Будды.

Как химик экспериментирует с элементами материи, так и Миларепа экспериментировал с элементами сознания, и кроме него никто другой не проводил более плодотворно испытаний учений его Великого Учителя Будды путем практического их применения. За высшие достижения в практике буддизма Миларепа почитается не только буддистами всех школ на его родине – в Тибете и в соседних странах Азии, где он признается совершенно Просветленным, но и всевозрастающим числом искателей

истины во всем мире, узнавших о нем после опубликования его биографии на Западе.

Сами буддисты, даже те, кто не принадлежит к школе Миларепы, признают, как и мы должны признать, что путь Миларепы – короткий, ведущий за пределы ограниченного земного существования, может быть пройден только исключительной личностью, подготовленной в процессе эволюции к тому, чтобы сделать этот дерзновенный рывок к недоступной для медленно эволюционирующего человечества цели. Хотя очень немногие обладают столь могучей силой духа, физической выносливостью и волей, чтобы следовать Миларепе, его открытие, что эта цель – не мираж и ее можно достичь, представляет громадную ценность для них. С точки зрения почитателей Миларепы, из этой книги можно почерпнуть мужество, необходимое для вступления на путь, независимо от того, каким долгим и тернистым он будет и сколько жизней потребуется прожить для достижения этой цели, которой Миларепа, благодаря его особой подготовке, достиг в течение одной.

Независимо от того, как будет принят Святой Миларепа в наш утилитарный век – с почитанием со стороны немногих и с полнейшим равнодушием со стороны многих, с антропологической точки зрения необходимо признать, как это сделал наш знаменитый оксфордский профессор Арнольд Тойнби, что наилучший вклад в улучшение жизни человека на земле внесли из представителей человеческого рода не ученые со всеми их чудесными и заслуживающими похвал открытиями, не изобретатели, не промышленные магнаты, не политические лидеры, не правители и не государственные деятели, а пророки и святые:

«Кто же они, эти величайшие благотворители человечества? Смее утверждать, что Конфуций и Лао-цзе, Будда, пророки Израиля и Индии, Зороастр, Иисус, Магомет и Сократ.

Они – одинокие светочи цивилизаций, занимавших территории от Тихого океана до Средиземного моря, и в этих немногих личностях воплотилась высшая мудрость всех исторических эпох. В них нашла совершеннейшее выражение эволюция разносторонних устремлений бесчисленных поколений людей, живших на нашей планете на протяжении тысячелетий существования великих культур Китая, Индии, Персии, Сирии, Египта, Аравии и Европы, представленной Грецией.

Произведения художников и писателей переживают дела предпринимателей, военачальников и государственных деятелей. Поэты и философы превосходят историков, но и святые не имеют равных себе».

Житель Запада гораздо больше, чем Востока (где все еще преобладают в деревенской общине простой уклад жизни и самообеспечение) будет, вероятно, удивлен, прочитав в этой книге о жизни человека, не имевшего никаких привязанностей к преходящим вещам. Для Миларепы, так же как для многих мудрецов Азии, победа над собой была выше победы над миром и отречение от него – лучше всех земных богатств.

То же можно сказать о Махатме Ганди. Имущество, которое осталось после него, мало чем отличается по виду и ценности от вещей, составлявших собственность Миларепы: деревянный посох, две пары сандалий, очки в старомодной оправе, низкий столик, за которым он писал, сидя на полу, чернильница, ручка, стопка писчей бумаги, циновка для молитв и медитаций, несколько религиозных книг и среди них «Бхагавад-Гита», две чашки, две ложки и несколько кусков домотканой хлопковой ткани, служивших ему одеждой.

Бамбуковый посох, платье и накидка также из домотканой хлопковой ткани, чаша из человеческого черепа, найденного на кладбище, кремь с огнивом и костяная ложка составляли имущество Миларепы.

Хотя слабый физически по причине возраста и аскетической жизни, Ганди-Святой влиял на ход событий в могущественной и процветающей необъятной Британской империи так, как не могла повлиять ни одна армия, ни одна морская или воздушная армада.

Когда к Миларепе явилась делегация высокопоставленных чиновников с приглашением посетить правителя Непала, Миларепа отказал посланникам монарха и этим подчеркнул мнимость его превосходства. Он сказал им, что он сам могущественный царь, владеющий богатствами, и его величие и могущество выше всех царств мира.

Когда Ганди встретился с английским королем в Букингемском дворце, он был не в костюме, отвечающем требованиям этикета, установленного, как учит Миларепа, «невежественными приверженцами условностей», а в белой набедренной повязке из простой домотканой хлопковой ткани, какую носят индийские крестьяне.

Когда Ганди затем спросили, достаточно ли была его лишь прикрывающая тело повязка для такого торжественного момента, он ответил: «На короле было достаточно одежды для нас обоих».

Человек, обладающий такими необычными способностями, какими обладал Миларепа, как, например, способностью летать по воздуху, не нуждается в автомобилях, самолетах и других средствах передвижения, и следовательно, ему не нужны были бы материальные блага индустриального общества, приобретаемые ценой изнурительного труда в угольных копях, на железоплавильных заводах и на фабриках массовой продукции.

Ганди также выступал против индустриализации, хотя и без особого успеха у себя в Индии. Он считал, что индустриализация не является печальной необходимостью, неизбежным злом, но не потому, что, как показывает жизнь Миларепы, йога делает ее ненужной, а потому, что индустриализация наносит ущерб искусству и ремеслам, обычно процветающим в условиях простой и сравнительно счастливой жизни деревенской общины, и поэтому заглушает ростки Прекрасного, заложенного в каждом человеке. Деревенские общины, которые в Индии и Китае в течение тысячелетий были центрами национальной культуры, не связанной с массовым производством, являются, по мнению Ганди, наилучшей и экономически устойчивой общественной формацией. И эта простая, естественная и материально независимая форма социальной жизни, способствующая развитию Высшей Культуры, ближе идеалу Миларепы, чем индустриально развитое общество.

Благодаря постоянному контролю за своим физическим телом Миларепа мог жить, хотя и испытывая страдания, к которым, как йог, он был безразличен, в условиях арктического климата гималайских высот, на простой и скудной пище и нередко не имея никакой другой пищи, кроме той, которую он получал из воздуха, воды и солнечной энергии способом, подобным Космосу, подобно растению, вырабатывающему хлорофилл. В его пещере не было отопления кроме того, которое создалось в его телесной обители с помощью йогической практики туммо.

Производимые во всевозрастающем количестве товары массового потребления, считающиеся на Западе необходимым атрибутом жизни, ради приобретения

которых люди добровольно жертвуют своей жизненной энергией, здоровьем и своим коротким временем пребывания на земле, являются для Миларепа, так же как для Будды, лишь препятствием для Правильного Образа Жизни. Миларепа учил, что цель жизни в человеческом теле не в том, чтобы погрязнуть в трясине довольства и комфорта, привязывающих к миру, но удалиться от него, каким бы изобильным, благоденствующим и по-мирски счастливым ни становился он благодаря открытиям западной науки.

Из своей гималайской пещеры Миларепа смотрел с жалостью и состраданием на жизнь людей, стремящихся к роскоши и довольству. Как учил он в своей песне «О пяти видах довольства», когда желание довольства, общее для людей и животных, преодолено и достигнута Свобода, «нет никаких терний; все приятно», и он просил не вдохновенных аскетической жизнью оставить при себе их жалость к нему. О довольстве жизни в монастырях он сказал так:

«Привыкнув с давних пор считать мое земное тело моей отшельнической обителью, я позабыл о довольстве и удобствах жизни в монастырях».

С еще большей жалостью и состраданием смотрел бы Миларепа на жизнь людей в наше время, в окружении многочисленных вещей, без которых не мыслят своего существования жители Европы и Америки и среди них даже многие монахи, проповедующие благочестие. Он видел смысл жизни не в том, чтобы пользоваться материальными благами и одержать победу над миром с помощью науки, а в том, чтобы победить самого себя и разорвать путы, привязывающие человека к колесу рождений и смертей. Миларепа, как и святые всех религий, всех цивилизаций и эпох, был убежден в том, что отсутствие желаний и полный отказ от мирских благ, а не всепоглощающая страсть к приобретению переходящих вещей, ведут к достижению состояния, которое является наивысшим на нашей планете.

Миларепа осознал в начале своей жизни то, что большинство людей осознают слишком поздно: «Все земные притязания имеют один неизбежный конец, который есть печаль: приобретения заканчиваются их утратой, встречи – расставанием, построенное разрушается, рождения оканчиваются смертью. Помня об этом, нужно с самого начала отказаться от приобретений, накоплений, строительства и встреч и, следуя указаниям

почитаемого гуру, стремиться к достижению Истины (которая не имеет ни рождения, ни смерти). Это наилучшая наука».

Перед переходом в Нирвану Миларепа продолжал напутствовать своих учеников: «Жизнь коротка, и час смерти не известен. Поэтому усердно медитируйте – т.е. не совершайте грехов и приобретайте заслуги, не жалея сил и даже жертвуя жизнью. Все, что я сказал, кратко выражается в следующем: поступайте так, чтобы вам не пришлось стыдиться самих себя, и твердо придерживайтесь этого правила. Если вы будете поступать именно так, знайте, что вы не нарушаете заповедей Высших Будд, если даже в книгах вы встретите противоречивые требования».

Заповеди Миларепы о праведной жизни – это те же заповеди, завещанные святыми всех эпох – Древнего Китая, Индии, Вавилона, Египта, Рима и нашего времени. Но только очень немногие личности, подготовленные своей эволюцией к тому, чтобы соблюсти их и слиться с Братством Сострадания и Мира, передавали Факел Мудрости от одного поколения к другому. Пусть сбудутся слова преданного ученика Миларепы Речунга, написанные им в колофоне к «Житию», что «преданные Учению будут получать духовную помощь от этой книги даже во время слушания, размышления о ней, прикосновения к ней, и ее изучение и следование содержащимся в ней заповедям угодны Иерархии Учителей». Тибетский гуру Пхадампа Сангай (как предполагается, современник Миларепы), проповеди которого будут опубликованы в четвертом томе серии – «Тибетская книга о Великом Освобождении», обратился к своим ученикам и жителям деревни Тингри со словами, не потерявшими своего значения и для нас, которыми мы завершаем это предисловие:

«Дхарма подобна солнечному свету, проникающему сквозь расселину среди туч.

Знайте, что сейчас есть такой свет. Мудро пользуйтесь им, люди Тингри».

Сан-Диего. Калифорния.

День всех Святых, 1950 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

В нашем введении и в примечаниях к данной книге, как и в «Тибетской

книге мертвых», я попытался донести до западного читателя и для этого письменно изложил некоторые аспекты Высших, или Трансцендентальных Учений Махаяны, которые были переданы мне с этой целью моим тибетским гуру, ныне почившим ламой Кази Дава-Самдупом. За все погрешности, которые критики могут обнаружить в этих комментариях (и я не уверен, что их нет), я один несу полную ответственность. Питая особую благодарность как ученик к тому, кто был моим учителем, я также выражаю признательность йогам Гималаев и Индии (пожелавшим, чтобы их имена не были названы), от которых я имел счастье получить во время моего путешествия с научной целью по Индии ценную информацию из первых рук относительно тех же древних идеалов аскетизма и отречения от мира, которые Миларепа, преданный ученик своего Первого Гуру – Гаутамы Будды, так вдохновенно проповедовал, когда рассказывал о своей жизни. Эти идеалы, к счастью, все еще находят многочисленных приверженцев среди индуистов, буддистов, джайнов, даосистов, исламских суфи и даже христиан, живущих в Азии.

...Я, как редактор, искренне надеюсь, что эта книга также сослужит свою скромную службу и поможет европейцам и американцам признать тот факт, что народы Востока, как и все человечество, движимы теми же устремлениями и преданы, в сущности, одним и тем же религиозным идеалам, что с антропологической точки зрения человечество – одна семья и поэтому несущественны внешние различия, обусловленные наследственными, расовыми особенностями, цветом кожи и внешними физическими факторами. Слишком долго простояла разделяющая стена, воздвигнутая в Темные Века из предрассудков и непонимания, причина которых – отсутствие научного знания. Когда, наконец, знание разрушит ее, тогда наступит час для лидеров рас и народов работать не только для создания Федерации стран мира, но и Федерации Истины, которая живет во всех религиях.

Закончим это предисловие словами переводчика: «Пусть этот перевод «Жития Миларепы» поможет узнать о нем в других странах, и пусть Миларепа будет почитаться там так же, как в его родной стране. Это было моим единственным желанием, вдохновлявшим меня в моей работе, и остается моей горячей молитвой сейчас, в момент ее окончания».

Джизус-Колледж. Оксфорд. 21 июня 1928 г.

МИЛАРЕПА

Я, Миларепа, осиянный великой славой,
Памяти и Мудрости дитя.
Хотя стар я, покинут и наг,
Из уст моих льется песня,
Ибо вся Природа служит мне книгой.
Железный жезл в моих руках
Ведет меня через Океан меняющейся Жизни.
Я Разума и Света господин,

И, совершая подвиги и чудеса,
Я не нуждаюсь в помощи земных богов.

Миларепа «Гур-Бум»

«Только Будды и Архаты раскрыли мою истинную сущность, победили меня. Все другие существа живут под моей деспотической властью. Я приговариваю их к смерти и дарую им жизнь. Я божество, приносящее им благополучие, которым они наслаждаются. По моей воле совершаются добрые и злые дела. Богов, императоров, царей, богатых и бедных, сильных и слабых, благородных и низкорожденных, счастливых и несчастных духов, обитающих в этом мире и в верхних и нижних мирах, – всех их я возвышаю или ниспровергаю до соответствующего каждому из них состояния. Я унижаю вознесшихся высоко и возвеличиваю низкостоящих согласно некоторым совершаемым ими делам. Поэтому я действительно Бог, который правит этим феноменальным миром».

Из «Провозглашения о всемогуществе Кармы»
«От того, что мы делаем, зависит наше будущее;
Как тень следует за телом, та и Карма следует за

нами.

Каждый должен испытать то, что сам совершил».

Из «Золотого ожерелья сказаний о Падма Самбхаве»

ВВЕДЕНИЕ

«Как путнику, стремящемуся достичь города, нужны глаза, чтобы видеть путь, ведущий к нему, и ноги, чтобы пройти этот путь, так и стремящемуся достичь Нирваны нужны Глаза Мудрости и Ноги Метода».

«Праджня-Парамита»

I. «ДЖЕЦЮН-КАХБУМ» КАК ПАМЯТНИК КУЛЬТУРЫ

На страницах этой биографии одного из великих религиозных гениев человечества в ярких красках изображена социальная жизнь Тибета в XI и XII веках н.э. Мы, европейцы, часто забываем о том, что Индия и Китай имели высокую культуру в то время, когда Европа еще не вышла из варварского состояния, и что Тибет, уже с седьмого века черпавший для себя многое из культур Китая и Индии, был в своей средневековой ограниченности ничуть не ниже Европы, а в области философии и религии даже превосходил ее.

В Европе, в темные века раннего средневековья, мало кто знал о великих древних Афинах и Александрии. Научная и философская мысль была подавлена авторитетом церкви и заключена в узкие рамки педантичной схоластики. Арабские ученые Кордовы и Багдада, хранившие учения древних, смогли передать их европейцам только тогда, когда Европа проснулась для

новой жизни в эпоху Возрождения. Но на Востоке Прометеев огонь никогда не угасал. И даже до наших дней Китай и Индия сохраняли в непрерывавшейся преемственности культуру, зародившуюся в глубокой древности .

Цивилизации Вавилона, Египта, Греции, Рима, пережив эпоху расцвета, исчезли, но Китай и Индия продолжают жить, несмотря на перенесенные ими социальные потрясения, вызванные контактом с утилитарным Западом. И если они сохраняют свою удивительную силу духа, они смогут пережить материалистическую цивилизацию Запада и как прежде будут вести человечество к более возвышенному идеалу – победе над миром божественного начала в человеке, а не животного начала путем кровопролитных войн. Это есть тот идеал, на котором основано учение Миларепа, касающееся проблем человеческого общества. И в этом оно созвучно учениям Будды, Христа и всех великих учителей Азии, состраданием и любовью сделавших для человечества неизмеримо больше, чем сделали для него на протяжении всей истории бесчисленные множества войск и их предводители.

В то время, когда Миларепа медитировал среди покрытых снегами вершин Тибетских Гималаев, культура ислама распространялась по всему Индостану. Благодаря Миларепе и его учителю Марпе, который совершал путешествия в Индию для приобретения рукописей по индийской и буддийской философии и, приобретя, доставлял их в Тибет, многое из духовного наследия Индии, которому угрожало уничтожение от рук завоевателей, было использовано для просвещения тибетцев и сохранилось до наших дней. Это происходило в то время, когда Англия переживала последствия нормандского завоевания. Поэтому для изучающего историю религий и историка вообще «Джецун-Кахбум» , т.е. «Житие Джецун-Миларепа», должен представлять особый интерес.

II. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ «ЖИТИЯ»

Не считая некоторых внесенных в текст элементов фольклорного мифотворчества, «Жизнеописание» в том виде, как оно дошло до нас, можно считать точным изложением поучений и деяний Джецуна. Являясь Евангелием секты Каргьютпа, это одна из многих священных книг Востока и исторически такая же достоверная, как и произведения Нового Завета, если не более. Для ученых, посвятивших себя изучению такого сложного для науки вопроса, как история формирования тибетской и монгольской религий, она представляет исключительную ценность, а интересующиеся буддийской философией, особенно философией Махаяны, смогут почерпнуть из нее много новых сведений.

Для мистиков всего мира она есть, как сказал бы Речунг, автор этой книги, драгоценнейший камень, сокровищница, неисчерпаемая для человеческого ума, и букет заповедей, которые можно понять только путем практического их применения.

В первой части «Жития» перед нами предстает Джецун в молодости, обуреваемый низменными страстями, как и многие другие великие святые в пору их юношества. По требованию своей мстительной матери он становится на некоторое время профессиональным вершителем зла, адептом черной магии,

ступившим на путь тьмы. Во второй части «Жития» рассказывается о его раскаянии и обращении к Светлому Учению (буддизму).

Его учитель Марпа подвергает его тяжелейшим испытаниям для искупления его кармы. Пройдя искус и выдержав все испытания, он ступает на путь света и достигает, как сказано в книге, «величайшего из всех благ, какие могут выпасть на долю смертного».

Возможно, некоторым читателям многое из того, что содержится в последней главе, покажется несущественным. Однако следует учесть, что только в этой главе Речунг выступает как очевидец, так как в предыдущих главах описываются события, происходившие до того, когда он впервые встретился со своим учителем, уже завершавшим в то время свой жизненный путь. Для последователей школы Каргьютпа эта последняя глава, несомненно, самая значительная из всех. В ней не только описываются чудесные феномены, сопутствовавшие кремации, и рассказывается о том, как Джецюн оживил свое тело в ответ на горячую молитву Речунга (который отсутствовал во время перехода Джецюна в Nirvanу и не успел прибыть вовремя к месту совершения погребального обряда), но она есть также квинтэссенция заповедей Учителя, составлявших содержание его проповедей, читанных ученикам (шишьям), и краткий свод основоположений Северного буддизма, изложенных устами Дакини (ангелов), и потому любителями чудесного она читается с большим интересом.

Для последователей Джецюна эти необыкновенные события, происходившие при кончине их Учителя и у его погребального костра, являются не менее правдоподобными, чем Преображение и Вознесение Иисуса для христиан. Об их исторической достоверности пусть каждый читатель судит сам, не забывая при этом сделать поправку на возможность гиперболизации, допущенной под влиянием народных традиций и верований.

III. ТИБЕТСКИЕ ШКОЛЫ БУДДИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В самом Тибете, а также в Непале, Бутане, Сиккиме, Кашмире и некоторых областях Монголии существуют три главные школы буддизма: 1) Мадхьямика, или «Средний путь» (тиб. Юма-па), возникшая в Индии при Нагарджуне во II веке н.э.; 2) Махамудра, или «Великий символ» (тиб. Пхьяг-Чен) и 3) Ади-Йога, иначе называемая «Великое Совершенство» (тиб. Дзогс-Чен).

Приверженцы первой – Гелугпа, т.е. последователи Ордена Благочестия, известны под названием желтошапочников. Эта школа была основана в Тибете в начале XV века реформатором Дзонкапой (уроженцем Луковой страны), который родился в 1358 г. в сопредельной с Китаем провинции Амдо, северо-восточный Тибет, (умер в 1417 г.). Она выделилась как ответвление секты Кахдампа (букв. «связанные правилами») и сейчас является официальной церковью Северного буддизма, которой принадлежит духовная и светская власть в лице далай-ламы – бога-монарха Тибета.

Секта Каргьютпа (последователи Апостольного Ордена) относится к школе Махамудры, величайшим святым которой был Миларепа. История этой школы описана в следующей главе. Ньингмапа, называемые «красные шапки», – последователи школы Великого Совершенства, или Ади-Йоги – старой

школы и нереформированной церкви, основанной индийским философом Падмой Самбхавой в 749 г. н.э. . В Тибете его обычно называют Гуру Ринпоче (Драгоценный Гуру), или Падма Джунгне (санскр. Падма-Джанма) – «рожденный из цветка лотоса». Он был очень известным профессором оккультизма в крупнейшем буддийском университете в Наланде – индийском Оксфорде того времени. Правитель Тибета Ти-сонг Де-цен, прослышав о нем, пригласил его в Тибет. Гуру принял приглашение и прибыл в 747 г. в Сам-е, что в 50 милях от Лхасы. Здесь он основал монастырь и обучил тибетцев тантрам и Мантраяне Махаяны.

Четвертая школа Са-кья-па (от слова «са-скья», что означает «коричневато-желтый»), названная так по цвету почвы на месте ее первого монастыря в западном Тибете, была вначале реформированной сектой и пользовалась значительным влиянием, но сейчас она мало отличается от старой секты «красных шапок».

Помимо трех главных школ и отделившихся от них сект, в Тибете сохранились монашеские ордена добуддийской древней религии Тибета Бон, которая с ее доктриной перевоплощения послужила удобной почвой для распространения буддизма в Тибете. В Житии Миларепы сообщается о совершении им обряда Бон, что свидетельствует о знании Миларепой этой древней религии, а также упоминается о победе, одержанной Миларепой над знаменитым колдуном секты Бон. Исповедующие религию Бон носят черные шапки, в отличие от желтошапочников и красношапочников, и называются черношапочниками. Представители этих трех конфессий носят также платье соответствующего цвета.

IV. АПОСТОЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ УЧИТЕЛЕЙ КАРГЬЮТПА

За сто лет до Гуру Падмы Самбхавы, при первом буддийском царе Тибета Сонг-цен-Гам-по (умер приблизительно в 650 г.) в Тибет проникло мистическое учение Ваджраяны (Путь Молнии, или Алмазный, т.е. Неизменный, Путь), воспринятое впоследствии сектой Каргьютпа. Оно было передано из Непала – родины Будды после женитьбы царя на непальской принцессе Бхрикути в 639 г. и из Китая после его женитьбы в 641 г. на Венчен – принцессе из китайского императорского дома. После того, как он был обращен в буддизм своими женами, он послал в Индию Сам-бхоту, поручив ему приобрести в Индии буддийские книги.

Сам-бхота, как и Марпа четыре столетия спустя, вернулся в Тибет с богатой библиотекой, и благодаря ему сохранилось многое из того, что впоследствии было уничтожено в самой Индии. Он также составил тибетский алфавит на основе санскритского, употреблявшегося в Кашмире и Северной Индии, и написал первую систематизированную грамматику тибетского языка.

Однако только при Падме Самбхаве, в период царствования Ти-сонг Де-цена, буддизм прочно утвердился в Тибете, в то время как до него приверженцы Бон, боясь утратить свое влияние, успешно сопротивлялись распространению новой веры. Но Падма Самбхава, как и святой Патрик, боровшийся с друидами в Ирландии, добился победы буддизма над Бон.

В 1038 г. в Тибет из Индии прибыл один из первых реформаторов

ламаизма – Атиша, который ввел безбрачие среди лам и установил более строгие правила для духовенства.

Так же, как и Падма Самбхава, он был профессором философии и преподавал в монастыре Викрамасила в Магадхе. Он родился в 980 г. в семье правителя Гаура в Бенгалии. Пещера, где жил Атиша (в 60 милях к востоку от Лхасы) и теперь почитается священной и украшена дикой розой и лианами. Есть свидетельства о том, что Марпа, учитель Джецюна, которого за его ученость и переведенные им книги называли Переводчиком (в Житии Миларепа также), был учеником по меньшей мере десяти известных гуру. Атиша был одним из его учителей, хотя Марпа выполнил свою основную работу уже после Атиши. Следовательно, Атиша был не только главным человеческим гуру для Гелугпа, зародившейся в лоне основанной им секты Кахдампа, но он также в не меньшей степени один из гуру соперничающей с ним секты Каргьютпа, основанной Марпой, хотя и не является ее апостолом.

Большинство учителей Марпы принадлежали к древней индийской секте Кусулипов, т.е. тех, кто стремится к достижению Просветления путем медитации, что отличает их от пандитов, которые стремились достичь Высшей Истины, заключенной в учении о Шуньяте, т.е. Пустоте, умозрительным путем. Атиша не выдвигал на первый план практику йоги в буддизме как идеал, которому следовали Кусулипы. Один из великих гуру Кусулипов Тилопа (или Тело), живший приблизительно в X веке, стал первым апостолом Каргьютпа. Учение школы Каргьютпа основано на философии Махамудры, переданной Тилопе Небесным Буддой Дордже-Чангом (санскр. Ваджрадхара), которого Каргьютпа почитают своим Небесным Гуру, равным Ади – Первосущему Будде, и как не отделимую от него эманацию милосердия.

Тилопа изложил учение устно как эзотерическое (оно и доныне так сохраняется) своему ученику Наропе. Наропа передал его Марпе, а Марпа – Миларепе. Наропа был вторым в иерархии человеческих гуру, третьим был Марпа, четвертым – Миларепа. Речунг, автор жизнеописания Миларепа – Двагпо-Лхардже, уроженец восточного Тибета, известный также как Дже-Гампопа, т.е. государь Гампопа, как он признавался реинкарнацией Сонг-цен-Гам-по – первого буддийского правителя Тибета, умершего за 500 лет до его рождения. Сам Дже-Гампопа умер в 1152 г., через два года после основания им монастыря Цур-лжа, ставшего главным монастырем Каргьютпа, иерархия которой до сего времени не прерывалась.

V. СОВРЕМЕННЫЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ МИЛАРЕПЫ

И ныне сотни аскетов Каргьютпа живут в холодных безлюдных прибежищах Тибетских Гималаев. Некоторые из них поселились в пещерах у подножия и на склонах горы Эверест, там, где находятся обители Джецюна, чтимые особо как священные места и места паломничества. Здесь первозданная природа, и отшельники Каргьютпа живут среди нее жизнью, не похожей на беспокойную жизнь людей в миру, в котором больше не следуют древним заветам и судят о счастье лишь как об обладании богатством, славой, властью.

В исполнении обетов строжайшего аскетизма и отречения от мира аскетам Каргьютпа нет равных среди последователей Великого Йога – Гаутамы

Просветленного. От приверженцев всех других сект Тибета их отличает система мистического видения (по-тибетски Та-ва), изложенная в различных трактатах Махамудры, которую они осуществляют на практике, удалившись в уединение в горные пещеры или джунгли. Каждая маленькая община этих гималайских мистиков имеет своего гуру, подчиняющегося главе секты – Апостольному Гуру, которым руководит Небесная Иерархия Гуру во главе с Верховным Гуру – Буддой Дордже-Чангом (Ваджрадхарой) .

Как электричество передается от одной приемной станции к другой, так и Божественная Благодать, исходящая от Будд, передается, как утверждают Каргьютпа, «через Будду Дордже-Чанга» (Ваджрадхару) Божественной Иерархии Гуру, от нее – Апостольному Гуру на земле, а через него – каждому из гуру-руководителей, передающих ее неопитам путем Мистического Посвящения.

Так как каждый Апостольный Гуру на земле является носителем Мистической Истины, или буквально держателем Ваджры (духовной молнии богов, символ которой – ламаистский скипетр), т.е. Дордже-Чангом (Ваджрадхарой), становится понятным, почему Миларепа в своих гимнах часто обращается к Апостольному Гуру как воплощению самого Будды Дордже-Чанга (Ваджрадхары). В этом обращении заключено утверждение того, что Гуру есть великий адепт эзотерического ритуала и как Великий Посвящающий на земле он передает человечеству Духовную Силу, которую как духовную молнию он низводит, подобно Прометею, с Небесных Сфер на землю.

VI. КАРГЬЮТПА И ХРИСТИАНСКИЕ ГНОСТИКИ

Для сравнительного исследования этого мистического учения можно, например, обратиться к учению христианских гностиков (букв. – знающих), вероятно, наиболее близкому из западных учений к Каргьютпа, между которыми обнаруживается много удивительных параллелей. Так, каждая из многочисленных общин гностиков (довольно разобщенных между собой, в отличие от Каргьютпа), имела, по-видимому, своего главного гуру (в лице Валентина, Маркиона и Василида), младших гуру, апостольную иерархию на земле и ее Верховного Духовного Главу – Христа, от которого через Святых и Эоны сверхчеловеческих постижений передавалась Божественная Благодать Отца Его последователям на земле.

Другой великий гуру гностиков Сатурнин Антиохийский, деятельность которого приходится приблизительно на 120 г., учил, что отказ от мясной пищи и соблюдение строгого аскетизма (мало отличающегося от аскетической практики Каргьютпа) ведет к Высшему через Сына – Эона Христа (или Эманации Отца).

Согласно учениям некоторых гностических школ, Бог-Отец является Мистическим Первочеловеком – Антропосом (Адамом) , что указывает на их сходство с учением об Ади (Первосущем) Будде, почитаемом Каргьютпа и другими сектами Северного буддизма.

Так же, как и буддисты, гностики отвергают доктрину искупления, принятую на Вселенских соборах и превращенную в догмат, так как с их точки

зрения, Освобождение достигается благодаря собственным усилиям. Будда и Христос являются руководителями, но не спасителями.

Буддисты и гностики имеют также сходство в обряде посвящения и использования мантр. София (Мудрость гностиков) и Праджня (Мудрость) «Праджня-Парамиты» персонифицируются как женское начало мироздания, или Шакти (тиб. Юм). Несозданное, Непроявленное, или Тело Вселенского Разума – Безличное Божество христианских гностиков можно считать эквивалентным понятию о Шуньяте (Пустоте) школ Махаяны, а Высшую Плерому Света Несказанного «Пистис Софии» – близкой Трансцендентной Нирване.

Проводя эти параллели, следует также обратить внимание на различия между идеалом аскетизма христианских гностиков и отречением от мира христианских отшельников негностиков (живших в пустынях Египта и других отшельнических обителях на Ближнем Востоке) и их последователей, представляющих различные существующие в наше время монашеские ордена христианской церкви.

Христиане-гностики, как и буддисты, исповедовали в качестве основополагающей их учения доктрину о перевоплощении, что отличало их от тех христиан, кто отрицал ее и принял впоследствии догматы Вселенских соборов. И поэтому высочайшей целью гностиков было обретение за время пребывания на земле способности непосредственного духовного видения, что при условии соблюдения в течение многих воплощений заповедей благочестия должно привести в конце концов к Просветлению от Христа. И христианин-гностик молился о том, чтобы, возвысившись до Христа, он смог помогать людям достигнуть этой цели. Однако сторонникам Вселенских соборов решением второго Константинопольского собора (553 г.) запрещалось верить в учение о перевоплощении, и они должны были поэтому отказаться от идеала альтруизма гностиков и удовлетвориться малым идеалом спасения только самого себя и верой в святость церковных резолюций и догматов.

Из сравнения этих двух направлений следует, что альтруистический идеал гностиков-отшельников – позитивный, творческий и не ограничивающий человека в его исканиях, Вселенских соборов, негативный, нетворческий и эгоистический, для христианских гностиков, стремившихся, как Каргьюпта, индийские йоги и мусульманские суфи, к непосредственному постижению Истины, не приемлем утвержденных Вселенскими соборами западный религиозный рационализм с его символами веры, начинающимися со слова «Верую», и с провозглашением анафемы неверующим, ибо для них превыше всего было само Знание.

И последователей Миларепы можно также считать гностиками (знающими) среди буддистов, как и последователей Валентина и Маркиона среди христиан, и, как об этом свидетельствует изложенное здесь учение Миларепы, они, подобно всем христианским гностикам, противники всяких догм и веры, основанных исключительно на Писании и традициях.

VII. РАСКОЛ НА ПОДСЕКТЫ

Марпа, как мы видим, был апостолом переходного периода истории

Каргьютпа. Его предшественниками были два индийских апостола – Тилопа и Наропа, а его преемником был Миларепа. Однако в то время как Марпа был скорее ученым-просветителем, Миларепа, отвергший книжные знания, был святым буддистом-гностиком, в лице которого учение Каргьютпа было подвергнуто проверке методом научного экспериментирования, и ее результатом, образно выражаясь, было извлечение золота из содержащего его металла.

В то время как реформа Дзонкапа касалась в основном внешней стороны церковной жизни и привела буддийскую религию в лице ставшей во главе государства хорошо организованной церкви к альянсу со светской властью, реформа Миларепы имела целью преобразовать внутренний мир человека и поэтому в большей степени, чем другая, способствовала очищению веры.

Аскетизм Миларепы, как и следовало ожидать, не привлекал к себе тех последователей Марпы, которые не могли отказаться от семейной жизни. Сам Марпа никогда не отвергал ее, как, вероятно, не отвергал пышность церковных обрядов. Те, кто отдавал предпочтение черной магии, отделились от Миларепы. Секта Каргьютпа раскололась на подсекты, из которых главные четыре: 1) Самая авторитетная из них – Кармапа (по имени основателя Кармапа Речунг-Дордже, который был учеником Дваг-по-Лхардже – первого ученика Миларепы и апостольного его преемника). Возникшая во второй половине XII века, она существует и поныне в Тибете и Сиккиме. 2) Дугпа (от «Дуг» Громовой Дракон: название школы Громового Дракона) занимает второе место и состоит из трех ответвлений Нижняя Дугпа: Средняя и Южная (является сейчас официальной церковью Бутана) и Верхняя Дугпа. 3) Дикунгпа (по названию монастыря Ди-Кунг). 4) Талунгпа (по названию монастыря Та-лунг). Хотя эти четыре подсекты отличаются друг от друга только учениями о культуре демонических сил, переданными им сектой Ньингма, это, тем не менее, отрицательно сказалось на чистоте учения Каргьютпа.

Как справедливо заметил Уодделл, «много путаницы внесено в европейские издания из-за неправильного употребления названия Дугпа как синонима красношапочников, которые на самом деле есть Ньингма». Ошибаются также некоторые нетибетские критики Падмы Самбхавы, утверждая что все красношапочники принадлежат Дугпа. Не следует также забывать о том, что, несмотря на традиционный антагонизм между старой и реформированными сектами, ламы-желтошапочники признают авторитет различных сект Старой Религии Падмы Самбхавы во всех вопросах, в той или иной мере касающихся магии и оккультизма.

Представленное здесь генеалогическое древо ламаизма, заимствованное из книги д-ра Уодделла «Буддизм в Тибете» поможет устранить эти ошибки. Здесь также приведены краткие сведения о происхождении и взаимосвязях всех главных сект тибетского буддизма, среди которых, как мы видим, важное место занимает секта Каргьютпа.

VIII. ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО ЛАМАИЗМА

Примечания к «Генеалогическому древу ламаизма»:

Тертены, т.е. извлекающие Термы (тайные откровения), играют важную роль в развитии ламаизма. «Бардо Тхедол» является такой Термой.

Лонг-Дар-ма – отступник, очевидно, спровоцировавший убийство в 899 г. своего брата Ти-сонг Де-цена, известного буддийского монарха. Захватив трон, он преследовал ламаизм в течении трех лет, пока не был убит ламой Пал-дордже.

Таранатха – один из выдающихся религиозных деятелей Тибета. Родился в Цанге, Тибет, в 1573 г. и умер в Монголии, где при поддержке китайского императора основал несколько монастырей. Канонизирован. Его перевоплощения являются великими ламами Урги (в провинции Халка, Монголия, к востоку от Лоб-Нора).

IX. В ЗАЩИТУ ИДЕАЛА ОТШЕЛЬНИКА

Среднему европейцу или американцу, слишком свыкшемуся с материальным достатком и современными удобствами, покажется, возможно, проявлением фанатизма образ жизни отшельников Каргьютпа и других подобных им аскетов, которые, живя в суровом климате гималайского высокогорья, носят только тонкую одежду из хлопка и довольствуются горстью обжаренного ячменя, корнями и травами, а иногда молоком от яка, приносимым почитателями-мирянами, не имеют никакой собственности и не преследуют никаких мирских целей. Но не следует забывать, что отшельник, в свою очередь, относится с глубоким состраданием к своим братьям, погрязшим в мирской суете, и, пока они гонятся за призрачным счастьем, он молится о том, чтобы рассеялось их невежество (авидья) и они смогли бы ступить на путь, ведущий к Великому Освобождению. Преисполненный жалости к ним, он, как и Гаутама Будда, взирает своим духовным зрением на страждущее человечество, скованное цепями условностей, многие из которых не имеют под собой разумных обоснований. Он видит своих собратьев, привязанных их кармой – следствием их прежних деяний, к колесу двенадцати нидан – взаимообусловленных причин существования в сансаре, и бесконечно рождающихся вновь, чтобы опять пережить горе, старость, болезни и смерть, и он ждет наступления того дня, когда он сможет помочь им достичь Освобождения.

Для йога жизнь человека – сеть майи (иллюзии), в которую, как в западню, попадают человеческие существа и которая, как судно, служащее для того, чтобы переплыть океан, нужна только для одной цели – достижения, при правильном ее использовании, Мира, трансцендентного всем обусловленным состояниям феноменального бытия.

Однажды пишущий эти строки, совершая паломничество в Бадринатх, повстречал йога, жившего в пустынной местности на границе с Гархвалом и Тибетом, который задал такой вопрос: «Могут ли ваши самолеты и беспроволочный телеграф и все ваши новейшие усовершенствования принести действительное счастье людям? И может слепая вера в непогрешимость Священного Писания принести Освобождение без Знания, достигаемого религиозной практикой?»

Нам также следовало бы серьезно задуматься над тем, не есть ли в идеале, проповедуемом Миларепой, больше истинной культуры, чем в идеале банкира с Уолл-Стрит или парижского искателя развлечений. Независимо от ценности для общества того или другого, все виды человеческой деятельности, как учат йоги, кармически обусловлены. Йоги понимают жизнь как школу, состоящую из многих ступеней, в которой одни учатся в средних классах, а другие готовятся поступить в университет, в котором дипломы выдаются тем, кто действительно отрекся от мира. И с точки зрения йога тот, кто безразличен к земным благам, представляет большую ценность для общества, чем те, кто привязан к миру вещей.

В «Ста тысячах песен» (Гур-Бум) Миларепа есть рассказ о том, как Миларепа отверг приглашение правителя областей Коком и Еранг в Непале и отказался покинуть свою обитель. Посланный с приглашением спросил его: «Когда йога, который является простым человеком, требует к себе могущественный государь, не должен ли он сразу отправиться к нему и склониться у его ног?» В ответ Миларепа сказал: «Я сам могущественный повелитель Вращающегося колеса, и монарх, владеющий богатствами, несколько не счастливее и не могущественнее меня». На вопрос, где находится его царство, Миларепа отвечал: «Вы, служители земных царств, если бы вы служили такому же царству, как мое, вы бы стали величайшим из монархов, и власть, и все богатства мира принадлежали бы вам».

Людей, погруженных в Иллюзию вследствие незнания, эту «пещеру теней» Платона, и не стремящихся познать себя, йоги сравнивают с рыбами в пруду, которые довольны своим прудом и рыбьим существованием и не желают оставить воду и переселиться в воздушную среду, или оленями в лесу, которые предпочтут оставаться оленями, даже если бы им была предоставлена возможность стать людьми.

Давая оценку йогу, не следует забывать его слова о том, что он доказал, хотя бы самому себе, способом, таким же научным и надежным в его области, как методы, с помощью которых в лабораториях Запада изучают физические явления, что земные идеалы представляют собой идеалы несовершенного социального института, рас, все еще находящихся на нижних и средних ступенях Школы Жизни. Йог непоколебим в своих убеждениях, независимо от того, верят ему или нет. Он может напомнить нам о том, что пять столетий назад европейцы считали, что Земля плоская, хотя, в действительности, она шарообразная. Так и принятие или непринятие мировоззрения йога не может изменить существующего порядка вещей.

Высказывалось мнение, хотя и немногими разделяемое, что святые Европы играли роль громоотводов, отводящих Гнев Божий. Индуисты и буддисты также верят в то, что Великие Риши являются хранителями человечества.

И сейчас на Цейлоне буддист молится о том, чтобы в своем следующем воплощении он родился среди Богов Гималаев. Один отшельник из Бенгалии, оставивший огромное имение в Калькутте, когда ему было 25 лет, и с того времени практикующий йогу в течение 75 лет, живя в Гималаях, где повстречал его, показал на снежные хребты вблизи горы Кайласа, откуда Боги наблюдают

за человечеством и руководят его духовным развитием. Хотя они невидимы для обычного зрения, они видимы, сказал он, яснозрящими, и чистый сердцем может общаться с ними. Как Молчаливые Часовые, они взирают с божественным состраданием на землю со своих гималайских обителей в ожидании окончания Ночи Кали-Юги и наступления Дня Пробуждения для всех народов.

Миларепа, который был также принят в Иерархию Просветленных, в одном из своих гимнов говорит о том, как он, Великий Йог, посылает в мир, как лучник, стрелы, мысли, исполненные благодати и духовной силы, и как эти стрелы-мысли, достигнув тех, кто к ним отзывчив, проникают в сердца и наполняют их благодатью. Как мощные радиостанции, заряженные силой мысли, Великие Учителя передают на Землю ту жизнедательную Духовную Энергию, без которой невозможна эволюция человека. Как солнце насыщает энергией физическое тело человека, так и они питают его духовную природу и помогают избежать сети сансары. Связанные Цепью Причинности с человечеством на Земле и с Просветленными Существами в Трансцендентном Мире, они выполняют работу, неизмеримо более важную, чем та, которая возложена на монархов и правителей. Таков в кратком изложении взгляд совершенного йога.

Переводчик этой книги разделял эту точку зрения, и он сам в молодом возрасте оставил свой родительский дом и поселился вблизи Буксуадара со своим гуру, ныне почившим отшельником Норбу, и никогда бы не возвратился в мир, если бы не его отец, который, достигнув преклонного возраста, нуждался в его помощи. Он велел ему вернуться домой, попросил его жениться и продолжить род.

Мирские люди по своей ограниченности считают Великого Йога, молчаливо медитирующего в состоянии самадхи на гималайской вершине, бесполезным членом общества, оставившим свои обязанности в мире для того, чтобы достичь освобождения только для самого себя. Возможно, такая критика справедлива в отношении египетских отшельников, но не отшельников Каргьютпа и таких преданных индийских йогов, с которыми мне доводилось встречаться во время моих научных путешествий по Индии.

Среди ныне здравствующих святых Гималаев и Индии я не встречал ни одного, чьим идеалом не была бы подготовка к бескорыстному служению человечеству. Один из них, родом из брахманов, отвергнув все кастовые и религиозные различия, смотрит на всех людей как на своих братьев и ждет наступления того времени (если даже придется ждать в течение многих воплощений), когда он сможет вернуться на Землю, чтобы проповедовать Истину, которой можно достичь, и он убежден, что невозможно одержать Победу без самоотречения. Так же сказал Иисус, отвечая на вопрос одного богатого юноши о возможности наследования Жизни Вечной. Достижение Истины должно предшествовать учительству. Если Учитель сам не видел Света, как он может проповедовать его другим?

Поэтому высочайшая цель каждого настоящего йога – индуиста, буддиста, джайна, даосиста, мусульманского суфи или христианина-гностика – стать

сначала самому Учителем и тогда только возвратиться к людям и выполнить свой обет . Для йога жизнь от рождения до смерти представляется всего лишь одним днем, и хотя такая жизнь в физическом теле будет повторяться много тысяч раз, прежде чем будет достигнуто Просветление, он должен до конца нести свой крест в течение тысячелетий, он сам избрал этот путь потому, что в прошлых воплощениях он жил мирской жизнью, женился и находил удовольствие в семейной жизни, искал наслаждений, был преисполнен ненасытной жажды славы и, пройдя школу этих жизней, получил право занять место среди высших людей . Осознав, что мирская жизнь не является высшим состоянием на земле, он отрекается от мира и, выйдя из пещеры на дневной свет, больше не испытывает желания вернуться в царство теней. Путь, который он избрал, является путем Высшей Эволюции, ведущим в Мир, трансцендентный Природе, к освобождению в состоянии Полного Просветления от ограничений индивидуального я, иначе говоря, трансмутации с помощью Истинного Знания низшего сознания в высшее, которое есть не воспринимаемая органами чувств, непостижимая, нерожденная, несотворенная Нирвана.

Х. О МИССИИ АРХАТА

Все вышеуказанное побуждает нас уделить внимание вопросу, интересующему с недавнего времени даже европейских мыслителей.

Меня часто спрашивают: «Есть ли на Земле люди, которые достигли таких же высот в своей духовной и физической эволюции, каких достиг Миларепа, т.е. максимума того, чего можно достичь на этой планете, и, являясь как бы особыми существами, не похожими на обычных людей, подчиняют себе силы природы, которые пока еще не открыты наукой, но о существовании которых, вероятно, уже догадываются ученые Запада?» Этот вопрос, возникающий при чтении этой книги, по-видимому, наиважнейший с антропологической точки зрения.

Все Великие Риши, которыми прославлена Индия, утверждают, что такие совершенные люди и сейчас живут на Земле и что в каждую эпоху жили такие же, как они. Для буддистов сам Гаутама Будда – один из Великих Риши и один из многих Будд, начало династии которых восходит к глубокой древности. То же говорят индуисты о начале династии их индуистских Риши. В этом твердо убеждены современные последователи Великих Риши – йоги, среди которых есть представители различных вероисповеданий, в том числе несколько индийских христиан.

Поскольку вопрос об архатах, очевидно, представляет большой интерес не только как отдельная тема, но и в связи с личностью Миларепы, мы вправе его здесь коснуться.

Так как архатом является совершенный святой , живущий на Земле, который достиг Просветления, отсюда следует, что не всякий благочестивый отшельник секты Каргьютпа или какой-либо другой секты является архатом и он может даже быть не ближе к состоянию архата, чем обыкновенный мирянин .

Здесь можно указать на следующие факты, освещающие этот вопрос: 1)

Можно легко убедиться в том, что отшельники живут в Тибете и пограничных областях Гималаев так же, как в Индии. 2) Так же соответствует действительности, что большинство из них – буддийские аскеты и индийские йоги, серьезно стремящиеся ступить на путь, ведущий к достижению состояния архата. 3) Имеются надежные свидетельства о том, что среди многих подвизавшихся есть, как и, вероятно, следовало ожидать, несколько, очень немного, святых высших ступеней, возможно, меньше чем по одному из десяти тысяч, достигших, как и Миларепа, этой цели или приблизившихся к ней.

Тибетцы, со своей стороны, утверждают, что и сейчас можно пройти весь этот путь так же, как в прошлые века, и в доказательство рассказывают о ныне живущих отшельниках, совершающих такие же подвиги, которые совершил их святой Миларепа в XI веке. Хотя этого нельзя доказать тому, кто не является архатом, или тому, кто не верит в архатов (и поэтому их сообщение должно быть или принято на веру, или отвергнуто), это может быть тем не менее правильным. Кто из нас знает из личного опыта, что Солнце находится на расстоянии 93 000 000 миль от Земли или о каких-нибудь других общеизвестных фактах из естествознания, которым мы просто верим? Наша вера в них есть плод нашего коллективного сознания и недавно сформировавшегося отношения к этим научным вопросам. Верить в архатов, по-видимому, намного труднее, хотя этого не должно быть. Возможно, наше неверие есть следствие того, что мы находимся под неосознанным влиянием науки, и, веря в физические факты, мы утратили свойственную нашим предкам способность верить фактам, на которые не распространяются физические законы.

Однако чем больше я изучал это сообщение тибетца об архатах, тем больше убеждался в том, что его нельзя игнорировать, как это делают христиане и даже южные буддисты, которые, вероятно, не встречая настоящих архатов в своей среде, склонны считать, что архатов вообще нигде нельзя встретить и тем более среди «еретиков» – северных буддистов и индуистов.

Если бы невозможно было больше следовать заповедям Нагорной Проповеди и Благородного Восьмеричного Пути, тогда пришлось бы, как считают наши друзья – йоги, согласиться с этим скептическим взглядом европейцев и южных буддистов.

Автор этих строк, сообщая здесь о результатах своих более чем пятилетних исследований, проведенных в Тибете и Индии, выражает, конечно, свою точку зрения, и выводы, к которым он пришел, пусть будут оценены, как они того заслуживают. На основании этих исследований, однако, можно заключить, что среди гималайских отшельников (с некоторыми из них автор беседовал в местах их отшельничества), вероятно, есть несколько, может быть, только двое или трое, которые обрекли себя на бездомность, как это сделал Великий Архат, Истинно Просветленный, и достигли Цели. Этим подтверждается, что путь к достижению состояния архата, по-видимому, открыт и теперь.

Эти Пробужденные Личности достигли Освобождения от невежества, жажды существования в сансаре, от кармически обусловленной необходимости

снова рождаться и умирать.

О Миларепе, достигшем Просветления, Речунг написал в своем Введении к «Житию»: «Он был тем, кто, будучи принят святыми учителями, собирал животворный эликсир, исходивший из их уст, и, испробовав его в блаженном уединении на горных высотах, освободился от пут Невежества, и семена Опыта и Вдохновения проросли в нем, и всходы их развились до совершенства. Он был тем, кто достиг состояния обитающих во Граде Великого Освобождения и вкушающих неизреченное блаженство».

Для мистика Востока архат тот, кто достиг совершенства на Земле, прожив до этого много жизней ради этого величайшего из всех благ. Он – квинтэссенция всего достигнутого человечеством в процессе длительной эволюции, редкий цветок, звено, соединяющее человечество с Высшей Культурой.

Если принять эту точку зрения мистика Востока, не будет выглядеть необоснованной и ненаучной оценка обычного человека как находящегося на низшей ступени духовного развития, и поэтому среди миллионов людей, живущих на нашей планете, не только могут, но должны быть и теперь, как это считают, было в прошлом и ожидается в будущем, по крайней мере несколько в каждом поколении, которые, по словам Платона, проложили Путь от Низин Земли к Высотам Олимпа. Если бы не было этих Часовых на Пути Великой Эволюции, тогда, конечно, никто не смог бы идти по нему и Цель оставалась бы недостижимой для человечества, привязанного к колесу существования в сансаре.

Если индийские провидцы правы в своих утверждениях, тогда все Великие Учителя человечества, которые были архатами, становятся близкими нам, все еще живущим в сансаре, через которую они прошли и достигли Освобождения, и мы будем взирать на них как на наших Братьев и Руководителей, проложивших для нас этот Путь и призывающих нас следовать за ними.

Как утверждают последователи Миларепа, Истину можно постичь только путем непосредственной, внутренней Реализации, т.е. путем гностического ее осознания, а не умозрительными способами, и поэтому Путь, ведущий к состоянию архата, стать на который нас здесь призывает Миларепа, представляется единственно надежным и научным методом, позволяющим ответить на вопрос, живут или нет сейчас архаты в Тибете или где-то в другом месте на Земле.

Даже скептику достаточно только поверить в существование такого пути, чтобы затем найти его и исследовать. Но если отсутствует вера, тогда поиски окажутся бесплодными и скептик останется, выражаясь словами последователей Миларепа, рабом Времени и Преходящих Вещей. Ни один ученый не может сделать научное открытие, если он не верит в то, что задуманный им эксперимент даст определенный результат, и никто из людей никогда не сможет увидеть Свет, Миларепой воспетый в экстазе радости от одержанной победы, если он сам не поверит, что есть этот Свет.

К счастью, большинство представителей человеческого рода обладают такой верой и убеждены, что эволюция не заканчивается на человеке, который,

с точки зрения биологической науки, является всего лишь самым высокоразвитым животным.

Индуисты, джайны, даосисты, христиане и мусульманские суфии, так же как буддисты всех направлений и школ, имеют своих Учителей, указывающих им этот Путь.

ХІ. ТЕКСТ «ЖИТИЯ» И ЕГО ПЕРЕВОДЫ НА ДРУГИЕ ЯЗЫКИ

Покойный лама Кази Дава-Самдуп приступил к переводу на английский язык «Джецюн-Кахбума» 22 июня 1902 г. и, работая с перерывами, когда позволяло время (так как он должен был еще содержать своих престарелых родителей, жену и троих детей), закончил перевод 29 января 1917 г.

Он начал готовить перевод к опубликованию в 1920 г., когда занимал пост директора школы-интерната магараджи Бхутия под Гангтоком, в Сиккиме. В этой подготовительной работе ему помогал майор У.Л.Кемпбл, тибетолог, представляющий британское правительство в Тибете, Бутане и Сиккиме. В это время я также находился в Гангтоке и, работая вместе с ламой над переводом «Тибетской книги мертвых» и другими тибетскими трактатами, видел, как продвигалась работа над «Джецюн-Кахбумом». Но вскоре после его назначения профессором тибетологии Калькуттского университета лама скоропостижно скончался в 1922 г., и работа над «Житием Джецюна» была приостановлена.

Посетив в 1924 г. семью покойного ламы в Калимпонге, что неподалеку от Дарджилинга, я получил от сына ламы первоначальный вариант рукописи перевода и, вернувшись в Оксфорд осенью следующего года, начал редактировать переведенный текст, составивший содержание этой книги.

Я всегда надеялся, что лама будет руководить моей работой, и если бы это произошло, все ошибки, которые, возможно, вкрались в текст, были бы исправлены. Однако я посчитал более целесообразным не откладывать публикацию на неопределенный срок и, не отступая от текста рукописи, вынес этот труд на суд читателей.

Переводчик стремился не отходить от буквального значения слов и фраз тибетского текста, насколько позволяли фразеология двух языков и нормы литературного английского языка, за исключением небольшого числа фраз, которые, как он объясняет, целесообразнее дать в более свободном, а не в буквальном переводе, чтобы передать действительный смысл этих трудных для понимания метафизических терминов и выражений, которые, даже если бы их можно было дословно перевести на английский язык, оставались бы непонятными европейцам, хотя их хорошо понимают образованные ламы, читающие книгу в подлиннике.

Отрывки и главы из «Жития» и «Сборника гимнов» с недавнего времени периодически публикуются в переводах на европейские языки. Например, в 1914 г. правительством Индии был издан первый перевод на английский язык, сделанный ламой Кази Дава-Самдупом, главы из «Жития», повествующей об отшельнической жизни Миларепы, которая в нашей редакции составляет десятую главу. Ее текст используют на экзаменах высшей ступени по тибетскому языку.

Летом 1925 г. вышел в свет сокращенный перевод «Жития», сделанный

г-ном Жаком Бако на французский язык. Существует еще монгольский перевод и, вероятно, китайский. Наш перевод является первым полным переводом «Жития» на английский язык.

Как сообщил мне г-н Бако в одном из своих писем, существует, по-видимому, один общепринятый, более или менее унифицированный тибетский текст, но в различных изданиях, печатавшихся в различных монастырях, можно встретить небольшие расхождения в орфографии. По словам переписчика, подготовившего текст к публикации, колофоны также могут варьировать. Г-н Бако также сообщает, что в двух последних главах английского перевода, выполненного ламой Дава-Самдупом, копии которых передал ему майор Кембелл, указанные в них страницы подлинника не совпадают со страницами текста, с которого был сделан французский перевод. Из этого следует, что оба перевода были сделаны с различных тибетских изданий.

В приложении к нашей книге есть упоминание о том, что Гампопа также написал биографию Джецюна, но мы не располагаем подтверждающими этот факт данными, равно как и данными о том, что существует не одно «Житие», приписываемое Речунгу. В обстоятельном введении к своему переводу Бако уделяет внимание этим и другим подобным вопросам, и занимающихся ими мы отсылаем к его «Миларепе».

*антропологической, чем с филологической точки зрения, мы не ставили перед собой задачу создать ее стандартизированный вариант, да и мы не смогли бы этого сделать, если бы даже располагали всеми необходимыми данными. Можно только надеяться, что ученые в будущем выполнят эту важную задачу и опубликуют академический вариант тибетского подлинника, что позволит устранить все неточности нашего английского перевода, которых, вероятно, нельзя было избежать.

ХII. МЕСТО, ЗАНИМАЕМОЕ ЖИТИЕМ «ДЖЕЦЮН-КАХБУМ» В ТИБЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В самом Тибете «Джецюн-Кахбум» почитается особо как священная книга не только у образованных и сведущих в литературе людей, но и среди простого народа.

Переводчик дал научную оценку этой книге в своем введении, аналогичном нашему, которую мы здесь приводим:

«Хотя она написана более восьмисот лет назад, она с начала и до конца написана простым и понятным каждому грамотному тибетцу языком и поэтому читается легко и с большим интересом. И поскольку в ней повествуется о жизни человека, чтимого тибетцами всех школ и сект не только как совершенный святой и йог, но и в не меньшей степени как поэт и слагатель гимнов, которые, как песни Бернса для шотландцев, на устах у всех простых людей Тибета, становится понятным, почему это жизнеописание Миларепы является одной из самых популярных и любимых книг в Тибете, которой восхищаются не только те, кто пишет книги, но и те, кто умеет лишь читать написанное другими.

Ее отличие от современных литературных произведений, написанных на

тибетском языке состоит в том, что авторы последних, стремясь блеснуть своей ученостью, пишут на языке, сложном и изощренном, хотя и грамматически безупречном, по-видимому, скорее для того, чтобы поразить и озадачить читателя, чем быть понятным ему.

Несмотря на простоту изложения и отсутствие ненужных витиеватостей, стиль “Жития” обладает многими достоинствами и поэтому заслуживает высокой оценки специалистов, даже если они сами не имеют склонности следовать его простоте и однозначности.

То, что сказал автор “Жития” о своем труде в заключительных строках книги, не пустое хвастовство, а утверждение факта:

“В начале и конце украшено это сказание слогом изящнейшим; пусть будет праздничным пиром оно для всех знатоков и ценителей прекрасного”.

И действительно, праздничным пиром является эта книга для читающих ее в подлиннике.

Простота и совершенство стиля делают ее наилучшим пособием для изучающих тибетский язык, помогающим улучшать и расширять знания. Так как она является одним из образцовых произведений тибетской классической литературы, ею пользовались при составлении словарей великий венгерский тибетолог Александр Чома-де-Кереш, автор первого словаря и грамматики тибетского языка, а также Ешке и Сарат Чандра Дас. В то же время читатель этой книги, изучающий по ней тибетский язык, будет рад обнаружить, что получает еще другую, не менее значительную пользу, знакомясь с жизнеописанием того, кто причислен к Великим Святым Тибета и почитается так же, как Шри Кришна в Индии или Святой Франциск в Европе, и возможно, что по мере чтения и изучения ее в нем будет пробуждаться чувство любви и восхищения Миларепой и появится более теплое отношение к тибетцам, их религии и обычаям, чем то, которое складывается при чтении книг о Тибете иностранных авторов».

Примерно так мыслил автор этих строк, когда переводил эту книгу, надеясь с помощью этого перевода познакомить просвещенный Запад с биографией одного из наших Великих Учителей, большую часть которой составляет его собственный рассказ, а остальная изложена его учеником Речунгом, который знал Миларепу при жизни.

ХШ. МИЛАРЕПА – ОДИН ИЗ ГЕРОИЧЕСКИХ ГЕНИЕВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Несмотря на расхождения друг с другом, все многочисленные секты тибетского буддизма, все тибетцы глубоко почитают Джецюна-Миларепу как идеал Великого Святого, и поэтому его можно считать Святым всех сект и школ буддизма.

Миларепа, Сократ Азии, ставил за ничто мирской разум и его достижения. Его высшей целью было открытие Истины в самом себе, которую, как он учил, можно постичь только посредством внутреннего видения, самоанализа, взвешивания жизненных ценностей на весах ума, озаренного Светом Бодхи. На самом себе он испытывал путем научного экспериментирования учения всех Великих Йогов Индии, в том числе Величайшего из них – Гаутамы Будды, и

эти учения выдержали проведенные им испытания. Сколько параллелей можно, кроме того, провести между Миларепой и другим Великим Учителем Жизни, если сравнить проповеди Миларепа с Нагорной Проповедью!

Представитель монгольской расы, Миларепа, как и Конфуций, подтверждает своей жизнью тот факт, что гений не признает ни расовых, ни этнических, ни религиозных различий и является таким же общечеловеческим, как само человечество.

Пусть эта книга поможет пониманию этого незыблемого закона Всемирного Братства. Пусть она будет еще одним скромным памятником Великому Герою. И пусть станет достоянием грядущих поколений этот дар европейским народам от просвещенного переводчика этой книги ламы Кази Дава-Самдупа.

ВВЕДЕНИЕ

Написано учеником Миларепа Речунгом

Почтение Гуру!

Я начинаю рассказ о Великом Йоге, который жил на высоком, покрытом снегами плоскогорье Тибета. Он был тем, кто с ранней молодости был глубоко потрясен преходящей природой всех состояний земного бытия, страданиями и несчастьями, являющимися уделом всех живущих. Для него существование представлялось гигантским горнилом, в котором терзаются все живые существа. Жалость, которую он испытывал к ним, была столь велика, что он не мог чувствовать ни малейшей зависти даже к обитающим на небесах Брахме и Индре, а тем более к тем, кто наслаждался радостями жизни, владея земным богатством и властью.

Он был так очарован Образами Совершенной Чистоты, Чистейшей Красоты, представленными в описании Нирваны – Состояния Совершенной Свободы и Всеведения, что не утратил угрожающих его жизни опасностей, когда, обладая твердой верой, высоким интеллектом и сердцем, переполненным любовью и состраданием, он ступил на стезю исканий.

Он был тем, кто, будучи принят святыми учителями, собирал животворный эликсир, исходивший из их уст, и, опробовав его в блаженном уединении на горных высотах, освободился от Пут Невежества, и семена Опыта и Вдохновения проросли в нем, и всходы их развились до совершенства.

Он был тем, кто, отказавшись от всех мирских благ, довольства, почестей и славы, со всей решимостью посвятил себя одной-единственной цели – поднять знамя духа на такую высоту, чтобы оно могло служить путеводителем для ищущих и силой, способной оградить их от мирских соблазнов и задержек на этом Пути, Ведущем Вверх .

Он был тем, кто с помощью богов и ангелов преодолел все препятствия на Пути, достиг непревзойденных высот при изучении духовных истин и приобрел такие глубокие знания в этой области, что его религиозная преданность стала его второй натурой.

Он был тем, кто был преисполнен благоговейной веры в Апостольскую Иерархию Гуру и, удостоенный благодати и духовной помощи от них, был назначен их преемником в распространении Духовных Истин и

демонстрировал сверхнормальные способности и знаки несравненных достоинств, ясно выражающие заключенный в них глубочайший смысл.

Он был тем, кто силой горячей, искренней и самоотверженной любви и сострадания приобрел способность пробуждать истинную, проникающую в самое сердце веру у неверующих, несправедливо живущих, погрязших в грехах, закоренелых скептиков и насмешников, вызывая в них благоговейный трепет и потоки слез, сея в них семена будущего избавления от грехов и просветления, которые прорастали при одном упоминании его имени или когда они внимали рассказу о его жизни. Так он смог их поднять, спасти и защитить от несчастий и ужасов их низменного мирского существования.

Он был тем, кто, овладев мистическими и оккультными науками, переданными ему Дакини, находился в четырех блаженных состояниях экстаза, ставших путем его духовного восхождения.

Он был тем, кто освободился от Двойной Тени (иллюзии и кармы) и, восхищаясь в духовные сферы, достиг Цели, где все учения сливаются в одно.

Он был тем, кто, достигнув всеведения, был охвачен желанием блага для всех и пламенной любовью и, овладев трансцендентальными силами и способностями, сам стал Буддой, возвышающимся над всеми конфликтующими сектами и конфессиями, подобно главному драгоценному камню, украшающему Знамя Победы.

Он был тем, кто, вступив на несравненный Путь Ваджры, предался подвижничеству и приобрел наивысший духовный опыт и знание.

Он был тем, о ком славословили боги и ангелы, кто был прославлен во всех десяти секторах Вселенной развевающимся в честь него Знаменем Славы и громкозвучными хвалебными песнопениями.

Он был тем, чье физическое тело пронизывало блаженство, нисходящее до самых его стоп, и блаженство, восходящее снизу к его челу, где оба сливались в блаженстве, рождаемом лунным флюидом, и оттуда низвергались вниз по трем главным нервам, раскрывая нервные центры и затем расширяя даже самые мелкие нервы и делая их все подобными центральному нерву.

Он был тем, кто мог безупречно толковать смысл, заключенный в двенадцати собраниях сутр и в Четырех Писаниях, и перелагать их в метрические стансы, исполняющиеся во время ритуалов Ваджраяны.

Он был тем, кто, соединив свои мысли и чувства с Первопричиной, освободился от Иллюзии Двойственности.

Он был тем, кто, обладая безграничным милосердием, всеведением и могуществом, мог своими проповедями приносить освобождение даже бессловесным тварям.

Он был тем, кто больше не нуждался в общепринятых предписаниях, условностях, восхвалениях, к которым имеют большую слабость все существа, наделенные разумом (боги и люди), и оставался спокойным, преисполненным достоинства и внимания.

Он был самым усердным в медитации, ступившим на стезю, открытую для немногих, не только не превзойденным никем, но даже превзошедшим всех Великих Йогов и Бодхисаттв его времени, перед которым преклонялись даже

они, испытывающие такое же блаженство.

Громовым голосом, подобным реву льва , он провозгласил Истину об иллюзорности «эго» (в возможности осознания которой он не сомневался), внушая благоговение к себе существ, злых и эгоистичных, и исправляя их. Он вкушал свободу в безграничных, не имеющих центров, высших небесных сферах, как лев, свободно бродящий в горах.

Полностью подчинив свой ум и чувства, он преодолел все опасности, исходящие от внешних стихийных сил, и также подчинил их себе.

Приобретая трансцендентальное знание контроля над своими эфирным и ментальными телами, он мог летать, ходить по воздуху, отдыхать и спать на весу (с помощью левитации).

Он мог извергать пламя и струи воды из своего тела и по желанию перевоплощаться в любое другое тело, обращая в веру неверующих и пробуждая в них религиозные чувства.

Достигнув совершенства в практике четырех ступеней медитации, он мог, благодаря этому, проецировать свое тонкое тело так, чтобы присутствовать во всех Двадцати Четырех Священных местах во главе многочисленных собраний богов и ангелов для духовного общения с ними.

Обладея бесстрашием, позволяющим осознать постоянство ума , он смог подчинить себе богов и элементалов восьми различных ступеней, которые мгновенно исполняли его приказания, относящиеся к четырем видам обязанностей .

Он был созидателем, искусным в истолковании Учения о Ясной Пустоте Ума , который есть источник и причина всех форм и субстанций.

Он был искусным врачом, лечившим от хронических болезней (непросвещенного) ума с помощью Пяти Божественных Мудростей .

Он достиг совершенства в истолковании благоприятных и неблагоприятных вибраций, присущих всем элементам, внешним и внутренним, каждый из которых он воспринимал как слышимую субстанцию .

Он был подобен блестящему математику, познавшему свой ум до уровня не подверженного изменениям не-я и проникнувшему во все тайники и закоулки человеческой психики.

Он был глубоким знатоком Ума, доказавшим бесспорность того, что Ум является Началом и концом всех видимых явлений материального и духовного миров, Лучи которого невозможно заслонить и которые могут претворяться, как он это знал, в тройственное проявление Универсальной Божественной Сущности, благодаря их собственной самодовлеющей природе .

Он был совершенным адептом оккультных знаний и сверхнормальных способностей и мог посещать все бесчисленные священные райские обители и Небеса Будд, где он, за его всепрощение и непревзойденную преданность, удостоился слушать проповеди о Дхарме главенствующих в этих сферах Будд и Бодхисаттв, слушавших также и его проповеди.

Так он освятил Небесные Миры своим посещением и пребыванием в них.

Являясь перед обитателями Шести Миров (Лока) в соответствующих им образах, по различным случаям, в зависимости от их кармических заслуг, он

наставлял их в духовных истинах на языке, доступном их уровню и способностям, прибегая к притчам и метафорам, адекватно выражающим Мудрость Победителей , и своими проповедями приносил им освобождение.

Он был тем, кто в течение одной жизни развил в себе Четырехстороннюю Личность и Пять Совершенств , которые являются Вездесущим Проявлением Великого Ваджрадхары .

Он был тем, кто изливал безграничное милосердие на бесчисленное множество существ, ради которых он не прекращал вращать Несравненное Колесо Истины, спасая их от мучений сансары .

Он был тем, кто достиг состояния обитающих во Граде Великого Освобождения и вкушающих неизреченное блаженство, приобретшим в то же время и развившим в себе Четырехсторонний Принцип Бессмертия.

Он был Великой Личностью, самой яркой среди всех Великих Существ – Прославленным Джецюном-Милой-Жадпа-Дордже , деяния и имя которого сияли, как солнце и луна.

Хотя невозможно выразить или найти предел истиной ценности духовной тайно действующей помощи, оказанной им тем людям, с которыми он встречался, я все же попытался кратко осветить его жизнь и подвиги, составив повествование в двух частях. В первой рассказывается о его мирской жизни, а во второй – о его религиозном служении до самого перехода в Нирвану.

Вначале я расскажу о его происхождении и его родовом имени, а затем о ранней смерти его отца, после которой родственники захватили все имущество семьи и обрекли вдову и сирот на жизнь в нищете. Пережитое горе оставило глубокий след в сердце Миларепы и было воспринято им как живое свидетельство жестокости судьбы, испытанной им самим.

Затем следует глава, повествующая о его занятиях черной магией, посредством которой, он погубил своих врагов по настоянию матери.

А сейчас я начну жизнеописание Миларепы с его родословной и рождения.

ЧАСТЬ I

ПУТЬ ТЬМЫ

ГЛАВА I. РОДОСЛОВНАЯ И РОЖДЕНИЕ

О сновидениях Речунга, побудивших его написать Житие Миларепы; о предках Миларепы и его рождении.

Некогда, как я слышал, Великий Йог, этот бриллиант среди йогов школы Аннугара-Ваджраяна – Джецюн-Мила-Жадпа-Дордже жил в Пещере в Форме Желудка в Ньянаме , которая сейчас является священным местом паломничества. Здесь жили также Великие Йоги – Речунг-Дордже-Тагпа, Шива-Вед-Репа, Нган-Дзон-Репа, Себан-Репа, Кхьира-Репа, Бри-Гом-Репа, Лан-Гом-Репа, Сангъяй-Кьяп-Репа, Шан-Гом-Репа, Дампа-Гья-Пхупа и Тенпа-Шакья-Гуна .

Они являются его наиболее развитыми учениками, в совершенстве владеющими йогой и приведшими свой ум в спокойное состояние. Здесь также были ученицы Лесай-Бум и Шендормо, не считая многих почитателей-мирян, мужчин и женщин. Присутствовали еще Пять Бессмертных Богинь из высшего ордена фей, впоследствии эволюционировавшие в ангелов, и несколько

высокоодаренных йогов мужского и женского пола. Некоторые были людьми, а некоторые происходили из богов. Все они были высокоразвитыми личностями .

Именно здесь, перед своими последователями, Джецюн привел в движение Колесо Буддийской Махаяны.

Однажды ночью Речунг, медитировавший в своей келье, имел видение во сне, которое он затем описал: «Я шел через местность, которая, как мне сказали, называется западной Страной Ургьян. Там жили ангелы мужского и женского пола. Это была прекрасная страна, в которой дома и дворцы были построены из золота, серебра и драгоценных камней. Проходя через ее столицу, я видел жителей, одетых в шелка, носивших тиары из драгоценных камней и металлов и костяные украшения. Все они были очень красивы, и каждый из них, глядя на меня, одобрительно улыбался, но ни один не попытался заговорить со мной. Там я повстречал свою старую знакомую из Непала, которая была ученицей одного из моих гуру – Типхупы. Облаченная в красное одеяние, она председательствовала на собрании и, увидев меня, обратилась ко мне со словами приветствия: «Племянник, – сказала она, – я очень рада, что ты пришел». Она повела меня во дворец, сверкавший драгоценностями, где я был радушно принят. Затем она сказала мне: «Будда Акшобья в данный момент проповедует Учение в этой стране Ургьян. Если ты, мой племянник, хочешь его послушать, я пойду попросить у него разрешения». Я очень хотел послушать его и выразил ей благодарность.

Она повела меня в центр города, где я увидел огромный трон из драгоценных металлов и камней, и на нем Будду Акшобья, красотой и величием намного превосходившего созданный моим воображением образ, на котором я обычно медитировал. Он проповедовал Дхарму перед несметным числом собравшихся. При виде его меня охватила волна невыразимого счастья и восторга, и я едва не лишился чувств. «Подожди здесь, а я пойду попрошу разрешения у Будды», – сказала моя провожатая. Моментально получив его, она вернулась за мной, чтобы представить меня Будде. Выразив почтение Будде и получив от него благословение, я сел слушать беседу, и Святой некоторое время глядел на меня с улыбкой, выражающей благожелательность и беспредельную любовь. Темой его беседы были родословные, рождения и деяния Будд и Бодхисаттв прошлого, и, слушая его, я проникся глубокой верой. Он рассказывал о жизни Тилопы, Наропы и Марпы более подробно, чем Джецюн, и у каждого присутствовавшего его рассказ вызывал чувство глубокого восхищения и веры. В заключение он сказал, что собирается рассказать о Джецюне-Миларепа и что этот рассказ превзойдет в описании чудесного все другие, и пригласил всех нас его послушать. Некоторые сказали, что уже не может быть ничего замечательнее того, что они уже слышали, но если есть что-нибудь превосходящее то, что уже известно, это, должно быть, будет необыкновенная по содержанию история жизни. Другие выразили иное мнение: «Мы только что узнали о тех, кто в течение нескольких жизней искупил свои грехи и приобрел заслуги, но Миларепа за одну жизнь приобрел заслуги и достиг Просветления, и его достижения не ниже, чем у его предшественников». А трети сказали так: «Если это представляет такой

интерес, то нам, ученикам, будет непростительно, если мы не попросим рассказать о Миларепе ради блага всех живущих. Мы должны обязательно услышать о нем». Когда кто-то спросил: «Где сейчас Миларепа?», другой ответил: «Он сейчас в Ог-мине или Нгьон-гахе », и я (Речунг) тогда подумал: «О чем они говорят? Ведь Миларепа сейчас живет в Тибете. Но они как будто намекают на то, чтобы я сам попросил Миларепу рассказать о себе. Я так и сделаю». Тогда монахиня, с радостью пожав мне руку, сказала: «Племянник, ты понял?»

Затем я (Речунг) проснулся и увидел, что утро только начиналось. Мои мысли тогда были очень ясными, и я искренне и от всего сердца молился. Вспомнив увиденное во сне и размышляя о нем, я подумал о том, что этот сон о моем пребывании в стране Ургьян и присутствии на проповедях Будды Акшобьи очень поучителен и я должен благодарить судьбу, что встретился с Джецюном в этой жизни. То, что я был приглашен послушать проповедь Будды, пусть даже во сне, также произошло, я считал, по милости Джецюна. Одновременно я укорял себя в недостатке веры и проницательности, вспоминая о мыслях, возникших у меня тогда, когда кто-то сказал, что Джецюн может быть в Ог-мине или Нгьон-гахе. Теперь я понял, что проявил недостаточное почтение моему Гуру, когда подумал о нем как об обыкновенном человеке , который живет в данное время в Тибете. «Какой я глупый и ограниченный! – говорил я себе. – Разве я не должен был знать, что Джецюн достиг совершенного просветления и, являясь действительно Буддой, может производить свой образ несчетное число раз ? Кроме того, где бы ни жил Джецюн, это место разве не станет священным и не уподобится Ог-мину или Нгьон-гаху?»

Этот сон о монахине и других присутствующих на проповеди я воспринял как указание свыше написать о жизни Джецюна и возымел твердое намерение попросить самого Джецюна рассказать о себе. Приняв это решение, я проникся верой в моего Гуру, глубокой и благоговейной, и молился всем сердцем. Затем я привел свой ум в состояние безмятежного покоя и пребывал в нем некоторое время.

Когда во время небольшого перерыва я снова заснул, мне приснился уже другой сон, менее яркий, чем первый. Передо мной возникли пять прекрасных молодых девушек – белая, синяя, желтая, алая и зеленая , которые прибыли, как мне сообщили, из страны Ургьян, и одна из них сказала: «Завтра будут рассказывать о жизни Миларепы. Пойдем послушаем!» Другая спросила: «А кто будет рассказывать?» Третья ответила: «Ближайшие ученики Джецюна собираются просить его рассказать о своей жизни». И во время этого разговора они все смотрели на меня и улыбались. Одна из них сказала: «Это будет такая замечательная проповедь, что все будут слушать ее, затаив дыхание. Не должны ли мы также помолиться о том, чтобы это произошло?» Другая ответила: «Ученикам подобает молиться о благе, а наша обязанность, приносящая нам радость, – распространять и защищать Учение». И после этих слов они исчезли, как исчезает на небе радуга.

Проснувшись, я увидел, что солнце поднялось уже высоко. И я понял

тогда, что мой сон был вестью, посланной Пятью Бессмертными Сестрами .

Подкрепившись завтраком, Речунг, в радостном расположении духа, отправился к своему Гуру (Джецюну) и застал у него его учеников и почитателей. Выражая почтение, он пал ниц перед Джецюном и осведомился о его здоровье. Затем, опустившись на правое колено и сложив ладони, он обратился к нему со следующими словами:

«Милостивый наш Господин и Учитель! Да угодно будет тебе облагодетельствовать нас рассказом о твоей жизни ради собравшихся здесь, дабы она могла служить примером и для других учеников и последователей. Будды прошлого также оставили после себя свидетельства о совершенных ими Двенадцати Великих Деяниях и другие свидетельства ради блага живущих на Земле и этим способствовали распространению и утверждению буддийской веры, Тилопа, Наропа, Марпа и многие другие гуру, написав о своей жизни, помогли своим счастливым последователям продолжать совершенствоваться духовно. И твоя жизнь, Владыко Джецюн, будет служить путеводителем для многих. Вот почему мы обращаемся с молитвой к тебе и просим облагодетельствовать нас рассказом о твоей богатой событиями жизни».

В ответ Джецюн улыбнулся и сказал: «О Речунг, ты и так хорошо знаешь о моей жизни, но поскольку просишь об этом ради блага других, не будет вреда, если я выполню твою просьбу. Я родом из Джосаев (Потомков Благородных), из клана Кхьюнпо (Орла), а мое имя Мила-Репа . В юности я совершил черные дела, а в зрелом возрасте несколько светлых. Но сейчас я перестал различать черное и белое . Достигнув своей главной цели, я стал тем, кто уже больше ни в чем не нуждается . Если бы я согласился рассказать о себе, мой подробный рассказ вызвал бы у слушателей слезы, а иногда и смех. Но в этом мало пользы, и я считаю, что лучше оставить меня, старого человека, в покое».

Снова Речунг поднялся и, кланяясь, умолял Учителя рассказать о себе: «Милостивый Владыко! Твой рассказ о том, как ты впервые получил трансцендентальные истины, и сколько страданий ты принял, и скольким жертвовал ради истин, и как ты медитировал на них непрерывно до тех пор, пока не познал истинную природу Вечной Истины и таким путем достиг Высочайшей Цели, и как ты смог вырваться из сетей кармы и предотвратить образование новой кармы , будет очень интересен и поучителен для всех, кто стремится к той же цели. Если твой клан Кхьюнпо (Орла), а род Джосай (Потомки Благородных), почему твое фамильное имя Мила? И почему ты в юности совершил черные дела и что привело тебя к совершению белых деяний тогда, когда, ты говоришь, происходили события, вызывающие смех, а также произошло несколько печальных событий, вызывающих слезы? Знать об этом будет чрезвычайно полезно для грядущих поколений. Поэтому из-за сострадания ко мне и моим товарищам соблаговоли, о Владыко, рассказать нам все подробно. Я обращаюсь к моим друзьям и братьям по вере присоединиться к моей просьбе».

Тогда все присутствующие встали и, низко кланяясь перед ним, просили о том же: «Мы так же, как и почтенный Речунг, молимся тебе и просим тебя, о Владыко, привести в движение Колесо Дхармы».

Тогда Джецюн сказал: «Пусть будет так, как вы просите. В моей жизни нет ничего, что бы следовало скрывать».

В северной части Уру жило большое племя кочевников-скотоводов, и один из них, принадлежавший к клану Орла, посвятил себя религии и стал ламой секты Ньингмапа, к которой также принадлежал его отец. Он был из знатного рода (Джосай). Этот молодой человек отправился однажды в паломничество вместе с другими паломниками. К тому времени он развил в себе некоторые сверхнормальные способности, мог вызывать богов-хранителей и был сведущ в магии. Когда он прибыл в область Цанг, в место, называемое Чунгвачи, он занялся врачеванием болезней, изгонял злых духов, и слава о нем распространялась.

В этом месте он прожил несколько лет и был известен под именем Кхьюнпо-Джосай (Благородный Отпрыск из клана Орла). Если кто-нибудь болел или был преследуем злым духом, к нему тотчас обращались за помощью. Но была одна семья, которая ему не верила. Случилось так, что эту семью стал мучить ужасно злой дух, который, однако, не осмеливался приближаться к Кхьюнпо-Джосаю, и, кроме него; никто другой не мог совладать с ним. Семья приглашала других лам, и они пытались изгнать демона, но демон только смеялся над ними и стал мучить эту семью еще больше, так что эти люди даже перестали ему сопротивляться. Но когда их родственники, в конце концов, посоветовали им пригласить Кхьюнпо-Джосая, т.е. поступить согласно пословице: «Употребляй даже собачий жир, если он лечит», глава семьи согласился. «Да, обязательно пригласите его», – сказал он.

Когда, наконец, пригласили Джосая, он приблизился к демону и сказал три раза устрашающим голосом: «Я, Кхьюнпо-Джосай, иду съесть мясо и выпить кровь у всех вас, демонов. Ну, берегитесь!» И с этими словами набросился на демона. Бедный демон испугался еще до того, как Кхьюнпо-Джосай приблизился к нему, и закричал: «Апа! Ама! Мила! Мила!» (О ты, мой отец! О ты, моя мать!) . Когда Джосай подошел к нему близко, демон сказал: «Мила! Я бы никогда не пришел туда, где находишься ты. Пощади!» Тогда Джосай заставил демона поклясться, что он больше никого не будит мучить, и отпустил его. После этого демон посетил семью, которая привыкла поклоняться ему, и сказал этой семье: «Мила! Мила! Я никогда так не страдал, как теперь». Когда эти люди спросили его, кто причинил ему страдания, он ответил, что пришел Кхьюнпо-Джосай и причинил ему такую ужасную боль, что он едва не умер, а затем вырвал у него клятву.

С того дня Джосая стали называть Мила в знак признания его необыкновенных способностей, и его потомки также стали носить имя Мила . Когда же все увидели, что демон никого не трогает, то решили, что демон умер или перешел в другую форму существования.

Кхьюнпо-Джосай затем женился и имел сына, у которого было два сына. Старшего звали Мила-Дотун-Сенге (Мила-Лев, Обучающий Сутрам), а его старшего сына звали Мила-Дордже-Сенге (Мила, Непокколебимый Лев). После него в каждом поколении рождался только один наследник.

Мила-Дордже-Сенге был опытный и страстный игрок и обычно выигрывал

большие ставки. Но в этой местности жил один еще более искусный игрок, у которого было много родственников и связей по отцовской линии. Этот человек пришел к Мила-Дордже-Сенге с намерением испытать его и, склонив его сыграть с ним несколько раз на маленькие ставки, вскоре убедился в своем преимуществе. Он играл так, будто сама судьба следила за этой игрой, и Мила-Дордже-Сенге проиграл ему несколько раз. Однако он не мог с этим примириться и попросил своего партнера дать ему возможность отыграться. Тот согласился, и на следующий день они стали играть на более высокие ставки. Соперник Дордже вначале намеренно проиграл ему три раза и тоже в свою очередь попросил сыграть с ним еще раз, чтобы отыграться. Дордже согласился после того, как были определены ставки. Они равнялись всему состоянию каждого игрока, включающему земли, дома, деньги, личные вещи. Обе стороны письменно договорились, что ни один из них не будет пытаться уклониться от уплаты долга, если проиграет, и не будет прибегать к мольбам. Как следовало ожидать, исход игры был не в пользу Милы, и родственники победителя сразу захватили все движимое и недвижимое имущество Милы-Дордже-Сенге, и оба Милы, отец и сын – Дотун-Сенге и Дордже-Сенге, оставив все, отправились в область Гунгханг на границе с Непалом, где поселились в местечке, называемом Кьянга-Ца.

Отец, Дотун-Сенге, обычно проводил дни за чтением религиозных книг. Он также отводил град и изготовлял амулеты для защиты детей и многие другие вещи подобного рода. Он стал довольно известным ламой – исполнителем ритуалов, а сын его занимался торговлей. Он торговал шерстью на юге зимой, а летом отправлялся на северные пастбища. Он также совершал кратковременные поездки между Манг-Юлой и Гунгхангом. Со временем отец и сын накопили большое состояние.

Однажды Дордже-Сенге повстречался с любимой дочерью одного тамошнего семейства. Они полюбили друг друга, и после того, как сочетались браком, у них родился сын, который получил имя Мила-Шераб-Гьялцен (Мила – Добыча Мудрости). Его дедушка умер, когда он был еще мальчиком, и погребальные церемонии были справлены с большой пышностью.

Мила-Дордже-Сенге продолжал заниматься торговлей и умножил свое состояние. За немалую цену золотом и товарами, привезенными с севера и юга, он купил плодородное поле в форме треугольника, находившееся недалеко от Кьянг-Ца у человека по имени Ворма и назвал это поле Ворма Торсум (Треугольник Вормы) . На границе с полем находился участок со старым домом, принадлежавший соседу, и он также купил его и построил на этом месте большой дом. К тому времени, когда его сыну Мила-Шераб-Гьялцену пошел двенадцатый год, его женили на девочке из хорошей семьи, происходившей из княжеского рода Ньянг. Девочку звали Кармо-Кьен (Белая Гирлянда). Это была очень милая девочка, сообразительная и энергичная. Она знала, как обращаться с друзьями и врагами, в зависимости от того, что они заслуживали – любовь или ненависть. И поэтому ей дали имя Белая Гирлянда Ньянг.

Тем временем к вышеупомянутому дому его отец пристроил трехэтажный дом со службами, который поддерживали четыре колонны и восемь столбов.

Это был один из лучших домов в Кьянга-Ца, и его так и называли – Четыре Колонны и Восемь Столбов. В этом доме семья жила на широкою ногу.

Родственники Милы-Дотунга-Сенге, которые жили в Чунгвачи, прослышали, что он и его сын живут богато в Ца . Двоюродный брат Милы-Дордже-Сенге по имени Юнгдунг-Гьялцен (Свастика-Знамя Победы) вместе со своей семьей и сестрой по имени Кхьюнг-ца-Палден (Свидетельствующая о Благородстве Потомков Орла) перебрались жить в Кьянга-Ца . Дордже, любивший своих родственников, принял их с искренним радушием. Он научил их торговать, и они также разбогатели.

Через некоторое время Белая Гирлянда Ньянг обнаружила, что должна родить ребенка. Это было как раз тогда, когда Мила-Шераб-Гьялцен находился в горах Северного Такции с большим количеством разнообразного товара, привезенного с юга, и поэтому надолго задержался там.

Я родился в мужской год воды и дракона (в 1052 г. н.э.) на двадцать пятый день первого осеннего месяца , под счастливой звездой, и как только моя мать разрешилась от бремени, к отцу был послан гонец с письмом: «Осень вступает в свои права, и я разрешилась сыном. Приезжай как можно скорей, так как нужно дать имя ребенку и совершить церемонию наречения именем». Гонец от себя также рассказал ему обо всем. Мой отец очень обрадовался и сказал: «Хорошо свершилось! Мой сын уже получил имя. В моем роду рождается только один наследник, и я рад узнать, что родился сын. Назовите его Тхепага (Услаждение Слуха). Мои дела уже закончились, и я скоро вернусь домой».

Когда он вернулся, мне дали имя Тхепага и отпраздновали это событие с большой торжественностью. Я рос, окруженный заботой и лаской. Со временем у меня обнаружился прекрасный голос. Меня все с удовольствием слушали и говорили, что меня правильно назвали – Услаждение Слуха. Когда мне было около четырех лет, моя мать родила дочь, которую назвали Ген-ма-кьит (Счастливая Защитница), но у нее было также ласкательное имя Пета, и поэтому ее стали называть Пета-Генкьит. Я помню даже теперь, что нам с Петой вплетали в волосы золото и бирюзу. Наша семья была очень влиятельной, и мы были связаны брачными узами с самыми родовитыми семьями. Бедные люди находились в зависимости от нас, и мы считали их чуть ли не за своих подданных. Местные жители шептались о нас между собой: «Никто из новых поселенцев не был таким трудолюбивым и богатым, как они. Посмотрите на их дом! Посмотрите на их роскошь и богатство, на украшения, которые носят их женщины и мужчины! Они вполне заслуживают того, чтобы их уважали».

В то время, когда мы были объектом всеобщей зависти, мой отец Мила-Шераб-Гьялцен умер, и погребальная церемония была справлена с большой пышностью».

Это первая часть повествования, в которой рассказывается о рождении Джецюна.

ГЛАВА II. УДАРЫ СУДЬБЫ

О смерти отца Миларепы и его предсмертном завещании, о незаконном захвате имущества родственниками и о страданиях, пережитых Миларепой, его

матерью и сестрой.

Речунг тогда обратился к Джецюну с такими словами: «О Учитель, пожалуйста, расскажи о твоих страданиях и несчастьях, которые начались после смерти твоего отца».

В ответ Джецюн продолжал свой рассказ: «Когда мне исполнилось семь лет, мой отец серьезно заболел. Врачи и ламы, лечившие его, не надеялись на выздоровление и объявили о приближении конца. Все его родственники знали, что он умирает, и даже сам больной потерял надежду на выздоровление и чувствовал приближение смерти. Мои дядя и тетя, другие родственники и друзья, все соседи собрались у нас, и в присутствии их мой отец объявил о своей последней воле и поручил дяде и тете заботу о вдове и сиротах и об их имуществе. Было также составлено письменное завещание, которое было прочитано, подписано и запечатано в присутствии всех собравшихся. Отец тогда сказал: «Я знаю, что умру. Так как мой сын еще мал, я поручаю заботиться о нем всем моим родственникам, но особенно его дяде и тете. Все мое имущество, избавлявшее меня от чувства зависти к другим, я оставляю здесь – мои стада на пастбищах высоко в горах, мои поля, в том числе Треугольник Вормы и несколько других меньших полей, моих коров, коз и ослов, которые находятся здесь, ниже дома, вещи из золота, серебра, меди и железа, мои личные украшения и одежду, мою бирюзу, шелка, мои амбары. Часть его пусть будет затрачена на погребение. Заботу об остальной части я поручаю всем вам, здесь собравшимся, до того времени, когда мой сын станет совершеннолетним и сможет сам заботиться обо всем. Главными опекунами я назначаю дядю и тетю моего ребенка. Мой сын обручен с Зесай, и когда он достигнет совершеннолетия, пусть они поженятся, и когда невеста войдет в дом, пусть молодые сами будут вести хозяйство, следуя примеру родителей. Но до наступления совершеннолетия я вверяю все вам, всем моим родственникам, и особенно вам двоим – тете и дяде моих детей. Смотрите, чтобы с ними ничего не случилось плохого. Знайте, что я буду следить за вами из обители мертвых». Сказав так, мой отец умер. После похорон все родственники предложили: «Пусть Белая Гирлянда сама смотрит за хозяйством, а мы время от времени будем ей помогать всем, чем сможем, если ей понадобится наша помощь». Но мои дядя и тетя были против: «Вы можете говорить все, что хотите, но мы – ближайшие родственники и мы сами будем заботиться о том, чтобы вдова и сироты ни в чем не нуждались, и за имуществом мы сами будем смотреть», – сказали они. Несмотря на возражения дяди со стороны матери и отца Зесай, личное имущество моего отца дядя и тетя поделили между собой: дядя взял себе все мужские украшения и одежду, а тетя – все женские вещи. Остальная часть имущества была поровну поделена между ними, а нас они заставили переселиться к ним. Мы не только были лишены права распоряжаться нашей собственностью, но мы еще должны были летом работать, как батраки, на дядю, а зимой прясть и чесать шерсть для тети. Пища, которую они нам давали, была настолько грубой, что годилась только для собак. Вместо одежды мы носили жалкие обноски, подвязанные вместо пояса веревкой. Из-за непосильной работы на руках и ногах у нас появились трещины и волдыри, а

из-за плохого питания мы ослабели. Наши волосы, некогда украшенные золотом и бирюзой, сделались жесткими, и в них завелись насекомые.

Добрые люди, которые знали нас в дни нашего процветания, не могли сдержаться от слез, когда встречались с нами. По всей округе шептались о жестокости моих дяди и тети, но они не обращали на это никакого внимания. Моя мать, сестра и я были доведены до такого жалкого состояния, что моя мать говорила о моей тете, что она не Кхьюнг-ца-Палден (Свидетельствующая о Благородстве Потомков Орла), а Думо-Такден (демон породы Тигров), и с тех пор ее называли Демон-Тигрица. Мать тогда часто вспоминала пословицу: «Доверь свое имущество другим, а сам превращайся в собаку, карающую дверь», так как эта пословица точно отражала наше положение. «Ведь когда твой отец Мила-Шераб-Гьялцен был жив, – говорила она, – каждый следил за нашим выражением лица, чтобы знать, смеемся мы или сердимся. Но сейчас те, кто завладел нашим богатством, стали как цари, и все, стремясь угодить им, следят за выражением их лица». Раньше моя мать слышала одни комплименты. Люди говорили между собой: «Богатый муж – сноровистая жена! Мягкая шерсть – хорошее одеяло». Как верна эта пословица! И что бывает, когда умный человек утрачивает влияние. Когда был жив ее муж, Белая Гирлянда Ньянг считалась образцовой хозяйкой. За ее энергию и умелость ее обычно называли кормилицей. Но сейчас ее способности были подвергнуты испытаниям, и люди стали замечать ее недостатки. Чем больше мы страдали, тем больше плохого о нас говорили, и те, кто раньше находился в зависимости от нас, теперь не упускали случая, чтобы не позлословить о нас за нашей спиной.

Родители Зесай время от времени дарили мне что-нибудь из одежды или пару обуви и обычно говорили: «Пока сами мужчины не станут источником богатства, богатство так же трудно сохранить, как капли росы на траве. Поэтому особенно не оплакивай его потерю. Твои родители и предки нажили состояние своим трудом. Они не всегда были богаты и только недавно разбогатели. Наступит время, и ты станешь богатым». Так они часто утешали меня.

У моей матери было большое поле, которое называлось Тепе-Тепчунг (Маленький Коврик Голода). Хотя название было не очень благоприятным, поле давало хороший урожай зерна. Это поле обрабатывал мой дядя со стороны матери, и урожай с него сохраняли. За часть припасенного зерна он купил мясо, из черного ячменя сварил чанг, а белый ячмень перемолол в муку. Мне было тогда около 15 лет. Всем объявили, что Белая Гирлянда собирается устроить пир для того, чтобы возратить свое имущество. У многих людей попросили на время ковры и расстелили на полу нашего большого дома. На пир были приглашены все наши соседи, в основном те, кто присутствовал при кончине отца и знал о его завещании, а также все наши родственники во главе с дядей и тетей. Угощение дяде и тете состояло из целой овцы каждому, а остальным гостям подали по четверти овцы, или ногу, или даже ребра, в зависимости от положения и степени родства с нами. Подали чанг в переполненных чашах, и пир начался. Затем моя мать встала посреди собрания и сказала: «Я прошу

почтенных гостей, собравшихся здесь, выслушать мое объяснение, почему их пригласили сюда, поскольку, как гласит пословица: «За рождением сына следует церемония наречения именем, а чанг приглашает к беседе». Итак я хочу сказать несколько слов о последней воле моего покойного мужа, отца моих детей, о том, что хорошо известно всем вам. Послушайте это завещание, которое я хочу вам сейчас прочитать». И ее брат, мой дядя, прочитал завещание гостям. Когда завещание было прочитано, мать сказала: «Все вы знаете об устном завещании, и поэтому я не буду утомлять вас его повторением. А сейчас я хочу сказать о самом главном. Мы (мать и дети) глубоко благодарны дяде и тете за то, что они сделали для нас, за их заботу о нас вплоть до настоящего времени. Но теперь мой сын может заниматься хозяйством сам, и поэтому я прошу вернуть нам наше имущество. Я также прошу вас всех содействовать тому, чтобы он сочетался браком с Зесай и она была введена в дом, как и должно быть во исполнение предсмертной воли моего покойного мужа».

Услышав эти слова, мои дядя и тетя, конфликтовавшие друг с другом по каждому поводу, теперь объединились против нас, так как они вдвоем захватили наше имущество. Кроме того я был единственным сыном, а у дяди было несколько сыновей. Так, действуя совместно, с целью обмана, они в один голос заявили: «Где ваша собственность, о которой вы говорите? Когда Мила-Шераб-Гьялцен был жив, он арендовал эти дома, поля, скот, лошадей, золото и серебро. Это все было наше. Он возвратил их нам, только когда был на пороге смерти. Это было просто возвращение имущества его действительным владельцам. Была ли вашей собственностью хоть какая-нибудь маленькая часть имущества, мера ячменя, катышек сливочного масла, кусок ткани или какое-нибудь животное? Мы ничего этого никогда не видали. А сейчас вы имеете нахальство говорить такие вещи! Кто написал это завещание? Вы должны быть благодарны, что мы не дали вам, несчастным тварям, погибнуть с голоду. К вам относится эта пословица: «Лучше измерять воду в реке, чем облагодетельствовать злых людей». И они повскакивали со своих мест, затрясли своей одеждой, застучали каблуками и продолжали издеваться над нами: «Если на то пошло, этот дом тоже наш. Вон отсюда, неблагодарные, вон!» И они стали хлестать нас по лицу своими длинными рукавами. Моя мать в тот момент только могла восклицать: «О Мила-Шераб-Гьялцен! Посмотри, как с нами обращаются, а ты говорил: «Я буду наблюдать за вами из обители мертвых. Если ты действительно можешь наблюдать, то делай это сейчас». И в припадке истерических рыданий она упала и потеряла сознание.

Брат моей матери побоялся драться с ними, потому что у этого дяди было много сыновей. Другие соседи, которые были доброжелательно к нам расположены, плакали вместе с матерью, причитая: «Бедная вдова! Бедные сироты!» Многие рыдали, и мало было таких, кто не плакал.

Мои дядя и тетя между тем продолжали: «Вы просите имущество у нас, в то время как у вас самих, по-видимому, есть достаточно средств, так как вы смогли пригласить всех ваших соседей и друзей на такой роскошный пир. Вы ничего не должны у нас просить, так как у нас нет того, что имеете вы. И даже если бы у нас было что отдать, мы не собираемся ничего отдавать. Делайте, что

хотите, жалкие твари! Если вы достаточно сильны численно, деритесь с нами. Если же вы знаете, что вас слишком мало, проклинайте нас!» Сказав это, они вышли. Те, кто был на их стороне, последовали за ними, а мать продолжала плакать. Ее брат, родные Зесай и несколько наших друзей остались, чтобы утешить ее. Допивая оставшийся чанг, они говорили: «Не плачь, это бесполезно». Они предложили собрать деньги по подписке со всех тех, кто присутствовал на обеде, и советовали попросить дядю и тетю пожертвовать какую-нибудь приличную сумму, чтобы на эти деньги послать меня учиться. Брат моей матери сказал ей: «Да, да, давай сделаем так и пошлем мальчика учиться чему-нибудь. Что же касается тебя и твоей дочери, то вы можете перейти жить ко мне, и вы сами будете обрабатывать ваше поле. А мы должны постараться устыдить дядю и тетю». Но моя мать ответила:

«Так как наше имущество нам не будет возвращено, я не считаю возможным воспитывать своих детей на средства пожертвователей. Тем более, что нет ни малейшей надежды, что дядя и тетя вернут хотя бы часть нашего состояния. Что же касается сына, то он, конечно, должен учиться. После того, как они отказались вернуть нам нашу собственность, они приложат все усилия, чтобы опозорить нас, если мы снова подчинимся им. Они будут еще больше издеваться над нами и сделают нас наподобие барабана на подставке или дыма, разносимого ветром. Мы останемся здесь и будем работать на нашем поле».

Меня послали учиться у ламы Красной секты, которого звали Лу-гъят-хан (Восемь Змей). Он жил в округе Ца, в местечке под названием Митхонггат-ха (Невидимый Холмик), и как учитель пользовался там большой известностью.

Во время моей учебы наши родственники помогали нам. Особенно добры были родители Зесай. Они часто посылали нам муку, сливочное масло и даже топливо и разрешали Зесай навещать меня, с тем чтобы утешить. Брат моей матери кормил мою мать и сестру, так что им не пришлось просить милостыню или прислуживать другим, и он обычно сам доставлял шерсть для прядения и ткань, и моей матери не нужно было ходить по домам и выпрашивать ее. Он очень помог нам тогда, и мы смогли обеспечить себя и заработать немного денег. Моя сестра также выполняла с большим усердием работу, которую ей поручали другие люди, и смогла таким образом зарабатывать себе на жизнь. У нее появились личные деньги, и она могла ими распоряжаться. Но при всем этом мы ели обычно только грубую пищу и были очень плохо одеты. Переносить эти лишения было для меня очень мучительно, и я не знал в то время ни одного радостного дня».

Слушавшие этот рассказ были тронуты до слез, и некоторое время все молчали.

Так заканчивается рассказ о том, как Джецюн на собственном опыте узнал, что такое страдание.

ГЛАВА III. АДЕПТ ЧЕРНОЙ МАГИИ

Изучение Джецюном черной магии и убийство им с помощью магии тридцати пяти его врагов и уничтожение большого урожая ячменя.

И снова Речунг обратился к Джецюну: «О Джецюн, ты сказал, что сначала ты совершил несколько черных дел. Какие были черные дела и как ты их

совершил?»

В ответ Джецун сказал: «Да, я накопил горы зла, уничтожив людей посредством колдовства и напустив град». Речунг тогда спросил: «Что заставило тебя обратиться к черной магии? Что побудило тебя такое совершить?»

Джецун продолжил рассказ: «Однажды мой учитель был приглашен на пир, который был устроен в нижнем селении Ца, и он пошел туда, взяв меня с собой. На этом пиру он был самым почетным гостем и сидел на самом почетном месте. Ему много наливали, он изрядно выпил и сильно опьянел. Меня отпустили домой раньше с подарками, которые он получил. Будучи сам немного пьян, я был охвачен непреодолимым желанием петь и, подражая тем гостям, которые пели на пиру, распевал всю дорогу, демонстрируя свой красивый голос, которым очень гордился. Путь к Невидимому Холмику проходил у самого нашего дома, и я все пел, даже когда оказался рядом с домом. Мать в это время обжаривала ячмень. Услышав пение, она сперва не поверила своим ушам, хотя мой голос, по причине его необычной красоты, невозможно было не узнать. «Никак нет, – подумала она. – Не может быть, чтобы он пел в такое безрадостное для нас время». Но выглянув и увидев, что это я, она сначала не знала, что делать. Затем, бросив щипцы и венчик, которые держала в руках, и оставив ячмень сгорать на сковороде, она вышла из дома, держа палку в правой руке и пригоршню золы в левой. Съехав по высоким ступеням и перепрыгнув через низкие, она предстала передо мной и бросила золу мне в лицо. И, ударив меня по голове палкой, закричала: «О Мила-Шераб-Гьялцен, посмотри, какой сын уродился у тебя! Разве в жилах этого бродяги твоя кровь? О, посмотри, до чего мы дожили», – и упала наземь без чувств.

В этот момент вышла моя сестра и укоряла меня: «Брат, о чем ты думаешь? Посмотри на нашу мать», – и сказав так, разрыдалась. Это отрезвило меня, и, сознавая, что она права, я тоже заплакал. Теперь мы вдвоем тянули нашу мать за руки, окликая ее, и на сердце у нас было очень тяжело. Когда через некоторое время она очнулась, она посмотрела на меня внимательным, полным укоризны взглядом и сказала: «Ты так рад, что тебе хочется петь? Я же думаю, что мы самые несчастные из всех несчастных, живущих в мире. И единственное, что я могу делать сейчас, – это плакать с горя». И мы все втроем снова громко зарыдали. Я сказал тогда матери: «Мама, ты права, но не принимай это так близко к сердцу. Я торжественно обещаю выполнить все, что ты пожелаешь. Что ты мне велишь делать, мама?»

Мать ответила: «Я бы хотела видеть тебя одетым в кольчугу, восседающим на коне, со стременами, нависающими над шеями наших врагов, но это трудно осуществить и сопряжено с большой опасностью. Поэтому я хочу, чтобы ты хорошо изучил черную магию и убил наших врагов, в первую очередь дядьку и тетку, принесших нам столько горя и страданий. Я хочу, чтобы ты подорвал корень их потомства до девятого поколения. Сможешь ли ты это сделать для меня?»

Я искренне обещал сделать все возможное, чтобы выполнить ее волю, если

она достанет деньги для платы за обучение гуру черной магии , а также деньги на дорогу и на мое содержание в период учебы.

Моя мать тогда продала часть поля, называемого Маленький Коврик Голода, в обмен на прекрасную бирюзу под названием Сверкающая Звезда и белого пони по кличке Необузданный Лев и насобирала по два вьюка красивой марены и неочищенного сахара. Сахаром я воспользовался для покрытия моих текущих расходов и, отправившись в путь, своевременно прибыл в Гунгтханг. В этом месте находилась гостиница под названием «Самосовершенная Гостиница», и в ней я остановился на несколько дней, чтобы найти попутчиков, следующих той же дорогой. Сюда вскоре прибыли пять любимых сыновей знатных семейств Нгари-Дела, направлявшихся в Ю и Цанг для изучения религии и черной магии . Я сказал им, что путешествую с такой же целью, и спросил, смогу ли я присоединиться к ним. Они согласились. Тогда я повел их в нижнюю часть Гунгтханга и там их хорошо угостил.

Моя мать между тем отвела их в сторону и просила за меня: «Молодые люди, мой сын не имеет большой склонности к учению, и у него также мало прилежания. Поэтому я попрошу вас опекать его во время учебы, чтобы из него получился толк. И когда вы вернетесь, я не останусь в долгу и заплачу вам за вашу заботу о нем».

Водрузив поклажу с красителем на пони и спрятав бирюзу на себе, я продолжал путь вместе с моими новыми знакомыми. Моя мать шла с нами довольно долго и на каждом привале угощала нас чангом, всякий раз прося моих попутчиков присматривать за мной. Ведь я был ее единственный сын, и ей было очень трудно расставаться со мной. Она прижалась к моей руке и долго плакала. Перед самым расставанием, отведя меня в сторону, она тихим голосом, прерывая рыданиями, сделала мне последнее наставление: «Мой дорогой сын, пойми, в каком жалком положении мы находимся, и выполни свой долг. Ты должен показать свою силу здесь, в этом месте, и нанести сокрушительный удар. Не сравнивай себя с этими молодыми людьми. Они идут изучать магию ради престижа, а для нас это вызвано крайней необходимостью. Если ты вернешься, не приобретя этой способности, клянусь, я убью себя у тебя на глазах».

Сделав такое наставление, она рассталась с нами. Мне было невыносимо тяжело тогда, так как я был очень к ней привязан. Я то и дело оглядывался назад, чтобы посмотреть на нее, и не мог сдержать слез, которые так и текли по щекам. Моя мать тоже страдала не меньше. Так как я был ее единственный сын, она тяжело переживала расставание. Она все время оборачивалась, пока мы могли видеть друг друга. Меня тогда охватило почти непреодолимое желание вернуться назад, чтобы увидеть ее снова, но каким-то сверхъестественным усилием я удержал себя. Последующие события напомнили мне о том, что это было предчувствие того, что я никогда больше не увижу ее. Когда мы настолько удалились, что перестали видеть друг друга, моя мать вернулась в деревню в слезах. А через несколько дней распространился слух о том, что сын Белой Гирлянды Ньянг ушел изучать черную магию для того, чтобы отомстить своим врагам за причиненное ими зло.

Тем временем я и мои спутники шли по дороге, соединяющей Ю и Цанг, и дошли до места в Цанг-ронге, называемого Якде. Здесь я продал моего пони и краску одному богатому человеку и, получив от него золото, спрятал его у себя.

Переправившись через реку Цангпо (Очищающая), мы пошли в провинцию Ю и, придя в место, называемое Тхен-лук-ракха (Овчарня Тхен), мы встретили там нескольких лам из Ю. На наш вопрос, кто самый известный адепт черной магии, который может вызывать смерть и, насылая град, уничтожать посевы, один из них ответил, что в селении Ярлунг-Кьерпо живет известный колдун по имени лама Юнгтун-Трогьял (Гневный и Победоносный Учитель Зла) из Ньяка, который хорошо известен за свои способности вызывать смерть и разрушения с помощью черной магии, и что он сам был его учеником. Тогда мы все направились к ламе Юнгтун-Трогьялу. Когда мы, придя в Ярлунг-Кьерпо, встретились с ним, я увидел, что мои спутники отдали ему только часть имевшихся у них денег. Что же касается меня, то я отдал ему все, что у меня было, – все золото, а также бирюзу и хотел даже отдать самого себя, свое тело и жизнь, прося только об одном – научить меня черной магии для того, чтобы я смог показать эти способности на деле – нанести сокрушительный удар тем, кто присвоил мое фамильное наследство. Следующая моя просьба состояла в том, чтобы он обеспечивал меня едой и одеждой во время моего обучения. Лама улыбнулся и сказал: «Я учту твою просьбу».

Вскоре мы приступили к занятиям, которые, однако, не принесли особых результатов. Нам преподавали несколько разделов черной магии, носящих звучные названия, например, о передаче способности соединять небо и землю, а также способ смертельного воздействия и несколько способов благотворного воздействия. Когда мы проучились так почти год, мои сотоварищи решили возвратиться домой. В качестве прощального подарка наш учитель преподнес каждому из нас платье из тонкой шерстяной ткани, вытканной в провинции Ю. Но прекращение занятий не устраивало меня, так как я знал, что эта магия, которой нас обучали, вряд ли достаточна для того, чтобы произвести нужное действие. И еще я помнил о том, что если не смогу это сделать, моя мать убьет себя у меня на глазах. Поэтому я не мог думать о возвращении домой. Я сказал им, что еще ничему не научился. На это они ответили: «Того, что мы получили, вполне достаточно. Все теперь зависит от нашего усердия. Нам нужно следовать этим методам. Наш учитель говорит нам, что он не имеет ничего другого, что он мог бы передать нам, и мы знаем, что это правда. Однако, если ты желаешь остаться, останься и посмотри, сможешь ли ты научиться чему-нибудь еще».

Затем они низко поклонились учителю и, сделав ему подарки, которые считали подходящими для данного случая, отправились домой.

Надев платье, подаренное мне учителем, я вышел с товарищами и прошел с ними расстояние, которое проходят в течение утра. Это было похоже на проводы. Затем я попрощался с ними и вернулся назад. Идя, я собрал навоз, лежащий на дороге, и принес его в подоле. У моего учителя был хороший садовый участок, и в этом саду я вырыл яму и закопал в ней навоз. С крыши

своего дома учитель видел все это и сказал ученикам, находившимся с ним: «Из всех учеников, которые у меня были, я никогда не имел и никогда не буду иметь такого преданного и трудолюбивого, как этот мальчик. Он не пришел сегодня утром со мной проститься, потому что, как видите, вернулся назад. Я вспоминаю, что при первом его появлении здесь он говорил о каких-то соседях, которые плохо с ним обошлись, и просил меня научить его магии, чтобы применить эти знания у себя на родине. И еще он предлагал мне тогда свое тело и жизнь. Какой простодушный мальчик! Если то, что он говорит, правда, будет нехорошо, нет, просто жестоко отказать ему». Мне передал эти слова один из младших учеников, и я был преисполнен радости, ожидая получить от учителя наставления, приносящие действительный результат.

Когда я подошел к учителю, он спросил меня: «Тхепага, почему ты не пошел домой?» Я сложил платье, которое он мне подарил, и вручил ему как подарок. Затем, почтительно поклонившись ему и коснувшись его ног головой, я сказал: «О почтенный учитель! Я сирота. Нас осталось трое: овдовевшая мать, сестра и я. Наши соседи во главе с дядей и тетей отняли у нас наше имущество и невыносимо жестоко обращались с нами. Так как у нас не было сил защитить себя или отомстить им, моя мать послала меня учиться черной магии, и, если я вернусь, не научившись, как отомстить им, сделавшим нам столько зла, моя мать убьет себя на моих глазах. Поэтому я не осмеливаюсь возвращаться домой. И я умоляю тебя научить меня такой магии, которая приносит результат». Гуру тогда попросил меня рассказать ему все, что произошло после смерти отца и как с нами безжалостно поступили наши дядя и тетя. Мой рассказ прерывался рыданиями, и слезы градом текли из глаз.

Выслушав меня, мой учитель также не мог удержаться от слез, и я видел, как слезы текли у него по щекам. Он сказал мне тогда: «Если ты говоришь правду, с тобой действительно поступили жестоко и несправедливо. Я сам бы мог покарать их с помощью магии, но не буду делать этого, пока полностью не буду убежден в том, что все, что ты говоришь, правда. Многие обращались ко мне, чтобы я научил их этому несравненному искусству. В качестве вознаграждения мне предлагали несметные количества золота и бирюзы из провинции Нгари, шелков и кирпичного чая из Кама и Амдо, вьюки зерна, сливочного масла и шерстяных тканей из провинций Ю и Цанг, скот и пони тысячами голов из Дзаюла, Тагпо и Конгпо. Но ни один еще не говорил так, как ты, что он предлагает мне свое тело и жизнь. Поэтому мне надо узнать все досконально о твоём деле».

У моего учителя был ученик, превосходивший быстротой лошадь, а силой – слона. Его он послал в мою деревню разузнать все обо мне. Вернувшись через несколько дней, ученик сказал, что все, что я говорил, – совершеннейшая правда и что посвятить меня в эту магию просто дело справедливости.

Тогда мой гуру сказал мне: «Я вначале сомневался в необходимости передать тебе эти знания, потому что боялся, что ты будешь использовать их не по назначению, без достаточного на то основания. Но сейчас я убедился в правдивости твоих слов, и я передам тебе все. Только ты должен пойти учиться в другое место. Раньше у меня была самая разрушительная часть черной магии,

называемая Задонг-Марнак (Пурпуровый Василиск), способная парализовать и убивать. Ей я научил Кулунг-Ентен-Гьяцо (Океан Добродетели Кулунга), который живет в Нуб-Кулунге, в долине Цангпо. Он врач и тантрик. Он обладал способностью вызывать град и направлять его концами пальцев и этому он научил меня. Мы тогда поклялись в дружбе и договорились, что, если кто-нибудь придет к нему учиться вызывать град, он его направит ко мне, а если придут ко мне, чтобы научиться вызывать смерть, я направлю тех людей к нему с моими рекомендациями. Тебе поэтому нужно будет пойти к нему, чтобы научиться тому, что желаешь знать».

И он отправил меня и своего сына по имени Дарма Вангчук (Сильный Парень) с навьюченным на яка запасом продовольствия и тонкой шерстяной тканью для подарка. Он также дал мне рекомендательное письмо, завязанное в шарф. Когда мы прибыли туда, каждый из нас преподнес Кулунг-Ентену-Гьяцо по куску ткани, и мы также вручили ему письмо. Снова рассказав все подробно, я просил его научить меня магии. Кулунг-Ентен-Гьяцо сказал: «Мой друг верен дружбе и своим обещаниям. Конечно, я научу тебя тому, чему ты желаешь научиться. На краю уступа, вон там внизу, построй себе прочное укрытие, такое, чтобы его не легко было разрушить руками (и он указал на выбранное место). У укрытия три этажа будут под землей, а над ними построй один этаж из плотно пригнанных прочных балок. Его наружные краугольные камни должны быть размером с яка. Оно должно быть сооружено так, чтобы никто не смог ни проникнуть в него, ни пробить вход». И затем он дал мне необходимые инструкции (по практике магии).

Я применял инструкции в течение семи дней, и по истечении этого времени мой учитель пришел ко мне и сказал: «Обычно семи дней достаточно, чтобы получился результат, и в данном случае он должен быть достигнут». Но так как объектом действия было отдаленное отсюда место, я просил, чтобы мне было предоставлено еще семь дней, и он согласился.

Через семь дней мой учитель ночью снова пришел ко мне и объявил: «Сегодня ночью в конце твоего алтаря (или круга для приношений) ты увидишь знаки твоего успеха и исполнения твоего желания».

И действительно, в эту самую ночь появились покровительствующие божества, принеся с собой кровоточащие головы и сердца тридцати пяти человек, и, сложив их в груды, сказали: «Этого ты хотел, взывая к нам непрерывно в течение последних нескольких дней?»

На следующее утро учитель, придя ко мне, сказал, что есть еще два человека, которых следовало бы принести в жертву, и спросил, хочу ли я, чтобы они были убиты, или нет. Я попросил не убивать их для того, чтобы иметь в их лице объект для злорадства и свидетелей моего могущества. Итак, два моих заклятых врага – дядя и тетя, были оставлены живыми. Я поблагодарил кармические и покровительствующие божества и вышел из укрытия. Оно до сих пор сохранилось.

А сейчас я расскажу о том, как все это происходило. Я нанес удар моим врагам в день свадьбы старшего сына дяди. Все сторонники дяди были приглашены на свадебный пир. Собрались его сыновья, невеста и те, кто

особенно враждебно к нам относился. Всего их было тридцать пять человек. Некоторые из приглашенных, в основном симпатизировавшие нам, еще находились в пути и шли, беседуя друг с другом. Они тихо говорили между собой: «Эти люди действуют по пословице: «Доверь другим свой дом, и тебя выгонят за дверь». Даже если Тхепага не сможет отомстить с помощью колдовства, все равно карма уже должна их настигнуть».

Так идя и беседуя о том о сем, они приблизились к дому, но еще не успели войти, когда дядина служанка, прежде служившая у нас, вышла из дома за водой. Проходя через огороженный двор, где находилось много пони, она не видела их, но ей казалось, что это место кишит скорпионами, пауками, змеями, лягушками и ящерицами, и один необыкновенных размеров скорпион вонзал свои клешни в несущий столб дома и пытался сдвинуть его. Она очень испугалась и едва успела уйти, как несколько жеребцов и кобыл, привязанных ниже дома, пришли в возбужденное состояние и начали метаться и толкать друг друга. Некоторые жеребцы освободились от привязи и бросились на кобыл. Жеребцы ржали, кобылы лягались, и в конце концов одна из них ударилась о несущий столб с такой силой, что столб сломался и весь дом со страшным грохотом рухнул. Погибли тридцать пять человек, в том числе невеста и все сыновья дяди. Клубы дыма и пыли застлали небо. Обломки смешались с трупами погибших мужчин, женщин, детей и животных. Душераздирающий крик вырвался у находившихся снаружи людей и был услышан моей сестрой. Узнав, что произошло, она бросилась к матери со словами: «Мама, пойдй погляди! Дядин дом обрушился, и много народу погибло». Моя мать встала и пошла посмотреть, что случилось, все еще не веря словам дочери. Но увидев вместо дома руины и стоявшие над ними клубы пыли, она была удивлена и одновременно ощутила жестокую радость. Привязав тряпку к концу длинного шеста и подняв его подобно знамени, она закричала: «Да прославятся учителя и боги! Скажите сейчас соседи, достойного сына родил Мила-Шераб-Гьялцен или нет, отомстила я или нет. Хотя я ела грубую пищу и носила лохмотья вместо платья, наши жертвы окупилсь. Скажите, ответили мы или нет на вызов дяди, который сказал: «Деритесь с нами, если вы сильны, и проклинайте, если вы слабы». А теперь проклятие от слабых и немногих сделало больше, чем могла сделать сила многих. Взгляните на людей наверху и на животных внизу. Сколько погибло богатства и сколько продуктов! Какую радость доставил мне мой сын на склоне лет! Я счастлива, дожив до такой победы. Никакое другое время в моей жизни не может сравниться с этим».

Произнося эти слова, она в то же время не отводила взора, полного злорадства, от этой страшной картины, и все соседи ее слышали. Некоторые говорили, что она права, другие, что она зашла далеко: достаточно, что она отомстила, а продолжать изливать злобу – это уже слишком.

О злорадстве моей матери стало известно родственникам погибших, и они сказали: «Она не только причина нашего несчастья, но она продолжает праздновать свою победу неподобающим образом. Давайте подвергнем ее мучениям и вырвем ее злобное сердце». Старики и более здравомыслящие

отговаривали их: «Вы ничего не добьетесь, убив ее, так как ее сын не оставит вас живыми. Сначала нужно изловить детеныша и убить его на месте, и только тогда мы сможем расправиться с его матерью».

И с ними все согласились.

Мой дядя, узнав про этот план, сказал: «Ха-ха! Мне уже нечего терять. Все мои сыновья и дочери погибли. Пусть и я умру». И он направился к моей матери с намерением убить ее. Но соседи удержали его. «Остановись, – сказали они ему. – Ведь из-за того, что мы стали на твою сторону, на нас обрушилось это несчастье. Ты его главная причина, а сейчас ты снова хочешь сделать то же самое. Если ты не согласен с нашим планом сначала расправиться с сыном, а затем взяться за мать, нам с тобой не по пути. В данном случае мы решили действовать так, как мы считаем правильным». Моему дяде ничего не оставалось делать, как подчиниться.

Замыслив убить меня, они обсуждали, как наилучшим образом подослать ко мне людей для осуществления этого плана. Об этом стало известно брату моей матери, и он пришел к ней и всячески укорял ее за безрассудство: «Ты подвергаешь опасности не только нашу жизнь, но и жизнь твоего сына. Соседи объединились против тебя. Надо было тебе открыто выразить свою радость? Разве не достаточно того, что им уже нанесен такой удар?» Так он ей выговаривал, а моя мать, слушая его, плакала. В ответ она сказала ему: «Мой дорогой брат и дядя моих детей! Я знаю, что ты правильно говоришь, но стань на мое место и подумай о том, что я перенесла. Огромное состояние обманом было отнято у меня, а меня подвергли унижениям и издевательствам! Можно ли здесь испытывать другие чувства?» Дядя отвечал: «В чем-то ты права, но я боюсь за тебя. Следи за дверью. Запирайся как следует, так как они могут подослать к тебе убийцу». Как только он ушел, мать тщательно заперла дверь и принялась думать, как действовать дальше.

Избегшая гибели служанка, для которой была невыносимой сама мысль о том, что детей ее старой госпожи и покойного господина могут зверски убить, потихоньку сообщила моей матери о своих подозрениях относительно готовящегося против нас заговора и умоляла предупредить меня об угрожающей мне опасности.

Зная, что по крайней мере некоторое время ее не тронут, моя мать составила план действий. Продав остальную часть своего поля Маленький Коврик Голода, она получила за него семь слитков золота, но не могла найти человека, кому можно было доверить передать их мне, и собиралась сама отправиться ко мне, чтобы вручить мне золото, а также предупредить о заговоре.

Однако ей вскоре повезло. Паломник из области Ю, совершив путешествие в Непал, возвращаясь к себе домой и, проходя мимо нашего дома, попросил у моей матери милостыню. Мать пригласила его войти и, предусмотрительно задав ему несколько вопросов относительно его самого и его места жительства, увидела, что ему можно доверить передать мне письмо. Она пригласила его пожить у нее несколько дней и сказала ему, что ее сын живет в Ю или Цанге и она хочет передать ему письмо. Она обхаживала гостя и потчевала его самым

лучшим из того, что у нее было, и гость остался очень доволен.

Заправив светильник и обратившись с молитвой к божествам, вызываемым и почитаемым мной, она попросила их сообщить ей, дойдет ли ее письмо до меня и исполнятся ли ее желания, таким образом, что если все будет обстоять хорошо, светильник будет гореть долго, но если ее ждет неудача, он вскоре погаснет. Светильник горел целые сутки. Это ее обнадежило, и она подарила паломнику несколько кусков выделанной кожи для подбивки его кожаных сапог и сказала ему притачать их на сапоги, так как они нуждались в починке. У паломника был плащ, и она взялась залатать его. Она пришила сзади большую заплатку и потихоньку от гостя спрятала под ней семь слитков золота. Сверху она нашла еще один черный лоскут в виде квадрата и вышила на нем звезду толстыми белыми нитками. Затем она разместила один слиток в центре под вышитой звездой, а шесть других – под звездами, вышитыми вокруг центральной, самой крупной звезды, по одному в каждом углу, образованному ее лучами, и закрепила их в этих местах, обшив каждый стежками. Вручив паломнику запечатанное письмо и щедро одарив его, она просила передать это письмо мне в руки.

Когда паломник ушел, моя мать, для устрашения соседей, велела моей сестре сказать, что паломник принес от меня письмо. Это письмо, на самом деле составленное ею, было такого содержания: «Я надеюсь, что вы живете хорошо и что всем известно о последствиях моего колдовства. Если кто-нибудь смеет сейчас выражать неприязнь к вам, запугивать и третировать вас, сообщите мне имя этого человека и членов его семьи, а также причину этой неприязни, и я уничтожу его. Мне это не составляет труда. Для меня проще убить человека, чем прочитать молитву перед едой. Мало того, что я убью одного, двух, трех, я вырву корень всех их поколений вплоть до девятого. Если же вам угрожают все жители, вы только придите сюда, и я смету всю округу, так что не останется даже следа. А здесь я живу припеваючи. Вам обо мне не нужно беспокоиться. Все свое время я трачу на изучение черной магии». Письмо было подписано и запечатано так, как если бы оно действительно было послано мной. Его дали прочитать тем, кто, как мы знали, были на нашей стороне, а затем оно было передано брату моей матери, который должен был показать его всем. Письмо произвело надлежащее действие, и все ненавидящие нас вынуждены были отказаться от своих замыслов. Они посоветовались и уговорили дядю отдать моей матери наше поле Треугольник Вормы – собственность отца, мне завещанную.

Тем временем паломник шел и расспрашивал обо мне. Когда он узнал, что я живу в Нуб-Кхулунге, он пришел туда и, встретившись со мной, рассказал мне о моей матери и сестре то, что знал, и вручил мне письмо. Письмо было такого содержания: «Мой дорогой сын Тхепага! Надеюсь, что ты здоров. Я очень довольна тобой. Ты доказал, что достоин имени твоего отца благородного Милы-Шераб-Гьялцена. Мои желания исполнились. Ты нанес сокрушительный удар нашим врагам благодаря твоему знанию черной магии. Тридцать пять человек погибли под обломками рухнувшего дома. Это восстановило людей против нас. Они нас ненавидят и добра нам не желают.

Сейчас я прошу тебя навести на них сильнейший град. Я слышала, что есть девять различных видов грозы с градом. Напусти на них какую-нибудь одну. И тогда жажда мести твоей старой матери будет полностью утолена. Сейчас они сговорились убить нас. Сначала они хотели подослать людей убить тебя, а затем меня. Поэтому ради нас обоих будь очень осторожен. Если ты испытываешь материальную нужду, поищи долину, обращенную к северу, над которой нависла черная туча и которую освещает созвездие Миндук (Плеяды). Там ты найдешь семь наших родственников. Спроси о них, и ты получишь все, что тебе нужно на жизнь. Если ты не найдешь этой долины, знай, что паломник, который ее несет, живет в ней. Не спрашивай о ней никого другого».

Я ничего не мог понять из последней части письма. В то же время я страстно желал вернуться домой и повидаться с матерью. У меня кончились деньги, и я испытывал большую нужду. Однако я не мог понять, где живут эти родственники и где находится эта долина. От отчаяния я заплакал, и слезы градом потекли из глаз. Я спросил паломника про родственников, о которых, как сообщалось в письме, он знал, спросил, кто они и где живут, а также где живет он сам. Он сказал, что живет в Нгари-Гунгханге и что побывал в разных местах, но не знает ничего о том, где живут мои родственники, и о самих родственниках, а сам он уроженец области Ю. Тогда я попросил немного подождать меня и пошел к моему гуру показать ему письмо и сообщить ему о том, что узнал от паломника.

Гуру, пробежав глазами письмо, сказал: «Тхепага, у тебя, как мне кажется, очень мстительная мать. Столько человек погибло, а она еще требует от тебя напустить град. У тебя есть родственники на севере?» «Я никогда не слышал о таких родственниках, и многое в письме мне не понятно. Я спрашивал паломника, но он ничего не знает о них», – отвечал я.

Жена моего гуру была наделена сверхъестественной проницательностью, так как была воплощением Дакини. Прочитав письмо всего один раз, она велела позвать паломника. Когда я его привел, она развела большой огонь в очаге, угостила паломника чангом и заставила его снять плащ. Затем, как бы шутя, она накинула его на себя и стала прохаживаться взад и вперед по комнате, приговаривая: «Счастлив тот, кто может странствовать повсюду, не имея никакой другой одежды, кроме плаща!»

Потанцевав еще немного, она вышла из комнаты в этом плаще, и, поднявшись на крышу дома, отпорол лоскут, достала золото и снова пришила лоскут на то же самое место. Затем, спустившись вниз, она отдала плащ его владельцу, накормила его обедом и отвела в другую комнату.

Убедившись, что паломник не собирается оттуда выходить, она сказала мне, что учитель зовет меня к себе. Когда я пришел, она выложила передо мной семь слитков золота. Я спросил ее, где она нашла золото. Она ответила, что нашла его в плаще, и объяснила, как ей удалось это сделать. «Мать Тхепаги – очень умная женщина, – сказала она. – Долина, обращенная к северу, – плащ паломника. Как солнце не освещает долину, обращенную к северу, так и этот плащ не пропускает солнечных лучей. Черная туча, нависшая над долиной, – это черный квадратный лоскут. Созвездие – это вышивка на лоскуте, а семь

родственников – семь слитков золота. Ее предостережение не спрашивать никого об этом, кроме паломника, означает, что плащ принадлежит паломнику, и, следовательно, ты должен был его обыскать». Мой учитель был очень обрадован и похвалил жену: «Вы, женщины, как известно, сообразительны и проницательны, и это еще раз подтверждается сейчас».

Паломнику я отдал десятую часть одного слитка, и он был очень мне благодарен. Остальную часть слитка я преподнес жене учителя. Самому учителю я отдал три слитка и умолял его научить меня насылать град, как того хотела моя мать. Тогда он отправил меня к моему прежнему гуру – ламе Юнгтунг-Трогьялу с рекомендательным письмом и шарфом. Прибыв в Ярлунг-Кьерпо и встретившись со своим прежним учителем, я вручил ему письмо, шарф и три слитка золота, которые у меня оставались. Он спросил меня о моих успехах. Я сказал ему, что у меня все в порядке: убиты тридцать пять человек, и я получил от матери письмо, в котором она просит меня насылать град для уничтожения посевов, и я просил его научить меня вызывать этот град. «Пожалуйста», – сказал он и тут же научил меня заклинаниям, велел мне исполнить все ритуалы в старой заброшенной келье.

По прошествии семи дней я увидел, что в келье собрались тучи, засверкала молния и загредел гром. Я понял тогда, что смогу направлять грозу пальцем, и учитель подтвердил, что теперь я действительно могу насылать грозу с градом. Он спросил меня о времени роста ячменя. Я ему сказал, когда приблизительно его высевают, когда появляются всходы и когда он вырастает настолько, что голуби могут укрываться в нем, и когда проводится прополка. Выслушав меня, он сказал, что нужно еще подождать. Через некоторое время он снова расспросил меня о сроках роста ячменя. Я сказал ему, когда он начинает колоситься и когда колосья созревают. Тогда он объявил, что уже наступило время действовать. Он отправил со мной своего сильного и быстрого ученика, о котором я уже упоминал.

Одевшись паломниками, мы пришли в мою деревню и увидели, что урожай в этом году выдался небывалый. Даже самые старые жители не помнили подобного этому. Крестьяне договорились между собой, что никто не будет убирать урожай раньше других, и они собирались начать жатву через несколько дней все вместе.

Тем временем я установил на возвышенности, обращенной к долине, приспособление, которое требуется для приведения в действие моей колдовской силы, и начал читать заклинания, но ни одного облачка не появлялось, даже размером с воробья. Я начал произносить имена богов, и, пересказывая историю наших злоключений и описывая жестокость соседей, ударил о землю моей сложенной одеждой и от отчаяния заплакал. Откуда ни возьмись сразу появилась огромная, тяжелая, темная туча, и, когда она опустилась над долиной, пошел сильнейший град, не оставивший на полях ни одного колоска.

Град выпадал трижды и прорыл глубокие овраги на склонах холмов. Громкий вопль безысходности и горя вырвался из уст жителей деревни. За градом последовал ливень с сильным ветром, и мы очень озябли. Найдя

пещеру, обращенную к северу, мы развели в ней костер, насобирав для него ветви низкорослого кустарника, и, когда грелись, сидя у костра, услышали голоса здешних жителей, охотившихся за дичью, которая предназначалась для соблюдаемого здесь праздника благодарения по случаю урожая. Они говорили между собой: «О, этот Тхепага принес столько горя нам, как никто другой. Сколько людей он погубил, а сейчас уничтожил этот богатый урожай. Разрубить его на части, попадись он нам, и кусками отрезать его мясо и выцеживать его кровь было бы мало для него». Говоря так, они подошли совсем близко к пещере, где мы находились, и один из старших сказал: «Тише, не говорите громко. Из пещеры выходит дым. Мы не знаем, кто там может быть». Один из молодых заметил: «Это, должно быть, Тхепага. Но он нас не видит. Давайте поспешим в деревню, позовем людей, окружим его и убьем, пока он не обрушил на нас новое бедствие».

Когда они ушли, мой товарищ сказал: «Ты уходи первый, а я разыграю их и представлюсь, что это ты». Мы договорились встретиться на четвертый день вечером в гостинице Тингри. Зная о его силе и быстроте, я не боялся за него, и хотя я страстно желал увидеть мать, я не мог тогда этого сделать. Скрываясь от врагов, – мне пришлось идти в обход через перевал Ньянам. По дороге меня покусала собака, из-за чего я задержался и не успел добраться до гостиницы в условленное время.

Когда я ушел, мой друг попал в окружение, но сумел прорваться и бежал очень быстро, когда искавшие убить его были совсем близко, и замедлял ход, когда они отставали, и таким путем заманивал их следовать за ним все дальше и дальше. Когда они начали метать в него стрелы и снаряды, он запустил в них огромный камень и закричал: «Ну погодите, негодяи! Я нанесу смертельный удар посредством магической силы тому из вас, кто мой самый главный враг. Сколько ваших людей я уже убил? Как же мне хорошо на сердце теперь! А еще я уничтожил весь ваш урожай и не оставил вам ни одного зернышка. Что вы на это скажете? И знайте впредь, что, если вы тронете мою мать и сестру, я пошлю проклятие на ваши горы и пагубу на ваши долины, и все, что осталось от вас, будет бесплодным и проклятым до девятого поколения. Это место я превращу в безжизненную пустыню. Запомните это!» «Услышав такие угрозы, они очень испугались и стали обвинять друг друга в том, что произошло, а затем повернули назад.

Мой друг пришел в Тингри раньше меня и спросил хозяина гостиницы, видел ли он паломника, и описал мой внешний вид. Хозяин гостиницы сказал, что не видел такого и добавил: «Вы, паломники, не прочь выпить, когда представляется возможность. Ты можешь сейчас пойти на свадебный пир, где тебе будут рады. Если у тебя нет чашки, я тебе дам свою, и ты хорошо проведешь там время. Согласен?» «Я не откажусь», – ответил мой друг и получил от него чашку, неправильной формы, неполированную и огромную, как голова Шиндже. С этой чашкой он пришел на свадебный пир, где я уже сидел в одном из задних рядов. Мой друг подошел ко мне и сказал: «Почему ты не пришел раньше, как мы договорились?» Я отвечал: «Когда я однажды утром собирал милостыню, собака укусила меня за ногу, и мне пришлось поэтому

задержаться». Мой друг сказал: «Пустяки» И потом мы уже продолжали наш путь вместе.

Когда мы пришли в Ярлунг-Кьерпо, наш гуру, увидев нас, сказал: «Вам обоим сопутствовали успех и удача». Зная, что никто не мог сообщить ему об этом помимо нас, мы удивились и спросили: «Кто сказал тебе? Никто не шел впереди нас, кто бы мог принести тебе эту весть до нашего прихода». Он ответил, что божества явились перед ним и их лица сияли, как свет полной луны, и что он уже совершил благодарственные церемонии. Он был всем этим очень доволен.

Вот такие черные дела я сотворил, беспощадно мстя моим врагам».

Это первое деяние, совершенное Джецюном, которое было греховным деянием, приведшим к уничтожению его врагов.

ЧАСТЬ II

ПУТЬ СВЕТА

ЖИЗНЬ НА ИСТИННОМ ПУТИ

Я запомнила все, что он говорил,

И, оставив жизнь мирскую

Со всей ее суетой, ступила

На Стезю, Им указанную, ведущую к счастью.

И теперь уничтожены все мои печали,

С корнем вырваны, и возврата им нет,

Ибо пришло прозрение и осознание

Причины моих несчастий и бед.

Монахиня Васиттхи «Псалмы ранних буддистов»

ВВЕДЕНИЕ

Ниже следует перечисление его деяний, приведших к достижению совершенного состояния Будды.

Первое. Его раскаяние и поиски вдохновенного гуру, который сможет помочь ему достичь Нирваны.

Второе. Неукоснительное послушание и выполнение всех повелений гуру, несмотря на страдания, боль и отчаяние, пережитые им во время испытаний, которым он был подвергнут для искупления его грехов.

Третье. Обретение им Истин, которые ускорили его духовное развитие и привели к достижению Освобождения.

Четвертое. Медитация под руководством гуру, давшая всходы опыта и знания.

Пятое. Когда Истины начали свое развитие в нем, он был посвящен, согласно указанию, полученному во сне, в те заключительные оккультные Истины, которые учитель передает ученику на ухо шепотом, и затем расстался со своим гуру.

Шестое. Принятие обета посвятить всю свою жизнь достижению Высшей

Цели (после неудачных попыток обеспечить себя самым необходимым).

Седьмое. Обладая безграничной энергией и негибимой волей, он, во исполнение указаний гуру, совершал, живя отшельником высоко в горах, аскетические подвиги, не отвлекаясь ни на что другое.

Восьмое. Приобретение им путем практики аскетизма трансцендентальных знаний и опыта, благодаря которым он мог помогать всем живым существам.

Девятое. Его последнее деяние – растворение его физического тела в космическом пространстве, ставшее его последней проповедью для всех, совершенное с целью пробудить веру в каждом живом существе.

ГЛАВА IV. ПОИСКИ СВЯТОЙ ДХАРМЫ

О том, как Джецюн покинул своего учителя черной магии и как он нашел гуру Истинного Учения – Переводчика Марпу.

Речунг сказал тогда: «О Учитель! Ты упомянул о нескольких белых деяниях, совершенных тобой, что, конечно, означает преданность Святой Дхарме. Как и в связи с каким событием ты обратился к религии к чему привели твои поиски?».

В ответ Джецюн продолжил рассказ: «Я испытывал глубокое раскаяние в том, что сотворил столько зла – убил посредством магии столько людей и уничтожил урожай, и я так жаждал приобщиться к религии, что забыл о еде. Днем и ночью я не находил себе покоя и не мог спать. Однако, хотя меня мучили угрызения совести и я был охвачен раскаянием, я не мог попросить учителя разрешить мне жить религиозной жизнью и продолжал служить ему, надеясь, что когда-нибудь представится удобный случай попросить его отпустить меня изучать Святое Учение.

Случилось так, что один богатый покровитель моего учителя серьезно заболел, и его тотчас вызвали к нему для оказания помощи. Через три дня он вернулся очень печальный. Я спросил, что его опечалило. Он ответил: «Как преходящи все состояния существования! Вчера вечером этот почтенный человек скончался, и я не могу не скорбеть об этой утрате. Я осознал, как эфемерна жизнь на Земле. К тому же я с молодых лет занимаюсь колдовством, принося гибель людям и насылая град. И ты, мой сын, тоже с юности занялся этим греховным делом и накопил массу плохой кармы, которая тяжелым грузом лежит на мне, так как я несу ответственность за твои поступки». Когда я спросил его, не спасутся ли все убитые мной и не перейдут ли в более высокие состояния существования, он ответил: «Я считаю, что все живые существа являются носителями луча Вечности, и мы должны трудиться для их спасения и совершенствования. Я также знаю, какие ритуалы должны совершаться для этого. Но все зависит от правильного понимания цели ритуала, а также от значения используемых слов. Я, однако, не уверен, поможет ли это поверхностное знание во время серьезной опасности. Поэтому я хочу обрести такое учение, которое помогает в любой ситуации. Ты оставайся здесь и заботься о моих детях и учениках, а я пойду трудиться ради твоего и моего спасения. Или ты иди, изучай и осуществляй Святую Дхарму ради меня и себя, и тогда ты спасешь меня и обеспечишь мне благоприятное рождение в следующем существовании, которое позволит мне пройти быстро Путь,

ведущий к Освобождению, а я во время своего обучения буду обеспечивать тебя всем необходимым».

Это было то, чего я хотел, и я был очень рад это услышать. Я попросил его разрешить мне ступить на путь духовного служения. Он сразу дал согласие и сказал: «Конечно, ты молод, обладаешь большой волей, несгибаемым упорством и верой. Ты будешь предан религии. Ступай и целиком посвяти себя религиозной жизни».

Он дал мне самку яка, которую навьючил рулонами ткани из мягкой ярлунгской шерсти, и велел мне идти в Нар, что в долине Цанг, где жил известный лама по имени Ронгтен-Лхага, принадлежавший к старой мистической секте. Говорили, что он приобрел сверхнормальные способности с помощью учения Великое Совершенство, используемого сектой Ньингма. Мой учитель хотел, чтобы я изучил его у этого гуру и применил на практике. Исполняя его желание, я отправился в Нар и, прибыв туда, начал разыскивать ламу.

Я нашел его дом, где встретился с женой и несколькими его учениками, которые сообщили мне, что здесь находится главный монастырь, но самого ламы в монастыре нет, так как в данное время он пребывает в филиале монастыря в Ринанге, в верхней долине Ньянга. Я сказал им, что меня послал сюда лама Юнгтун-Трогьял и я отблагодарю того, кто отведет меня к ламе. Жена ламы велела одному из учеников проводить меня.

В Ринанге я встретился с ламой и, отдав ему яка и тюк шерстяной ткани в качестве подарка, сказал, что я, великий грешник из Западного Нагорья, пришел сюда, чтобы обрести учение, которое приведет меня в течение одной жизни к освобождению от существования сансаре, и молил передать его мне.

Лама сказал: «Мое учение, называемое Великое Совершенство, есть действительно совершенство. У него прекрасные корни, прекрасный ствол и прекрасная крона. Благо тому, от кого оно было получено, и тому, кто его получил, и прекрасны его плоды, которые есть знание йоги. Тот, кто медитирует на нем днем, получает Освобождение в тот же день, и того же достигает тот, кто медитирует на нем ночью. Одаренным, кому благоприятствует карма, достаточно только слышать учение, чтобы достичь Освобождения. Им не нужна медитация. Это учение для наиболее развитых умов. Я передам его тебе». Он сразу же посвятил меня и дал мне необходимые инструкции. Тогда у меня возникла мысль, что ранее, когда я занимался колдовством с целью убийства людей, мне потребовалось 14 дней для совершения этого, а чтобы наслать град, – семь дней, в то время как сейчас я получаю знания, которые освободят меня в любое время – днем или ночью, в зависимости от того, когда я буду применять их, а для одаренных и тех, кому благоприятствует карма, даже слышания учения достаточно, чтобы достичь Освобождения. Я сказал себе: «Что ж, вероятно, я один из таких одаренных!» И я так возгордился, что не мог сосредоточиться и вместо этого уснул, и в результате был лишен возможности испытать учение на практике.

Через несколько дней лама пришел ко мне и сказал: «Ты называл себя великим грешником, пришедшим с нагорья, и в этом ты совершенно прав. Со

своей стороны, я слишком много наобещал, воздавая похвалу моему учению. Теперь я хорошо понимаю, что не смогу обратить тебя. Есть монастырь в Лхобраке, называемый Дово-унг (Пшеничная Долина), где сейчас живет преданный ученик великого индийского святого Наропы. Он самый достойный из достойнейших, настоящий принц среди переводчиков, обладающий знаниями новых Тантрийских Учений, не имеющий себе равных во всех трех мирах. Его зовут Переводчик Марпа. Между тобой и им есть кармическая связь, идущая от прошлых жизней. К нему ты должен пойти».

Услышав это имя, я ощутил невыразимую радость. Меня охватил благоговейный трепет, и слезы брызнули из глаз. Так велико чувство веры, пробудившееся во мне. И, взяв с собой только несколько книг и провизию на дорогу, я отправился туда с единственной целью найти этого гуру. Весь путь мной владела одна мысль: «Когда я взгляну на моего гуру? Когда я увижу его лицо?»

За ночь до моего прибытия в Пшеничную Долину Марпа видел во сне, что его гуру, великий святой Наропа, явился к нему и, совершив церемонию посвящения, дал ему дордже, сделанный из лазурита, пятиконечный и слегка потускневший, а также наполненный эликсиром золотой сосуд, в котором держат священную воду, и велел ему смыть налет с дордже эликсиром и установить дордже на Знамени Победы. Он сказал, что это угодно Победителям прошлых времен, будет служить благу всех живущих и поможет Марпе и другим людям в достижении их целей.

Сказав это, святой снова поднялся на Небеса, и Марпа во сне увидел, что он выполнил приказание своего гуру – обмыл дордже святым эликсиром и поднял его вместе со Знаменем Победы. И дордже стал излучать такое яркое сияние, что оно наполнило своим светом все миры. Свет этот озарил все существа, обитающие в шести мирах (Локах), и рассеял все их страдания. И в радости, в которой они пребывали, не было примеси печали. Охваченные верой, они все с благоговением взирали на Марпу и его Знамя Победы. Некоторые пели хвалебные песнопения, другие приносили дары. Победители благословили Знамя и совершили церемонию посвящения, и сам он ощущал радость и гордость. Он проснулся в счастливом состоянии духа.

Жена его, принеся завтрак, обратилась к нему с такими словами: «О господин! Я видела ночью во сне двух женщин, которые, как они сказали о себе, пришли из Западной Страны Ургьен. Они принесли с собой хрустальную чайтью, которая выглядела немного потускневшей, и попросили меня сказать тебе, что твой гуру Наропа велел тебе освятить ее согласно полному ритуалу и поместить на вершине горы. А ты сказал, что уже благословил великий святой Наропа, но так как, что бы он ни велел, должно быть исполнено, ты обмыл ее святой водой, освятил и установил на вершине горы, и она излучала свет такой яркий, как свет солнца и луны, и породила несколько других чайтий, которые появились на вершинах соседних гор, и их охраняли две женщины. Что означает этот сон?»

Внутренне радуясь совпадению снов, Марпа, однако, виду не подал и сказал ей: «Я не понимаю значения снов, которые не имеют причины. Сейчас я

пойду на поле, которое буду пахать. Приготовь мне все, что нужно для работы». Удивившись, жена возразила: «Ведь у тебя всегда есть работники, которые сделают эту работу. Что скажут люди, если ты, знаменитый лама, пойдешь работать в поле, как простой крестьянин? Это вызовет ненужные разговоры. Прошу тебя, не ходи!» Но Марпа не внял ее уговорам и перед уходом наказал: «Принеси мне хорошую порцию чанга». Когда жена принесла ему целый кувшин, он сказал: «Этого должно хватить для меня. Принеси еще для гостей». Она принесла еще один кувшин, который он поставил на землю и накрыл шляпой. Во время отдыха он пил свой чанг, сидя рядом с этим кувшином.

Тем временем я шел по дороге, расспрашивая каждого встречного: «Где живет великий йог Переводчик Марпа?» Но к кому я ни обращался, никто не мог мне ответить. Я спросил еще одного, и он сказал, что есть человек по имени Марпа, который живет здесь поблизости, но нет никого, кто бы носил титул – великий йог Переводчик Марпа. Я тогда спросил его, где находится Пшеничная Долина. Он показал: «Вон там». Я поинтересовался, кто живет в этом месте, и он ответил, что там живет человек, которого зовут Марпа. «Не зовут ли его еще как-нибудь?» – спросил я. Он сказал, что некоторые называют его также ламой Марпой. Это развеяло мои сомнения, и я понял, что здесь живет тот Марпа, которого я разыскивал. Я тогда спросил, как называется возвышенность, на которой я нахожусь, и он ответил, что она называется Чхе-ла-ганг (Возвышенность Дхармы). Я подумал, что это очень благоприятный знак, так как я впервые увижу моего гуру с этой возвышенности. Идя дальше, я продолжал расспрашивать встречных о Марпе. Мне встретились пастухи и с ними юноша приятной наружности и нарядно одетый. На нем были украшения, и волосы его были умощены и хорошо причесаны. На мой вопрос старшие не могли ответить, но юноша сказал мне: «Ты, должно быть, спрашиваешь о моем господине и отце, который имеет обыкновение продавать все в нашем доме для того, чтобы купить золото и отправиться с ним в Индию, откуда он возвращается с громадным количеством бумажных свитков. Если ты спрашиваешь именно о нем, то сегодня он пашет в поле, хотя раньше этим никогда не занимался».

Я подумал, что это, вероятно, тот человек, которого я ищу, но мне было трудно поверить тому, что он, знаменитый Переводчик, пашет землю. Размышляя так, я продолжал идти, пока не встретился с ламой крупного телосложения, довольно полным, с глазами навывкате и имевшим очень величественный вид. Он пахал. В тот момент, когда мой взгляд остановился на нем, меня охватили трепет и ощущение такого невыразимого восторга, что я потерял всякое представление о том, где нахожусь. Когда я пришел в себя, то обратился к ламе с вопросом: «Почтенный господин, где здесь живет преданный ученик известного святого Наропы по имени Переводчик Марпа?» Какое-то время лама внимательно меня рассматривал, а затем спросил: «Откуда ты? Чем занимаешься?» Я ответил, что я великий грешник с нагорья Цанг и что, услышав о знаниях и учености Марпы, пришел к нему получить Истинное Учение, чтобы с помощью его достичь Освобождения. На это лама сказал:

«Хорошо, я устрою тебе встречу с ним, если ты закончишь эту работу для меня». И, вытащив из-под шляпы чанг, дал мне выпить. Выпив его, я ощутил бодрость. Лама, наказав мне работать старательно, ушел и оставил меня одного. Я допил чанг и затем охотно принялся за работу.

Вскоре пришел тот юноша, которого я встретил с пастухами, и сообщил мне, что меня приглашают в дом. Я очень этому обрадовался и сказал: «Лама выполнил мою просьбу, и поэтому я хочу закончить эту работу для него». И я продолжал работать, пока не вспахал все поле. Так как это поле помогло мне познакомиться с моим гуру, его стали называть Полею Помощи. Летом дорога пролегла по краю этого поля, а зимой пересекала его.

Когда я вошел вместе с юношей в дом, я увидел ламу, сидящего на двух подушках, поверх которых был постлан ковер. Лама уже привел себя в порядок, хотя на лбу и у носа были видны следы пыли. Он был грузным, с выдающимся вперед животом. Узнав в нем того же человека, с которым я недавно встретился, я огляделся, ожидая увидеть другого ламу.

Тогда сидящий на подушках лама сказал: «Конечно, ты не знал, что я Марпа. Теперь ты знаешь и можешь приветствовать меня» .

Я тотчас поклонился и, коснувшись лбом его ног, приложил их к моей голове. Совершив эту церемонию, я обратился к Марпе со следующими словами: «О почтенный учитель, я великий грешник с Западного нагорья, пришел, чтобы отдать тебе свое тело, речь и мысль. Прошу тебя обеспечивать меня пищей и одеждой и обучать меня тому, что поможет мне достичь Освобождения в течение одной жизни».

Лама ответил: «Так как ты великий грешник, ты не имеешь ничего общего со мной. Я не посылаю тебя совершать грехи от моего имени. Какие грехи ты совершил?» После того, как я подробно рассказал ему о своей жизни, лама поставил следующее условие: «Мне нравится, – сказал он, – твое предложение посвятить мне тело, речь и мысль, но я не могу обеспечивать тебя пищей и одеждой и одновременно обучать. Или я буду содержать тебя, а учиться ты будешь в другом месте, или тебе придется самому обеспечивать себя пищей и одеждой, а я буду заниматься только твоим духовным развитием. Выбери то, что тебе предпочтительнее. Если я передам тебе Истину, достижение Освобождения будет зависеть только от тебя, от твоего усердия и целеустремленности». Я ответил: «Я пришел к тебе, мой лама, за Истиной. Я найду пищу и одежду в другом месте». Сказав так, я тут же начал раскладывать свои вещи и несколько своих книг положил на полку вблизи алтаря. Но лама сразу же запретил мне: «Убери свои старые книги. Своим холодом они испортят мои священные реликвии и книги» .

Я подумал про себя, что он знает, что среди моих книг были и книги по черной магии, и поэтому он запретил класть их вместе с его священными реликвиями. Я взял книги с собой и держал в отведенном мне помещении. Так я прожил несколько дней. Жена моего учителя кормила меня и снабжала всем необходимым.

Так закончился этот период моей жизни, ознаменованный встречей с учителем и первыми приносящими заслугу деяниями.

ГЛАВА V. ИСКУС И ЕПИТИМЬЯ

О том, как Джецюн выполнял приказание своего гуру Марпы, подвергнутого ему необычным испытаниям, как много он страдал и как в отчаянии он три раза уходил от Марпы, чтобы найти другого учителя, но снова возвращался к Марпе.

Через несколько дней я пошел просить подаяние и, обойдя всю долину Лхобрак, собрал 420 мер ячменя, из которых 280 я отдал за большой медный сосуд с четырьмя ручками, по одной с каждой из четырех сторон, не имевший ни одного изъяна ни внутри, ни снаружи. За двадцать мер я купил мясо и чанг, а оставшиеся 120 мер насыпал в большой мешок и, положив сверху медный сосуд, вернулся с этим домой. Так как я был несколько утомлен, то, снимая с себя ношу, неосторожно ударил ею об пол, и дом немного задрожал. Это, по-видимому, рассердило моего учителя, так как он вскочил с места и закричал: «Ага, ты, послушник, оказывается, сильный малый! Ты что, хочешь убить всех нас, сотрясая дом своей силищей? Вон со своим мешком!» И он толкнул мешок ногой. Мне пришлось вынести из дома и поставить его снаружи. Я подумал тогда, что мой учитель просто немного вспыльчив и что впредь мне следует вести себя в его присутствии осторожно, но моя вера в него ни на секунду не была поколеблена.

Опорожнив сосуд, я снова внес его в дом и, поклонившись, преподнес его ламе. Он возложил руку на него в знак принятия и, не отводя руки и закрыв, пребывал некоторое время в молитве. Когда он закончил молиться, я заметил, что по лицу его текут слезы. «Это хорошее предзнаменование. Я отдаю этот сосуд моему гуру Наропе», – сказал он, сопровождая эти слова соответствующим жестом. Затем, взяв сосуд за ручки, он энергично потряс его и ударил палкой изо всех сил, произведя сильный звон. Поставив затем сосуд в конце алтаря, он наполнил его очищенным сливочным маслом, которое употреблялось для алтарных лампад.

Страстно желая достигнуть Освобождения, я не раз умолял его передать мне некоторые наставления, и в ответ он однажды сказал мне: «В провинции Ю и Цанг у меня есть немало преданных учеников и последователей из мирян, которые очень бы хотели прийти ко мне, но их всякий раз грабят по дороге пастухи-кочевники Ямдака, Талунга и Лингпа. И поскольку это происходило неоднократно, мои ученики не могут прийти ко мне с запасами провизии и подарками. Пойди и напусти на грабителей град. Это будет полезное для религии дело. Тогда я передам тебе наставления относительно Истины».

Я тотчас же отправился туда и напустил сильнейшую грозу с градом в каждом из указанных мест. Когда, вернувшись, я спросил ламу об обещанных наставлениях, то услышал в ответ: «Что? За твои две-три жалкие градины ты осмеливаешься спрашивать о Святейшей Дхарме, которую я получил в Индии такой дорогой ценой? Нет, сударь, если ты действительно стремишься к Истине, пойди и посредством магии, адептом которой ты себя считаешь, уничтожь некоторых горцев Лхобрака, так как они тоже часто грабили моих учеников, когда они шли ко мне из Ньял-Ло-ро, и не раз оскорбляли и меня. Если ты сумеешь в доказательство своих магических способностей

расправиться с ними, я сообщу тебе Мистические Истины, переданные мне моим почитаемым Гуру, великим пандитом Наропой, – Истины, с помощью которых можно за одну жизнь достигнуть Освобождения и прийти к состоянию Будды».

Снова я выполнил приказание гуру, и мое магическое проклятие произвело действие: горцы Лхобрака подрались друг с другом, и во время драки многие были убиты. Однако, при виде крови, я ощутил глубокое раскаяние и боль. Мой гуру, узнав, что среди убитых было много его обидчиков, сказал мне: «Правда, что ты настоящий адепт магии». И он назвал меня Тучхеном (Великим Магом). Когда я снова попросил его передать мне приносящее спасение Истины, лама в ответ сказал: «Ха-ха! Я должен сообщить тебе самые сокровенные Истины, которые я получил в Индии, отдав за них все мое земное состояние, – Истины, которые все еще исторгают дыхание Ангельских Существ, передавших их, и все это в обмен на твои злодеяния? Нет, сударь. Такое только может вызвать смех. Если бы на моем месте был кто-то другой, он бы убил тебя за такую дерзость. Пойди и восстанови уничтоженные тобой посева пастухов и воскреси убитых людей Лхобрака. Если ты сможешь сделать это, тогда я соглашусь передать тебе Истины, а если ты не можешь, тебе лучше не появляться передо мной снова». И он гневался так, как будто собирался побить меня. Я же был низвергнут в пучину отчаяния и плакал горькими слезами. Жена ламы жалела меня и старалась утешить.

На следующее утро лама был настолько добр, что сам пришел ко мне и сказал: «Боюсь, что был слишком суров с тобой вчера вечером, но не принимай это близко к сердцу.

Будь терпелив и жди, и тебе будет передано Учение. Но мне думается, что ты умелый парень. Поэтому, я хотел бы, чтобы ты построил дом для моего сына Дарма-Додай (Юноша, Букет Сутр). Когда ты его закончишь, я не только сообщу тебе Истины, но также буду снабжать тебя пищей и одеждой во время твоего обучения». «Но, – настаивал я, – что случится со мной, если за это время я умру, не освободившись?» Он ответил: «Я обещаю, что за это время ты не умрешь. Мое учение дает определенную гарантию. И поскольку ты, как видно, обладаешь большой энергией и упорством, ты можешь стремиться к цели беспрепятственно, независимо от того, достигнешь ли ты Освобождения в течение одной жизни или нет. Моя секта не совсем такая, как другие секты. В ней больше эманации божественной благодати и более непосредственное духовное откровение, чем в какой-либо другой секте». Утешенный и обрадованный этими обещаниями, я сразу спросил ламу о плане дома.

Поручая мне эту работу, лама (как я понял потом) преследовал три цели: во-первых, он хотел построить дом в удобном и безопасном месте, невзирая на то, что его родственники дали клятву друг другу во время пира, в котором Марпа не принимал участия, не строить в этом месте никаких укреплений. Во-вторых, он хотел, чтобы я искупил мои преступления, и в-третьих, он намеревался ввести в заблуждение своих родственников, создав для себя возможность беспрепятственно выстроить дом там, где хотел.

У него был свой план, и он осуществил его следующим образом.

Поднявшись со мной на возвышенность, обращенную к востоку, и выбрав там место, он начертил план круглого здания и приказал приступить к строительству на этом месте. Я сразу принялся за работу. Когда я возвел уже половину здания, он пришел и сказал, что, давая указания, он недостаточно хорошо обдумал их и что я должен прекратить работу, сломать то, что я построил, и отнести землю и камни на место, где я их брал.

Когда я выполнил этот приказ, лама, казавшийся мне пьяным, повел меня на возвышенность, обращенную на запад, и, приказав мне строить там другой дом, начертил план в форме полумесяца и затем удалился. Когда я возвел половину требуемой высоты, лама снова пришел ко мне во время моей работы и сказал, что и этот дом не годится и я должен отнести глину и камни обратно туда, откуда я их принес. Я снова повиновался ему, и лама затем повел меня на возвышенность, обращенную к северу, и сказал мне: «Мой Великий Маг, по-видимому, я был пьян, когда я в прошлый раз велел построить дом, и поэтому дал тебе неверные указания. Вероятно, это была моя ошибка. Но сейчас ты должен построить мне на этом месте действительно хороший дом». Я осмелился сказать ему, что непрерывно строить дома, чтобы затем разрушать их, накладно и для него, и для меня. Я умолял его сначала подумать как следует, а затем давать приказания. Он сказал: «Я не пьян сегодня и хорошо обдумал вопрос. Дом тантрийского мистика должен быть треугольным. Поэтому построй мне дом такой формы. Этот дом мы не будем разрушать».

Теперь я строил уже дом треугольной формы. Когда работа была выполнена на треть, лама пришел и спросил: «Кто приказал тебе строить такой дом?» Я отвечал: «Этот дом для сына твоего преподобия я строю по твоему указанию». «Я не помню этого, – сказал он, – но если это так, то в то время я, видимо, не владел собой или был в невменяемом состоянии». «Но, – настаивал я, – боясь, что что-то подобное может случиться, я осмелился просить твое преподобие тщательно обдумать этот вопрос, и тогда ты соблаговолил убедить меня, что ты все тщательно обдумал и что этот дом не будет разрушен. И твое преподобие имел тогда вполне нормальный вид». Лама возмутился: «Как ты это докажешь? Как? Ты хочешь погубить меня и мою семью с помощью колдовства или запереть нас в твоём доме, имеющем вид магического треугольника? Но я же не отнял у тебя твое фамильное наследство. И ты ведь хочешь получить религиозные знания. Но сама форма этого дома может восстановить всех местных богов против тебя. Ты постарайся все разрушить сразу и отнеси все камни и глину на место. Тогда я передам тебе те наставления, которые желаешь получить. Но если ты не исполнишь моих указаний, ты можешь уходить!» И лама был, по-видимому, очень рассержен. Я крайне опечалился этим, но другого выхода у меня не было. Я стремился к познанию Истины, и мне ничего не оставалось делать, как разрушить и этот дом и с материалом поступить так, как было приказано.

Из-за тяжелой работы у меня образовалась большая рана на спине между плечом и позвоночником, но я не осмеливался показать ее ламе, который, я боялся, будет недоволен, если это сделаю. Я также не показывал ее его жене, чтобы она не подумала, что хочу этим подчеркнуть, какую тяжелую работу для

них исполняю. Поэтому я никому не говорил о своей болезни, а только попросил жену ламы уговорить его дать мне обещанные наставления. Она пошла к мужу и сказала: «Мой господин, твои бессмысленные затеи со строительством домов только изматывают силы этого бедного юноши. Прошу пожалеть его сейчас и дать наставления». Лама отвечал: «Приготовь хороший обед и позови его». Она приготовила обед и привела меня. Лама тогда сказал: «Великий Маг, не обвиняй меня напрасно, как вчера. Что касается наставлений, я их тебе дам». И он научил меня четырем формулам о Прибежищах, а также молитвам, правилам и обетам и в заключение сказал: «Они называются временными религиозными наставлениями. Но если ты стремишься получить вневременные религиозные наставления, то есть мистические истины, ты должен поступать так». И он рассказал мне об аскетических подвигах его гуру Наропы и закончил рассказ словами: «Но ты вряд ли сможешь осуществить такое. Боюсь, что это будет слишком трудно для тебя». Его рассказ произвел на меня глубокое впечатление. Я не мог сдержать слез из-за переполнявшей мое сердце веры и решил делать все, что лама мне прикажет.

Прошло несколько дней, и лама пригласил меня пойти с ним на прогулку. Во время прогулки мы подошли к месту, на котором, как уже было сказано, дяди и двоюродные братья ламы договорились ничего не строить и которое теперь ими охранялось. Здесь лама остановился и сказал: «Теперь ты должен построить обычный, с квадратным основанием дом в девять этажей, с украшениями в верхней части, образующей десятый этаж. Этот дом не будет разрушен, и после окончания строительства я передам тебе Истины, которые ты жаждешь получить, и буду обеспечивать тебя всем необходимым, когда ты будешь находиться в уединении, совершая садхану». Здесь я осмелился попросить его пригласить в качестве свидетеля его жену, которую я обычно называл Почтенной Матерью. Он согласился, и я пошел пригласить Почтенную Мать, а лама в это время занялся составлением плана дома. Когда мы пришли, я сказал в присутствии обоих: «Я уже построил три дома, но каждый из них мне пришлось разрушать. В первом случае потому, что лама, как он мне объяснил, недостаточно хорошо обдумал вопрос; по поводу второго дома он сказал, что был пьян, когда приказал строить, а относительно третьего дома – что он был вне себя или почти что сумасшедшим и не помнит, что давал мне распоряжение строить его. Когда я напомнил ему об обстоятельствах, связанных с третьим домом, он потребовал от меня доказательств и был очень рассержен. Теперь он еще раз приказывает мне строить дом, и поэтому я прошу, чтобы ты, моя Почтенная Мать, согласилась быть свидетелем его слов». В ответ она сказала: «Конечно, я могу быть свидетелем, но твой гуру, Почтенный Отец, такой своенравный, что он не обратит на нас никакого внимания. Кроме того, Почтенный Отец делает совершенно ненужное дело: нет необходимости во всех этих строительствах. Совершенно бесполезное занятие заставлять беспрестанно строить дома только для того, чтобы их снова сносить. К тому же мы не имеем прав на этот участок, который охраняется родственниками твоего гуру. Это тот участок, о котором они дали клятву друг другу. Но Почтенный Отец не считается с моим мнением, и я только рискую вызвать ссору».

Обратившись к своей жене, лама сказал: «Делай то, что тебя просят: будь свидетелем, а затем возвращайся домой и предоставь мне заняться моим делом. Не нужно вмешиваться в то, о чем тебя не просят».

Снова я приступил к работе и, заложив квадратный фундамент, начал возводить здание. Случилось так, что старшие ученики моего гуру – Нгогдун-Чудор из Жунга, Цуртен-Ванг-гай из Дела и Метен-Ценпо из Цанг-рога ради физической разминки принесли к тому месту, где я работал, большой камень. Так как это был хороший по размеру камень, я использовал его в качестве краеугольного, установив его над фундаментом вблизи дверного проема, и, когда возвел второй этаж, Марпа пришел посмотреть на мою работу. Осмотрев все здание очень тщательно и заметив камень, который принесли три его старших ученика, он сказал: «Великий Маг, где ты достал этот камень?» «Твое преподобие, его принесли ради разминки три твоих старших ученика», – отвечал я. «Если это так, – сказал он, – то ты не имеешь права использовать для строительства дома камень, принесенный ими. Потрудись вытащить его и вернуть на то место, откуда он был принесен». Я напомнил ему о его обещании не разрушать это здание. Но он тогда сказал мне: «Я не обещал тебе использовать в качестве рабочих моих лучших учеников, посвященных в мистические истины, дважды рожденных. Кроме того, я не приказываю тебе разрушать все здание, но только вытащить этот камень, принесенный моими лучшими учениками, и отнести его на прежнее место».

Мне ничего не оставалось делать, как разобрать сверху донизу возведенную мной стену. Вытащив камень, я отнес его туда, откуда он был принесен. Как только лама увидел, что я выполнил его приказ, он придя сказал: «Сейчас ты можешь сам принести этот камень установить его в том же месте». Приложив усилие, равное силе трех, я смог это сделать. Этот камень впоследствии стали называть Гигантом в знак необычной физической силы, которую я приложил, чтобы поднять его.

Когда я был занят закладкой фундамента на этом запретном месте, некоторые из тех, кто видел меня, говорили: «Кажется, Марпа действительно собирается строить дом на этом утесе. Не лучше ли помешать ему?» Но другие сказали: «Марпа сам не знает, что делает. Он заполучил дюжего молодого послушника из Нагорья и, будучи одержимым манией строительства, заставляет этого бедного парня строить на каждом близлежащем кряже, утесе, холме дома по неудачным проектам. Затем он велит ему разбирать наполовину выстроенный дом и относить материал обратно, туда, откуда он был принесен. Наверняка он сейчас сделает то же самое. Но если он не сделает этого, у нас достаточно времени, чтобы помешать ему. Подождем и увидим».

Однако они вскоре убедились, что Марпа не собирается разрушать дом. Когда был уже построен седьмой этаж, и у меня около поясницы появилась еще одна рана, родственники Марпы сказали друг другу: «Он не собирается сносить это здание. То, что сносились другие, было только маскировкой, рассчитанной на то, чтобы обмануть нас. Давайте снесем его». И они приготовились осуществить свое намерение. Но лама посредством магии создал большой корпус вооруженной охраны, которая находилась внутри дома и снаружи. Всех

замысливших нападение охватил страх. Они спрашивали друг у друга: «Откуда Переводчик Марпа мог получить такое большое подкрепление?», – и не осмеливались начинать войну с ним. Вместо этого каждый тайно выразил уважение Марпе, и затем все стали его последователями.

В то время прибыл Метен-Ценпо родом из Цанг-ронга для получения Великого Посвящения в Демчонг-Мандалу, и моя Почтенная Мать тогда сказала мне: «Сейчас подходящий момент для тебя также получить посвящение». И я подумал, что сам уже заслужил его. Ведь я смог построить такое здание своими руками, и никто мне не помогал. Никто мне не принес ни одного камня даже величиной с козлиную голову, ни одной корзины земли, ни одного кувшина воды, ни одного куска глины. Рассуждая так, я был вполне уверен, что буду достоин посвящения. И поклонившись, я занял место среди посвящаемых.

Увидев меня, лама спросил: «Великий Маг, что у тебя есть для приношения?» Я отвечал: «Твое преподобие обещал мне, что когда я закончу строительство дома для сына твоего преподобия, я получу посвящение и наставления. Поэтому я надеюсь, что твое преподобие будет теперь благосклонен ко мне и удостоит меня посвящения». Лама возмутился: «Какая дерзость! Какая наглость! За то, что ты положил несколько кладок глинобитной стены, я, по-твоему, должен передать тебе Священное Учение, которое я получил в Индии, отдав за него целое состояние. Если ты можешь заплатить за посвящение, тогда другое дело. Если же ты не можешь, уходи из этого мистического круга». И он ударил меня и, схватив за волосы, вытолкнул из комнаты. Мне тогда хотелось, чтобы я умер тут же на месте. Я проплакал всю ночь. Супруга ламы тогда подошла ко мне и сказала: «Ламу невозможно понять. Он говорит, что принес Святое Учение из Индии сюда для блага всех существ, и обычно он готов учить и проповедовать каждому, даже собаке, если она окажется перед ним, и молится за нее. Поэтому не теряй веры в него». Так добрая женщина старалась меня ободрить.

На следующее утро лама сам пришел ко мне и сказал: «Великий Маг, тебе лучше прекратить строить этот дом и начать другой, с двенадцатью столбами, с залом и часовней в виде пристройки к главному зданию. Когда ты его закончишь, я передам тебе Наставления».

Еще раз я заложил фундамент здания. Все это время жена ламы кормила меня каждый день вкусной едой, угощала приправами и чангом, утешала меня и помогала дельными советами.

Когда пристройка была близка к завершению, прибыл Цуртен-Ванг-гай родом из Дела, чтобы получить Великое Посвящение в Мандалу эзотеризма. Тогда супруга ламы сказала мне: «Мой сын, на этот раз нам удастся тебя посвятить». Она дала мне сливочное масло, кусок ткани для одеяла и небольшой медный сосуд и велела мне пойти и сесть среди учеников, которые должны были получить посвящение. Лама, заметив меня, сказал: «Великий Маг, заняв место среди посвящаемых, имеешь ли ты что-нибудь, чтобы заплатить за посвящение?» Я показал масло, ткань и сосуд и сказал, что это будет моей платой. На это лама ответил, что эти вещи уже принадлежат ему,

так как их принесли в качестве платы за посвящение другие ученики, и что я должен принести принадлежащие мне или же выйти из посвятельного круга, и разгневанный, он встал и пинками вытолкнул меня. В тот момент я хотел провалиться сквозь землю. Одновременно у меня возникла мысль: «Так как я погубил посредством колдовства столько людей и уничтожил градом посевы, все мои страдания сейчас – кармические последствия этих злодеяний, или, – продолжал я размышлять, – лама увидел во мне такое, из-за чего, он знает, я не смогу воспринять и практически применить Учение, или же, – спрашивал я себя, – лама не относится ко мне с приязнью и уважением? Что бы ни было, – сказал я себе, – без религии жизнь человека ничего не стоит». И я стал думать о самоубийстве. В этот момент супруга ламы принесла мне свою долю освященной еды и выразила мне свое искреннее сочувствие. Но я потерял вкус даже к освященной еде и проплакал всю ночь.

На следующее утро лама сам пришел ко мне и сказал: «Ты должен закончить оба здания. Тогда я обязательно передам тебе Наставления и Истины».

Продолжив работу, я вскоре почти закончил пристройку, но к тому времени на пояснице у меня появилась еще одна рана. Кровь и гной сочились из трех ран, и скоро вся спина превратилась в одну сплошную рану. Я показал ее моей Почтенной Матери и, напомнив ей об обещании ламы передать мне наставления, просил ее походатайствовать за меня перед ламой, чтобы он соблаговолил передать мне Истины, которые я жаждал получить. Моя Почтенная Мать внимательно осмотрела мои раны и, обливаясь слезами, выразила готовность поговорить обо мне с ламой.

Придя к ламе, она сказала ему: «Великий Маг выполнил такую колоссальную работу. Его руки и ноги все покрылись трещинами, а на спине появились три огромные раны, из которых сочится кровь и гной. Я слышала раньше о пони и ослах с такими ранами и видела даже несколько таких животных, но никогда раньше не слышала, что у людей могут быть такие же раны, и тем более не видела таких людей. Какой позор ты навлечешь на себя, если люди узнают об этом. Ты, такой высокоуважаемый и почитаемый лама, оказался таким жестоким! Ты должен пожалеть мальчика. Кроме того, ты же обещал, что передашь ему наставления, которые он так сильно желает получить». Лама отвечал: «Да, обещал. Я обещал ему, что, когда десятиэтажное здание будет закончено, я передам ему наставления, но где эти десять этажей? Он закончил их?» «Но, – настаивала мой ходатай, – он сделал пристройку, намного превышающую десятиэтажное здание». «Много разговора, мало дела», как гласит пословица, – возразил лама. – Когда он закончит десятый этаж, я дам ему наставления, но не раньше. А правда, что на его спине появились раны?» «О Почтенный Отец, твой деспотизм мешает тебе даже взглянуть. Иначе ты не мог бы не заметить, что у него не просто рана на спине, но что вся его спина – это сплошная рана». Сказав это самым суровым тоном, супруга ламы поспешила выйти. Но лама окликнул ее и сказал: «Пусть парень придет ко мне».

Я пришел к нему, сильно надеясь, что наконец мне будут переданы

Наставления, но вместо этого он только велел мне показать мою больную спину. Осмотрев ее очень внимательно, он сказал: «Это ничто по сравнению с теми испытаниями и страданиями, которые перенес мой господин святой Наропа. Ему пришлось подвергнуть свое тело двенадцати большим и двенадцати малым испытаниям, которые в сумме составляют двадцать четыре. Я сам не жалел своего имущества и своей жизни и, готовый пожертвовать ими, беззаветно следовал и служил моему учителю Наропе. Если ты действительно ищешь Истину, не выставляй напоказ свое усердие и трудись, пока не выполнишь порученное тебе дело». Снова мои надежды рухнули.

Затем лама, сложив свою одежду так, что получилось нечто вроде подушки, показал мне, как ее укладывают на пони и ослон, когда у них натерты спины, и посоветовал мне сделать то же самое для себя. Когда я спросил его, какая польза от этой подкладки, когда вся спина – сплошная рана, он холодно ответил, что в рану не будет попадать земля и не будет ее ухудшать, и велел мне продолжать носить глину и камни. Получив от гуру такое указание, я понимал, что обязан подчиниться и продолжать работать. Но теперь я уже носил ношу не на спине, а перед собой. Лама, увидев, как я работаю, говорил себе: «Заслуживает похвалы тот благородный шишья, который бескорыстно повинуется приказаниям своего гуру». И он втайне плакал от радости, видя мою искренность и веру в него.

А раны тем временем все ухудшались и воспалялись. Я испытывал такую сильную боль, что не мог больше работать, и попросил жену ламы снова похлопотать за меня и попросить ламу передать мне Истины. Но даже если мне в этом будет отказано, я просил разрешение отдохнуть некоторое время до тех пор, пока не смогу снова работать. В ответ на его просьбу лама сказал: «Ни Учения, ни наставлений он не получит, пока не закончит эти здания, но отдохнуть он может, если не в состоянии работать, так как другого выхода нет. Пока пусть он работает столько, сколько может». Тогда Почтенная Мать разрешила мне отдохнуть и лечить мои раны. Когда они частично залечились, лама, не упоминая совсем о наставлениях, сказал мне: «Великий Маг, лучше возобновить строительство и быстро его закончить». Я был уже готов приступить к работе, когда моя Почтенная Мать сказала мне по секрету: «Давай сделаем так, чтобы заставить его передать тебе Учение». Мы посоветовались и придумали, что я выйду со всеми своими вещами (книгами и т.д.) и с небольшим мешком муки за спиной и буду говорить ей: «О, не удерживай меня, не удерживай!», – в том месте дороги, откуда меня мог бы видеть и слышать лама, когда он сидел на своем обычном месте. Так я должен был делать вид, что ухожу, а она удерживает меня, говоря: «Не уходи, не уходи! Я сделаю все, чтобы ты получил наставления».

Когда это краткое представление было таким образом разыграно в пределах досягаемости для глаз и ушей ламы, он позвал жену: «Дамема, (Лишенная Эгоизма), что за комедию вы сейчас оба играете?» Его супруга отвечала: «Великий Маг говорит, что пришел сюда издалека в надежде получить от тебя, своего гуру, знание Истин, приносящих Спасение. Однако вместо этого он только навлекал твое недовольство и зарабатывал побои. А

сейчас, боясь умереть без знания Истин, он собирается пойти куда-нибудь, чтобы получить их, а я убеждаю его, что сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь ему, и стараюсь' удержать его». Тогда лама сошел со своего места и, нанеся мне несколько ударов, закричал: «Когда ты впервые пришел ко мне, не предлагал ли ты мне всего себя – тело, речь и ум? А сейчас ты куда собираешься? Ты принадлежишь мне безраздельно. Если бы я захотел, я мог бы изрубить твое тело на сто кусков, и никто не смог бы мне помешать. Но даже если ты хочешь уйти, какое ты имеешь право уносить из моего дома муку?» Сказав это, он сшиб меня с ног и избил, а затем отнес мешок в дом.

Это повергло меня в состояние невыразимой скорби, с которым может сравниться горе матери, потерявшей своего единственного сына. Но в то же время я был поражен властью и величием ламы, и меня осенила мысль, что причиной случившегося стал мой разговор с женой ламы. Мне не оставалось ничего другого, как вернуться, лечь и плакать. Почтенная Мать сказала, что, очевидно, ламу невозможно тронуть абсолютно ничем – ни молитвами, ни мольбами, ни уловками. «Но будь уверен, что он в конце концов посвятит тебя, – успокаивала она меня. – А пока я попытаюсь научить тебя чему-нибудь». И она научила меня методу, или системе медитации на Дордже-Па-мо, что значительно облегчило мое внутреннее состояние, хотя я не получил всей благодати от реализации знания. Но за то, что я получил, я был премного благодарен моей Почтенной Матери. Я думал о том, что так как она является женой моего гуру, Истины, которые она мне передала, помогут искупить мои преступления. Поэтому я старался выразить ей свою благодарность, оказывая ей маленькие услуги. Так, я смастерил для нее скамейку, на которой она могла сидеть, когда доила коров летом, и еще одну, на которой она могла сидеть, когда обжаривала ячмень во дворе перед домом.

Вскоре я начал серьезно думать об уходе отсюда, чтобы найти другого гуру. Однако снова взвесив все, я пришел к выводу, что единственный, кто владеет учением, с помощью которого я смогу получить совершенное Освобождение в этой жизни, – это мой настоящий гуру. Я понимал также, что если я не получу Освобождения в этой жизни, из-за преступлений, которые я совершил, я окажусь после смерти в одном из мест преисподней. Поэтому я решил делать все, что в моих силах, и подражать Наропе в аскетических подвигах, стойкости и непрерывных поисках Спасительной Истины, без обретения которой я не смогу достигнуть Освобождения. В таком настроении я продолжал работать, укладывая камни и заготавливая глину.

В это время прибыл Нгогдун-Чудор родом из Жунга с большой свитой и ценными подарками, чтобы получить Великое Посвящение в Мандалу Гайпа-Дордже, и тогда жена ламы сказала мне: «Если Почтенный Отец все еще недоволен тобой, несмотря на твою преданность и послушание, мы преподнесем ему что-нибудь в качестве платы за посвящение, чтобы в любом случае обеспечить твое участие в церемонии. Преподнеси ему эту вещь и прими посвящение. А если он будет возражать, я прибавлю мои молитвы к твоим». Сказав это, она вручила мне ценную бирюзу темно-синего цвета, которая была ее личной собственностью.

Я пошел к гуру и, отдав ему бирюзу в качестве платы за посвящение, занял место среди участников церемонии. Лама взял бирюзу и, тщательно осмотрев ее со всех сторон, сказал: «Великий Маг, как тебе досталась эта бирюза?» Я ответил: «Почтенная Мать дала мне ее». Он засмеялся и велел позвать жену. Когда Почтенная Мать пришла, он спросил: «Дамема, как мы приобрели эту бирюзу?» Она несколько раз пала ниц перед ним и ответила: «Почтенный Отец, эта бирюза ни в коем случае не является нашей общей собственностью. Это особая часть моего приданого, полученного мной от моих родителей по случаю моего замужества. Вспыльчивость твоего преподобия могла стать причиной нашего развода, и эта бирюза должна была остаться у меня в том случае, если нам пришлось бы разойтись, а пока я должна была хранить ее в тайном месте как мою личную собственность. Но видя, как этот мальчик жаждет получить посвящение, я не могла не отдать эту вещь ему. Пожалуйста, возьми эту бирюзу и удостой его посвящения. Он и так уже столько страдал за то, что его несколько раз изгоняли из Священного Круга. Позволь мне просить тебя смилостивиться над ним, и вы тоже, мои сыновья, Нгогдун и остальные, прошу вас также походатайствовать за него со мной вместе». Закончив эту речь, она снова несколько раз пала ниц перед ним.

Зная о крутом нраве ламы, Нгогдун и другие не посмели ничего добавить, но только поднялись и, поклонившись, промолвили: «Пусть будет так, как говорит наша Почтенная Мать». Но лама уже надел бирюзу на свое ожерелье и сказал только: «Дамема, из-за твоей глупости мы чуть не потеряли эту ценную бирюзу. Она могла бы вообще пропасть. Не будь глупой. Поскольку ты сама целиком принадлежишь мне, бирюза тоже моя. Великий Маг, если какую-нибудь свою собственность ты можешь принести сюда, я удостою тебя посвящения. А эта бирюза не твоя, она принадлежит мне».

Видя, что бирюза оказалась у него, я надеялся на то, что он, может быть, смягчится и позволит мне принять участие в посвящении. Поэтому я не уходил. Тогда лама, не желая больше терпеть мое присутствие, поднялся и закричал, как казалось, в приступе гнева: «Ты, наглец, почему не уходишь, когда я тебе приказываю? Как ты смеешь остаться здесь?» И оглушительным ударом он свалил меня на пол лицом вниз, а затем с огромной силой швырнул на спину. Он уже собрался схватить палку, чтобы отколотить меня, но тут вмешался Нгогдун и удержал его. Тогда я, ужасно потрясенный, выпрыгнул из окна, заставив ламу беспокоиться, хотя внешне он этого не показывал и продолжал притворяться рассерженным.

Я не ушибся во время прыжка, но был так подавлен и обижен, что решил покончить собой. Снова моя Почтенная Мать пришла ко мне и утешала меня, говоря: «Великий Маг, не принимай это так близко к сердцу. Ты самый дорогой и преданный ученик. Если ты в конце концов захочешь уйти, чтобы найти другого гуру, я помогу тебе приготовить подарки и дам тебе все, что нужно в дорогу». Так она старалась утешить меня, прорыдав со мной всю ночь, и совсем забыла о своей обязанности присутствовать на вечерней службе и помогать ламе ее совершать.

На следующее утро лама вызвал меня к себе. Я пошел к нему в надежде,

что он выполнит мое самое заветное желание. Но когда я предстал перед ним, он спросил меня, не поколебал ли мою веру в него его недавний отказ посвятить меня и не вызвал ли неприязнь к нему. Я ответил: «Это не поколебало моей веры в тебя, потому что я сознаю, что мои преступления не дают мне возможности принять участие в церемонии, и я испытываю раскаяние». И тут я заплакал. Тогда он велел мне уйти и сказал вслед: «На каком основании ты хочешь обвинить меня с помощью слез?».

Когда я уходил от него, мое сердце как бы разрывалось на части. Казалось, что какой-то смерч подрывает самые его корни. Я подумал о золоте, которым я владел, когда отправлялся творить зло, и оплакивал теперь судьбу за то, то она лишила этого сейчас, когда я хотел посвятить себя религии. «О, если бы я имел сейчас хоть половину того золота! – думал я. – Тогда бы я смог заплатить за посвящение и обучение. Я знаю, что бесплатно лама ничего мне не даст. Мне всегда потребуется иметь что-то для подарка, даже если я найду другого учителя. Иного выхода нет. Из-за того, что у меня нет никакого имущества, мне придется умереть неосвобожденным. Лучше было бы для меня покончить с жизнью сразу, чем продолжать жить так. Что же мне делать? О, что же мне делать? Пойти наняться слугой к какому-нибудь богачу, копить из своего заработка и приобрести достаточное количество золота, чтобы его хватило на плату за посвящение и на мое содержание в период покаяния и медитации? Или мне отправиться домой и повидаться с матерью? Может быть, там я как-нибудь смогу достать деньги. Но ведь я устроил настоящее побоище у себя на родине и безжалостно погубил столько людей посредством колдовства. Одно из двух, однако, нужно сделать сейчас. Я должен отправиться на поиски золота или Учения. Но отправиться я должен».

Взяв с собой только книги и оставив мешок с мукой, чтобы не навлечь недовольство ламы, я ушел, даже не сообщив моей Почтенной Матери о своем намерении. Когда я прошел 4-5 миль, меня охватило сильное желание увидеть ее еще раз и мучила совесть при мысли о моей неблагодарности: ведь я покинул добрую женщину, не сказав ей ни слова.

Было время завтрака, и я, прося подаяние, насобирал немного ячменной муки, достал топливо и, одолжив посуду, приготовил еду. Я смог поесть только после полудня. Тогда я подумал, что содержание мое у ламы составляло по крайней мере половину платы за работу, которую я выполнял для него, и теперь, когда мне стоило столько труда приготовить один утренний завтрак, я вспомнил об изобилии, к которому привык в доме ламы, – вкусных горячих блюдах, всегда во время приготовленных его женой, и почувствовал себя неблагодарным за то, что ушел, не попрощавшись с ней. Я начал думать о возвращении назад, но не мог окончательно решиться.

Когда я пошел возвращать посуду, которую брал во временное пользование, один старик остановил меня и сказал: «Дорогой, ты ведь молод и можешь работать. Почему ты просишь? Почему ты не зарабатываешь себе на пропитание чтением религиозных книг, если ты умеешь читать? Или, если ты не умеешь читать, почему ты не работаешь? Ты бы заработал себе на еду и даже немного сверх того. Ты умеешь читать?» Я отвечал, что я нищий и что

умею читать. Старик сказал: «Тогда пойдем ко мне домой, и ты почитаешь мне Писание, а я тебе хорошо заплачу». Я с радостью принял это предложение и почитал ему сокращенный вариант «Праджня-Парамиты» из восьми тысяч стихов. Во время чтения я дошел до жизнеописания одного архата по имени Тактунгу (Всегда Плачущий), где рассказывалось, как этот архат, не имевший денег, продал ради Учения свое собственное тело. Ничто не может быть дороже человеку, чем его сердце, но даже свое сердце он решил продать. Хотя незамедлительным последствием была бы смерть, он не отступил от своей цели. Когда я сравнил мои испытания с испытаниями этого архата, то мои показались мне не столь уж тяжелыми. Тогда у меня появилась надежда, что в конце концов наступит время, когда лама передаст мне Знание, которое я жажду получить. «Но если он этого не сделает, – решил я, – моя Почтенная Мать разве не обещала помочь мне найти другого гуру?» И я повернул назад.

А теперь я расскажу о том, что произошло после моего ухода. Когда жена ламы обнаружила, что я действительно ушел, она пошла к нему и сказала: «Наконец, Почтенный Отец, твой непримиримый враг покинул тебя. Ты теперь доволен?» «О ком ты говоришь?», – спросил он. «О бедном Великом Маге, с которым ты обращался, как со смертельным врагом». Лама нахмурился, но не смог сдержать слез. «О гуру богов Каргьютпа и духи-хранители, – молился он, – возвратите мне моего достойного ученика!» Сказав так, он накрыл голову мантией и долго пребывал в молчании.

Когда я явился и выразил почтение жене ламы, она очень обрадовалась: «Ты правильно сделал, что вернулся. Думаю, что лама сообщит тебе какую-то часть Учения, потому что, когда я ему сказала о твоём уходе, он плакал и восклицал: «Пусть мой достойный и одаренный ученик вернется!» И я думаю, что ты вернулся по милости ламы». Я, однако, считал, что Почтенная Мать говорит так только для того, чтобы успокоить меня, ибо не было соответствия между желаниями возвращения «его достойного ученика», как он меня назвал, и его отказом передать мне хотя бы крупицы Учения. Если он действительно называл меня озаренным, этому можно было радоваться, но его отказ передать мне Знание, и то, что он не разрешил мне уйти к другому учителю, чтобы получить его, внушали мне серьезные опасения, что мои страдания не кончились.

Почтенная Мать сообщила ламе о моем приходе: «Почтенный Отец, Великий Маг не оставил нас. Он вернулся. Можно ему войти, чтобы выразить тебе почтение?» «О, это он вернулся не из-за любви к нам, а ради себя, – сказал лама, – но ты можешь разрешить ему войти, чтобы выразить почтение». Когда я вошел, он сказал мне: «Великий Маг, не будь колеблющимся в отношении своих целей. Если ты действительно хочешь приобрести Знание, ты должен быть готов пожертвовать жизнью ради этого. А теперь иди и в первую очередь закончи три оставшихся этажа, и тогда твои желания будут исполнены. Но если ты рассуждаешь иначе, я только напрасно расходую на тебя средства, и ты можешь уходить, куда хочешь».

Я вышел от ламы, не осмелившись ничего ему сказать, но жене его я сказал следующее: «Почтенная Мать, я очень хочу повидаться со своей

матерью, и, кроме того, я точно знаю, что лама не передаст мне Учение. Если бы я был уверен, что получу его, когда закончу здание, я бы охотно продолжал работать и закончил бы его. Но я вижу, что лама только выставляет одну причину за другой в оправдание своего нежелания посвятить меня. Я знаю, что не получу посвящения, даже если закончу работу. Поэтому разреши мне вернуться домой. Вам обоим я желаю здоровья и долгой жизни». «Ты прав. Я обещала найти тебе гуру. Есть ученик у ламы по имен Нгогдун-Чудор, который владеет теми же наставлениями и знаниями, что и лама. Я сделаю, все, что в моих силах, чтобы ты получил от него то Знание, которое ты желаешь получить. Пока побудь здесь несколько дней и делай вид, что ты работаешь». Окрыленный надеждой, я усердно работал несколько дней.

Кажется, великий пандит Наропа имел обыкновение праздновать десятый день каждого месяца, и Марпа также соблюдал этот день. К этому празднику почтенная женщина приурочила осуществление задуманного ею плана. Она приготовила чанг в трех больших сосудах, в каждом из которых содержалось по двадцать мер, и разделила приготовленный чанг на фракции. Первую фракцию она собрала в одном сосуде и давала этот чанг Марпе через различных помощников (среди которых был и я), и мы не забывали вовремя наполнять его кружку. Вторую фракцию пили ученики, а третью она сама и причем очень мало. Я следовал ее примеру и оставался трезвым. Все остальные ученики оказались в большей или меньшей степени под воздействием чанга. Что касается ламы, то поскольку ему часто наливали этот напиток, он вскоре заснул крепким сном .

Когда он спал, его супруга вынесла из его комнаты несколько вещей, в том числе гирлянды и рубиновые четки Наропы. Затем, достав письмо, заранее написанное от лица моего гуру, и вложив в него завернутые в дорогой шарф гирлянды и четки, которые я должен был преподнести в качестве подарка, якобы переданного ламой, она запечатала письмо печатью ламы и, вручив его мне, велела идти с ним к Нгогдун-Чугору. В письме содержалось указание Нгогдуну передать мне Учение. И я отправился в Центральную провинцию Тибета, где жил Нгогдун. Я шел к нему, уверенный в том, что он сможет научить меня спасительным Истинам.

Через два дня после моего ухода лама спросил свою жену, что я делаю. Она сказала, что, возможно, я нахожусь в пути, но где, точно она не знает. «Куда он ушел и когда?» – спросил лама. Она отвечала: «Он сказал, что, хотя он сделал столько работы для тебя, ты не хотел передать ему знания и вместо этого награждал его руганью и побоями, и поэтому он пойдет и будет искать себе другого гуру. И так как я бы только навлекла на него твой гнев, если бы сказала тебе о его намерении, я предпочла не говорить. Я очень просила его остаться, но так и не смогла удержать его. Он ушел вчера». Услышав эту новость, лама помрачнел. «Когда он ушел?» – снова спросил он. «Вчера», – отвечала его жена. Некоторое время он пребывал в молчании, а затем сказал: «Мой ученик еще не может уйти очень далеко». А я тем временем достиг Риво-Кьюндинга в центральной Провинции Тибета, где жил Нгогдун, который сам был уже главным ламой. В тот момент, когда я увидел его, он объяснял

Двойной Анализ большой группе учеников. Разбирался отрывок: «Я – Толкователь и я – Истина. Я – Учитель мира и я – Последователь. Я тот, кто вышел за пределы всех состояний мирского существования, и я исполнен Блаженства». Находясь в некотором отдалении от них, я в знак почтения пал ниц. Как мне потом сообщили, место, где я находился в тот момент, называется Чаг-Таэл-Канг (Холм Почитания). Лама Нгогдун, сняв шляпу, ответил на мое приветствие. По тому, как я приветствовал его, он заключил, что я являюсь одним из учеников Переводчика Марпы. То, что во время моего прихода он объяснял эти замечательные строки, он воспринял как знамение и на основании этого простого совпадения предсказал, что я стану адептом всех религиозных учений. Он послал спросить, кто я. Посланный узнал меня и спросил: «Что привело тебя сюда?» Я ответил, то наш гуру лама Марпа очень занят и поэтому не может руководить моим обучением и послал меня к ламе Нгогдуну послушать его лекции. Я сказал также, что принес с собой гирлянды и рубиновые четки Наропы, пожалованные ему в дар ламой. Когда посланный вернулся назад к ламе Нгогдуну и передал ему мои слова, он очень обрадовался и сказал: «Поистине редки случаи такой милости. Моему скромному монастырю ниспослано благословение и оказана честь принять драгоценные и священные реликвии нашего великого учителя Наропы. Это столь же редкое событие, как цветение удумвары . Мы должны почтить его, как подобает, со всей торжественностью». И он отложил объяснение вышеупомянутого отрывка и послал нескольких монахов принести знамена, церемониальные зонты и подвески. В честь реликвий зазвучала музыка, которую исполняли на различных музыкальных инструментах. Когда я вошел в покои Нгогдуна, я пал ниц и затем вручил ему пакет и реликвии, и он, приняв их, был тронут до слез. Сняв шляпу, он возложил реликвии на голову и помолился о ниспослании ему благодати. Затем он поместил реликвии в святая святых его алтаря и начал читать письмо. Письмо было следующего содержания: «Я собираюсь уединиться в затворе, и так как Великий Маг с нетерпением жаждет получить Знание, я посылаю его к тебе, чтобы ты посвятил его. Сделай это для него и научи его Истинам. Я поручаю это тебе. В знак возложения на тебя этого поручения я посылаю тебе гирлянды и рубиновые четки Наропы» .

Закончив чтение письма, Нгогдун сказал, что он исполнит волю ламы и удостоит меня посвящения. Он прибавил, что и так собирался послать за мной и то, что я пришел сам, очень хорошо и совершилось с благословения и по милости ламы. И еще он сказал: «У меня есть ученики из Кама, Тагпо, Конгпо и Ярлунга, и их грабят по дороге сюда разбойники из Дела – йепо и йемо и отнимают у них то небольшое имущество, с которым они идут сюда, чтобы продолжить свои занятия. Поэтому я прошу тебя наказать этих нарушителей закона и наслать град на их поля. Когда ты сделаешь это, я удостою тебя посвящения, которое ты желаешь принять».

Теперь я горько оплакивал судьбу, вложившую эту проклятую силу в мои руки и сделавшую меня орудием мщения, несущим разрушение и смерть. «Я пришел сюда в поисках спасительной Истины, а здесь меня опять вынуждают совершить зло. Если я откажусь, я ослушаюсь гуру или по крайней мере того,

кого собираюсь считать моим гуру. Это почти такой же тяжкий грех, как отказ повиноваться настоящему гуру, и к тому же путь к Знанию будет для меня закрыт», – так рассуждал я и решил, что должен повиноваться, так как ничего другого мне не оставалось делать. Я отправился в путь, взяв с собой необходимые приспособления, и придя туда, где жили йепо, остановился в доме некой старухи. В тот момент, когда должна была начаться гроза с градом и уже сверкнула молния, загредел гром, и вот-вот должны были упасть первые градины, старуха стала бить себя в грудь и рыдая восклицать: «Ах! Как я буду жить, если мой урожай побьет град?» Слушать это было для меня невыносимо, и поэтому я не мог поступить жестоко с этой бедной старухой. Я попросил быстро начертить план ее поля, хотя, делая так, я ставил под угрозу свою жизнь. «О, мое поле такое», – воскликнула она с отчаянием в голосе и тут же нарисовала треугольную фигуру с удлиненным концом. Я сразу же накрыл фигуру железной сковородкой, и этого поля не коснулся град, за исключением угла, который не был покрыт сковородкой. Когда гроза прекратилась, я вышел из дома и увидел, что склоны гор, окружающих долину, были изборождены оврагами, поля с обильными всходами теперь все оголились, кроме поля женщины, которое оставалось не тронутым градом. Однако конец поля, соответствовавший упомянутому углу на его плане, не накрытому сковородкой, был побит ветром и градом и залит водой. И с тех пор это поле, за исключением его конца, всегда обходил град, который случался в этой местности. Говорят, что эта женщина была освобождена от уплаты налога за отведение града и платила только налог за упомянутый конец поля.

Возвращаясь к моему новому гуру, я встретил старого пастуха с ребенком, потерявшим во время наводнения все свои стада. Через него я передал жителям этой местности предупреждение, что если они не прекратят грабить учеников и приверженцев ламы Нгогпа, их посева всегда будут уничтожаться градом. Так они были оповещены о том, кто вызвал град. Узнав о таком могуществе ламы Нгогпа, жители этих двух районов были так потрясены, что стали отныне его преданными последователями и верно служили ему.

Следуя дальше, я подобрал несколько мертвых птиц, которых увидел под кустом ежевики, и еще много других птиц и несколько крыс, лежавших на дороге, наполнив ими шапку и подола моего платья.

Я сложил их в груды перед ламой Нгогпа и обратился к нему с такими словами: «О почтенный учитель! Я пришел сюда в надежде получить Святое Учение, но меня заставили насобирать кучу грехов. Сжался над этим ужасным грешником!» И я залился горькими слезами. На это лама ответил: «Не отчаивайся. Тебе незачем страшиться. Мы, последователи Наропы и Майтри, владеем теми Истинами, которые могут моментально спасти величайшего из грешников, как один камень, брошенный из пращи, может вспугнуть одновременно сотню птиц. Все существа: и эти птицы, и животные, убитые сейчас этим градом, – родятся снова, чтобы стать твоими ближайшими учениками, когда ты достигнешь состояния Будды. А пока это время не наступило, я сделаю все возможное, чтобы оградить их от падения в ад или перехода в другие, более низкие состояния. Поэтому не горюй. Но если ты все

еще сомневаешься, позволь мне доказать справедливость моих слов». Несколько минут он сидел молча с закрытыми глазами, а затем щелкнул пальцами. Моментально все мертвые птицы и крысы, которых я принес, ожили и отправились в свои гнезда и норы. Я тогда понял, что сам лама был Буддой. Как замечательно! Как благостно! Пусть и многим другим существам выпадет возможность умереть такой смертью. После этого я был посвящен в Мандалу (ритуал) Гайпа-Дордже. Я нашел пещеру, обращенную на юг, из которой мог видеть жилище моего гуру, и, потрудившись немного, чтобы сделать пещеру пригодной для пребывания в ней, заложил вход в нее, оставив только небольшое отверстие сбоку для передачи пищи и воды .

Мой гуру объяснил мне методы медитации, и я усердствовал в их применении. Однако, несмотря на старания гуру и усердие с моей стороны, я не обнаружил никакого сдвига, так как не имел на то благословения Марпы.

Однажды мой гуру пришел и спросил меня, испытывал ли я то-то и то-то. Я ответил, что не испытывал ничего (подобного этому). «Как так? – спросил он. – На этом пути развития психических сил не должно быть и никогда не было такого случая, чтобы не произошло сдвига за очень короткий период, при условии, что нет преграды на пути. Что же тебе мешает? Не может быть, чтобы наш главный гуру не дал согласия на твоё посвящение, так как в противном случае он бы не прислал дары и письмо. Продолжай медитировать!» Я был несколько встревожен этим посещением и даже на мгновение помыслил признаться в обмане, но мне не доставало смелости это сделать. Теперь больше, чем когда-либо, я сознавал, что должен подчиниться моему главному гуру ламе Марпе. Но в то же время я не прекращал усердно медитировать.

Тем временем лама закончил строительство дома для своего сына и написал ламе Нгогпа прислать ему для украшения дома ветки . В письме говорилось, что, когда будет закончено строительство шпилей и карниза, лама Нгогпа должен прибыть сам, чтобы принять участие в церемонии освящения дома и праздновании совершеннолетия Додай-Бума, сына Марпы . Далее Марпа писал, что знает, где я нахожусь, причем я был назван им «плохим человеком», и он просил ламу Нгогпа привести меня с собой.

Лама подошел к отверстию моей кельи и, прочитав мне письмо, высказал свое предположение: «Из того, что лама пишет о тебе, можно заключить, что он не давал тебе разрешения принять от меня посвящение». Я отвечал: «Сам лама мне своего согласия не давал, но его жена дала мне это письмо и реликвии, и с ними я был отправлен сюда». «Вот оно что, – сказал он. – Мы занимались бесполезным делом. Ты же должен знать, что нельзя рассчитывать на успех без согласия и благословения гуру. Не удивительно, что в тебе не проявился ни один из признаков духовного роста. Однако он приказывает тебе вернуться. Ты хочешь пойти?» Я попросил взять меня в качестве сопровождающего. Он ответил, что ветки посланы с носильщиками, и, пока носильщики не вернутся и не будет известна точная дата праздника, я должен оставаться в своем затворе.

По возвращении носильщиков он снова подошел к отверстию моей кельи, и мы вели продолжительную беседу о приближающейся церемонии освящения дома и передачи его сыну нашего гуру, который также должен был принять

посвящение. Я спросил ламу, говорил ли кто-нибудь обо мне. «Да, – сказал Нгогпа, – жена нашего ламы спрашивала носильщиков о тебе, и, узнав от них, что ты находишься в затворе, она спросила, что ты делаешь там. И когда ей сказали, что ты всегда предпочитаешь уединение, она послала тебе эту игральную кость с одним из носильщиков. Она сама помогла ему привязать ее к поясу и наказала передать ее тебе в целостности-сохранности». И Нгогпа вручил мне кость, вылепленную из глины. Я принял ее с благоговением и, зная, что ее касались руки моей Почтенной Матери, положил ее себе на голову.

Когда он ушел, у меня появилось желание поиграть в кости. Но тут же я одернул себя, подумав о том, что ни разу в присутствии Почтенной Матери я не обнаруживал желания играть в кости, и я спрашивал себя, для чего она прислала мне вещь, которая когда-то разорила моих предков. Не означало ли это, что теперь Почтенная Мать относится ко мне с презрением. Подумав так, я возмутился и в гневе бросил кость на землю с такой силой, что она раскололась надвое, и из нее выпал небольшой листок бумаги, свернутый в трубочку. Я поднял его и прочитал адресованную мне записку: «Сын, твой гуру теперь расположен к тому, чтобы посвятить тебя в Священное Учение. Поэтому возвращайся вместе с ламой Нгогпа». Это было столь приятной новостью для меня, что я буквально скакал и прыгал от радости в моей маленькой келье.

Вскоре пришел лама Нгогпа и сказал: «Храбрый Великий Маг, готовься в дорогу». И я сразу начал собираться. Сам лама приготовил преподнести Марпе все, чем он владел, за исключением тех вещей, которые ему были подарены Марпой. В дар предназначались образа, книги, реликвии, золото, бирюза, ткани, шелк, серебро, посуда, стада и т.д. Из животных он отправил всех своих овец и коз, кроме одной хромой козы, которую из-за ее хромоты невозможно было перегонять вместе со стадом и поэтому ее пришлось оставить. Все остальное, что ему принадлежало, он брал с собой, чтобы преподнести своему гуру. Он был достаточно добр и, сохраняя признательность ко мне за услугу, которую я ему оказал, он дал мне шелковый шарф, чтобы я от себя преподнес его ламе Марпе. А его жена дала мне мешок измельченного сыра, чтобы я преподнес его как подарок от меня жене Марпы Дамеме.

Наступил день, когда лама Нгогпа, его жена и я в сопровождении большой свиты отправились в Дово-лунг, монастырь Марпы. Когда мы подошли к подножию горы, на которой стоял Дово-лунг, лама попросил меня пойти вперед, чтобы сообщить ламе Марпе и Дамеме о его приближении и попросить послать ему чанг. Я поднялся в обитель и сразу встретился с женой Марпы. Приветствуя ее и выразив почтение, я преподнес ей мешок сыра. Затем я сообщил о приближении ламы Нгогпа и попросил ее послать что-нибудь подкрепляющее для путников. Она была очень рада моему возвращению и предложила мне пойти к ламе Марпе, чтобы выразить ему почтение и сообщить о приближении ламы Нгогпа.

Войдя в дом, я нашел Марпу на самом верхнем этаже. В это время он медитировал, и лицо его было обращено на восток. Когда я преподнес ему шарф и поклонился, он повернул лицо на запад. Я поклонился ему с западной стороны, он повернул лицо на юг. Тогда я сказал: «Почтенный Гуру! Хотя ты

отказываешься принять от меня выражение моего почтения по причине твоего недовольства мной, я должен сообщить тебе, что лама Нгогпа приближается со всем своим имуществом иконами, книгами, золотом, бирюзой, стадом животных, которые он принесет и дар тебе. И он, несомненно, заслуживает того, чтобы ему был оказан прием, соответствующий его положению. Поэтому я прошу тебя распорядиться послать ему чанг и что-нибудь еще, чтобы он мог подкрепиться, прежде чем прибудет сюда». Мои слова, очевидно, рассердили Марпу, и он, щелкнув пальцами, закричал: «Да? Кто мне помогал, когда я возвращался домой из Индии, неся на спине бесценные книги? Когда я нес домой драгоценные источники всех четырех направлений буддийского учения, кто встречал меня и оказывал мне прием? А сейчас я, знаменитый Переводчик, должен бежать и встречать Нгогпа только потому, что он хочет пригнать ко мне свое разбредшееся стадо? Нет, такого не будет. Если он рассчитывает на это, пусть он лучше возвращается туда, откуда пришел».

Я вышел от ламы и пошел к его жене, чтобы пересказать ей наш разговор. «О, твой гуру очень своенравный, – сказала она, выслушав меня. – Нгогпа – великий человек, и его надо принять как полагается. Давай пойдем вместе и встретим его». Я ответил: «Лама Нгогпа не ждет, что ты пойдешь встречать его. Только дай мне чанг, и я побегу к нему». «Нет, я пойду встречать его», – сказала она и, приказав нескольким ученикам принести изрядное количество чанга, вышла навстречу ламе Нгогпа.

Наступил день, когда все жители Лхобрака собрались на празднование совершеннолетия сына Марпы Дарма-Додая, к которому было приурочено освящение построенного для него дома. Был устроен пир, и во время праздника лама Марпа громким голосом спел гимн, благословляя собравшихся и это торжественное событие:

«Я молюсь Милостивому Гуру!
Благо незапятнанности ниспослано
Этой прославленной секте, мной руководимой.
Да будут осенены им все присутствующие здесь.
Благо безошибочно ниспослано
Избравшим короткий путь, открываемый Истинами.
Да будут осенены им все присутствующие здесь.
Благо глубоких знаний ниспослано
Мне, Переводчику Марпе.
Да будут осенены им все присутствующие здесь.
Благо милосердия и любви ниспослано
Гуру, Дэвам и Дакини.
Да будут осенены им все присутствующие здесь.
Благо непоколебимой, истинной веры
Ниспослано моим духовным сыновьям и шишьям.
Да будут осенены все присутствующие здесь.
Благо милосердия и приобретения заслуг
Ниспослано моим ученикам-мирянам.

Да будут осенены им все присутствующие здесь.
Благо альтруизма и достижения Освобождения
Ниспослано совершающим чистые деяния.
Да будут осенены все присутствующие здесь.
Благо великой заслуги ниспослано добрым духам
И сурового наказания злым духам в этом
преходящем мире.

Да будут осенены им все присутствующие здесь.
Благо радости и доброжелательности
Ниспослано этим ламам мирянам.

Да будут осенены им все присутствующие здесь».

Когда Марпа закончил петь, лама Нгогпа поднялся и преподнес свои дары, а затем произнес обращенную к Марпе речь: «Драгоценный и почитаемый Гуру! Ты знаешь, что все, что я имею, и я сам принадлежат тебе. По случаю праздника, я прошу разрешения объявить тебе, что в качестве приношений я взял с собой все, что имею, кроме одной хромой старой козы, которую невозможно было пригнать вместе с остальными животными. В ответ я молю удостоить меня, твоего преданного шишью, самых драгоценных посвящений и передать мне самые сокровенные мистические истины, а также рукописи, содержащие эзотерические истины, передаваемые только шепотом на ухо». Произнеся это, он пал ниц перед Марпой. Марпа был очень доволен и в свою очередь сказал следующее: «Если это так, то я, со своей стороны, должен сказать тебе, что истины и священные книги, которыми я владею, являются редчайшими и дающими наилучшие результаты. Они относятся в основном к тем учениям, которые называются «Ускоренный метод прохождения Истинного Пути», с помощью которого можно достигнуть Нирваны в этой жизни, а не ждать ее в течение бесчисленных веков. В этом состоит непревзойденная ценность этих истин. Но здесь требуется выполнение одного условия. Истины, содержащиеся в свитках, о которых ты говоришь, могут быть переданы только после неукоснительного исполнения повелений гуру. И поэтому, если ты не принесешь эту оставшуюся козу, несмотря на ее хромоту и старость, получить эти свитки тебе будет нелегко. А остальное ты уже получил». Это требование рассмешило всех, но не ламу Нгогпа, который со всей серьезностью спросил, будут ли ему переданы свитки, когда он приведет эту козу. На это Марпа ответил: «Да, если ты сам ее приведешь».

Гости разошлись, и на следующее утро лама Нгогпа

отправился за козой и сам принес ее на себе. Марпа был очень этим доволен и сказал: «Истинный последователь мистического учения должен быть таким, как ты. Мне мало пользы от этой козы, но я велел тебе принести ее, чтобы подчеркнуть величие и несравненную ценность религиозных истин». Он обещал посвятить его в некоторые мистические Истины и Мандалы и вскоре исполнил свое обещание.

По прошествии некоторого времени он устроил угощение для учеников из отдаленных районов и для своей семьи и, сидя с приставленной возле него длинной палкой, бросал сердитые взгляды на ламу Нгогпа, который также был среди приглашенных. Затем, указывая на него пальцем, он сказал: «Нгогдун-Чудор, какое объяснение ты дашь относительно передачи тобой посвящения и Истин этому нехорошему человеку Тхепаге?» И говоря это, поглядывал на свою палку. Лама Нгогпа был потрясен. «Дражайший Гуру, – отвечал он, запинаясь, – твое преподобие велел мне это сделать в письме, в котором были твоя подпись и печать. Вместе с письмом твое преподобие передал мне гирлянды и рубиновые четки Наропы как свидетельство того, что письмо написано тобой, и я выполнил твое приказание. Я не сделал ничего, в чем бы я мог упрекнуть себя. И поэтому я прошу не сердиться на меня». И говоря это, он растерянно оглядывался. Марпа тогда обратил свой гневный взор на меня. «Откуда ты взял эти вещи?» – спросил он. В тот момент мое сердце готово было выскочить из груди, и я был охвачен таким ужасом, что едва владел речью. Весь дрожа и запинаясь, я сказал, что Почтенная Мать дала их мне.

Услышав мой ответ, он вскочил с места и бросился с палкой на свою жену, видимо, собираясь побить ее. Но она, предвидя такой поворот событий, заранее встала и отошла от него и благодаря этому успела забежать в молельню и закрыть за собой дверь. После неудачных попыток открыть ее лама вернулся, сел на свое место и прокричал: «Ты, Нгогдун-Чудор, делающий то, что тебя не просят, сейчас же иди и принеси мне немедленно гирлянды и четки Наропы». И он тут же обернулся с головой в мантию и продолжал так сидеть. Лама Нгогпа поклонился и тотчас же вышел. Когда он выходил, я увидел его из-за угла, где я сидел и плакал, после того, как убежал из комнаты одновременно с женой Марпы. Обратившись к ламе Нгогпа, я умолял взять меня с собой.

Но он ответил: «Если я возьму тебя снова, не получив на это согласия гуру, результатом будет повторение сегодняшней сцены, и тогда нам обоим достанется. Пока оставайся здесь. Если наш гуру не сменит гнев на милость к тебе, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе». Тогда я сказал: «Так как я совершил много зла, страдаю не только я, но ты и Почтенная Мать тоже страдаете из-за меня. Я потерял всякую надежду приобщиться к Учению в этой жизни. Я только накапливаю грехи. Лучше мне покончить с собой. Я только прошу тебя помочь мне своими молитвами родиться снова в таких условиях, чтобы я смог тогда обрести Истины». И я отошел от него, собираясь тут же покончить с собой, но лама Нгогпа удержал меня и со слезами на глазах уговаривал: «Храбрый Великий Маг, не делай этого! Наше мистическое Учение, которое есть квинтэссенция и заключительный смысл заповедей Благословенного Победителя, признает божественными все наши телесные принципы и способности. Если мы прекращаем их развитие, прежде чем наступит их естественное разделение, мы убиваем божественное начало в себе и должны понести соответствующее наказание. Самоубийство – самый большой грех. Осознай это и оставь всякую мысль о самоубийстве. В конце концов, может быть, наш гуру согласится передать тебе Истины. Но даже если он этого не сделает, можно будет найти кого-нибудь другого, кто передаст их тебе».

Так он утешал меня. Другие ученики тоже жалели меня. Некоторые из них бегали вверх и вниз, то и дело заглядывая в комнату, чтобы узнать, в каком настроении находится Марпа и можно ли к нему обратиться, не рискуя вызвать его гнев. Другие садились возле меня и старались меня утешить. Но либо мое сердце было сотворено из железа, либо настал час ему разорваться. Так невыносимы были мои страдания. «И это потому, – думал я, – что я совершил тяжкие преступления и должен теперь за них понести наказание, испытывая адские, не поддающиеся описанию муки, как раз тогда, когда я стремился обрести учение, которое должно мне принести Освобождение».

Слушая этот рассказ, никто из присутствующих не мог сдержать слез, а некоторые из них даже лишились на некоторое время чувств.

Это рассказ о втором, приносящем заслугу деянии Миларепы, в котором повествуется об искуплении им

грехов ценой выпавших на его долю испытаний и перенесенных им мучительных страданий.

ГЛАВА VI. ПРИНЯТИЕ ПОСВЯЩЕНИЯ

Об окончании испытаний Джецюна, принятии им посвящения и предсказаниях Марпы.

Снова Речунг обратился к Джецюну и попросил рассказать, как и при каких обстоятельствах лама Марпа начал проявлять благосклонность к нему.

Джецюн продолжал рассказ: «Другие ученики, как я уже говорил, бегали вверх и вниз по лестнице. Через некоторое время Марпа перестал сердиться и совсем смягчился. «Попросите сюда Дамему», – сказал он. Когда кто-то пошел за ней, он спросил присутствующих: «Где Нгогдун-Чудор и другие ученики?» Ему сказали: «Твое преподобие приказал Нгогдуну принести гирлянды и четки Наропы, и он отправился за ними, но, выйдя, встретил Великого Мага и сейчас он все еще утешает его». И когда ему все подробно рассказали, на глаза его навернулись слезы, и он произнес: «Посвященные в Мистические Истины должны поступать именно так. Он сделал то, что нужно. Сейчас мне жаль моих учеников. Позовите их».

Один из учеников подошел к ламе Нгогпа и сказал ему: «Сейчас наш лама уже не сердится и послал меня за тобой». А я в этот момент сокрушался о моем несчастном положении и завидовал тем счастливым, к которым благоволил Марпа. «Какой я несчастный! – говорил я себе. – Я лишен возможности находиться возле гуру, даже когда он в хорошем настроении, так как одно мое присутствие выводит его из себя, и я зарабатываю его гнев и побои». И я заплакал горькими слезами.

Но лама Нгогпа остался со мной и попросил этого ученика сообщить гуру о моем состоянии и спросить его, можно ли мне появиться перед ним, и добавил: «Если я не останусь здесь, он с отчаяния может что-нибудь сделать с собой».

Ученик поднялся наверх и рассказал обо всем ламе Марпе. Марпа ответил: «Раньше он был прав, но сегодня дело обстоит иначе. Сегодня главным гостем будет Великий Маг. Дамема, пойдя и позови его». Она пришла ко мне, сияющая от радости, и объявила: «Великий Маг, наконец, твой гуру расположен к тебе. Он сказал, что ты будешь главным гостем и послал меня за тобой. Я расцениваю это как благоприятную перемену в отношении к тебе. Он и на меня больше не сердится. Так

что радуйся, а сейчас пойдём к нему». Я все еще сомневался и вошел с некоторой боязнью. Когда я сел, Марпа сказал: «Поразмыслив надо всем этим, можно считать, что никто не виноват. Желая помочь Великому Магу искупить грехи, я заставил его строить дома без чьей-либо помощи. Если бы я делал это с эгоистической целью, мне было бы гораздо легче достичь ее задабриванием и ласковым обращением, а не таким путем, и поэтому на мне нет вины. Что касается Дамемы, то она, будучи женщиной, с избытком наделенной материнским чувством и жалостью, не могла выносить моего плохого обращения с бедным Великим Магом, который был таким усердным, послушным и терпеливым. И поэтому кто может ее винить в том, что она снабдила его подложным письмом и добыла для него реликвии, хотя это серьезный проступок? А ты, Нгогдун-Чудор, вообще не виноват, как ты сам сказал. Однако я попрошу тебя немедленно принести реликвии, так как они сейчас должны быть здесь, но потом ты их возьмешь себе. А ты, Великий Маг, поступал правильно, когда стремился получить религиозные Истины любым возможным путем. Из-за того, что я не знал об отправке подложного письма Нгогдуну, который, следуя содержащимся в письме указаниям посвятил Великого Мага в Священные Истины, я был лишен возможности довести Великого Мага до отчаяния, хотя я должен был это сделать, выполняя мою миссию. Поэтому я рассердился, и хотя мой гнев отразился на мне, как волны на воде, это не был обычный гнев, а совсем другой вид гнева. В какой бы форме он ни выражался, учитель прибегает к нему с единственной целью – вызвать раскаяние и этим ускорить духовное развитие ученика. Если среди вас, здесь сидящих, есть кто-нибудь, кто, не понимая мотивов моих поступков, внутренне протестует против них, я призываю его сохранить непоколебимую веру. Если бы я имел возможность довести моего духовного сына до полного отчаяния девять раз, он бы полностью очистился от всех грехов, и ему не потребовалось бы родиться снова. Он бы полностью исчез, его физическое тело распалось бы навсегда, и он перешел бы в Нирвану. Но этого не произошло, и какая-то часть греха останется на нем из-за Дамемы с ее неуместной жалостью и неправильным пониманием вещей. Однако он уже пережил восемь сильных потрясений, очистивших его от тяжелых грехов, и был подвергнут большому числу менее тяжелых грехов. А

сейчас я буду руководить им и сообщу ему те Учения и удостою его тех посвящений, которые для меня столь же дороги, как мое сердце. Я сам буду обеспечивать его пищей во время медитации и своими руками закрою его в затворе. И отныне радуйтесь».

Я не знал, явь это или сон. Если сон, я хотел, чтобы он продолжался и чтобы я не просыпался – такую сильную радость я испытывал. Я плакал от счастья и выразил почтение гуру. Собравшиеся здесь по этому случаю лама Нгопа, мать Дамема и другие не знали, каким качеством моего гуру больше всего восхищаться – его твердостью, непреклонностью во время моего искуса, его милосердием и добротой, когда он взял на себя заботу обо мне, или его мудростью и прозорливостью, проявленными им во всех его поступках. Они видели в нем самого Будду и крепко утвердились в вере. Они взирали на него с любовью и, в знак благодарности за его доброту ко мне, со слезами на глазах то и дело поднимались и кланялись ему. Все радовались и смеялись, и в этом счастливом состоянии духа все вкусили освященных хлебов.

В ту же ночь на алтарь были возложены приношения, и в присутствии собравшихся я был пострижен, посвящен в монашеский чин и меня переодели в монашеское одеяние. Марпа сказал, что когда-то он видел сон о том, что его гуру Наропа дал мне имя Мила-Дордже-Гьялцен (Мила – Алмазное Знамя). Мне было предписано соблюдать обет ге-ньена (монаха, живущего в миру) и следовать обетам тех, кто готовится стать учительствующими Буддами или Бодхисаттвами.

Когда Марпа благословил вино Тайной Жертвы, все увидели радужное сияние, исходящее от чаши с вином. Держа ее, он помолился Учителям и Богам-Хранителям и, отпив из чаши, передал ее мне, из которой я выпил все оставшееся вино. Мой гуру сказал: «Это хороший знак. Хотя приношение вина в моем Тайном Обряде выше ритуала Полного Посвящения любой другой секты, завтра утром я удостою тебя Полного Посвящения нашей секты, благодаря которому взойдут семена Мистических Истин, которые будут посеяны в твоём сердце». Затем он начертил Мандалу Демчога для шестидесяти двух богов и стал ее объяснять. Он указал на окрашенное пылью наземное изображение Мандалы и сказал, что она называется символической диаграммой. Затем, указав на небо, он сказал: «А это называется Мандалой Истинных

Реальностей».

И вот я увидел очень ясно Двадцать четыре Священных Места, Тридцать два Места Паломничества, Восемь Главных Мест Кремации и Демчога, вокруг которого сидели все боги, обитавшие в этих Священных Местах.

Божественные Существа, присоединив свои голоса к голосу моего гуру, единым мощным хором нарекли меня новым именем – Пал-Жадпа-Дордже (Прославленный, Полностью Развившийся, Неизменный, то есть Носитель Мистического Символа, санскр. Шри-Викасита (Хасита) Ваджра).

Затем мой гуру разрешил мне познакомиться с тантрами Мантраяны и подробно прокомментировал различные трактаты по медитации и йоге, а также дал полное разъяснение описанных в них методов и систем. Возложив руку на мою главу, он сказал: «Мой сын, я с самого начала знал, что ты будешь достойным шишью. Накануне перед твоим приходом сюда я получил во сне предсказание о том, что ты очень много сделаешь для буддийской веры. Моя Дамема видела похожий сон, подтверждающий мой. Мы оба видели храм, охраняемый женщиной, и это означает, что божеством-защитником учения будет Дакини. Ты – ученик, которого мой гуру и богиня-защитница дали мне в награду. И поэтому я вышел встретить тебя, придумав для этого предлог. То, что ты выпил весь чанг, который я тебе оставил, и то, что ты вспахал все поле, означало, что ты будешь достойным шишью и впитаешь все Духовные Истины, которые я тебе передам. А преподнесенный тобой медный сосуд с четырьмя ручками служил знаком того, что у меня будут четыре выдающихся ученика. То, что сосуд был совершенно чистым, означало твое отречение от мира и достижение полного контроля над жизненным теплом. То, что сосуд был пустым, было предсказанием того, что, когда ты будешь медитировать, ты будешь терпеть нужду. Но для того, чтобы в старости ты не нуждался ни в чем и чтобы твои последователи и ученики вкушали Эликсир Духовных Истин, я наполнил сосуд топленным маслом для алтарных лампад. Чтобы прославить твое имя, я ударил изо всей силы по ручкам сосуда и вызвал сильный звон. А для того, чтобы ты искупил свои грехи, я заставил тебя выполнять эту тяжелую работу. Четыре здания, которые ты строил, символизируют четыре типа действия – мирное, могучее, очаровывающее и яростное

соответственно . Я хотел наполнить твое сердце горьким раскаянием и печалью, граничащими с отчаянием, и потому так унижал тебя. Но ты терпеливо и кротко все переносил, ни на секунду не ослабив веры в меня, и в награду за это ты будешь иметь учеников, исполненных веры, наделенных энергией, умом, состраданием, с самого начала обнаруживающих качества, делающие их достойными шишьями. Они не будут искать наслаждений, не будут стремиться к богатству и будут терпеливыми, стойкими и усердными во время медитации. Они достигнут мудрости и будут преисполнены милосердия и истины. Каждый из них станет совершенным ламой, и слава об иерархии Каргьютпа будет расти, как прибывающая луна. Поэтому радуйся».

Так мой гуру воодушевлял, хвалил и радовал меня, и начались мои счастливые дни.

Это третье (приносящее заслугу) деяние – обретение мной страстно желаемых посвящения и Истины».

ГЛАВА VII. ОБУЧЕНИЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ ГУРУ

О результатах, достигнутых Джецюном во время медитации и изучения религии; о последнем путешествии Марпы в Индию; о пророческом сне Джецюна и истолковании его Марпой; о наставлениях, данных Марпой четырем ближайшим ученикам.

Затем Речунг спросил: «После обретения Истин ты сразу отправился в отдаленное безлюдное место или продолжал жить у гуру?»

Джецюн ответил: «Мой гуру велел мне остаться и сказал, что будет обеспечивать меня пищей и всем необходимым, что он и делал с большой щедростью. Я удалился медитировать в пещеру, называемую Лхобрак-Так-Нья, с большим запасом продовольствия. Там я обычно сидел в неподвижной позе в любое время суток с зажженным светильником на голове до тех пор, пока светильник сам не затухал. Прошло одиннадцать месяцев, и мой гуру вместе с женой навестили меня и принесли еду для совершения ритуальной трапезы. Гуру сказал мне: «Мой сын, очень похвально, что ты можешь медитировать одиннадцать месяцев, не давая остыть подушке, на которой ты сидишь. Но сейчас разломай стену, огораживающую твое место, и выйди к твоему старому отцу немного отдохнуть и рассказать о приобретенном тобой опыте».

Хотя мне не хотелось прерывать медитацию, я

должен был подчиниться моему гуру. Я стал ломать стену, но мне было жаль это делать, и я медлил. Тогда жена гуру, подойдя, спросила: «Сын, ты выходишь?» «Мне не хочется ломать стену», – отвечал я. «Почему так? Ты же знаешь, как важны Мистические Предзнаменования. Кроме того, лама очень вспыльчив, и, если появятся какие-нибудь неблагоприятные предзнаменования из-за твоей задержки, тебе несдобровать. Я помогу тебе разобрать стену и быстро выйти». Сказав это, она разобрала стену, и я вышел в полной растерянности.

Мой гуру дал указание жене: «Пока мы, отец и сын, будем совершать церемонии, посвященные его медитации, ты, Дамема, приготовь еду». Когда мы уже сидели за трапезой, он спросил: «Мой сын, к какой вере и к каким убеждениям ты пришел при исследовании этих Истин? Какой опыт и какое понимание ты приобрел? – и добавил, – Не теряй времени и отчитайся мне».

Тогда, преисполненный искреннего, глубокого смирения, я стал на колени и, сложив ладони, со слезами на глазах спел экспромтом хвалебный гимн моему гуру, в котором в качестве предисловия к моему рассказу о приобретенных мной опыте и знаниях я семикратно выразил мое благоговение перед ним:

I

«Неочищенному взору тех, кого Ты стремишься освободить.

Ты являешься в различных формах,
Но для тех Твоих последователей, которые чисты,
Ты есть Совершенное существо, О Владыко,
Почтение Тебе.

II

Голосом, подобным голосу Брахмы, преисполненным шестидесяти совершенств,

Ты проповедуешь Святые Истины каждому на его языке,

Исчерпывающе освещая из восьмидесяти четырех тысяч тем.

Почтение Твоему Слову, хотя и слышимому, но не отделимому от Пустоты.

III

В Небесном Свете Ума Дхарма-Каи
Нет ни тени вещей, ни представлений.
Но Он пронизывает собой все области знания.
Почтение Неизменному Вечному Уму.

IV

В Священном Дворце, в Чистых Духовных Сферах
Ты пребываешь, иллюзорная, но неизменная и
самозабвенная,

Ты, Божественная Мать Будд прошлого, настоящего
и будущего.

К Твоим Стопам припадаю я, о Великая Мать
Дамема. V

О Гуру, Твоим духовным детям,
Твоим ученикам, следующим Твоему Слову,
Каждому из них и их единомышленникам
Почтение смиренное и искреннее я выражаю.

VI

Все, что служит во всех мирах
Приношением при совершении священных обрядов,
Я приношу Тебе вместе с моей земной формой,
Дабы я мог освободиться и очиститься от грехов.

VII

Я радуюсь заслугам, приобретенным другими,
И молюсь о приведении в движение Колеса Истины.
И пока не прекратится этот Круговорот
Существования, Не покидай, о благородный Гуру,
этот мир.

Заслугу, приобретенную исполнением этого гимна,
Я посвящаю Делу Всеобщего Блага».

Исполнив этот гимн из семи стансов, я начал мою
исповедь: «Неотделимы от самого Дордже-Чанга ты, мой
гуру, твоя супруга и твое потомство. Благодаря твоим
праведным делам и волнам благодати, рожденным твоей
безграничной щедростью и добротой, я, твой послушник,
приобрел немного знания, о котором я тебе сейчас
поведаю. О Ты, пребывающий в неизменном Состоянии
Спокойствия, рожденного Вечной Истиной, удостой меня
своим вниманием на короткое время.

Я понял, что мое тело является следствием
Невежества, порождаемого Двенадцатью Ниданами ,
состоит из плоти и крови и освещается способностью
восприятия, присущей сознанию.

Для счастливых, стремящихся к Освобождению, оно
может стать драгоценным сосудом, с помощью которого
достигаются Свобода и духовные блага, но для
несчастливых, погрязших в грехах, оно может стать
вратами, ведущими в преисподнюю.

Наша жизнь на Земле является промежуточной
ступенью между высшими и низшими сферами, и поэтому

время пребывания здесь драгоценно, так как каждый из нас должен сейчас выбрать путь, от которого будет зависеть его дальнейшая участь – блаженство на долгие сроки или долговременное безрадостное существование. Я понял, что в этом заключен главный смысл жизни на Земле.

И снова прибегая к Тебе, о Могучий Владыко и Спаситель живущих, подобных мне, я чаю с Твоей помощью переплыть этот Океан Существования – источник всех неизбежных страданий. Но для этого прежде всего необходимо обратиться к Трем Драгоценным Прибежищам и со всей искренностью исполнять религиозные заповеди. Гуру для меня есть также главный источник и воплощение всех благ и счастья, которые могут быть ниспосланы мне.

Поэтому я со всей ясностью сознаю, что главным условием является выполнение предписаний Гуру и непоколебимая вера в него. Тогда углубленная медитация о трудности приобретения такой драгоценности, как счастливое рождение в человеческом теле, о неизвестности точного времени смерти, о последствиях совершаемых поступков и о страданиях в сансаре побудит желание освободиться от любой формы существования в сансаре, и чтобы этого достичь, нужно следовать Восьмеричным Благородным Путем, единственным, ведущим к Освобождению. Затем постепенно должен быть совершен переход на Путь более возвышенный при соблюдении всех принятых обетов с такой же тщательностью, с какой мы охраняем наше зрение, исполняя их заново или улучшая их исполнение при малейшем нарушении.

Я понял, что тот, кто стремится достичь спокойствия и счастья для себя, следует малым путем (хинаяны), но тот, кто с самого начала отказывается от наград, являющихся следствием поступков, совершаемых с чувством сострадания и любви, и отдает их другим, следует более возвышенным путем (Махаяны). Чтобы оставить малый путь и встать на возвышенный, нужно ясно видеть цель устремлений, изложенную в Учении о Несравненном Неизменном Пути (Ваджра-Яне).

Кроме того, для ясного понимания конечной Цели необходима помощь совершенного Гуру, обладающего знанием всех разделов четырех посвящений, исключаящим малейшую неясность или сомнение относительно их, так как только он может правильно

объяснить ученику смысл конечной Цели. Во время посвящения осуществляется передача способности овладения глубокими и трудными для понимания истинами, относящимися к конечной Цели. На всех ступенях медитации ученик должен употребить всю свою энергию и способности, знание грамматики и логики и с помощью моральных доводов, доводов разума и путем внутреннего поиска прийти к выводу о несуществовании личного я и убедиться таким образом в ошибочности распространенного мнения о том, что оно существует. Когда осознается несуществование личного я, ум должен быть спокойным. Когда с помощью различных методов ум приводится в это состояние, которое является следствием ряда причин, всякая мыслительная и познавательная деятельность и восприятие объектов внешнего мира прекращаются. Начинается состояние полного покоя, когда представление о времени исчезает. Находящемуся в этом состоянии не известно, сколько прошло дней, месяцев или лет. Он может узнать о продолжительности пребывания в нем только от других. Это состояние называется ши-най – совершенный отдых. Не впадая в полное забытие и не отключая полностью сознания, приложив все силы и способности ума и сознания, пребывающий в этом состоянии переживает экстаз, рожденный от ясного, успокоенного ума.

Хотя существует состояние, которое можно назвать сверхсознанием (лхаг-тонг), индивидуумы, или эго-сущности, до тех пор, пока они остаются таковыми, не могут испытывать его. Я думаю, что сверхсознание обретается только по достижении сверхчеловеческого состояния на Пути, ведущем к состоянию Будды. Путь этот проходят с помощью визуализации и медитации. Образы богов, на которых медитируют, являются просто знаками, свидетельствующими о проявленном ими усердии в медитации. Сами по себе они ценности не представляют.

Напрашивается вывод, что для достижения этого состояния необходимо иметь полностью успокоенный ум, энергию, способность к углубленному анализу и стремление к знанию. Они являются нижними ступенями лестницы, которые нельзя обойти. Но во время медитации на этом состоянии спокойствия ума (ши-най) посредством сосредоточения на формах или на субстанциях, не имеющих формы, самое первое усилие должно сочетаться с чувством сострадания, с тем чтобы приобретаемая

заслуга послужила Делу Всеобщего Блага. Во-вторых, нужно хорошо осознать, что цель устремлений находится в сферах трансцендентной мысли, и, наконец, искренними молитвами и желанием блага другим направить сознание в эти трансцендентные мысли сферы. Таким я представляю себе Высший Путь.

Как упоминание о пище не может насытить голодного и для утоления голода ему нужна сама пища, так и человек, желающий понять Пустоту Мысли, не может довольствоваться описанием Пустоты и должен осознать ее с помощью медитации.

Кроме того, для приобретения знания о состоянии сверхсознания (лхаг-тонг) необходимо выработать способность беспрепятственно возвращаться в это состояние. Иными словами, привычка созерцать Пустоту, Невозмутимость, Неописуемое и Непознаваемое обычным умом составляет четыре степени посвящения, четыре последовательных ступени, ведущих к высшей цели мистического Ваджраяны (Неизменного Пути). Для того, чтобы по-настоящему это понять, нужно отказаться от приобретения материальных благ и угождения телу и быть готовым к встрече с любыми препятствиями и даже пожертвовать жизнью, если это потребуется.

Я не имею средств, чтобы отплатить вам за ваши благодеяния, мой Гуру и Почтенная Мать. У меня нет никакого имущества, которое я бы мог отдать вам за вашу любовь и доброту. Но я отплатчу вам своей преданностью медитации, которой посвящу всю мою жизнь. И я завершу изучение переданных вами Истин на Небесах Ог-мин .

«Моему Гуру, Великому Дордже-Чангу,
Дамеме, Матери всех Будд,
Всем Царевичам-Аватарам
Я посвящаю свой рассказ о том, что достигнуто мной.

И пусть он будет моим приношением вам.
Владыко, освященный лучами Твоего благоволения
Распустился лотос моего сердца,
Источая аромат Знания.
Я соединен с Тобой навеки,
И моя жизнь, посвященная медитации,
Будет поклонением Тебе.
Ниспошли мне благословение, дабы труды мои
Принесли благо всем живущим,
И если я допустил многословие,
Прошу простить меня».

Гуру очень обрадовался. «Мой сын, – сказал он, – я возлагал на тебя большие надежды, и они оправдались». А его жена добавила: «Я знала, что у моего сына есть воля и ум, чтобы добиться успеха». Они оба радовались, и мы втроем долго беседовали о религии. Затем гуру и его жена расстались со мной, а я продолжал медитировать в моей келье.

Во время моей медитации мой учитель отправился в Северный Уру по своим пасторским делам и, совершая службу в доме некоего Марпы Голая, имел видение. Явились Дакини и напомнили ему о некоторых намеках, сделанных ему его гуру Наропой, которые он в свое время не понял, и разъяснили ему их смысл. Это побудило его отправиться в Индию, чтобы встретиться с Наропой.

Однажды ночью, через несколько дней после возвращения моего гуру в Пшеничную Долину, я увидел во сне женщину синего цвета, в шелковой одежде, с костяными украшениями и с золотистыми бровями и ресницами. Обращаясь ко мне, она сказала: «Сын, усердно медитируя, ты познал Истины Великого Символа, с помощью которых ты достигнешь нирваны. Ты также получил Шесть Доктрин, но у тебя нет драгоценного учения Дронг-джуг, с помощью которого ты можешь моментально достичь состояния Будды, и это учение ты должен знать». Я размышлял об этом сне и заключил по внешнему облику женщины, что это была Дакини, но я сомневался, была ли это весть от Дакини или это было искушение Мары. Я твердо верил, что мой гуру – воплощение Будд прошлого, настоящего и будущего – сможет мне сказать об этом, так как не было такой вещи, которой бы он не знал. Диапазон его знаний был огромен: от Священных Истин о достижении Нирваны, до умения склеивать разбитую глиняную посуду. Я подумал, что если он подтвердит, что сон – откровение, мне нужно будет найти текст Дронг-джуга, и я, разломав перегородку, вышел наружу и пошел к моему гуру. Увидев меня, он встревожился. «Почему ты вышел из затвора? – спросил он. – Этим ты можешь навлечь несчастье». Я рассказал ему про сон и спросил, является ли сон откровением или искушением. В том случае, если это откровение, я просил передать мне это учение. Некоторое время он молча сидел и затем сказал: «Да, это было откровение от Дакини. Перед моим возвращением из Индии мой гуру, великий пандит Наропа, говорил мне об этом тексте, но я не помню, получил ли я его. Нужно

поискать среди моих индийских рукописей».

И мы потратили целые сутки на поиски. Просмотрев всю коллекцию рукописей, мы нашли несколько трактатов о Пхо-ва , но ни одной строчки, относящейся к Дронг-Джугу, нам не встретилось. Тогда гуру сказал мне: «Видение, которое посетило меня в Северном Уру, есть также указание отправиться за этим текстом (Дронг-Джуг) в Индию. Не известно еще, сколько других трактатов я заодно смогу там приобрести. Поэтому мне нужно сейчас отправиться туда».

Несмотря на то, что многие отговаривали его от такого утомительного для его возраста путешествия, мой гуру не отступил от своего решения. Тогда его ученики сделали щедрые пожертвования по этому случаю, и все это было обменено на золото, заполнившее чашку, с которой Марпа отправился в Индию и прибыл туда перед самым исчезновением Наропы . Он был готов отдать жизнь, чтобы встретиться со своим гуру, и различные благоприятные знаки и предзнаменования он воспринимал как предсказание успеха и исполнения его желания.

Горячо молясь о встрече с гуру, он, наконец, встретил его в джунглях и, проводив в монастырь Пхулахари, спросил у него о Дронг-Джуге. «Ты вспомнил о нем сам или узнал через откровение?» – спросил тогда святой Наропа. Марпа ответил: «Я сам об этом не вспомнил и не был удостоен откровения. Но у меня есть ученик по имени Тхепага, который узнал об этом через откровение, и вот потому я здесь». «Чудесно, – промолвил Наропа. – В этой непросвещенной стране есть несколько ярких светочей, которые, как солнце, освещают горные вершины».

Говорят, что Наропа воздел руки в молитве и спел:
«В мрачных северных областях
Живет тот, кто подобно солнцу
Освещает горные вершины.
Почтение этому Великому
Человеку по имени Тхепага!»

А затем, закрыв глаза, благоговейно трижды помолился в сторону Тибета, и все горы Индии и деревья также трижды поклонились в сторону Тибета. Говорят, что и теперь вершины гор и деревья вблизи Пхулахари наклонены к северу .

Передав Марпе всю Тантру Дакини , сообщаемую шепотом, святой Наропа предсказал будущее на

основании некоторых предзнаменований. Так, по тому, как Марпа выражал свое почтение, он предсказал смерть его сына и непрерывную преемственность Иерархии Каргьютпа, а также, что я и мои последователи будем ее продолжателями. После того, как Марпа вернулся, его сын Дарма-Додай умер, как было предсказано Наропой.

В годовщину смерти сына, после совершения церемонии, посвященной его памяти, Марпа сидел, окруженный всеми учениками, и они, выражая ему соболезнование по поводу утраты, постигшей его в преклонном возрасте, говорили, что его сын был воплощением Будд прошлого, настоящего и будущего и что, если бы он жил, он стал бы достойным его преемником. И еще они сказали: «Сейчас мы должны подумать о том, как наилучшим образом утвердить и укрепить Иерархию Каргьютпа. И мы молимся о том, чтобы ты дал каждому из нас, твоим шишьям, указания, какие области знания мы должны изучать и какие методы применять». Гуру ответил: «Я, духовный ученик великого пандита Наропы, следую тайным указаниям, передаваемым через знамения и видения. Иерархия Каргьютпа получила благословение Святого Наропы. Вы, мои лучшие ученики, пойдите к себе и дождитесь откровений, а потом расскажите их мне».

Ближайшие ученики Марпы медитировали на своих видениях и сообщили о результатах. Почти все видения были более или менее благоприятны, но ни один из учеников не получил откровения о будущем Иерархии. У меня же было видение четырех громадных столпов, о котором рассказал гуру в стихах:

«По велению Дордже-Чанга
Об увиденном мною прошлой ночью я расскажу
И точно опишу все, что видел.
Соблаговоли, о Гуру, выслушать меня.
В обширных областях северной части Мира
Я увидел огромную гору
С вершиной, достигающей неба,
С луной и солнцем, вращающимися вокруг нее,
Лучи которых освещали небеса.
Подножие горы покрывало землю.
Четыре реки текли от четырех ее сторон
И утоляли жажду всех живущих,
И впадали в глубокий океан.
На берегах их росло множество цветов,
Таково краткое содержание моего видения, о

котором

я рассказал моему Гуру, Вечному Будде .

К востоку от этой горы

Находился высокий столп,

На котором стоял на задних лапах лев.

Грива у льва была густой и блестящей.

Когтями он вонзался в гору,

Взор его был обращен в небо.

Затем по горам он стал бродить.

И об этом я рассказываю моему Гуру, Вечному Будде.

К югу от горы стоял высокий столп,

На столпе рычала могучая тигрица.

Ее шкура была украшена красивыми полосами.

Глаза тигрицы были обращены на небо.

Затем в джунглях стала она бродить

И пошла через рощи и поля.

И об этом я рассказываю моему Гуру, Вечному Будде.

К западу от горы стоял высокий столп,

Над столпом парил орел.

Крылья орла были широко распростерты,

Клюв орла пронзал небо.

Глаза орла были обращены на небо.

Затем он воспарил высоко в синем небе.

И об этом я рассказываю моему Гуру, Вечному Будде.

К северу от горы также стоял высокий столп,

И над столпом парил смелый ястреб.

Крылья ястреба были широко распростерты.

Гнездо ястреба находилось на скале,

И я увидел его оперившегося детеныша,

И в небе летало много меньших птиц.

Ястреб взглянул на небо

И затем улетел в области горные.

И об этом я рассказываю моему Гуру, Вечному Будде.

Веря, что это благоприятные знаки,

Предвещающие добрые и доблестные дела,

Я затрепетал в экстазе радости.

И я прошу Тебя рассказать нам о значении
увиденного».

Гуру очень понравился мой рассказ, и он сказал:
«Прекрасное знамение». Затем он велел жене приготовить
хорошее угощение и пригласил всех учеников.

Обратившись к собравшимся, он сказал:
«Мила-Дордже-Гьялцен удостоился видения, которое является счастливым предзнаменованием». Тогда ближайšie ученики попросили его разъяснить смысл видения и значение непонятных им знаков. В ответ наш святой Гуру, великий Аватара и Переводчик в песне, спетой экспромтом, поведал о значении видения, которое было предсказанием будущего Иерархии Каргьютпа:

«Владыко, Прибежище всех живущих,
Ты, о Вечный Будда,
Святой Наропа, я склоняюсь у Твоих ног.
О вы, мои шишьи, собравшиеся здесь,
Внимательно выслушайте, что я вам скажу сейчас
О значении этого чудесного пророческого видения.
Обширные области северной части Мира
Символизируют распространение буддизма в Тибете.
Огромная гора означает школу Каргьютпа,
Основанную мной, Переводчиком Марпой, моими последователями и всей Иерархией.
Вершина горы, касающаяся неба,
Означает нашу Несравненную Цель.
Солнце и Луна, вращающиеся вокруг вершины,
Суть полное Просветление и Любовь.
Их лучи, освещающие небеса,
Суть благодать, устраняющая невежество.
Подножие горы, покрывающее землю,
Означает, что нашими подвигами будет наполнен

Мир.

Четыре реки, текущие от четырех сторон,
Символизируют обряды посвящения и Истины.
Их воды, утоляющие жажду всех живущих,
Означают, что каждое существо разовьется и

спасется .

То, что реки впадают в глубокий океан,
Означает слияние Внутреннего и Внешнего Света .
Разнообразные цветы, растущие по берегам,
Суть безупречный плод – реализованные поля

Истины.

О вы, мои шишьи, здесь собравшиеся,
Это видение – хорошее предзнаменование, не плохое.
Громадный столп, стоящий к востоку от горы, –
Это Цуртен-Ванг-Гай из Дела.
Лев, стоящий на столпе,
Означает, что характер Цуртена подобен львиному.
Роскошная грива льва есть знак

Овладения им Мистическими Истинами.
Четыре лапы, вонзившиеся в гору,
Символизируют четыре беспредельных устремления
Цуртена.

Глаза льва, обращенные к небу,
Есть знак того, что Цуртен вышел из круга сансары.
Лев, бродящий по горам,
Означает, что Цуртен достиг Царства Свободных.
О вы, мои шишьи, здесь собравшиеся,
Видение о столпе на востоке –
Хорошее предзнаменование, не плохое.
Громадный столп, стоящий к югу от горы,
Это Нгогдун-Чудор из Жунга.
Тигрица, рычащая на столпе,
Означает, что Нгогдун наделен характером тигрицы.
Четкие красивые полосы тигрицы
Символизируют овладение Мистическими Истинами.
Тройные круговые полосы свидетельствуют о том,
Что в нем заключены Три Прибежища.
Четыре лапы, когтями вонзившиеся в джунгли,
Означают выполнение ими Четырех Обязанностей.
Глаза тигрицы, обращенные к небу,
Есть знак того, что он вышел из круга сансары.
Тигрица, бродящая в джунглях,
Означает, что он достиг Освобождения.
Тигрица, проходящая через рощи и поля,
Есть предсказание о том, что у него будут ученики
Продолжатели его Иерархии.
О вы, мои шишьи, здесь собравшиеся,
Видение о южном столпе –
Хорошее предзнаменование, не плохое.
Громадный столп к западу от горы –
Это Метен-Ценпо из Цанг-ронга.
Орел, парящий над столпом,
Означает, что характер Метена подобен орлиному.
Крылья орла, широко распростерты,
Есть знак овладения Мистическими Истинами.
Клюв орла, пронзающий небо,
Означает преодоление Метеном всех препятствий
во время медитации .
Глаза орла, обращенные к небу,
Символизируют выход из круга сансары.
Орел, воспаривший в синее небо,
Есть знак того, что Метен достиг царства Свободных.
О вы, мои шишьи, здесь собравшиеся,

Видение о западном столпе –
Хорошее предзнаменование, не плохое.
Громадный столп, стоящий к северу от горы, –
Это Миларепа из Гунгтханга.
Ястреб, парящий над столпом,
Означает, что характер Миларепы сходен с
ястребиным.
Крылья ястреба, широко распростерты,
Есть знак овладения Мистическими Истинами.
Гнездо ястреба на скале
Означает, что Миларепа будет твердым, как скала.
Птенец ястреба – знак того, что
Духовный сын Миларепы достигнет совершенства.
Меньшие птицы, летающие в небе,
Есть предсказания о распространении учения
Каргьютпа.
Глаза ястреба, обращенные к небу,
Есть знак выхода из круга сансары.
Ястреб, улетевший в заоблачную высь,
Означает достижение Миларепой Царства
Свободных.

О вы, шишьи, собравшиеся здесь,
Видение северного столпа – добрый знак.
Миссия моя выполнена,
И на вас теперь моя мантия накинута,
И если мои предсказания сбудутся,
Прославлена будет Иерархия Каргьютпа».
Все ученики радовались, когда гуру произнес эти
пророческие слова. Потом гуру позволил им ознакомиться
с его священными книгами и рукописями, в которых
изложены Мистические Истины и оккультные учения.
Днем он давал наставления своим ученикам, вел беседы с
ними и читал им проповеди, а ночью учил их
медитировать, и они значительно продвинулись в
духовном развитии.

Однажды ночью, совершая обряд посвящения в Юм
(Текст-Мать), лама решил определить, опираясь на свою
интуицию, к каким разделам Учения имеет наибольшую
склонность каждый из четырех ближайших учеников, с
тем чтобы отдать каждому из них те священные тексты,
которые будут наиболее полезны им. И поэтому он решил
понаблюдать за знаменами на рассвете.

На следующий день на рассвете он видел своих
учеников своим ясновидящим взором: Нгогдун-Чудора из
Жунга, объясняющим значение ритуала Гайпа-Дордже;

Цуртен-Ванг-Гая из Дела, медитирующим на Пхо-ва (переносе принципа сознания); Метена-Ценпо из Цанг-ронга, медитирующим на Ед-Сал (Ясном Свете) и меня, медитирующим на Тум-мо (способе выработки жизненного тепла) .

Так он был тайно извещен о способностях каждого ученика к овладению теми знаниями, которые будут наиболее полезными для него и в которые он должен будет посвящать других.

И он подарил каждому из нас свои самые лучшие из последних трудов. Ламе Нгогпа он дал текст с комментариями к Гьюд (тантрам), в котором в соответствии с четырьмя методами и шестью целями изложение было таким ясным и последовательным, что его можно было уподобить жемчужинам, нанизанным на нить. К этому он добавил вещи, ранее принадлежавшие Наропе, – шесть украшений, жертвенную ложку и рубиновые четки. Он также передал ему индийские комментарии к текстам, отданным ему ранее, и завещал ему трудиться ради всеобщего блага и проповедовать всем живым существам.

Цуртен-Ванг-Гаю из Дела Марпа подарил текст Пхо-ва (перенос принципа сознания), что подобен птице, вылетающей из открытого слухового окна . Ему также были отданы волосы, ногти и пилюли Наропы, а также ритуальный головной убор, украшенный изображениями Пяти Дхьяни-Будд и дано наставление практиковать Пхо-ва.

Метену-Ценпо из Цанг-ронга был отдан текст Ед-Сал (Ясного Света), который подобен зажженному светильнику, рассеивающему ночную тьму , колокольчик, маленький сдвоенный барабан (дамару) и чаша для возлияний из морской раковины и дан наказ следовать коротким путем через Бардо – промежуточное состояние между смертью и новым рождением.

А мне Марпа дал текст о Тум-мо (получении жизненного тепла, которое подобно пламени, охватившему хворост), а также шапку Майтри , которую носят йоги Каргьютпа, и одеяние Наропы, а затем велел мне медитировать в уединении в различных местах – на горных вершинах, в пещерах и в лесу. Затем перед большим собранием учеников, обращаясь преимущественно к четырем ближайшим ученикам, Марпа сказал: «Я передал каждому из вас те тексты и разделы Учения, с помощью которых вы придете к цели

кратчайшим путем, и я предвижу, что именно эти знания будут наилучшим образом способствовать развитию ваших учеников. Я потерял сына Додай-Бума и потому завещаю вам заботиться о сохранности моих священных текстов и реликвий. Будьте преданными защитниками и проповедниками Учения. Да будет процветать оно и распространяться». Сказав так, Марпа отпустил троих учеников. А мне он сказал: «Ты проживи со мной еще несколько лет. У меня есть несколько разделов Знания, в которые я хочу посвятить тебя, и, кроме того, мое присутствие будет тебе полезным». Выполняя его волю, я поселился в пещере Занг-пхуг, о которой было пророчество Наропы. Гуру и его жена регулярно посылали мне долю от их трапезы и часть приношений от каждой религиозной церемонии, даже самой скромной.

Так я проводил время в сладчайшей медитации несколько лет, совершенствуясь в познании под руководством моего гуру до тех пор, пока не выросли в моем сердце всходы Высшей Мудрости». (Это был рассказ о четвертом приносящем заслугу деянии Миларепы.)

ГЛАВА VIII. РАССТАВАНИЕ С ГУРУ

О сне Джецюна, побудившем его выйти из пещеры, где он медитировал, и пойти просить у гуру разрешения посетить родные места; о последних наставлениях и предсказаниях гуру; о печальном расставании с гуру и его женой и возвращении на родину.

Речунг тогда спросил Джецюна: «Что заставило тебя покинуть Марпу и сколько лет перед возвращением на родину ты провел, медитируя в пещере?»

Джецюн отвечал: «Я пробыл там много лет. А вернуться домой меня побудили следующие обстоятельства.

Медитируя в пещере, я шаг за шагом продвигался вперед в моем духовном развитии. Обычно я не спал, но однажды под утро я заснул надолго и увидел во сне, что мой дом «Четыре Колонны и Восемь Столбов» разрушается по причине ветхости и похож на уши старого осла. Священные книги заливают вода, проникая через дырявую крышу. Поле «Треугольник Вормы» заросло бурьяном. Моя мать умерла, а моя единственная сестра, оставшись одна, ушла из дома и где-то бродит. Я очень тяжело переживал смерть матери, так как я ни разу не повидался с ней, с тех пор как мы расстались много лет назад в то тяжелое для нас время, и я окликал мою мать и

сестру и горько плакал. Проснувшись, я увидел, что моя подушка смочена слезами. Когда я стал думать об этом сне, я еще сильнее захотел увидеть мать и снова разрыдался. И поэтому я решил тогда во что бы то ни стало пойти домой, чтобы повидаться с ней.

Утром на рассвете я разломал стену моей кельи и пошел просить разрешения у гуру. Когда я пришел, он еще крепко спал, и я, сев у его ног, выразил со смирением мою просьбу в песне:

«О Милосердный Владыко, ты неизменный,
Позволь мне, нищенствующему, еще раз пойти
домой.

На земле Ца негостеприимной
Три родных человека, мучимые злыми
родственниками,

Разлучены много лет

Боль разлуки больше нет сил мне сносить.

И потому я прошу: отпусти меня повидаться с
матерью только раз.

Повидавшись, я быстро вернусь».

Как только я закончил петь, мой гуру проснулся. Солнечные лучи, пробившиеся через щель над изголовьем, осветили его мудрое чело, подобно нимбу. И в этот момент его жена принесла завтрак. Эти три события произошли одновременно, и с ними было увязано несколько последующих событий. Мой гуру сразу обратился ко мне с вопросом: «Мой сын, почему ты вышел из своей кельи? Демон (Мара) может овладеть тобой. Этим ты навлекаешь на себя большую опасность. Сейчас же вернись обратно!» Но я снова в стихах изложил мою просьбу и рассказал о моем сне:

«О Милостивый Владыко, ты неизменный!

Разреши мне, отшельнику, снова увидеть свой дом
В несчастной долине Ца.

Хотя из того, чем владел я, немного осталось,

О моем доме «Четыре Колонны и Восемь Столбов»

Хочу я узнать, не разрушился ли он.

О моих священных книгах

Хочу я узнать, в целости ли они.

О моем поле «Треугольник Вормы»

Хочу я узнать, не заросло ли оно.

Мою мать – сосуд, в котором я пребывал,

Хочу я увидеть, если она жива.

О моей сестренке, единственной, Пете Генкыит

Хочу я узнать, где бродит она.

О моей нареченной невесте
Хочу я узнать, способна ли к браку она.
О моем соседе и дяде Юнг-гьяле
Хочу я узнать, жив ли он еще.
О моей жестокой тетке Тигрице-Демоне
Хочу я узнать, жива она или нет.
О нашем семейном духовнике Кунчо-Лхабуме
Хочу я узнать, жив ли он или нет.
Но больше всего я жажду увидеть
Мою дорогую старушку-мать,
И боль разлуки не в силах теперь я сносить.
И поэтому, о Владыко, прошу тебя
Отпустить меня домой только раз.
И побыв там, я быстро вернусь».

В ответ мой гуру сказал: «Мой сын, когда ты впервые пришел ко мне, ты сказал, что не будешь тосковать о родственниках и доме, а сейчас ты тоскуешь не только о них, но и о других людях. Если ты даже сейчас пойдешь домой, вряд ли ты застанешь в живых свою мать, а что касается других, то маловероятно, что они пребывают в добром здравии. Ты прожил несколько лет в Ю и Цанге и здесь ты живешь уже немало лет. Но если ты хочешь пойти, я не возражаю. Если ты рассчитываешь вернуться сюда, знай, что так как ты застал меня спящим, когда ты вошел ко мне, чтобы изложить свою просьбу, мы никогда больше не встретимся в этой жизни. Но лучи восходящего солнца, осветившие мой дом, несут весть о том, что ты будешь ярким светочем среди иерархий буддизма и что ты прославишь Веру. Солнечные лучи, образовавшие нимб вокруг моей головы, есть знак того, что секта медитирующих йогов Каргьютпа будет прославляться и у нее будет много последователей. То, что Дамема принесла завтрак, означает, что твоим пропитанием будет духовная пища. Я разрешаю тебе пойти. Дамема, приготовь алтарь для возложения приношений».

Мой учитель принялся чертить Мандалу, а жена его тем временем готовила алтарь. Затем, удостоив меня принять самое последнее и высшее посвящение и передав мне Тайны Символов Снов и Тантры, сообщаемые учителем ученику на ухо шепотом, он сказал: «Запомни, только тебе одному я передаю эти тексты, тайны и посвящения, потому что так велел мой господин Наропа. Ты, в свою очередь, сообщишь их тому ученику, на которого укажут Божества. И я завещаю тебе передавать их с тем условием, чтобы они передавались от одного

гуру только одному шишье в течение тринадцати поколений. Если эти Истины будут обменены на мирские блага или переданы с целью приобретения расположения, это вызовет гнев Богов и навлечет несчастье. Поэтому тщательно береги их. Если шишья обнаруживает способность воспринять эти Истины, передай их ему, если даже у него нет, чем заплатить тебе. Проявляй особую заботу о таких шишьях, наблюдай за ними, береги их, развивай, и пусть они своими деяниями прославляют веру. Метод, посредством которого Тилопа обучал Наропу и которым я обращал тебя, не очень пригодится в будущем, так как люди будут вырождаться, сердца их не будут раскрыты, и они не смогут понять высшие Истины. Поэтому не торопись применить этот метод.

В Индии есть девять трактатов, относящихся в нашей теме, хотя иногда в отношении их устанавливают не такие строгие требования. Четыре из них я уже отдал тебе. Остается еще получить пять. Один мой ученик отправится в Индию, чтобы достать их у ученика другого ученика Наропы. Ты тоже должен обязательно постараться их приобрести. Они принесут величайшую пользу людям. Но если ты думаешь, что я могу скрыть от тебя какие-нибудь другие тексты, потому что у тебя нет материальных средств заплатить за них, то откинь эту мысль, так как не одни материальные блага приносят мне удовлетворение. Гораздо больше я радуюсь твоей искренней преданности и энергии. Поэтому держи высоко Знамя беззаветной Преданности и Медитации (Знамя Садханы).

Я посвятил тебя в Высшие Мистические Истины, сообщаемые шепотом на ухо, которые были откровением, полученным от Дакини, и переданы мне моим господином Наропой. Никому другому из моих учеников я их не передавал. Тебе же я передал их целиком, как наполняют сосуд до самых краев».

Затем он вызвал Богов-Покровителей, чтобы они свидетельствовали об истинности его слов.

Произнеся этот проникновенный монолог, он затем экспромтом спел песню:

«Почтим Благостного и Милосердного Владыку!
Медитировать на Его Деяниях –
Все равно, что читать священную книгу .
Иметь много желаний не приносит спокойствие уму.
Поэтому сохраним в сердце эти мудрые наставления.
Многое, кажущееся Тем, не является Тем.
Многие деревья не дают плодов.

Не все науки – Истинная Мудрость.
Их изучением Мудрость не достигается.
Много разговору приносит мало пользы.
То, что обогащает сердце, есть Священная Мудрость.
Желаешь ты этого богатства? Тогда стяжай его.
Учение, подавляющее низменные страсти,
Есть Благородный Путь.
Тебе нужен этот надежный путь? Тогда иди по нему.
Сердце, не имеющее желаний, – благороднейший
царь.

Если тебе нужен этот благородный учитель, тогда
ищи его.

Оставь плачущий, отягощенный печалью мир.
Пусть пещеры станут твоим родным домом
И одиночество – твоей истинной радостью.
Пусть твоим неутомимым конем будет Мысль,
скачущая верхом на Мысли,
И пусть твое тело будет храмом, где будут обитать
боги,

И твоя бесконечная преданность Учению будет
лучшим для тебя лекарством.

Тебе, сильному, передал я Учение, содержащее всю
Мудрость.

Твоя вера, Учение и я – одно.

И пусть это Совершенное Семя Истины, вверенное
моему сыну,

Прорастет и принесет плоды,

Которые не гниют, не уносятся ветром и не
высыхают ».

Закончив петь, гуру возложил руку на мою голову и
сказал: «Мой сын, расставание с тобой приносит мне
боль, но так как все составные части бытия подвержены
рассоединению, невозможно этому помешать. Все же
побудь со мной еще несколько дней. Просмотри свои
тексты, и если ты найдешь в них непонятные места,
постарайся их понять». Я послушался, и за это время все
непонятное в текстах стало мне понятным.

Затем гуру велел своей супруге возложить
приношения на алтарь для совершения церемонии, что
она исполнила с большим тщанием, возложив на алтарь
приношения – для Богов-Покровителей, жертвенные
хлеба для Дакини, и устроила для братии большой пир, на
котором гуру предстал перед собравшимися в виде
Гайпа-Дордже и в обликах других божеств, с различными
символическими знаками – дордже, колокольчиками,

колесами, драгоценными камнями, цветами лотоса, мечами и другими атрибутами. Он также представил мистические (мантрические) слоги Ом, Ах, Хум в различных цветах.

Продемонстрировав так свои оккультные способности, он затем сказал мне: «Они называются психофизическими способностями, которые никогда нельзя показывать ради того, чтобы похвастаться ими. Я продемонстрировал их как прощальный подарок тебе, Миларепа».

Тогда я понял, что гуру такой же совершенный, как сам Будда, и радовался этому безмерно. Я дал себе слово подражать моему гуру и развить в себе такие же оккультные способности.

Мой гуру тогда спросил меня: «Сын, ты видишь и веришь?» – «Да, господин и учитель, – отвечал я, – невозможно не верить. Я буду подражать тебе в преданности, чтобы приобрести такие же способности». «Похвально, мой сын. А теперь ты уже можешь отправиться в путь, так как я показал тебе эфемерность всего существующего. Осознай это сам во время твоего отшельничества в горных потаенных прибежищах, в необитаемых пещерах и местах, удаленных от жилищ. Из горных обитателей знаменита Гьялгьи-Шри-Ла (Святая Гора Блаженного Уединения). Она освящена стопами многих великих индийских святых и йогов, а вершина Тисе (гора Кайласа) упомянута самим Владыкой Буддой как великая гора, обитель Демчога (Шамвары) и место для медитаций. Медитируй там. Лапчи-Канг – самое священное место среди всех Двадцати Четырех Мест Паломничества, называемое Годавари в Священных Писаниях. А Риво-Палдар и Елмо-Кангра в Непале упоминаются в «Лалита-Вистаре». Медитируй там. Чубар в Брине (Дрине) – место, освященное Дакини, и любая необитаемая пещера, вблизи которой есть топливо и вода, пригодна для медитации и для водружения Знамени Преданности. Расположенные вблизи друг друга Деви-кот и Цари находятся на востоке, но еще не наступило время их открывать. Ученик твоей иерархии откроет эти священные места паломничества и будет охранять их. А ты посветишь всю свою жизнь медитации в этих местах, о которых было пророчество. Если ты будешь исполнять это со всей преданностью, ты совершишь угодное для твоего гуру дело и отплатишь ему за его доброту и любовь, а значит, послужишь Делу Всеобщего Блага. Но

если ты не будешь по-настоящему предан, то твоя жизнь, какой бы она ни была продолжительной, будет лишь временем накопления грехов. И поэтому оставь все мирские заботы. Не трать время на пустые разговоры с теми, кто стремится только к достижению материальных благ, но сразу начни медитировать».

На глазах моего гуру появились слезы и текли по щекам, когда он продолжал свою речь: «Мой сын, мы больше не увидимся в этой жизни. Но я буду носить тебя в моем сердце, а ты будешь носить меня в своем, и мы обязательно встретимся снова в чистых небесных обителях за пределами этой жизни, и поэтому радуйся.

В какой-то период твоей жизни в отшельничестве ты столкнешься с угрожающей твоей жизни опасностью. Когда это случится, ты посмотри на эту вещь, но сразу не вскрывай ее». И он передал мне замечательный свиток. Каждое слово, произнесенное тогда гуру, проникло глубоко в мое сердце и помогало мне в моей последующей жизни.

Затем мой гуру, обратившись к Дамеме, сказал: «Завтра Миларепа покидает нас. Приготовь все, что нужно в дорогу. Хотя мне будет тяжело, я должен проводить его». А мне он сказал: «Ложись со мной сегодня ночью. Мы двое, отец и сын, поговорим друг с другом». И я лег с ним. Когда Дамема пришла к нам, она сразу начала рыдать. «Дамема, почему ты плачешь? – сказал гуру. – То, что мой сын получил все драгоценные Истины и собирается медитировать на них, вдали от мирской суеты, – это повод для слез? Подумай о том, как все живые существа, хотя потенциально являющиеся Буддами, из-за незнания своей истинной природы и своего предназначения, страдают, и мучаются, и умирают в мучениях, и особенно человеческие существа, получившие (благодаря своему рождению) счастливую возможность улучшить свое состояние, отказываются от этой возможности и умирают непросветленными. Вот об этом и следует плакать, даже не переставая».

Дамема отвечала: «Ты правильно говоришь, но такое сострадание трудно испытывать в полной мере. А я плачу сейчас, потому что не могу не плакать. Смерть отняла у меня сына, преисполненного всех совершенств, телесных и духовных, который смог бы выполнить свои желания и желания других. А сейчас другой сын, такой преданный, энергичный, умный, добросердечный, целеустремленный, безупречный во всех отношениях, должен разлучиться со

мною, будучи жив. Как я могу не плакать?» И она снова разрыдалась. Меня самого сотрясали рыдания и моего гуру тоже.

Так мы провели ночь в слезах, и для серьезного разговора времени у нас не осталось. На следующее утро тринадцать человек собрались проводить меня и пройти со мной четыре-пять миль. Все были печальны и выражали свою печаль словами и слезами. Когда мы поднялись на вершину холма Чхе-Ла-Ганг (Холм Религии), с которого открывался хороший вид на окружающую местность, мы сделали привал и сели подкрепиться. Затем мой гуру взял меня за руку и сказал: «Мой сын, мне бы хотелось, чтобы ты шел не один, а вместе с надежными товарищами, потому что тебе придется идти через Ю и Цанг, и говорят, что на перевале Силма орудуют разбойники, но так как я знаю, что тебе придется идти одному, я буду молиться за тебя и просить божественных защитников охранять тебя в пути. Будь очень осторожен. Сейчас ты пойдешь к ламе Нгогпа и сверь с ним комментарии к священным текстам, которые ты получил, и отметь все расхождения. Затем ты можешь сразу пойти домой. Дома оставайся не более семи дней. А затем удались в пустынное место и медитируй там. И отныне твое служение будет твоей единственной обязанностью. Только этим ты принесешь благо себе и всем живущим». Тогда я экспромтом спел для моего гуру псалом:

«О Владыко, ты неизменный, о Дордже-Чанг!

Впервые как смиренный нищенствующий иду я в Цанг.

Впервые я, твой смиренный шишья, иду домой.

О милосердный Владыко и Отец!

Твоя благодатная любовь дает мне

В провожатые на перевале Силма двенадцать Богинь Гор.

Вверив себя Трем Драгоценным Прибежищам,

В сопровождении сонма Дакини,

С сердцем, чистым и искренним,

Я иду, охраняемый Богинями.

Мне ли нужно бояться смертельных врагов?

И все же с мольбой я обращаюсь к тебе:

Будь моим Вечным наставником

В этой и будущей жизни.

Благослови мое тело, речь и ум

И огради их от соблазнов.

Снизойди к моей молитве
И в знак твоего согласия
Наложи на нее печать твоей духовной власти.
Сокровенные Истины помоги мне осознать.
Я также молю тебя благословить меня на долгую
жизнь без болезней.
Жизнь моя принадлежит тебе.
Ниспошли мне благословения быть неизменно
преданным отшельнической жизни».

Выслушав мою молитву, мой гуру промолвил: «Мой
сын, сладостна твоя речь. Сейчас я тебе дам самые
лучшие и последние наставления. Храни их всегда в
сердце».

Затем, возложив руку на мою голову, он спел для меня
гимн:

«Почтение всем Гуру!
Возвышенномыслящий, благородный
добродетельный сын,
Дхарма-Кая да будет достигнута тобой.
Пусть твоя нектароподобная молитвенная речь
В Самбхога-Кае достигнет полного совершенства.
Пусть твоим праведным, чистым и благородным
сердцем
Будет осуществлена Нирмана-Кая .
Пусть эти мои последние и драгоценные слова,
Такие же истинные, как Вечный Закон,
Проникнут глубоко в твое сердце и сохранятся в нем,
И пусть благословения Дэв и Дакини
Будут вдохновлять тебя,
А духи-защитники охранять.
Да исполнится скоро эта молитва моя.
Да быть тебе всегда любимым преданным религии.
И пусть двенадцать богинь
Сопровождают тебя на перевале Силма,
И Ангелы-Хранители охраняют твой путь
Во время твоих последующих странствий.
В печальном облике твоих дома и полей
Заключена проповедь в иллюзорности.
Твои отношения с сестрой, тетей и родственниками
Станут твоим учителем, который развеет ложные
Представления о прочности семейных связей.
Жизнь в одиночестве в пещерах
Есть рынок, где ты можешь обменять
Мирскую суету на вечное блаженство.
В храме твоего одухотворенного тела

Есть зал для встречи богов .
В приносящей здорovie похлебке из крапивы
Содержится нектар, приятный богам .
Научная система, изложенная в твоих текстах,
Дает урожай прекрасных плодов.
Ненависть и презрение, ожидающие тебя дома,
Побудят тебя немедленно отдаться служению
религии.

В келье отшельника,
До которой не доносятся голоса людей и лай собак,
Заклучено благо быстрого достижения сиддхи .
В свободной жизни, полагаясь только на себя,
Мирное сердце вкушает небесное блаженство.
В незагрязненном месте, вблизи священного храма,
Заклучена радостная перспектива успеха .
В искренней религиозной преданности
Есть благо, достигаемое с помощью ревностного
служения.

В священном Саду Послушания
Находится источник всех достижений.
В жизнедательных истинах, полученных от Дакини,
Находится граница между сансарой и Нирваной .
В Школе Марпы Переводчика
Есть надежда достигнуть вечной славы.
Упорство и энергия Миларепы
Есть столп буддийской веры.
На Того , кто держит этот Столп, пусть будут

ниспосланы

Благословения Благородной Иерархии,
Благословения святых секты Каргьютпа,
Благословения Божественных Существ,
Демчога, Гайпа-Дордже и Санг-Дю,
Благословения Благородных Истин,
Благословения Жизнедательных Истин, открытых
Дакини,

Благословения милосердных Дакини,
Благословения Живущих в Трех Обителях ,
Благословения благородных Защитников Веры ,
Благословения Матери Кали ,
Благословения Благородных братьев по вере.
Благословения твоей преданности, рожденной
послушанием,

Благословения твоим последователям. Да исполнятся
молитвы.

Храни их, мои последние наставления, в твоём

сердце и следуй им».

Марпа испытывал большую радость, исполнив этот гимн. Затем Почтенная Мать, супруга моего гуру, преподнесла мне в качестве подарков необходимые для меня вещи – одежду, обувь и провизию. «Мой сын, – сказала она, – этот мой скромный подарок тебе на прощание в знак моих дружеских чувств. Я желаю тебе счастливого пути, и пусть мы снова встретимся в благословенной, священной райской обители Ургьен. Не забудь об этих последних духовных дарах и об искренней молитве, которую твоя мать сейчас произнесет». И она поднесла мне человеческий череп, наполненный освященным вином, и спела гимн:

«Почтение стопам Милосердного Марпы!
Мой терпеливый сын, такой энергичный,
Преданный, много перенесший,
О сын высочайшего предназначения,
Испей до конца нектар Божественной мудрости
твоего Гуру.

В совершенном спокойствии и полной безопасности
иди своим путем,

И как друзья пусть мы встретимся в будущей жизни
В благословенной священной обители.
Не забывай своих духовных родителей,
Часто возноси молитву им.

Из священных книг и проникновенных проповедей
Извлеки пищу, питающую сердце.

В совершенном спокойствии и полной безопасности
иди своим путем,

И как друзья пусть мы встретимся в будущей жизни
В благословенной священной обители.
Не забывай своих духовных родителей.

Благодарную память о них храни всегда в твоём
сердце

И об их искренней заботе о тебе часто вспоминай.

Согревающее дыхание ангелов носи,
Как твое одеяние, чистое и мягкое.

Думая о беспомощных обитателях сансары,
Внедри в сердце самоотверженность.

Ношу Высшего Пути (Махаяны)

Неси всегда с непоколебимой преданностью.

В совершенном спокойствии и полной безопасности
иди своим путем,

И как друзья пусть мы встретимся в будущей жизни,
В благословенной священной обители.

Дама, дочь благородной семьи,
Своему сыну дает последние наставления,
И пусть он всегда хранит их в своем сердце.
Тебя, о сын, твоя любящая мать не забудет.
Пусть мы, любящие мать и сын,
Как друзья встретимся в будущей жизни
В благословенной священной обители.
Пусть эти добрые пожелания принесут плоды,
И пусть чистая преданность будет твоею платой».

Во время пения слезы душили ее, и долго скрытая печаль присутствующих прорывалась потоками слез и рыданием. В последний раз я отдал поклон моим духовным родителям и пошел, обернувшись назад, смотря на них до тех пор, пока мог видеть лицо моего гуру. Я видел, что провожавшие стояли на том же месте и плакали. Велико было тогда мое желание вернуться. Но когда я исчез из поля их зрения, я уже больше не оборачивался, пока не поднялся на пригорок, откуда их снова увидел, но уже как едва различимую группу людей. Мое сердце призывало меня вернуться к ним, и мне стоило больших усилий побороть себя. Я напомнил себе, что получил Истины во всей полноте и что с этого времени я не буду совершать поступков, осуждаемых религией, и до конца моих дней буду постоянно медитировать на моем гуру как находящемся над моей головой и окруженном сиянием. «Гуру обещал мне, что в будущей жизни мы снова встретимся в Святых Обителях, – размышлял я. – Причем я уйду не надолго, а только, чтобы повидать мать, которая дала мне жизнь. Повидавшись с матерью, я могу вернуться к моему гуру». Так я шел в печальном настроении до самого дома ламы Нгогдун-Чудора. Во время пребывания у ламы я сверил вместе с ним наши записи и обнаружил, что он превзошел меня в толковании тантр, но я не очень отставал от него в части исполнения ритуалов и церемоний и их применения в повседневной жизни, а в некоторых вопросах я преуспел больше, чем он, так как я владел эзотерическими знаниями, передаваемыми шепотом .

Выполнив это задание, я выразил ему должное почтение и надежду встретиться с ним снова и отправился в путь. Я достиг дома через три дня благодаря приобретенной мной способности контролировать дыхание и радовался, что смог в этом преуспеть .

Так все исполнилось: я получил Истину во всей полноте и во время тщательного ее изучения увидел

вещий сон, побудивший меня расстаться с гуру и вернуться домой».

На этом заканчивается повествование о четвертом приносящем заслугу деянии Миларепы .

ГЛАВА IX. ПУТЬ ОТРЕЧЕНИЯ

О неоправдавшейся надежде Джецюна застать в живых мать и о принятии им обетов жить аскетической жизнью и медитировать в отдаленных безлюдных местах.

Снова Речунг спросил: «Почтенный Гуру, когда ты пришел домой, ты увидел, что сон подтвердился или ты застал мать в живых?»

Джецюн сказал: «Сон был вещим: матери уже не было в живых». «Тогда расскажи нам, почтенный гуру, – попросил Речунг, – как ты вошел в свой дом , с кем ты встретился и как жители деревни приняли тебя».

В ответ Джецюн продолжил свой рассказ: «На возвышенном месте в этой долине, откуда был виден мой дом, я встретил пастухов и, притворившись посторонним, расспросил их о названиях этих мест, домах и их обитателях, и они мне все подробно рассказали. Затем, показывая им на мой дом, я спросил их о названии дома и его владельца. Они сказали мне, что дом называется Четыре Колонны и Восемь Столбов, но что сейчас в нем обитают только привидения, а из людей там никто не живет. Когда я их спросил, почему дом оставлен и что случилось с его владельцами, живут ли они в другом месте или умерли, я услышал в ответ: «Раньше здесь жила очень зажиточная семья, и в этой семье рос единственный сын. Отец умер рано, и из-за ошибки, допущенной при составлении завещания, его родственники захватили все имущество, принадлежащее несовершеннолетнему сыну. Когда он достиг совершеннолетия, он попросил их возвратить его имущество и, получив отказ, отомстил им с помощью черной магии. Он послал проклятия и навел град на это место и сотворил много зла. Сейчас мы все боимся покровительствующих ему богов, и никто из нас не осмеливается даже смотреть на этот дом, не говоря о том, чтобы войти в него. И поэтому в доме до сих пор находится труп матери этого человека и обитает несколько злых духов. У него сестра, которая, оставив труп матери, ушла просить милостыню и не вернулась. Она, должно быть, также умерла, так как никто о ней ничего не знает. Если ты, странник, не побоишься войти в этот дом, ты найдешь там несколько книг». Я спросил моего собеседника, когда это случилось, и он сказал, что

мать умерла около восьми лет назад, но когда случились град, и другие несчастья, вызванные колдовством сына, он не помнит, потому что тогда был еще ребенком, а о более ранних событиях он слышал от других.

Сообщение пастуха убедило меня в том, что жители деревни очень боятся моих богов-покровителей и поэтому не осмелятся выступить против меня. Я был охвачен отчаянием и печалью, когда узнал о смерти моей матери и исчезновении сестры. Я спрятался в укромном месте до вечера и горько плакал. Когда солнце скрылось, я пошел в деревню и увидел свой дом точно таким, как видел во сне. Некогда прекрасный дом, который выглядел, как храм, был теперь в полуразрушенном состоянии. Священные книги были залиты водой и покрыты толстым слоем пыли и земли, проникавшими через дырявую крышу, и в них устроили себе гнезда птицы и мыши. Полное запустение царило в доме, и тяжелое, гнетущее чувство овладело мной. Пробираясь ощупью в крайние комнаты, я натолкнулся на кучу земли и тряпья, на которой росла трава. Разобрав кучу, я увидел, что это груда костей, и интуитивно почувствовал, что это кости моей матери. В этот момент меня охватила невыразимая тоска. Мысль о том, что я никогда больше не увижу мать, была столь тяжела для меня, что я чуть не лишился чувств и превозмог себя только потому, что вспомнил о наставлениях гуру. Общаясь с духом моей матери и с божественными духами святых Каргьютпа, я сделал себе подушку из костей и пребывал в состоянии невозмутимого покоя, в ясной и глубокой медитации, и я понял тогда, что можно спасти моих отца и мать от страданий в сансаре. В этом самадхи я пробыл семь дней и ночей .

Я понял также, что нет постоянства в любом состоянии существования в сансаре. С костями матери я решил поступить согласно обычаю – истолочь их, смешать с глиной и сделать из этого маленькие чайтьи, называемые тша-тша . В качестве платы за изготовление тша-тша я думал отдать свои священные книги и затем удалиться в пещеру Драгкар-Тасо и жить там до конца жизни, непрерывно медитируя. Я принял решение сидеть там день и ночь, пока не умру, и дал себе клятву, что если какая-нибудь мысль о мирском будет меня соблазнять, я убью себя, но не позволю подчиниться ей. Я обратился с молитвой к богам-хранителям и Дакини взять меня из этой жизни, если у меня явится мысль пойти по более

легкому пути религиозного служения. Все время повторяя мысленно свое решение, я собрал кости матери, затем очистил книги от пыли и грязи и увидел, что буквы все еще разборчивы. Я вышел из дома, неся книги на спине, а кости матери в подоле. Невыразимая боль терзала мое сердце. С этого дня для меня ничего не существовало в мире, что могло бы прельстить меня. Повторяя клятву соблюдать строжайший аскетизм ради достижения Истины, я решил непоколебимо следовать по этому пути. Потрясенный случившимся, я пел о принятом мной решении:

«О милосердный Марпа, Ты неизменный,
Сбылись Твои пророческие слова.
На родине – тюрьме из соблазнов
Нашел я учителя, показавшего мне, как эфемерна
земная жизнь.

И пусть я по Твоему благословению и по Твоей
милости

Приобрету опыт и веру с помощью этого
благородного учителя.

Все явления, существующие и кажущиеся,
Непостоянны, изменчивы и неустойчивы.
Но больше всех обманчива земная жизнь:
В ней ничего нельзя приобрести навеки.
И поэтому я не буду заниматься бесполезными
делами,

А Божественную Истину буду я искать.
Сначала, когда жил отец, сына у него не было.
Затем, когда я родился и подрос, мой отец ушел из
этого мира.

Но даже если бы мы встретились опять,
Мало было бы пользы от этой встречи.
И поэтому я пойду искать Божественную Истину,
В пещере Драгкар-Тасо буду я медитировать.
Когда была жива мать, я, ее сын, был далеко отсюда.
Когда я вернулся домой, я узнал, что ее уже нет.
Но даже если бы мы встретились опять,
Мало было бы пользы от этой встречи.
И поэтому я пойду искать Божественную Истину,
В пещере Драгкар-Тасо буду я медитировать.
Когда моя сестра была дома, я, ее брат, был далеко
отсюда.

И прежде чем я вернулся домой, она ушла и где-то
бродит.

Но даже если бы мы встретились опять,

Мало было бы пользы от этой встречи.
И поэтому я пойду искать Божественную Истину,
В пещере Драгкар-Тасо буду я медитировать.
Когда священные книги были в сохранности, не было
к ним благоговейного отношения.
Когда благоговейное отношение появилось, их
повредил дождь.
Но если бы даже не повредил,
Мало было бы пользы от этого.
И поэтому я пойду искать Божественную Истину,
В пещере Драгкар-Тасо буду я медитировать.
Когда дом был в хорошем состоянии, хозяин в нем не
жил.
Когда же хозяин вернулся, дом к тому времени
обветшал.
Но если бы он не обветшал,
Мало пользы было бы от этого.
И поэтому я пойду искать Божественную Истину,
В пещере Драгкар-Тасо буду я медитировать.
Когда поле было плодородным, владелец его
отсутствовал.
Когда он вернулся, то увидел, что поле заросло
сорняками.
Но если бы оно не заросло,
Мало пользы было бы от этого.
И поэтому я пойду искать Божественную Истину.
В пещере Драгкар-Тасо буду я медитировать.
Родина, дом и все приобретения,
Я знаю подлинную цену вам.
Неблагодарного человека вы привязываете к себе.
А мне, преданному религии, нужна Вечная Истина.
О Милосердный Отец Марпа,
Пусть я достигну цели, медитируя в уединении».
Преисполненный веры, я спел эти стансы,
представляющие собой нечто среднее между песней и
гимном, а затем пошел к моему бывшему домашнему
учителю. Самого учителя я не застал в живых, и меня
встретил его сын. Я предложил ему книги и попросил
изготовить тша-тша из праха моей матери. Он сказал, что
боится взять мои книги, так как, если он возьмет их,
покровительствующие мне боги поселятся в его доме.
Однако он любезно согласился изготовить для меня
тша-тша. Когда я убедил его, что боги не будут его
преследовать, так как я сам отдаю ему книги, он принял
их со словами: «Пусть будет так». Я помогал ему, когда

он делал тша-тша. Когда работа была закончена, я попросил освятить их и, поместив их в ступу, собрался уходить, но сын моего учителя просил меня пожить у него несколько дней, чтобы побеседовать со мной о прошлом, и был готов предоставить мне все лучшее, что у него было. Я сказал ему, что тороплюсь, так как немедленно хочу начать медитировать, и поэтому у меня нет времени для разговоров. Он тогда попросил меня хотя бы переночевать у него, чтобы за это время он смог приготовить для меня небольшой запас провизии, которая мне пригодится во время медитации.

Я согласился, и он продолжал беседовать со мной. «Когда ты был молод, – сказал он, – ты убил своих врагов с помощью черной магии. А сейчас, в зрелом возрасте, ты обратился к религии. Это, конечно, похвально. Ты, наверное, станешь святым. Кто был твоим учителем и какие религиозные учения ты изучил?» Видно было, что ему это интересно. Я сказал ему, что мне было передано Учение о Высшем Совершенстве, и рассказал, как я встретился с Марпой. Он поздравил меня и посоветовал отремонтировать дом, жениться на Зесай и жить здесь на положении ламы секты Ньингма. Я ответил ему, что Марпа женился для того, чтобы служить людям, но если я буду подражать ему, не имея таких же чистых намерений и такой же силы духа, то это будет напоминать состязание зайца со львом, и я буду ввергнут в бездну ада. «Я вообще убежден в том, – продолжал я, – что мне ничего другого не нужно, кроме медитации и служения религии, и жизнь в миру не привлекает меня. Мой гуру завещал мне жить отшельником и посвятить свою жизнь медитации. Поэтому я поставил себе цель следовать идеалу Каргьютпа и, выполняя волю моего гуру, служить всем живым существам и Иерархии. Тогда я смогу спасти моих родителей от сансары и даже принести пользу себе. Я не интересуюсь ничем иным, кроме медитации, и поэтому ничего другого не хочу делать и ни к чему другому не стремлюсь. Когда я увидел мой разрушенный дом и разоренное имущество моих покойных родителей, мысль о бренности земного существования глубоко проникла в мое сердце, и в нем зажглось желание уйти от мирской жизни. Жизнь в миру может удовлетворить тех, кто не страдал так, как я, и тех, кого не тревожила так сильно мысль о смерти и преисподней. А меня мои жизненные обстоятельства привели к осознанию необходимости посвятить свою жизнь до самой смерти преданному

служению религии, углубленной медитации, даже если мне придется терпеть голод и другие лишения».

И со слезами на глазах я начал петь:

«Почтение Твоим стопам, о благородный Марпа.

Пусть по Твоей милости я освобожусь от привязанности к мирской жизни.

О вы, несчастные,

Кто стремится к преходящим вещам.

Чем сильнее мое горе, тем больше я думаю о вас.

Чем сильнее моя печаль, тем больше я сочувствую вашей.

Мы крутимся, вертимся, пока не попадаем в ад.

Для тех, чья карма разъедает сердце печалью,

Преданность Истине – лучшее лекарство.

Владыко Дордже-Чанг, Ты неизменный,

Благослови меня, нищенствующего, на жизнь в одиночестве по Твоей милости.

Гостящим в этом мире,

Хотя и иллюзорном и преходящем,

Тяжело на сердце от печалей.

На моих пастбищах, где паслись мои овцы, козы и коровы,

Среди живописной природы Гунгтханга,

Обитают сейчас злые духи.

И это свидетельство иллюзорности бытия

Побуждает меня предаться медитации.

Мой дом, Четыре Колонны и Восемь Столбов, изрядно отстроенный,

Стал похож на челюсть льва.

Четырехугольная башня с восемью шпицами, увенчанными крышей,

Сейчас похожа на ослиные уши.

И это также есть свидетельство иллюзорности бытия,

Побуждающее меня предаться медитации.

Мое плодородное поле «Треугольник Вормы»

Заросло бурьяном и травой.

Мои двоюродные братья, мои родственники,

Готовы сейчас как враги подняться против меня.

И даже это свидетельствует об иллюзорности бытия

И побуждает меня предаваться медитации.

Мой благородный отец Мила-Шаргьял

Ушел из этого мира, не оставив следа.

Моя любимая и любящая мать Ньянг-Ца-Каргьен

Превратилась в груды побелевших костей.

И это также есть свидетельство иллюзорности бытия,

Побуждающее меня предаться медитации.
Мой домашний духовник и учитель Кунчо-Лхабум
Сейчас прислуживает кому-то.
Мои священные книги, сокровищница Закона,
Служили гнездами для крыс и птиц.
И даже это есть свидетельство иллюзорности бытия,
Побуждающее меня предаться медитации.
Мой родственник и сосед, дядя Юнг-гьял,
Сейчас на стороне моих врагов.
Моя единственная сестра Пета-Ген-Кьит
Ушла побираться, и никто не знает, где она.
И это также есть свидетельство иллюзорности бытия,
Побуждающее меня предаться медитации.
О Милосердный, Ты неизменный,
Благослови меня на жизнь в отшельничестве».
Когда я закончил петь эту печальную песню, мой
хозяин со вздохом промолвил: «Ты полностью прав». А
его жена не могла сдержать слез. При виде моего
развалившегося дома я был настолько потрясен, что сразу
принял решение стать отшельником и в глубине сердца
продолжал повторять об этом снова и снова. И поэтому у
меня нет оснований жалеть о том, что я медитировал и
жил религиозной жизнью и не тратил время на
приобретение материальных благ».

Это пятое приносящее заслугу деяние, совершенное
Миларепой в то время, когда он был подвигнут
описанными здесь печальными событиями к беззаветному
служению религии.

ГЛАВА X. ЖИЗНЬ В ОТШЕЛЬНИЧЕСТВЕ

О медитации Джецюна во время его отшельнической
жизни в горах; о событиях, случившихся в это время; о
психофизических результатах медитации; песни
Джецюна, отражающие каждое событие.

Речунг тогда спросил Джецюна, в каких местах он
медитировал, предавался покаянию и служил Вере.

Джецюн в ответ продолжал: «Утром сын моего
учителя вручил мне мешок с мукой, сливочное масло, сыр
и что-то еще из продуктов и произнес на прощанье:
«Пусть это будет служить тебе пропитанием, а ты молись
о нас».

С этим запасом провизии я отправился в место,
находящееся за моим домом, где в просторной пещере на
склоне горы я сел медитировать. Я очень экономно
расходовал эти продукты, и из-за такого скудного питания
мой организм очень ослаб, но зато я достиг хороших

результатов в медитации. Продуктов хватило на несколько месяцев, и когда от них уже ничего не осталось, меня стал мучить голод. Поэтому я решил пойти попросить масла, сыра и чего-нибудь еще из продуктов у пастухов, живущих в горах, и зерна или муки у земледельцев, живущих в долине. Так я смог бы накормить себя и затем продолжать медитировать. Придя к пастухам, я подошел к входу в одну из юрт, сплетенных из волос яка, и попросил хозяев подать мне, отшельнику, мяса, сливочного масла и сыра. К несчастью, оказалось, что юрта принадлежала моей тетке. Она сразу узнала меня и, охваченная гневом, натравила на меня собак, от которых я отбилась палкой и камнями. Тогда, вооружившись шестом от юрты, она сама набросилась на меня с криками: «Ты, опозоривший своего благородного отца! Ты, продавший жизни своих родственников! Ты, разрушитель своей родины! Зачем ты пришел сюда? Подумать только, какого сына породил благородный отец!» И тут она с ожесточением стала избивать меня. Я бросился бежать, но, будучи очень слаб, споткнулся о камень и упал в пруд, едва не утонув в нем. Мое падение несколько не повлияло на мою тетку, и она продолжала неистовствовать. Я же, собрав последние силы, поднялся и, опираясь на палку, спел ей песню:

«Я склоняюсь к стопам моего милосердного Отца Марпы!

В несчастливом доме, в печальном селении Ца Мы, трое несчастных, убитая горем мать и двое сирот,

Были разлучены друг с другом и рассеяны,
Как горох, разбросанный палкой.

Подумайте о том, тетя и дядя,

Не были ли вы причиной наших бед?

Когда я, нищенствующий, был далеко от дома,

Скончалась моя мать, пронзенная мечом нищеты,

А сестра ушла скитаться в поисках еды и одежды.

Не в силах больше сносить разлуку,

Вернулся я сюда, на свою родину, в эту тюрьму.

Теперь я навеки разлучен с моей любящей матерью,

А сестра с горя ушла и скитается где-то,

И сердце мое пронзила жесточайшая боль.

Эти страдания и беды, которые нам пришлось испытать,

Не вы ли, наши родственники, обрушили на нас?

Эти тяжкие страдания побудили меня обратиться к

религии.

И, когда я медитировал в уединении в горах
На Священных Учениях моего милосердного Марпы,
Иссякли мои запасы провизии,
И нечем мне было поддерживать эту брэнную форму,
И поэтому пошел я просить милостыню.
Как гибнущее насекомое, привлеченное к
муравейнику,

Пришел я сюда, к твоей двери,
А ты натравляешь свирепых псов против моего
слабого, изможденного тела
И сама набрасываешься на меня с проклятиями и
угрозами.

Ты снова разбередила рану моего сердца,
И, избив шестом мое измученное тело,
Ты едва не лишила меня жизни.
Я мог бы вспылать гневом к тебе,
Но я соблюдаю заповеди моего гуру.
Не будь такой мстительной, тетя.
И дай мне еду, чтобы я смог продолжить мое
служение Вере.

О Владыко Марпа! О ты, милосердный!
Охлади твоею благостью гнев твоего ученика!»
Это было пение, смешанное с рыданиями, и девочка,
которая вышла и стояла позади тети, не могла сдержать
слез, а мою тетю охватили стыд и раскаяние. Она ушла в
юрту и передала через девочку катышек масла и
измельченный сыр.

Обходя другие юрты, я не узнавал их хозяев, но они
все, по-видимому, узнали меня и, не скупясь, подавали.
Собрав подаяние, я вернулся в пещеру.

Поведение моей тети подсказывало мне, что дядино
не будет лучше, и поэтому я решил держаться от него как
можно дальше. Но однажды, прося милостыню у
земледельцев в Верхней Долине Ца, я случайно оказался
прямо перед дядиным домом. Это был его новый дом,
куда он переехал после случившегося несчастья. Увидев
меня, он бросился на меня, крича: «Хотя я уже похож на
старый труп, ты тот, кого я хотел встретить». И замыслив
убить меня, бросил в меня камень, от которого я едва
увернулся. Я побежал прочь, но он продолжал в ярости
бросать мне вдогонку камни, а затем, схватив лук и
стрелы, закричал: «Ты, торгующий жизнями! Ты
предатель («ставящий подножки»)! Не ты ли разорил этот
край? Соседи, земляки! И наконец наш враг в наших

руках. Скорее выходите!» И он стал метать в меня стрелы, а молодые люди бросали в меня камни. Боясь стать жертвой их гнева и мести за то, что раньше я погубил их родственников с помощью черной магии, я попробовал, с целью устрашения, напомнить им о моем знании черной магии и громко закричал: «О мой Отец и вы, Гуру секты Каргьютпа! О вы, мириады пьющих кровь богов, хранителей веры! Меня, преданного вам, преследуют враги. Помогите мне и отомстите за меня! Я могу умереть, но вы, боги, бессмертны». Услышав это, они все очень испугались и остановили дядю. Те, кто симпатизировал мне, стали уговаривать дядю помириться со мной, а те, кто бросал в меня камни, попросили у меня прощения. Только дядя отказался подать мне милостыню, но все остальные не поскупились, и я, получив подавание, вернулся в пещеру. Я подумал тогда, что если останусь там, я буду снова вызывать в них неприязнь к себе, и поэтому решил уйти куда-нибудь в другое место. Но в ту же ночь я получил во сне указание пробыть там еще несколько дней и поэтому пока не уходил. Зесай (с которой я был помолвлен в детстве), узнав, что я нахожусь поблизости, навестила меня и принесла вкусную еду. Она сильно плакала и обнимала меня. Когда она рассказала мне об обстоятельствах смерти моей матери и об уходе сестры, я очень опечалился и горько плакал. Я сказал ей: «Ты так верна мне, что даже не вышла до сих пор замуж». Она ответила: «Люди боялись твоих богов-хранителей, и поэтому никто не осмелился просить моей руки. Но даже если бы мне сделали предложение, я бы не вышла ни за кого замуж. То, что ты стал религиозным человеком, это прекрасно. Но что ты собираешься делать со своим домом и полем?» Я понял ее желание и подумал, что так как по милости моего гуру (Марпы) я полностью отрекся от мирской жизни, молиться за Зесай уже достаточно для ее блага, если смотреть на это с религиозной точки зрения, но тем не менее я должен сказать ей то, что отвечало ее мирским интересам. И я сказал ей: «Если ты встретишь мою сестру, отдай ей это. Если же ее нет в живых, ты можешь владеть и домом, и землей». Она только спросила: «А тебе самому они не нужны?» Я отвечал: «Я найду себе пропитание, как находят птицы, мыши, или же я буду поститься и голодать, и поэтому мне не нужно это поле, и так как я избрал себе жилищем пещеры и безлюдные места, мне не нужен и дом. Я осознал, что, если даже я

буду владеть целым миром, в час смерти я должен буду все это оставить. Но если я все оставлю сейчас, я буду счастлив в этой жизни и после смерти (в следующей жизни). Жизнь, которую я собираюсь вести, не имеет ничего общего с жизнью людей, живущих в миру. И ты больше не думай обо мне как о живом человеке».

Когда она спросила меня: «Твой образ жизни также отличен от жизни всех других религиозных людей?», – я ей в ответ сказал: «Я, конечно, не похож на тех лицемеров, облачившихся в монашескую одежду ради того, чтобы их почитали. Ради богатства, славы, высокого положения в обществе они выучили наизусть содержание одной или двух книг, а имеющие большую склонность объединяться в группы участвуют в борьбе за первенство своей группы над другими. Что же касается действительно преданных религии людей, то неважно, к какой секте или религии они принадлежат. Если в них нет корысти и их взгляды на жизнь существенно не отличаются от моих, они мне близки. Но если они не столь искренни, как я, тогда, конечно, с ними у меня мало общего».

Не удовлетворившись моим ответом, она сказала: «Но почему же тогда ты такой жалкий и несчастный. Ты живешь хуже самого последнего нищего. Я никогда ничего подобного не видела в жизни. Скажи мне, какое учение Махаяны ты исповедуешь?» Я ответил ей, что исповедую высочайшее из учений Махаяны, которое есть Путь Полного Самоотречения, ведущий к достижению состояния Будды в течение одной жизни, и для того, чтобы этого достигнуть, нужно отказаться от мирских устремлений, как от ненужных вещей. «Я понимаю, – сказала она, – что учение, которому ты следуешь, полностью отличается от учений, исповедуемых другими, и то, что я слышу от тебя и вижу, наводит на мысль о том, что осуществлять Дхарму вовсе не легко. То, что понимают под религией обычные люди, не требует больших усилий». Я ответил ей: «Йог, у которого еще осталась привязанность к мирскому, не может следовать моему идеалу искренней преданности религии. Я считаю, что даже те искренние искатели Истины, которые все еще дорожат своим желтым одеянием, не освободились полностью от желания мирской славы и почестей, и я убежден, что даже если они искоренили в себе эти желания, между мной и ими существует большое различие, так как мой метод позволяет достичь большего

и за более короткий срок. Этого ты, конечно, сейчас не поймешь. Но если ты думаешь, что ты можешь это осознать, ты должна посвятить себя религии. Если же ты чувствуешь, что это для тебя трудно, то тебе лучше, как я уже сказал, вступить во владение домом и полем и идти сейчас домой». Она ответила: «Я не могу принять от тебя твой дом и поле, которые ты должен передать своей сестре. Я бы посвятила свою жизнь религии, но служить религии так, как ты, я не могу». Сказав это, она удалилась. Моя тетка, узнав о том, что мне не нужны мои дом и поле, поскольку я принял решение исполнять заповеди моего гуру, воспылала желанием получить их для себя. Она явилась ко мне с ячменной мукой, сливочным маслом, чангом и другими продуктами и сказала: «Когда-то я поступила с тобой нехорошо, из-за своего невежества. Но поскольку ты, мой племянник, предан религии, ты должен простить меня. Если ты позволишь, я буду возделывать твое поле и приносить тебе еду». Я согласился на это предложение, сказав: «Пусть будет так. Взамен ежемесячно ты мне будешь отдавать двадцать мер ячменя. Остальное будет твоим. Я разрешаю тебе пользоваться этой землей». Она ушла очень довольная и два месяца снабжала меня мукой, исполняя наш договор. Но однажды, придя ко мне, она сказала: «Люди говорят, что если я буду пользоваться твоей землей, твои боги-покровители могут сделать мне плохо из-за того, что ты обладаешь магической силой». Я успокоил ее, сказав: «Зачем мне сейчас заниматься колдовством? Напротив, ты даже приобретешь за услуги, если будешь продолжать пользоваться этим полем и снабжать меня продуктами». В ответ она сказала: «Если это действительно так, дай мне клятву, что ты никогда больше не будешь заниматься колдовством. Я ведь не знаю: может быть, ты еще не порвал с этим делом». Я не понимал, к чему она клонит, но так как считал моим долгом помогать другим, я дал ей клятву, и она ушла от меня, успокоенная и довольная. Я продолжал медитировать, но, несмотря на мое усердие, я не мог получить ни новых знаний, ни ощущения экстатического Тепла, и поэтому не знал, что мне делать дальше. Однажды ночью я видел во сне, что я изо всех сил стараюсь вспахать очень твердую, окаменевшую землю, но земля не поддавалась. Отчаявшись, я уже готов был бросить эту работу, но в это время мой дорогой гуру Марпа появился на небе и подбадривал меня: «Сын,

приложи свою энергию и продолжай пахать. Несмотря на трудности, ты обязательно добьешься успеха». И сам Марпа руководил моей работой. Земля была вспахана довольно легко и дала богатый урожай. Я проснулся в радостном расположении духа. Однако тотчас же подумал, что сновидения, являющиеся иллюзорным отражением наших собственных мыслей, не воспринимаются как реальные даже глупцами и невеждами, и я, должно быть, глупее самого последнего глупца, если от увиденного сна может так измениться мое настроение. Но так как это сновидение напомнило мне о том, что если я буду продолжать медитировать с большим усердием, мои усилия увенчаются успехом, я ощутил радость и в таком приподнятом настроении спел песню, которая должна была запечатлеть в моей памяти значение этого сна:

«Я молюсь тебе, о милосердный Владыко!

Ниспошли мне, нищенствующему, преданность
отшельнической жизни.

Поле Успокоенного Ума

Я орошу и удобрю стойкой верой,

Затем засею его отборными семенами,

Рожденными из незапятнанного сердца,

И над полем, как гром, раздастся искренняя молитва,

И благодать прольется на него ливневым дождем.

К волам и плугу Сосредоточенной Силы

Я прикреплю лемех Правильного Метода и Разума.

Воли, ведомые целеустремленным пахарем,

Твердой рукой к одной цели,

Кнутом упорства и усердия подстегиваемые,

Разрыхлят затвердевшую почву Невежества,

порожденного

Пятью Греховными Страстями,

И очистят ее от камней закосневшей греховной
жизни,

И удалят все сорняки лицемерия.

Затем серпом Истины Кармических Законов

Будет собрана жатва Праведной Жизни.

Эти зерна, которые суть Возвышенные Истины,

Будут собраны в Хранилище,

К которому не приложимы никакие умопостроения.

Боги будут обжаривать и молоть эту драгоценную
пищу,

Чтобы напитать меня, сирого и смиренного,

Когда я устремлюсь на поиски Истины.

Я понимаю значение сна так:
Слова не дают Полноценных Плодов,
Рассуждениями не приобретается Истинное Знание.
Но те, кто посвятил себя религиозной жизни,
Во время медитации должны проявлять
чрезвычайное усердие и стойкость.
И если они преодолеют все препятствия и будут
трудиться изо всех сил,
Не прекращая поисков, они найдут Самое
Драгоценное.
Пусть все, кто искренне стремится к Истине,
Будут ограждены от препятствий и задержек на Пути
».

Вскоре я принял решение покинуть эти места и поселиться в пещере Драгкар-Тасо. В тот самый момент, когда я собрался уходить, пришла моя тетка и принесла с собой шестьдесят мер ячменной муки, рваное кожаное платье, один кусок хорошей ткани и катышек из смеси сливочного масла и жира и заявила: «Мой племянник, вот плата за твое поле, которым я сейчас пользуюсь. Возьми эти вещи и уходи в другое место подальше от моих глаз и ушей, так как соседи все время говорят мне: «Тхепага сделал нам столько зла раньше, и, если ты будешь продолжать иметь с ним дело и обслуживать его, он еще навредит нам и, может быть, погубит всех оставшихся жителей. Но мы скорее убьем вас обоих, чем допустим это». Поэтому лучше для тебя бежать отсюда поскорей в какое-нибудь другое место. С какой стати я должна стать их жертвой из-за тебя? Но нет ни малейшего сомнения, что они убьют и тебя».

Я знал, что люди не могли этого говорить, и поэтому ответил ей так: «Если бы я был верен данным мной обетам, я бы не отказался прибегнуть к колдовству, чтобы возвратить мое поле, тем более, что я не клялся не делать этого при таких обстоятельствах. Обладая такой магической силой, я мог бы в одно мгновение превратить тебя в бездыханный бледный труп, но я не буду делать этого, так как на ком еще мне упражнять мое терпение, как не на тех, кто причинил мне зло? Если я умру этой ночью, что я буду делать с полем или с этими вещами, которые ты мне принесла? Говорят, что терпение – наикратчайший путь к достижению Состояния Будды, и ты, моя тетя, как раз тот человек, на ком я должен оттачивать мое терпение. К тому же вы, мои тетя и дядя, являетесь причиной, приведшей меня к этой жизни,

отказу от мирских благ. Я искренне благодарен вам обоим за это и буду всегда молиться о том, чтобы вы достигли Состояния Будды в вашей будущей жизни. Я могу тебе отдать не только это поле, но и дом тоже». Затем я ей все подробно объяснил и в заключение сказал: «Что касается меня, то мне нужны только указания моего гуру и ничто другое, и поэтому тебе пользоваться и полем, и домом». И я ей спел такую песню:

«О Владыко, мой Гуру, ты благословил меня жить аскетической жизнью,

И мои радости и горести ведомы тебе!

Вся сансара опутана нитями кармы.

Кто прочно привязан к ней,

Тот отбрасывает прочь жизнедательную нить

Спасения.

Накапливать зло – занятие человеческого рода,

И кто делает так, должен испытать муки ада.

Родственные привязанности подобны замку дьявола .

Строить его – значит испытывать жгучую боль.

Накопление богатства – это накопление чужого имущества.

То, что накапливаешь, становится достоянием врагов.

Вино и чай, употребляемые для поднятия настроения, подобны соку аконита.

Пить их – значит утопить жизнедательную нить

Спасения .

Цена, заплаченная теткой за мое поле, состоит из продуктов, из жадности приобретенных.

Тот, кто будет их есть, родится среди голодных духов

.

Совет, данный моей теткой, продиктован гневом и мстительностью.

Его произнесение вносит в жизнь людей сумятицу и раздор.

Всем моим имуществом – полем и домом

Владей, тетя, и будь счастлива этим.

Моей искренней преданностью религии я смываю последствия ссоры.

И моим усердным служением я угождаю богам.

Состраданием я подчиняю демонов,

Все грехи я развеиваю по ветру

И горе – обращаю мой взор.

О Милосердный, Ты Неизменный,

Пусть по твоему благоволению, я проведу жизнь в

уединении и достигну цели».

Выслушав меня, моя тетка сказала: «Ты действительно предан религии, и это очень похвально». И она ушла от меня довольная.

Эта встреча расстроила меня, но с другой стороны, я почувствовал облегчение, так мне уже больше не нужно было думать о моих земле и доме. Я решил немедленно осуществить свое намерение перебраться в пещеру Драгкар-Тасо и продолжать медитировать в ней. Так как эта пещера послужила мне жилищем в то время, когда я закладывал основание самадхи, ее стали называть Кангцу-Пхуг (букв.: пещера, в которой он, Миларепа, укрепился в преданности, то есть заложил основание). На следующее утро, взяв с собой вещи и продукты, принесенные теткой, и останки старого припаса, я отправился на новое место. Пещера Драгкар-Тасо оказалась очень удобным для меня жилищем. Я положил там принесенное с собой жесткое сиденье и застелил его моей спальной покрывкой. Разместившись на нем, я принял обет не спускаться к жилищам людей:

«Пока я не достигну сиддхи, я буду жить в уединении.

Если даже я буду умирать с голоду, я не пойду просить милостыню,

предложенную во имя веры или посвященную умершим,

Ибо я задохнусь от праха .

Если даже от холода буду я умирать, я не спущусь вниз просить одежды.

Если от страданий и горя буду я умирать, я не

Спущусь вниз, чтобы развеяться среди радостей мирской жизни.

Если смертельной болезнью я заболею, я не спущусь вниз даже за одной дозой лекарства.

И я не сделаю ни одного движения телом ради какого-нибудь материального приобретения.

Но тело, речь и сердце я посвящу достижению Будды.

Да помогут мне гуру, боги и Дакини исполнить мои обеты.

Да благословят они мои труды.

Да исполнят Дакини и боги-хранители веры мои желания

И окажут мне необходимую помощь».

И в заключение я добавил: «Если я нарушу эти

обеты, зная при этом, что лучше умереть, чем жить, отказавшись от поисков Истины, пусть божественные существа, защитники Веры, немедленно пресекут мою жизнь и пусть мой гуру и боги своей милостью направят мою новую жизнь по религиозному пути и наделят меня силой воли и умом, дабы я смог преодолеть все препятствия (на Пути) и добиться Победы».

Затем я спел песнь-посвящение о данных мной обетах:

«Отпрыск Наропы и Пути Спасения,

Пусть я, отшельник, буду жить плодотворной жизнью в уединении.

Пусть не искушают меня иллюзорные мирские соблазны,

И пусть укрепитя спокойствие, рожденное медитацией.

Пусть я не буду лежать в бессознательном успокоенном состоянии,

И пусть расцветет во мне цветок сверхсознания .

Пусть не досаждают мне порождаемые умом мысли о мирском,

И пусть возрастут во мне древеса Мира Несозданного.

Пусть моя отшельническая жизнь не будет омрачена внутренними конфликтами,

И пусть я соберу плоды Знания и Опыта.

Пусть Мара и его помощники не будут искушать меня,

Пусть познание моего собственного истинного Ума Будет моим успокоением.

Путь и Метод, которые я избрал,

Пусть не будут вызывать у меня сомнений,

И пусть я буду следовать по стопам моего духовного отца.

О милосердный Владыко, воплощение Неизменности,

Благослови меня, нищенствующего,

Проводить неизменно жизнь в уединении».

Помолившись так, я продолжал медитировать.

Пищей мне служило немного муки, к которой я добавлял то, что мне попадалось. Я освоил знание Махамудры (Великого Символа) теоретически, но я был очень слаб физически и не мог контролировать дыхание (психофизическую нервную энергию, или флюид) , и поэтому во мне не рождалось экстатическое внутреннее

тепло, и я оставался не защищенным от холода.

Я искренне молился моему гуру, и однажды ночью мне приснился очень яркий сон. Скорее это был не сон, а видение, воспринимаемое сверхсознанием. Явилось несколько женщин, принесших кушанья для совершения пуджи (религиозной церемонии). Совершив церемонию, они сказали мне, что их послал ко мне мой гуру Марпа научить меня выполнять физические упражнения йоги.

Получив наставления, я стал выполнять три вида упражнений – для тела, голоса и ума и научился вырабатывать физическое тепло во время экстаза .

Так прошел год, и однажды у меня появилось желание погулять немного поблизости, чтобы развеяться. Я собрался было уже выйти, но тотчас же вспомнил о своих обетах и спел песню, в которой выразил порицание самому себе:

«О Дордже-Чанг в образе Марпы!

Помоги мне, нищенствующему, вести жизнь в уединении.

О ты, странный человек Миларепа!

Тебе я пою эту песню, чтобы дать тебе совет.

Ты удалился от всех людей,

С которыми мог бы вести приятную беседу.

Поэтому ты чувствуешь себя одиноким и хочешь развлечься.

Но нет у тебя оправдания к этому стремиться.

Не волнуй свой ум, пусть он будет спокойным.

Если в нем есть мысли, на совершение греховных поступков они будут направлены.

Не поддавайся желанию развлечься, но напряги силу ума.

Если перед искушением ты не устоишь, все твои религиозные заслуги будут пущены по ветру.

Никуда не выходи и сядь спокойно на свое место.

Если ты выйдешь, ты можешь споткнуться о камни.

Не задирай голову, а склоняй ее.

Если голова поднята, поисками пустых развлечений она займется.

Не спи, продолжай свои труды.

Если заснешь, тебя одолеют Пять Ядов Невежества» .

Отчитав себя так, я продолжал круглосуточно медитировать, и проведя в медитации более трех лет, увидел, как я духовно вырос, как расширились и укрепились мои знания. Но возникла проблема с пропитанием, так как мой запас ячменной муки был

полностью израсходован, хотя я тратил ее очень экономно – по двадцать мер в год, а теперь и этого не стало. Мне угрожала смерть от голода тогда, когда я еще не достиг состояния Будды. Мой путь к вечности мог бы так печально прерваться. Я подумал о том, как люди радуются, приобретя одну сикху (четверть анны) или две золота, и как горюют, столько же потеряв. «По сравнению с этим моя жизнь, посвященная достижению состояния Будды, неизменно ценнее, – рассуждал я. – А с другой стороны, лучше умереть, совершая аскетический подвиг, чем нарушить обет. Что же мне делать? Что если, не спускаясь вниз к людям за подаянием, я поищу что-нибудь съедобное поблизости? Тогда я не нарушу обет. Если я что-нибудь найду, это будет спасением для меня». И я вышел из моей пещеры и, побродив поблизости, обнаружил на солнечной стороне место, где были хорошие родники и росло много крапивы. С этого места открывался прекрасный вид, и я перебрался туда.

Я продолжал медитировать, питаюсь похлебкой из крапивы. Снаружи мое тело было лишено одежды, а внутри – нормальной пищи. Я весь высох и превратился в живой скелет. Моя кожа приобрела зеленоватый оттенок наподобие цвета крапивы, которая служила мне пищей. Волосы на голове имели такой же зеленоватый цвет. С благоговением я смотрел на свиток, который дал мне мой гуру, и иногда клал его на голову и нежно к нему прикасался. Это успокаивало мой пустой желудок. Иногда у меня появлялась отрыжка как если бы я много поел. Один или два раза я собрался было открыть свиток и прочитав его, но через знамение я был предупрежден о том, что время еще не наступило для этого, и поэтому я хранил его нераспечатанным.

Примерно год спустя охотники из Кьидронга случайно набрели на меня после неудачной охоты. Сначала они убежали, думая, что я бхута (злой дух). Когда я им сказал, что я человек и живу отшельником, они не поверили, но все же подошли поближе, чтобы рассмотреть меня, и произвели тщательный обыск в пещере. Ничего не найдя, они спросили меня, где мои продукты. «Мы тебе заплатим хорошо за них. Но если ты их не отдашь, мы убьем тебя», – угрожали они. Я ответил им, что у меня есть только крапива и что даже если бы у меня было что-то еще, (ввиду того, что они издевались надо мной, поднимая и бросая меня), они не должны отбирать у меня пищу силой. Они тогда сказали, что в их

намерения не входит грабить и оскорблять меня, они ничего за это не получают. Я ответил им, что, совершая другие действия, они могли бы приобрести заслугу. «Тогда, – сказали они, – мы снова будем тебя бросать наземь». И они проделали это со мной несколько раз. Хотя это причиняло моему изнуренному телу большие страдания, я искренне жалел их и плакал за них. Один из них, не принимавший участия в этой экзекуции, говорил: «Этот человек похож на настоящего ламу, и даже если он не лама, вы ничего не достигнете, обращаясь так жестоко со слабым человеком. Не он виноват, что вы голодные. Перестаньте это делать». А мне он сказал: «Отшельник, твоя стойкость вызывает восхищение. Я тебе ничего не сделал плохого, и поэтому поминай меня в молитвах». Другие, насмехаясь, добавили: «А так как мы поднимали тебя, не забудь также защитить нас своими молитвами». Тогда он ответил им: «Да, да, это он сделает, будьте уверены, но только другим способом». И они ушли, громко смеясь. Я не проклинал их, даже не помышлял об этом. Но божественное возмездие настигло их. Впоследствии я узнал, что они были арестованы правителями этой области. Главарь был казнен, а все остальные, кроме того человека, который не причинил мне вреда, были ослеплены.

Прошло около года после посещения меня охотниками, и вся моя одежда к тому времени изнасилась. Оставалось только тряпье, которое дала мне моя тетка, и пустой мешок из-под муки. Когда-то я собирался сшить их вместе и использовать для постели. А теперь я подумал, что если я умру этой ночью, какая будет польза от этого шитья. Лучше мне продолжать медитировать. Я положил на сиденье изношенное кожаное платье, полами которого я обернул нижнюю часть тела, а сверху укрылся дырявым пустым мешком. Оставшимся тряпьем я укрыл части тела, которые больше всего в этом нуждались. Все это тряпье было слишком изношено, чтобы служить одеждой. Я подумал, что впадаю в крайности в своем самоотречении и что я должен сшить все части вместе, но у меня не было ни иголки, ни ниток. Поэтому я соединил это тряпье узлами в трех местах, и обмотавшись им, подвязался веревкой вместо пояса. В этом одеянии я проводил дни с максимальной пользой для себя, а ночью оно немного защищало меня от холода.

Я прожил, медитируя, в этих условиях еще около года, и однажды услышал голоса людей. Выглянув, я

увидел группу охотников, приближающихся к моей пещере. Они возвращались с охоты с большой добычей. Шедшие впереди, увидев меня, закричали: «Ой, там бхута!» – и бросились прочь. Находившиеся сзади сказали: «Не может быть, чтобы бхута появился среди бела дня. Нужно проверить, действительно ли там бхута». Когда им сообщили, что он все еще там, даже шедшие сзади старые охотники испугались. Я сказав им, что я не бхута, а отшельник, который давно ничего не ел. Они сами захотели убедиться в правдивости моих слов и осмотрели все кругом. Не найдя ничего, кроме крапивы, они все прониклись большим уважением ко мне. Они отдали мне все, что оставалось у них от запаса провизии, а также много мяса и обратились ко мне с выражением почтения: «Ты заслуживаешь похвал за свой аскетизм. Молись за убитых нами животных и за нас, грешных, лишивших их жизни».

Я обрадовался возможности иметь пищу, которую едят обыкновенные люди, и, вкусив ее, испытал приятное чувство сытости. У меня поднялось настроение, и я с большим усердием продолжал медитировать. Я ощутил особый подъем духа, который никогда не испытывал раньше, и подумал о том, что заслуга, приобретаемая теми, кто отдает оставшиеся крохи пищи одиноким отшельникам, несомненно, превосходит заслугу тех, кто делает роскошные подарки обеспеченным людям, живущим в городах и селениях.

Я растянул этот запас мяса на много дней, экономно его расходуя, и в нем мухи отложили личинки. Я сначала хотел очистить его от личинок, но потом подумал, что мне не следует употреблять его в пищу, так как тогда мне придется отнять это мясо у личинок, а значит, заниматься грабежом. «Как бы мне ни хотелось поесть мяса, мне не полагается отбирать его», – решил я. И оставив это мясо личинкам, перешел опять на похлебку из крапивы.

Однажды ко мне забрался некто, рассчитывая найти ценные вещи. Он ощупью ходил в пещере, обшаривая каждый угол. Наблюдая за ним, я в конце концов громко рассмеялся и сказал ему: «Попробуй что-нибудь найти ночью там, где я ничего не могу найти днем». Тогда он тоже рассмеялся и ушел.

Примерно через год после этого посещения несколько охотников из Ца, возвращаясь после неудачной охоты, случайно оказались вблизи моей пещеры. Так как я сидел погруженный в самадхи, одетый в какое-то подобие

одежды, скрепленной тремя узлами, они, желая узнать, человек я или бхута, тыкали в меня концами своих луков. Из-за моего отпугивающего вида они были более склонны считать меня бхутой. Когда они обсуждали этот вопрос между собой, я обратился к ним и сказал: «Можете не сомневаться в том, что я человек». Увидев мои зубы, они узнали меня и спросили, не Тхепага ли я. Получив утвердительный ответ, они попросили у меня еды, обещая возратить больше, чем возьмут. «Мы слышали, что ты много лет назад приходил домой. С тех пор ты все находишься здесь?» – спросили меня они. «Да, – ответил я, – но я ничего не могу предложить вам из того, что вы сможете есть». Они сказали, что все, что ем я, сгодится и им. Тогда я велел им развести огонь и сварить крапиву. Сделав это, они ожидали, что я добавлю в суп мясо, кости, костный мозг или жир. Но я сказал им: «Если бы у меня это было, мою пищу было бы приятно есть. Но уже несколько лет у меня ничего нет, кроме крапивы. Добавьте ее вместо мяса». Тогда они попросили сдобрить суп мукой или зерном. Я сказал им, что если бы у меня была мука или зерно, моя пища была бы питательной, но я живу без них уже несколько лет, и предложил им заменить эти продукты кончиками крапивы. Когда же они попросили соли, я ответил им, что соль придала бы вкус моей пище, но я живу без соли уже несколько лет, и посоветовал им добавить вместо нее побольше кончиков крапивы. «Живя на такой пище и нося такие лохмотья, не удивительно, что у тебя такой жалкий вид, – сказали они. – Такая жизнь не достойна человека. Ведь если бы ты даже был чьим-то слугой, ты бы ел вдоволь и имел теплую одежду. Ты самый жалкий и несчастный человек в мире». На это я им ответил: «О друзья, не говорите так. Я один из счастливейших среди родившихся в человеческом облике. Я встретился с Переводчиком Марпой из Лхобрака, и он передал мне Знания, с помощью которых можно достигнуть состояния Будды в течение одной жизни. А сейчас, полностью отказавшись от всех преходящих вещей, я живу отшельником, уединенно и соблюдая строгий аскетизм, обретаю вечные блага. Отказавшись от временных удовольствий, таких, как пища, одежда, слава, я расправляюсь с Врагом Невежеством сейчас, в этой жизни. Среди всех людей на Земле я один из самых мужественных, имеющих самые возвышенные идеалы. А вы, рожденные в стране, где распространено Благодное Учение Будды, даже не

слушали ни одной религиозной проповеди, не говоря о том, чтобы посвятить свою жизнь религии. Вместо этого вы стараетесь изо всех сил попасть в самые низшие области ада на самые долгие сроки. Вы накапливаете горы грехов и соревнуетесь друг с другом на этом поприще. Как слепо и извращенно вы воспринимаете жизнь! А я радуюсь не только ожидаемому мной вечному блаженству, но и своей жизни сейчас. Это приносит мне удовлетворение и вдохновляет меня». И я спел им песню о Пяти Видах Довольства:

«Владыко! Милосердный Марпа!

К твоим стопам склоняюсь я!

Помоги мне от привязанности к миру отказаться.

Здесь, в Средней Пещере Драгкар-Тасо,

На самом верхнем ярусе Средней Пещеры

Я, тибетский йог, по имени Репа,

Оставив все мысли о том, что есть и во что одеться, и все мирские попечения,

Поселился за тем, чтобы достичь совершенного состояния Будды.

Удобен жесткий матрац подо мной,

Удобна непальская накидка на хлопковой подкладке, которой я укрываюсь.

Удобна единственная лента, удерживающая мое колено .

Приятно тело, привыкшее к умеренной пище.

Приятен Светлый Ум, различающий бренный мир и Конечную Цель.

Ничего нет неприятного; все приятно.

Если вы можете поступать так же, следуйте моему примеру.

Но если вас не вдохновляет цель аскетической жизни И от заблуждения о реальности «эго» не можете вы освободиться,

Тогда прошу я вас избавить меня от вашей ложно направленной жалости,

Ибо я, йог, нахожусь на пути к обретению Вечного Блаженства.

Последние лучи заходящего солнца освещают вершины гор.

Возвращайтесь и вы в свои жилища.

А у меня в ожидании смерти, о часе которой неведомо,

Поставившего цель достигнуть совершенного состояния Будды,

Пустым разговорам предаваться нет времени,
И поэтому сейчас я войду в самадхи –
Спокойное Состояние».

Услышав мое пение, они сказали: «Ты поешь о различных удобствах. Однако у тебя действительно очень хороший голос. Но мы не способны обречь себя на такие лишения». И, сказав это, они отправились домой.

Они исполнили эту песню хором во время праздника, ежегодно отмечаемого в Кьянга-Ца. Случилось так, что моя сестра Пета тоже пришла на праздник, чтобы собрать милостыню. Услышав эту песню, она сказала им: «Любезные! Человек, который пел ее, должно быть, сам настоящий Будда». Один из охотников воскликнул: «Ха! Ха! Смотрите, как она хвалит своего брата!» А другой сказал: «Кем бы он ни был – Буддой или животным, это песня твоего измученного голодом брата, и ему грозит голодная смерть». На это Пета ответила: «О, мои родители умерли давно. Мои родственники стали моими врагами. Мой брат ушел куда-то, а я живу на подаяние. Зачем вы радуетесь моему горю?» И она разрыдалась. Находившаяся поблизости Зесай подошла к ней и утешила ее, говоря: «Не плачь. Вполне возможно, что это твой брат. Я тоже встречала его когда-то. Ты пойдешь в пещеру Драгкар-Тасо и узнай, жив ли он еще. Если жив, то тогда вдвоем навестим его».

Поверив этому сообщению, она пришла ко мне с кувшином чанга и небольшим сосудом с мукой. Остановившись перед входом в пещеру, она увидела меня и ужаснулась. Лишения и страдания довели меня до истощения: глаза ввалились, цвет тела был синевато-зеленым. Мышцы сморщились и высохли. Я был кожа и кости и выглядел, как живой скелет, покрытый синевато-зелеными волосами. На голове волосы стали жесткими и были похожи на устрашающий парик, а конечности были такими хрупкими, что легко могли сломаться. Мой вид внушал ей такой жуткий страх, что она приняла меня за бхуту. Вспомнив о том, что ей говорили обо мне, она, однако, в какой-то мере сомневалась в том, что это я. Наконец, собравшись с духом, она спросила: «Человек ты или бхута?» В ответ я сказал: «Я Мила Тхепага». Узнав меня по голосу, она тогда приблизилась ко мне и, обняв меня, воскликнула: «Брат! Брат!», – и тут же лишилась чувств. Я тоже, зная, что это Пета, был одновременно и рад и опечален. Приняв все необходимые меры, чтобы привести ее в чувство, я

наконец смог это сделать. Но она, положив голову между моими коленями и закрыв лицо руками, дала волю новому потоку слез и сквозь рыдания говорила: «Наша мать умерла в ужасной нищете, и она все время ждала тебя. Никто к ней не приходил, и я не могла переносить эти ужасные лишения и одиночество в нашем доме и ушла просить милостыню. Я думала, что тебя тоже нет в живых. Я, конечно, надеялась, что, если ты жив, я увижу тебя в более лучших условиях, чем эти. Но, увы! Ничего нет хорошего. Ты видишь, какую жизнь я веду. Есть кто-нибудь более несчастный на Земле, чем мы с тобой?»

Она не раз произносила имена наших родителей и не переставала рыдать. Я всячески старался успокоить ее. В конце концов мне тоже стало очень грустно, и я спел моей сестре такую песню:

«Почтение моим Владыкам Гуру!

По вашей милости пусть я буду предан
отшельничеству.

Сестра, ты преисполнена мирских желаний и настроений.

Знай, что мирские радости и горести все непостоянны.

Но я, сам себя обрекший на эти лишения,

Уверен в том, что достигну Вечного Счастья.

Итак, послушай песню твоего брата.

Чтобы отплатить за доброту всем живым существам,

Так как они были нашими родителями ,

Я посвятил себя религии.

Взгляни на мое жилище. Оно, как у лесных зверей.

Любой испугается, войдя в него.

Взгляни на мою еду. Это пища собак и свиней.

Людей от нее стошнит.

Взгляни на мое тело: оно превратилось в скелет.

Даже враг заплачет при виде его.

Я похож на сумасшедшего в своих поступках,

И поэтому ты разочарована и опечалена.

Но если бы ты могла рассмотреть мой ум, ты бы увидела,

Что это Ум Бодхи, радующий Победителей.

Сидя на этой холодной скале, я медитирую с таким упорством,

Что вынесу, если с меня живого будут кожу сдирать

Или мясо отрывать от костей.

Мое тело внутри и снаружи сделалось, как крапива,

Зеленоватый оттенок, не меняющийся, оно приняло.

Здесь в безлюдье, в этой скальной пещере,
Где нет никаких развлечений,
Я неизменно, постоянно полон любви и восхищения
Гуру, истинным воплощением Вечных Будд.
Так, преданный медитации,
Я, несомненно, приобрету
Трансцендентальные Опыт и Знания,
И если в этом смогу преуспеть,
Будут достигнуты мной в этой жизни счастье и
процветание,

А в следующем рождении достигну я состояния
Будды.

И потому, моя сестра, Пета дорогая,
Не предавайся горестным мыслям
И религии ради обратись к покаянию».

В ответ она сказала: «Было бы прекрасно, если бы то,
что ты говоришь, соответствовало бы действительности,
но трудно в это поверить. Будь это на самом деле так, как
ты представляешь, другие подвергли бы себя таким же
мучениям по крайней мере частично, если не смогли бы
вынести все, что выносишь ты. Но я не встречала ни
одного человека, кто бы добровольно принял на себя
такие страдания». С этими словами она дала мне
принесенные с собой чанг и еду. Эта пища восстановила
мои силы, и моя медитация ночью была еще более
успешной.

На следующее утро после посещения меня Петой я
ощутил сильное возбуждение и физическую боль, а в
моей голове проносились то благочестивые, то греховные
мысли. Я старался изо всех сил сосредоточиться на
объекте медитации, но у меня ничего не получалось.

Через несколько дней мне нанесла визит Зесай,
принеся с собой хорошо приготовленное вяленое мясо,
сливочное масло, муку и хорошую порцию чанга. Она
пришла вместе с Петой. Они встретили меня, когда я шел
за водой. Я был совершенно голый (так как у меня не
было одежды), и они обе смутились. Однако, несмотря на
охватившее их смущение, не могли сдержать слез при
виде моей полнейшей нищеты. Они положили передо
мной мясо, сливочное масло, муку и чанг. Когда я пил
чанг, Пета сказала: «Брат, сколько я за тобой ни
наблюдаю, я не могу согласиться с тем, что ты
нормальный человек. Я прошу тебя, проси милостыню и
питайся пищей, которую едят люди. А я постараюсь
раздобыть тебе что-нибудь из одежды и принесу тебе».

Зесай вторила ей: «Проси милостыню, проси еду, и я тоже принесу тебе одежду». Я ответил им: «Ввиду неизвестности времени смерти, ожидающей меня, я не вижу смысла просить себе на пропитание, и у меня нет времени на это. Если бы даже я умер от холода, это случилось бы ради Истины и Религии, и поэтому у меня было мало оснований сожалеть об этом. Меня не может удовлетворять религиозность, о которой заявляют в кругу веселых, хорошо одетых родственников и приятелей, предающихся чревоугодию и пьянству и предпочитающих такую жизнь истинному искреннему служению. Мне не нужна ни твоя одежда, ни твои визиты. И твоему совету просить милостыню на пропитание я не последую». Пета сказала: «Что же тогда может удовлетворить тебя, брат? Мне кажется, что что-нибудь более жалкое, чем такая жизнь, тебя бы удовлетворило, но даже при твоей изобретательности ты бы не смог, вероятно, придумать ничего мучительнее этого». Я ответил ей: «Три Низших Лока более скорбны, чем моя жизнь здесь, но большинство живых существ делает все, чтобы оказаться в этих – безрадостных мирах. Я же безропотно принимаю мои страдания». И я спел песню, в которой рассказал им, что меня удовлетворяет:

«Почтение Телу моего Владыки Гуру!
Даруй мне преданность отшельнической жизни.
О моем счастье не знают мои родственники,
О моих горестях не знают мои враги.
Если здесь, вдали от людей,
Суждено мне будет умереть,
Мне, отшельнику, такая смерть угодна.
О моей старости не узнает моя нареченная,
О моей болезни не узнает моя сестра.
Если здесь, вдали от людей,
Суждено мне будет умереть.
Мне, отшельнику, такая смерть угодна.
О моей смерти не узнает никто,
И птицы не увидят мои гниющий труп .
Если здесь, вдали от людей,
Суждено мне будет умереть,
Мне, отшельнику, такая смерть угодна.
Мою разложившуюся плоть облепят мухи,
Мои распавшиеся мускулы съедят черви.
Если здесь, вдали от людей,
Суждено мне будет умереть,
Мне, отшельнику, такая смерть угодна.

Не будет следов человека у моего жилища
И ни одного пятна крови внутри пещеры .
Если здесь, вдали от людей,
Суждено мне будет умереть.
Мне, отшельнику, такая смерть угодна.
И никто не придет на мои похороны,
И никто не будет оплакивать мою смерть.
Если здесь, вдали от людей,
Суждено мне будет умереть,
Мне, отшельнику, такая смерть угодна.
И никто не спросит, куда я ушел,
И никто не сможет показать это место.
Если здесь, вдали от людей,
Суждено мне будет умереть.
Мне, отшельнику, такая смерть угодна.
Пусть эта молитва о моей смерти
В этом пустынном месте
Принесет плоды и благо всем существам, как я того
желаю.

Тогда я, отшельник, умру удовлетворенный».

Когда я закончил петь, Зесай заметила: «Твои слова и дела не противоречат друг другу. И поэтому этой песней можно восхищаться». А Пета сказала: «Что бы ты ни говорил, брат, я не могу выносить, что ты совершенно раздет и голодаешь. Я приложу все старания и раздобуду для тебя одежду. Но так как ты не желаешь просить подаяние, возможно, ты умрешь здесь, в этой глуши, от голода и холода, и никто не будет рядом с тобой, то есть ты умрешь так, как ты этого желаешь. Если я, однако, узнаю, что ты жив, я приду и принесу тебе что-нибудь из одежды, что мне удастся достать». Затем они обе ушли.

Когда я поел хорошей пищи, телесная боль усилилась, и мое состояние духа ухудшилось. Я чувствовал себя так плохо, что не мог медитировать. Страдая от боли и от мысли о том, что не может быть большей опасности, чем невозможность продолжать медитировать, я открыл свиток, данный мне гуру, и увидел, что в нем описан способ лечения моей болезни, устраняющий препятствия и опасности на Пути, превращающий зло во благо и укрепляющий силу духа. В свитке также содержалось указание о том, что я должен в это время питаться хорошей полноценной пищей . Мое усердие в медитации подготовило почву для внутренней перестройки всей нервной системы, но из-за плохого питания перестройка задержалась. Чанг, принесенный

Петой, вызвал нервное возбуждение, а принесенная Зесай еда совсем ухудшила мое состояние. Теперь мне стало понятно, что со мной произошло, и, изучая этот текст, я нашел в нем указания о том, какие меры нужно в этом случае принимать и какие выполнять упражнения как для тела, так и для ума. Сразу же приступив к их выполнению, я через некоторое время увидел, что более мелкие нервы выпрямляются и даже расслабляется узел сушумна-нади (срединного нерва) ниже пупка. Это напоминало мне мои прежние состояния экстаза, но превосходило их по глубине и силе. Так во мне родилось доселе неведомое мне трансцендентальное знание. Преодолев силой духа препятствия, я понял, что само зло (или опасность) превращается во благо. То, что прежде воспринималось как объективно существующее различие, теперь засияло как Дхармакая. Я понял, что сансара и Нирвана являются зависимыми и относительными состояниями и что Причиной Универсума является Ум, который не имеет ничего общего с понятием Заинтересованности или Пристрастия. Когда эта Причина направляется по пути безверия или эгоизма, она приводит к сансаре, но если она будет направлена по пути альтруизма, она приведет к Нирване. Я совершенно убежден в том, что действительный источник сансары и Нирваны находится в Пустоте Трансцендентального Ума. Знание, которое я теперь приобрел, явилось плодом моего усердия, которое было главной причиной. И достаточно было поесть во время кризиса здоровой и питательной пищи и выполнить содержащиеся в свитке указания, чтобы это знание проявилось. Таким образом, здесь полностью подтвердилась правильность моей веры в доктрины Мантраяны, в которой утверждается, что трансцендентальное знание можно получить при правильном отношении к своему телу, не отказываясь от питательной пищи и удобной одежды. Я также понял, что в окончательном выявлении скрытых во мне способностей большую роль сыграли Пета и Зесай, и поэтому я был в большом долгу перед ними. Чтобы выразить свою благодарность и посвятить их благочестивые деяния Высшей Цели, приносящей неистошимые блага, я спел этот гимн (молитву), выражающий Сущность Зависимости и Относительности Фактов :

«Почтение стопам Марпы из Лхобрака!

Даруй этому отшельнику плодотворную жизнь в

уединении.

От благотворительности благочестивых мирян
Зависит их и мое благо.

Это тело, трудно получаемое, нежное и слабое,
Встречаясь с пищей, питается и укрепляется.
Жизнедательное начало, растущее из земли,
И божественный поток,
Льющийся с голубого небесного свода,
Соединитесь и осените благодатью все живые

существа;

И в отшельничестве это осуществляется наилучшим
образом .

Преходящее тело, выпестованное родителями,
И Святое Учение Святого Гуру,
Соединитесь и служите вере,
В которой действительный успех достигается через

Усердие.

Пещера в скале, в пустынном месте
И ревностное, преданное служение,
Соединитесь и принесите Плоды.
Из мистического Знания они состоят.
В стоической, терпеливой медитации Миларепы
И вере обитателей Трех Лока
Заклучена возможность Вселенского Служения,
Основание которому – Сострадание .
Йог, медитирующий в пещерах,
И миряне, приносящие ему еду и одежду,
Каждый из них пусть достигнет Состояния Будды.
Основание тому – Посвящение .

В благословении Святого Гуру
И в усердной медитации преданного шиши
Заклучена возможность утверждения
Истины Иерархии.

Основание тому – Чистота Веры .

В посвятительных обрядах, передающих оккультные
знания,

И в искренней молитве подвизавшегося
Заклучена возможность скорой встречи
Духовного Приобщения.

Основание тому – Благословение .

Владыко Дордже-Чанг, о ты Неизменный,
Ты знаешь о достижениях и неудачах этого

нищенствующего».

После исполнения этого гимна я медитировал с еще
большим усердием. Наконец я почувствовал, что

приобрел способность принимать любую форму и летать по воздуху. Днем я ощущал, что обладаю безграничными сверхнормальными способностями, а ночью в своих видениях я мог беспрепятственно перемещаться во Вселенной в любом направлении – от вершины горы Меру до ее основания, и во время этих путешествий я все видел живо и ясно. Таким же образом в своих видениях я мог претворяться в сотни различных личностей, каждая из которых обладала моими способностями. Все мои многочисленные формы могли пересекать пространство и достигать Небес одного из Будд, слушать там проповеди и, возвратясь, проповедовать Дхарму многим. Я также мог превращать мое физическое тело в огненную массу, в поток воды или озеро. Приобретя беспредельные сверхъестественные способности, даже если они были только видениями, я был счастлив и вдохновлен достигнутым.

Отныне я усердствовал в медитации в очень радостном настроении и в конце концов обнаружил, что действительно могу летать. Иногда я летал к Мин-Кхьют-Дрибма-Дзонгу (замок, расположенный в тени бровей) , чтобы медитировать там, и приобрел там намного больше Жизненного Тепла, чем приобретал раньше. Иногда я прилетал назад в пещеру Драгкар-Тасо.

Однажды мне случилось лететь над небольшим селением, называемым Лонг-да, где жил брат покойной снохи моего дяди, которая тоже погибла при обвале дома. У этого брата был сын, и оба они, отец и сын, пахали поле, когда я над ними пролетал. Сын шел впереди, а отец направлял лемех плуга. Сын, увидев меня, воскликнул: «Смотри, человек летит!» И, остановившись, стал смотреть на меня. «На что ты уставился, и что тебя так развлекает? – сказал отец. – У некой Ньянг-Ца-Каргьен, очень злой женщины, был злодей сын по имени Мила. Здесь не на что смотреть. Отойди в сторону, чтобы его тень не упала на тебя, и двигайся дальше». И сам отец наклонился, избегая моей тени. Но сын ответил: «Я не думаю, что тот, кто может летать, плохой человек. Ничто не может быть чудеснее летающего человека». И он продолжал смотреть на меня.

Теперь я почувствовал, что могу помогать всем живым существам, если подумаю, но когда я решил посвятить себя этому служению, я получил прямое указание от моего бога-хранителя всю жизнь проводить в медитации, то есть делать то, что велел мне мой гуру:

этим одним я должен служить Буддийской Вере, и, совершая только это, я также принесу благо всем живым существам, и ничего другого я не могу делать лучше. Моя жизнь будет примером для других отшельников, которые удалятся от мира и последуют моим путем. Это и будет моим служением буддийской вере и принесет благо всем живущим. И я принял решение всю жизнь провести в медитации.

Я еще подумал о том, что очень долго живу в этом месте и за это время я встречался со многими людьми, с которыми беседовал о религии, а теперь, когда я приобрел трансцендентальные знания и сиддхи (сверхъестественные способности) и меня видели летающим по воздуху, толпы ринутся ко мне, моля меня защитить их от зла и исполнить их эгоистичные желания. Меня будет искушать Сын Небожителей. Мирская слава и мирские соблазны отвлекут меня от медитации и служения религии и от этого ослабят мои оккультные знания. Поэтому я решил уйти отсюда и поселиться в пустынных прибежищах Лапчи-Чубара (Междуречья). Выйдя из пещеры Драгкар-Тасо, я отправился на новое место, неся на спине глиняный сосуд, в котором варил себе еду из крапивы. Но, сделав несколько шагов, упал. Это случилось потому, что я очень много медитировал и очень плохо питался и, так как большую часть времени я прожил без одежды и обуви, мои подошвы загрубели и на них появились мозоли, из-за которых я поскользнулся на камне. При моем падении ручка горшка отбилась, а сам горшок покатился и раскололся на куски, несмотря на мои попытки поймать его. Из разбитого горшка выкатилось зеленое его подобие, которое представляло собой затвердевшую накипь от крапивы, принявшую форму горшка. Это происшествие явилось наглядным примером непостоянства всех вещей в мире. Я также воспринял его как своеобразное указание продолжать упорно следовать избранному мной пути и как чудесное знамение. Преисполненный глубокой веры, я спел гимн, посвященный этому событию:

«Даже глиняный горшок, существовавший прежде и теперь не существующий,

Свидетельствует о природе всех вещей составных частей;

Но жизнь человека он особенно наглядно олицетворяет.

Поэтому я, Мила Подвижник,

Решил упорно продолжать служить Вере.

Глиняный горшок, составлявший мое единственное имущество,

Разбившись, стал теперь моим гуру ,

Проповедуя мне проповедь о Непостоянстве».

Когда я пел гимн, меня слышали охотники, которые собирались сделать привал вблизи моей пещеры. Они подошли ко мне и сказали: «О отшельник, у тебя чудесный голос. Но что ты делаешь с разбитым глиняным горшком и с накипью из крапивы, превратившейся в такой же горшок? И почему ты сам такой изможденный и зеленый?» И они удивились, когда я объяснил им, почему я так выгляжу. Они пригласили меня поесть с ними, и, когда я ел, один из молодых охотников сказал: «Ты, по-видимому, от природы наделен физической силой. Вместо того, чтобы подвергать себя таким мучениям, ты мог бы достичь в жизни лучшего, если бы все сложилось иначе. Ты бы мог, как лев, скакать, на лошади, вооруженный до зубов, как куст терновника шипами, и побеждал бы всех врагов. Скопив состояние, ты бы обеспечил своих близких и был бы счастлив. Или ты мог бы заниматься торговлей и жить в достатке на свой доход. В худшем случае ты мог наняться слугой и зарабатывать бы себе на пищу и одежду. А что касается твоего тела и духа, то они были бы в гораздо лучшем состоянии, чем сейчас. До сих пор ты, по-видимому, не знал об этом. А теперь позаботься о себе». Но один из охотников старше него сказал: «Мне кажется, что он очень преданный подвижник, и он не будет следовать твоим советам». И, обратившись ко мне, произнес: «У тебя замечательный голос. Спой, пожалуйста, нам песню, от которой нам будет приятно на сердце». На это я ответил: «Вы все думаете, что я очень несчастный, но нет никого в мире, кто счастлив так, как я. Нет ни одного, кто может утверждать, что он обладает более глубоким пониманием вещей и ведет более достойную и более полезную жизнь. Но вы этого не поймете. Я попробую объяснить вам, в чем заключается мое счастье, которым счастливы лучшие из вас. Слушайте меня». И я спел им гимн о Верховой Езде йога:

«Я склонюсь к стопам моего Милосердного Отца Марпы!

В Храме Холма Бодхи, моем теле,

В моей груди, где находится Алтарь,

В чертоге верхнем треугольнике, находящемся в

сердце.

Конь Ума, стремительный, как вихрь, встает на дыбы

Какой петлей поймать этого коня?

К какому столбу привязать его, когда он будет пойман?

Какую пищу ему давать, когда он взалкает?

Чем поить его, когда он возжаждет?

В каком чертоге держать его в холодную пору?

Чтобы поймать Коня, нужна Петля Единой Цели .

Он должен быть привязан, когда будет пойман, к Столбу Медитаций.

Он должен быть накормлен, когда голоден, Учениями Гуру.

Он должен быть напоен, когда возжаждет, от Потока Сознания.

Он должен содержаться, когда ему холодно, в чертоге Пустоты.

Седлом будет Воля, а уздой – Разум.

Надень на него подпругу и подхвостник, которые суть

Неподвижная Фиксация.

Надень оголовье и переносье, которые суть Жизненные Флюиды.

Его наездник – Молодость Разума Неусыпная Бдительность.

Шлем наездника – альтруизм Махаяны;

Его кольчуга – Знание, Мысль и Созерцание.

На спине у него Щит Терпения.

В руке он держит длинное копьё Устремления.

На боку у него висит Сабля Смышлености.

Сглаженный тростник Ума или Причина

Универсума,

Выпрямленный отсутствием гнева и ненависти ,

С перьями из Четырех Бесконечных Добродетелей,

С заостренным концом-стрелой ума, сделавшегося пронизательным,

Вставляет он в гибкий лук Духовной Мудрости

И, закрепив в отверстии Пути для Мудрых и Правильного Метода,

Натягивает лук до полноты Приобщения

И пускает стрелы он среди всех Народов.

Они попадают в Преданных и уничтожают Дух Эгоизма .

Так побеждаются враги – все злые страсти,

И наши родные получают защиту .
Этот Конь скачет по широкой Равнине Счастья.
Его Цель – стать наравне с Победителями .
Задними ногами он отталкивается от привязанности к
жизни в сансаре.

Передними он движется вперед к Освобождению.
На этом Коне я достигну Состояния Будды.
Скажите, таково ли ваше представление о счастье.
Мне мирского счастья не нужно».

Выслушав меня, они прониклись религиозной верой
и ушли в радостном расположении духа.

После этого я отправился в Чукбар, держа путь через
Палкхунг и, придя в Тингри, прилег на дороге, чтобы
полюбоваться видом местности. В это время группа
нарядно одетых девушек шла по этой же дороге в
Снаг-мо. Заметив меня, имевшего жалкий вид, одна из
них сказала: «Посмотрите, какой несчастный! Хоть бы я
никогда не родилась в таком теле». А другая добавила:
«Как жаль его! Мне прямо стало дурно от его вида». Я же,
считая их бедными, невежественными созданиями,
пожалел их и, поднявшись, сказал: «О девушки, не
говорите так. Вам не надо беспокоиться совсем об этом.
Вы не родитесь такими, как я, даже если будете желать
этого и искренне молиться об этом. Жалость достойна
похвалы, но жалость и самомнение – противоположные
чувства и потому несовместимые. Послушайте песню,
которую я вам спою». И я спел им песню:

«У твоих стоп, о Милосердный Гуру, я сейчас
молюсь;

Ниспошли мне твое благословение и твои милости, о
Марпа!

Эти создания, над которыми довлеет плохая карма,
С презрением смотрят на всех других, кроме себя.
Женщины с плохой кармой считают, что замужество

– самое желанное из всего, что можно желать.

Их самомнение пылает жарким огнем.
Ах! Как жаль их, так обманутых!
В эти темные дни Кали-Юги
Проходимцы почитаются, как боги,
И мошенники ценятся дороже золота,
А святых отталкивают, как камни с дороги.
Ах, как жаль этих бедных невежд!
Вы, сестры-девицы, нарядно одетые,

И я Миларепа из Гунгтханга,
Презираем друг друга взаимно
И взаимно жалеем также.
Но направим друг на друга пики нашей взаимной
жалости,
Посмотрим, кто из нас победит на этом ристалище .
Эта проповедь назидательная Миларепой
произнесена
В ответ на глупый разговор невежественных
созданий.
Взамен вашей воли вы получили вино,
И за Зло вам ответили Добром».
Когда я закончил петь, девушка, которая пожалела
меня, сказала: «Это знаменитый Гунгтханг-Миларепа. А
мы, охваченные самомнением, говорили глупости.
Давайте попросим у него прощения». Тогда они все
поручили этой девушке подойти ко мне и попросить
прощения. Она чувствовала себя очень неловко и, достав
раковины, которые тогда употребляли взамен денег,
несколько раз пала ниц, а затем вручила их мне и
попросила дать им еще одно наставление. Тогда я спел им
еще одну песню:
«Я обращаюсь с молитвой к моему Милосердному
Гуру!
Краткую проповедь об Истине я прочитаю.
В небесных чертогах богов Гахдана
Духовные Истины не почитаются, а научные.
В сферах ниже их, в Дворцовом Граде Нагов,
Истины глубокие не почитаются, но почитается
богатство .
В этом мире людей
Мудрые и ученые не почитаются, а почитаются
лжецы.
В провинциях Ю и Цанг и в Четырех Областях
Медитация не почитается, а почитается толкование.
В отстой подобном конце этой эпохи зла тьмы
Почитаются люди плохие, а хорошие презираются.
Взор веселых молодых женщин
Отшельник не радуется, но радуется повеса.
Слух молодых девиц не услаждают
Назидательные проповеди о религии, а услаждают
любовные песни.
Об этих истинах, изложенных в стихах,
Я спел за вознаграждение из семи раковин
И как радостную песнь в знак полного прощения».

Когда они услышали эту песню, в них зародилась глубокая вера, и, расставшись со мной, они отправились дальше. Я также продолжил мой путь и, когда пришел в Брин (Дрин), узнал там о прибежищах Лапчи-Чубара и Кьит-Пхуга (Приятная Пещера), называемого также Ньима-Дзонг (Солнечный Замок), из которых я выбрал второе. Там я прожил несколько месяцев и достиг значительных успехов в религиозном служении и медитации. Жители Брина посещали меня и приносили мне еду. Зная, что эти посещения в какой-то степени отрицательно скажутся на моих занятиях медитацией, я подумал, что если буду оставаться в этом месте и далее, моя известность только будет мне помехой. «Я прожил здесь достаточно долго и за это время многого достиг. Сейчас я должен отправиться в более отдаленное место и там найти пещеру», – рассуждал я. Выполняя волю моего гуру, я решил перебраться отсюда в Лапчи-Чубар. Я уже собрался отправиться в путь, когда ко мне пришла моя сестра Пета и принесла мне шерстяное тканное одеяло, изготовленное из остатков шерсти, которые она насобираала у людей. Сначала она принесла это одеяло в Драгкар-Тасо и, не найдя меня там, стала разыскивать, расспрашивая каждого обо мне, пока ей не сказали в Гунгханг-Тете, что отшельник, питающийся крапивой и похожий на гусеницу, проходил через Палкхунг в Ла-Тет-Лхо (Высокие Холмы, Обращенные к Югу), и она пошла дальше буквально по моим следам. В Тингри она увидела ламу Бари-Лоцаву (Великий Бари Переводчик), который сидел на высоком сиденье под зонтом, одетый в шелка пяти цветов, в окружении учеников, которые трубили в раковины, били в медные тарелки и играли на кларнетах и флейтах. Вокруг него находилось много народу, и все присутствующие угощали его чаем и чангом. Наблюдая эту сцену, Пета подумала: «Другие служители веры и духовные лица пользуются этими благами, но религия моего брата – причина его нищеты и страданий и позора для его родственников. Если я встречу с братом, я постараюсь убедить его стать учеником этого ламы». Она спросила присутствующих там, не слышали ли они обо мне или не видели ли они меня, и, когда ей сказали, что я нахожусь в Брине, она пошла туда, расспрашивая по дороге обо мне, пока не достигла Кьит-Пхуга, где я тогда еще был. Увидев меня, она сразу сказала: «Брат, разве можно продолжать голодать и жить без одежды, объясняя это тем, что ты сам

избрал такой образ жизни. У тебя нет ни стыда, ни чувства приличия. Сшей из этого одеяла одежду для нижней части тела и пойдй к ламе Бари-Лоцаве, который настоящий лама, на тебя не похож ни по внешнему виду, ни по занимаемому положению. Он сидит на троне под зонтом, одетый в шелковые одежды. Его губы всегда смочены чаем и чангом. Во время его выхода его сопровождают ученики и приверженцы, которые идут впереди него парами и трубят в трубы. Вокруг него всегда собирается толпа, куда бы он ни пошел, и он получает огромное количество подношений, которых хватает также для обеспечения его родственников. Это очень знатный лама. Я бы хотела, чтобы ты пошел к нему в услужение и стал его учеником, пусть самым младшим. Это было бы лучше, чем такая жизнь. Кому нужны твой аскетизм и мое безрадостное существование? Уже больше невозможно так жить». И она разрыдалась, сокрушаясь о нашей судьбе. Я попытался ее утешить: «Петя, не говори так. Тебе стыдно смотреть на меня, потому что я раздет и ничем не прикрываю себя. Но я горжусь тем, что достиг Истины, будучи человеком, и в этом нет стыда. Я родился таким, и потому в этом нет стыда. Но те, кто знает, какие поступки являются грехом, и тем не менее совершает их, принося горе родителям, те, кто зарится на ценности, посвященные Духовным Учителям и Трем Прибежищам, и те, кто занимается обманом и мошенничеством для достижения своих эгоистических целей, приносят боль и страдания не только другим, но и себе. Они вызывают неприязнь и отвращение к себе у каждого добродетельного существа среди богов и людей. И только они должны стыдиться. Но если ты говоришь о чувстве стыда при виде моего тела, тогда тебе особенно надо стыдиться, так как твои груди, которых у тебя при рождении не было, теперь так заметно выделяются.

Кроме того, если ты думаешь, что я живу в нищете, потому что не могу заработать или достать себе еду и одежду, то ты совершенно ошибаешься. Я потрясен страданиями и несчастиями жизни в сансаре, и это вызывает во мне такую острую боль, как если бы меня живьем бросили в горящее пламя. Накопление богатства, привязанность к нему, а также Восемь Мирских Целей вызывают во мне такое же отвращение, как при желтухе жирная пища. Я смотрю на эти соблазны, как на убийц моего отца, и поэтому живу аскетической жизнью. Мой гуру Переводчик Марпа заповедал мне отказаться от всех

мирских благ и устремлений, жить в неизвестности в пустынных местах, не оставаясь надолго ни в одном из них, и всю энергию отдавать служению Вере, таковы заповеди моего гуру, и я исполню их. Исполняя сейчас эти заповеди, я не только смогу принести утешение и помощь тем, кто является моими последователями, но и вечное блаженство каждому, в том числе и себе. Я оставил все помышления об этой жизни, так как знаю, что час смерти неизвестен. Если бы мне нужны были бы богатства и материальные блага, я мог бы приобрести их столько же, сколько их у ламы Бари-Лоцавы. И поэтому нет никакой необходимости становиться ради этого его последователем. Но я стремлюсь достигнуть состояния Будды в этой жизни. Поэтому я отдаю всего себя служению и медитации. Пета, ты тоже отрекись от мира, приди к своему брату, который старше тебя, и проводи жизнь в медитации на Лапчи-Канге . Если ты сможешь оставить все мирские занятия и проводить жизнь в медитации, солнце твоего временного и вечного счастья засверкает в полном блеске. А теперь послушай песню твоего брата». И я спел ей песню:

«О Владыко, Защитник всех Живущих, Ты Вечный Будда!

Ты сохранил себя незапятнанным ничем мирским.

И твои шишьи осенены твоими благословениями,

И я припадаю к твоим стопам, о Марпа!

Внемли мне, моя сестра Пета,

Охваченная мирскими желаниями.

Золотой набалдашник на зонте, раз,

Под ним кайма из китайского шелка уложена
красивой банковской, два;

Спицы, торчащие, как пышные перья павлина, три;

Полированная ручка из красного дерева тик, четыре.

Эти четыре вещи, если бы были нужны, твой
старший брат мог бы приобрести».

Припев, исполняемый хором, повторяемый после
каждой строфы:

«Но это все мирское, а я отказался от мирских вещей,
И потому сияет Солнце моего Счастья.

Так и ты, Пета, оставь все мирские дела

И приходи медитировать на Лапчи-Канг.

Пойдем вместе на Лапчи-Канг медитировать.

Громкое звучание белой раковины, раз;

Натренированное дыхание профессионала трубача,
два;

Шелковые ленты привязанные на раковине,
сплетенные в тонкие косицы, три;
Большое собрание монахов, созванных звуками
раковин, четыре;

Эти четыре вещи, если бы были нужны, твой
старший брат мог бы приобрести».

Припев

«Очаровательный храмик, возвышающийся над
селом, раз;

Бойкая речь молодых послушников, два;

Прекрасная кухня с большим запасом китайского
чая, три;

Руки молодых послушников, занятые работой,
четыре.

Эти четыре вещи, если бы были нужны, твой
старший брат мог бы приобрести».

Припев

«Интересующие многих занятия некромантией и
астрологией, раз;

Точность и сдержанность в действиях
священнослужителя, два;

Совершение пуджи ради приятного
времяпрепровождения, три;

Пение мелодичных псалмов с целью привлечения
мирян, четыре.

Эти четыре вещи, если бы были нужны, твой
старший брат мог бы приобрести».

Припев

«Дом, фундаментальный, роскошный и высокий, из
кирпича, раз;

Поле, большое и плодородное, два;

Много запасов пищи и драгоценностей, три;

Многочисленная свита и толпа прислужников,
четыре.

Эти четыре вещи, если бы были нужны, твой
старший брат мог бы приобрести»

Припев

«Высокая холка ретивого коня, раз;

Седло, украшенное камнями с золотой инкрустацией,
два;

Вооруженная свита со всем снаряжением, три;

Дозор неусыпный для отражения врагов и защиты
друзей, четыре.

Эти четыре вещи, если бы были нужны, твой
старший брат мог бы приобрести».

Припев

«Но если ты не можешь отречься от мира
И не хочешь пойти на Лапчи-Канг,
Мне не нужна твоя сентиментальная сестринская
любовь.

Эти разговоры о мирских вещах отвлекают от
медитации.

Так как я родился, я знаю, что должен умереть, но
не знаю о часе смерти, и поэтому
Нет у меня времени на посторонние дела.
Непрерывно буду медитировать я.
Заповеди моего Гуру-Отца благодатны для ума.
И, размышляя о том, что приносит благо,
Я достигну Великого Счастья Освобождения.
Поэтому на Лапчи-Канг я пойду.
Ты, моя сестра, погрязла в суетности,
Грудами ты накапливаешь грехи,
Стараешься не расставаться с сансарой, пока живешь,
И делаешь все, чтобы родиться в одном из трех
нижних миров.

Но если у тебя есть хотя бы малейший страх перед
сансарой,

Откажись в этой жизни от Восьми ее Целей,
И пойди со мной на Лапчи-Канг.

Да последуем мы, брат и сестра, высокому
предназначению,

И найдем себе прибежище на Лапчи-Канге».

Выслушав меня, Пета сказала: «Я понимаю, что под
суетностью ты имеешь в виду обеспеченную жизнь. Но
ведь у нас ничего нет, от чего бы нам следовало бы
отказываться. Все эти красивые слова служат только
прикрытием твоей неспособности жить так же хорошо,
как лама Бари-Лоцава. Но я не пойду на Лапчи-Канг, где
ничего есть и не во что одеться. Это было бы
невыносимое мученье, на которое мне нет необходимости
обрекать себя на Лапчи. И я даже не знаю, где этот Лапчи
находится. Я тебя умоляю, брат, оставайся на одном месте
и не бегай туда-сюда, как животное, за которым гонятся
собаки. Тогда мне легче будет тебя найти. Здешние
жители, как мне кажется, относятся к тебе с почтением, и
поэтому было бы лучше, если бы ты остался жить здесь.
Но в любом случае останься здесь еще на несколько дней.
Сшей себе одежду из этого одеяла, а я скоро вернусь». Я
согласился остаться на несколько дней, как она просила.
И она ушла в сторону Тингри собирать подаяние.

Тем временем я разрезал одеяло, которое она принесла, и сшил себе колпак, полностью закрывающий мою голову. Затем я сшил себе на каждый палец напальчник и пару носков на ноги, а также прикрытие для моей наготы и держал все эти вещи возле себя. Сестра вернулась через несколько дней и спросила, сшил ли я себе платье из одеяла. Я сказал, что да, и, надев все эти вещи на себя, показал ей, как я распорядился одеялом. Она воскликнула: «Брат! Ты не человек! Мало того, что у тебя нет чувства стыда, но ты испортил одеяло, которое я изготовила с таким трудом. Иногда, глядя на тебя, можно подумать, что у тебя нет времени ни на что, кроме служения религии, но оказывается, что порой ты располагаешь массой свободного времени». Я ответил ей: «Я самый достойный из людей, так как я занят превращением в высочайшее благо драгоценного дара благословенной человеческой жизни. Зная, чего действительно следует стыдиться, я посвятил себя религии и строго соблюдаю данные мной обеты. Но так как тебе стыдно видеть мою естественную наготу и, так как я не могу отрезать ту часть моего тела, которой, как ты считаешь, нужно стыдиться, я занялся шитьем одежды для прикрытия этой части тела, как ты говоришь, потратив на это время, предназначенное для религиозного служения. И так как другие мои органы также являются частью этого тела, я подумал, что каждый из них также следует прикрыть, и поэтому я сшил эти вещи. Твое одеяло не было испорчено, а послужило цели, для которой оно предназначалось: ведь я сшил из него одеяние для моих телесных органов. Но так как ты, по-видимому, более чувствительна к тому, что вызывает стыд, я должен сказать тебе, что если я должен чувствовать стыд, то ты должна стыдиться еще больше. Лучше покончить с предметом стыда, чем держать его при себе, и, пожалуйста, покончи с твоим как можно быстрее».

Она молчала и слушала меня с угрюмым выражением лица. Тогда я сказал: «Мирские люди стыдятся того, чего не следует стыдиться. Но того, что действительно постыдно, – причинение вреда и обман, они не стыдятся совершать. Они не знают, чего нужно стыдиться. И поэтому ты послушай эту песню».

И я спел ей песню, в которой объяснил ей, что является постыдным и чего не нужно стыдиться:

«Я склоняюсь перед всеми Гуру Иерархии!

Дайте мне знание того, что действительно постыдно.
О, Пета дорогая, мучимая ложным стыдом,
Послушай песню, которую споешь тебе брат:
Твой стыд основан на глупых условностях;
Ты испытываешь стыд там,
Где нет основания стыдиться.
Мне, отшельнику, который знает,
Что действительно постыдно,
Показывать в естественном виде
Свою тройственную сущность
Разве позорно?
Ведь всем известно,
Что люди рождаются определенного пола
И у каждого есть соответствующие полу признаки.
Большинство людей спокойно взирает
На поступки, действительно бесчестные и
постыдные.

Дочь Стыда куплена за богатство,
Дитя Стыда выращено в этой колыбели;
Рожденные от неверия мысли,
Направленные на стяжательство и причинение вреда,
Преступления, мошенничество, воровство и грабежи,
Обман доверчивых друзей и родственников –
Вот это действительно дела, бесчестные и
постыдные,

Но мало тех, кто их не совершает.
Отшельники, отрекшиеся от мира
И подвизавшиеся в реализации Духовных Истин,
Заклученных в Священных Учениях
Мистического Пути,
Давшие обет проводить жизнь в медитации,
Не видят необходимости придерживаться
условностей.

Поэтому, Пета, не добавляй себе лишних горестей,
И пусть твое понимание вещей развивается в
естественном русле».

Когда я спел ей эту песню, она, опечаленная, вручила
мне провизию – сливочное масло и жир, которые она
набирала, прося подаяние.

«Сейчас мне ясно, что ты ничего не будешь делать в
ответ на мою просьбу, но я не могу оставить тебя.
Поэтому, пожалуйста, ешь вот это. Я сделаю все, что
смогу, чтобы достать еще еды», – сказала она и собралась
уходить. Я же, стремясь склонить ее к религии, убедил ее
побыть со мной, пока есть еда, надеясь на то, что даже

если она не приобретет заслуги в преданном служении религии, она по крайней мере, находясь со мной, не будет совершать грехов. Все это время, пока она жила со мной, я беседовал с ней о религии и о Законе Кармы. Наконец мне удалось как-то склонить ее к Вере.

Тем временем моя тетка, потеряв своего брата, моего дядю, и глубоко раскаиваясь в том, что она сделала мне, тоже отправилась искать меня с большим количеством приношений, составивших целую поклажу для яка.

Это было ее первое путешествие в Брин. Там она оставила весь груз и яка и пришла ко мне с тем, что могла принести с собой. Когда она спускалась с холмика, Пета, заметив и узнав ее, сказала: «Мы не должны пускать сюда эту жестокую тетку, которая принесла нам столько горя и несчастья». И она подняла мостик, перекинутый от входа в мою пещеру через глубокое ущелье. Тетка, подойдя к самому краю ущелья на противоположной от нас стороне, обратилась к ней: «Племянница, не поднимай мостик. Это твоя тетя идет». На это Пета ответила: «Вот потому я и поднимаю мостик». «Племянница, ты совершенно права, но сейчас я пришла, глубоко раскаиваясь в содеянном и с надеждой встретиться с обоими вами, и поэтому опусти мостик. Если ты этого не хочешь сделать, тогда хотя бы скажи своему брату, что я здесь», – умоляла она.

Как раз в этот момент я подошел и сел на пригорке около мостика, и моя тетка несколько раз поклонилась в мою сторону и умоляла допустить ее ко мне. Я подумал, что мне, как духовному лицу, не подобает отказывать ей в этом, но в то же время я должен сначала сказать ей все, что о ней думаю. И я сказал ей следующее: «Я прекратил всякие отношения с родственниками вообще, но особенно с вами, моими тетей и дядей. Мало того, что вы издевались над нами, когда мы были детьми, но даже когда я стал отшельником и случайно оказался возле твоей двери, прося милостыню, ты так жестоко расправилась со мной, что я перестал вообще считать вас родственниками. Я кратко напомню тебе о тех событиях в моей песне, которую ты сейчас услышишь». Сказав так, я спел ей песню, в которой напомнил ей об их жестокостях и преследованиях, которым они меня подвергали:

«О благой и милосердный отец Марпа, милостивый ко всем,

Я склоняюсь к твоим стопам!

Будь родственником мне, лишенному родственников!

О тетя, вспоминаешь ли ты все то, что ты сделала?

Если ты не можешь вспомнить,
Эта песня поможет тебе освежить прошлое в твоей
памяти.

Внимательно слушай и будь искренна в раскаянии.
В несчастливом месте, в Кьянга-Ца,
Наш благородный отец, умирая, оставил нас троих

– Овдовевшую мать и двух сирот,
И все наше состояние ты обманом захватила
И ввергла нас в нищету.
Как горох, раскиданный палкой, были рассеяны мы
– Из-за тебя, тетя, и из-за нашего дяди тоже.

И потому порваны наши родственные связи.
После долгих скитаний на чужбине
Вернулся я, горя желанием встретиться с матерью и
сестрой.

Пронзенный горем, я обратился к религии, которая
Стала моим единственным утешением,
И с того времени жизнь аскетическую веду.
Когда голодный я ходил, прося подаяние,
И к твоей двери пришел,
Ты, узнав меня, изнуренного отшельника,
В приступе безудержного гнева бросилась на меня
И криками «Чо! Чо!» ты натравила на меня собак.
Шестом ты била меня так сильно,
Как будто молотила зерно.
Ничком упал я в пруд
И едва не потерял драгоценную жизнь.
Охваченная яростью, ты называла меня «торговцем
жизнями»

И «позором для моих родичей».
Этими жестокими словами ты ранила мое сердце,
И у меня, охваченного отчаянием и горем,
Остановилось дыхание, и я не мог говорить.
А затем ты различными хитростями выманивала у
меня дом и поле.

Ведь что из того, что они мне не были нужны?
Ты демон в облике тети,
И вся моя любовь к тебе умерла.
Затем, когда я подошел к двери дяди,
Он излил на меня свою ненависть и поток
оскорблений

И грозил погубить меня.
Он кричал: «Пришел демон-разрушитель страны!»,

И, извергая оскорбления, звал соседей помогать убивать меня.

Он бросал в меня камни и пытался пронзить меня маленькими острыми стрелами.

Неизлечимой болью он наполнил мое сердце, И тогда я тоже едва не погиб.

Это палач в облике дяди.

Всякое уважение к нему я потерял тогда.

Когда я был бедный и беззащитный, мои родственники

Обращались со мной хуже, чем враги.

Потом, когда на холме я медитировал,

Моя верная Зесай навещала меня из-за любви ко мне,

И, ласковыми словами утешая меня,

Она успокоила мое израненное горем сердце.

Она приносила мне питательную и вкусную пищу

И от голода спасла меня тогда.

Словами не выразить ее доброту.

Но она не предана религии,

И поэтому мало смысла мне общаться с ней,

Если она придет.

А тем более мне нет нужды общаться с тобой, тетя.

Возвращайся сейчас же так же, как ты пришла.

Лучше уйти раньше, пока есть время».

Когда я закончил петь, моя тетя, проливая потоки слез, несколько раз поклонилась и затем сказала: «Ты прав, мой племянник. Ты совершенно прав. Но будь терпелив, прошу тебя». Она умоляла меня принять ее. Я увидел, что она действительно раскаивается и пришла просить прощения. Она сказала: «Я пришла сюда, потому что не могла побороть в себе желание видеть тебя. Прошу, допусти меня к себе или я покончу с собой». Не в силах больше оставаться неумолимым, я пошел опустить мостик, но сестра шепотом уговаривала меня не делать этого. Я не послушался ее и опустил мостик.

Говорят, что нехорошо жить рядом и пить воду из одного источника колодца с человеком, с которым разорваны отношения из-за его предательства, так как это приводит к помрачению и осквернению. Но в данном случае предательства религиозной веры не было. Кроме того, я как принадлежащий к религиозному ордену должен прощать. Поэтому я опустил мостик, принял ее и прочитал ей несколько проповедей о Законе Кармы. Мои проповеди пробудили в ней религиозную веру, и она, предавшись покаянию и медитации, достигла, в конце

концов, Освобождения».

Затем Шива-Вед-Репа обратился к Джецюну с такими словами: «О Джецюн, мы не могли не удивляться, когда слышали о том, каким преданным и целеустремленным ты был, когда твой гуру передавал тебе Истины, каким кротким и терпеливым ты был во время твоих тяжелейших испытаний и каким усердным и стойким, когда, совершая религиозное служение, ты медитировал в уединении в горах. Когда мы сравниваем твои деяния с нашими, наша преданность представляется нам просто развлечением, которому мы предаемся в свободное время, когда нам это захочется. И такое служение, боимся мы, не освободит нас от сансары. Что нам делать?» И произнеся эти слова, он заплакал горькими слезами.

Джецюн отвечал: «Стоит только подумать о страданиях и мучениях в сансаре и преисподней, и становится ясным, что моя вера и усердие не так уж велики. Мудрые люди, услышав один раз о карме и уверовав в это учение, смогут проявить столько же усердия и целеустремленности. Но те, которые воспринимают только слова учения, не осознав истину, содержащуюся в них, не смогут отказаться от Восьми Мирских Целей. Поэтому самое главное – верить в учение о карме. Те люди, по-видимому, не верят даже в простейшие и общеизвестные или самоочевидные кармические законы. И хотя они занимаются изучением различных толкований Пустоты. Пустоту гораздо труднее понять и поверить в нее, так как это более глубокое и сложное понятие. Но как только рождается вера в Пустоту, последняя сама дает знать о себе сложными взаимосвязанными действиями Закона Кармы, и человек, понявший природу Пустоты, сам становится более утонченным. У него появляется более глубокое понимание различия между хорошими и дурными поступками, и он делается более строгим к самому себе, более требовательным. Преданность религии есть соблюдение Закона Кармы и вера в него. Поэтому очень важно жить благочестивой жизнью и не совершать дурных поступков. Я сначала не понимал природы Пустоты, но я твердо верил в Закон Кармы и знал, что должен отправиться в ад, так как совершил тяжкие преступления. Поэтому я питал глубочайшее почтение и веру в моего гуру, непрестанно медитировал и не мог этого не делать. Я призываю вас практиковать строгий

аскетизм, жить в полном уединении, медитировать на Священных Мистических Истинах и применять на практике религиозные учения. Если вы будете делать так, я, старый человек, принесу вам освобождение от сансары».

Затем Нган-Дзонг-Тенпа Будхи-Раджа произнес похвалу Джецюну: «О Джецюн Ринпоче ! Ты, должно быть, сам Великий Будда Дордже-Чанг, принявший человеческий облик, чтобы совершить эти дела на благо живущих в этом мире. А если это не так, то ты, должно быть, приобрел много заслуг в течение неисчислимых кальп и достиг состояния Великого Существа – того, кто не вернется снова в сансару. Ты был готов отдать жизнь за религию и проявил колоссальное усердие в медитации. Все знаки Воплощенного Будды можно найти в твоей жизни. Даже нам трудно вместить твоё смирение, несгибаемую веру, проявленные тобой во время ученичества, и страдания, перенесенные тобой. Для таких, как мы, живущих для себя, невозможно помыслить о том, чтобы подвергнуться всем этим испытаниям, которые ты перенес ради Истины. Кто может все это вынести? И даже если у кого-нибудь есть воля и смелость сделать попытку, физических сил просто не хватит. Поэтому совершенно ясно, что ты есть или был в прошлом Бодхисаттвой или Буддой, и мы осчастливлены тем, что видим твоё лицо и слышим твой голос. Для тех из нас, кто был так благодетельствован, открыт путь к Освобождению, хотя мы не можем быть такими преданными, как ты. Пожалуйста, открой нам, каким Бодхисаттвой ты был в прошлом».

Джецюн ответил: «Я сам точно не знаю, чьим воплощением являюсь, но даже если я явлюсь воплощением того, кто находился в одном из Трёх Мучительных состояний, а вы тем не менее считаете меня Дордже-Чангом или каким-нибудь другим божеством, вы получите воздаяние и благословение от этого божества в соответствии с вашей верой. Ваша любовь ко мне и почитание являются причиной того, что вы считаете меня воплощенным божеством, но по отношению к Дхарме вы совершаете великий грех сомнения и скептицизма. Это потому, что у вас нет истинной религиозной преданности. Ведь только благодаря Святой Дхарме я смог приблизиться к совершенному состоянию Будды во втором периоде моей жизни, хотя в молодости я совершил ужасные

преступления. Я твердо верил в Закон Кармы и поэтому я прилепился к Истине всем своим существом, оставив всякие помышления об этой жизни и мире. Но это произошло потому, что мне выпало счастье стать учеником совершенного гуру, передавшего мне те Истины и тексты, которые наиболее подходили мне и помогли мне пройти Короткий Путь Мистической Мантраяны. Он дал мне Истины, свободные от ненужных украшений и облачений. Он также удостоил меня необходимых посвящений и научил меня правильно медитировать на этих Истинах.

Если бы кто другой получил бы их и медитировал на них, нет никакого сомнения в том, что он достиг бы совершенного просветления в течение одной жизни. Но кто проводит свою жизнь здесь, – ничего полезного не делая, и совершает десять безнравственных действий и пять беспредельных грехов, не миновать самых ужасных областей ада. Если человек не верит в Закон Кармы, у него не будет надлежащего усердия в исполнении религиозных заповедей. Если человек твердо верит в Закон Кармы, он содрогнется при мысли о страданиях в Трех Низших Мирах и будет изо всех сил стремиться достигнуть состояния Будды. И тогда его вера и послушание гуру, настойчивость и усердие во время медитации на Истинах и, наконец, способ приобретения духовного опыта и знания будут точно такими же, как у меня. Однако, когда кто-то достигает этих духовных высот, мирские люди с гордым видом заявляют, что он аватара одного из Будд или Бодхисаттв. Фактически это происходит из-за неверия в Короткий Путь Мантраяны. Поэтому я призываю вас утвердиться в вере в Закон Кармы. Размышляйте и медитируйте о наиболее значительных событиях, описанных в житиях святых прошлого, Законе Кармы, трудностях и страданиях всех видов существования в сансаре, трудностях обретения такой драгоценности, как счастливое рождение в человеческом теле, неизбежности смерти и неизвестности точного времени смерти и, взвесив все это умом, посвятите себя изучению и практическому применению доктрин Мантраяны. Я приобрел духовное зрение, отказавшись от всяких помышлений о пище, одежде и славе. Охваченный духом подвижничества, я переносил все лишения и приучил себя ко всем видам аскетизма. Я медитировал в самых отдаленных пустынных местах и таким путем приобрел знания и опыт. Вы тоже следуйте

по пути, пройденному мной, и совершайте то, что я совершил».

Это шестое приносящее заслугу деяние Джецюна, состоящее в том, что Джецюн, оставив все мысли о материальном благополучии и мирской славе, исполнял заповеди своего гуру, неустанно медитировал на самых отдаленных холмах и в безлюдных прибежищах и всю жизнь посвятил преданному служению религии.

ГЛАВА XI. МЕСТА ОТШЕЛЬНИЧЕСТВА ДЖЕЦЮНА И ЕГО ПОДВИГ СЛУЖЕНИЯ

Об учениках Джецюна и местах, где он медитировал; обзор биографических сведений и повествований о Джецюне.

Тогда Речунг сказал: «Учитель, рассказ о твоей жизни не сравнится ни с чьим в отношении чувства юмора и интереса, которые он пробуждает. Но хотя юмористическая нота не перестает звучать до самого окончания рассказа, в целом это жизнь, полная страданий, и твой рассказ не может не вызвать слез. А теперь я прошу тебя рассказать о событиях в твоей жизни, вызывающих радостную улыбку».

Джецюн сказал: «Нет ничего более радостного, чем достигнутое мной в сфере духа. Благодаря этому я смог спасти людей, наделенных способностями, а также нечеловеческие существа, наставить их на Путь, ведущий к Освобождению, и послужить этим буддийской вере».

Снова Речунг спросил: «Учитель, кто были твои первые ученики? Были они люди или нечеловеческие существа?» В ответ Джецюн сказал: «Моими первыми учениками были нечеловеческие существа. Они сначала приходили ко мне с целью мучить меня. Затем у меня появилось несколько учеников из людей. Приходила также богиня Церингма и испытывала меня с помощью различных сверхъестественных сил. Затем вокруг меня стали собираться и другие ученики из людей. Как я теперь думаю, Церингма будет проповедовать мое учение среди нечеловеческих существ, а Юпа-Тенпа – среди людей».

Затем задал вопрос Себан-Репа: «Учитель, кроме пещеры Лапчи-Чубара и нескольких пещер, ранее упомянутых, где ты еще медитировал?» Джецюн ответил: «Я медитировал также в Елмо-Канге в Непале. Кроме того, я жил еще в шести наружных хорошо известных пещерах, шести внутренних на высоких скалах, о которых никому не было известно, и шести тайных скрытых пещерах – всего в восемнадцати. Были еще две пещеры,

что вместе составляет двадцать. Из вышеназванных больших пещер я жил в четырех хорошо известных и четырех неизвестных. Кроме них я медитировал в других маленьких пещерах и прибежищах, где была вода, пища и топливо, пока наконец объект медитации, процесс медитации и медитирующий не слились друг с другом и поэтому я теперь не знаю, как медитировать» .

Затем Речунг сказал: «Владыко! Благодаря тебе, достигнутому конечной цели Дхармы и извлечшему из нее сокровище, мы, твои смиренные ученики, также приобрели благо, так как ты передаешь нам знания так доходчиво и убедительно, что мы легко постигаем истинный смысл, заключенный в них, и утверждаемся в вере, не опасаясь впасть в ошибку. Это чувство уверенности мы получаем благодаря твоей доброте и милости. Но в будущем ученики пожелают приобрести заслугу, посещая пещеры, где ты медитировал, и поэтому я очень прошу назвать каждую из них с тем, чтобы составить нечто вроде путеводителя для них».

Джецун ответил: «Шесть известных пещер в скалах на большой высоте .

1) Драгкар-Тасо-Юма-Дзонг (Центральный Замок-Пещера в Скале, Белой, как Лошадиные Зубы), 2) Минкхьют-Дрибма-Дзонг (Замок, Расположенный в Тени Бровей), 3) Лингва-Драгмар-Дзонг (Твердыня из Красного Камня), 4) Рагма-Чангчуп-Дзонг (Безупречная Твердыня Рагма), 5) Кьянг-Пхан-Намкха-Дзонг (твердыня неба, украшенного знаменем), 6) Драгкья-Дордже-Дзонг (Несокрушимая Твердыня из Серого Камня).

Шесть внутренних никому неизвестных пещер (находящихся в скалах на большой высоте): 1) Чонглунг-Кхьюнги-Дзонг (Замок Чонглунг-Кхьюнг), Кхуджук-Энпа-Дзонг (Замок Одинокой Кукушки), 4) Шелпхуг-Чушинг-Дзонг (Подорожниковый Замок Хрустальной Пещеры), 5) Бекце-Дейен-Дзонг (Замок Вкусной Капусты) и 6) Цигпа-Кангтхил-Дзонг (Замок Подошвы Каменной Горы).

Шесть сугубо тайных пещер находящихся в скалах на большой высоте:

1) Гьядрак-Намкха-Дзонг (небесный Замок, Наполненный Внушающими Трепет Знаками), 2) Тагпхуг-Сенге-Дзонг (Львиный Замок Тигриной Пещеры), 3) Байпхуг-Мамо-Дзонг (Замок Скрытой Пещеры), 4) Лапхуг-Пема-Дзонг (Лotosовый Пещерный Замок), 5) Лангно-Лудют-Дзонг (Замок Нагов Слоновой

Двери) и 6) Трогьял-Дордже-Дзонг (Замок Победоносной Бронзовой Саджры.). Есть еще две другие пещеры: Кьипхуг-Ньима-Дзонг (Солнечный Замок Счастливой Пещеры) и Потхо-Напкха-Дзонг (Замок Неба Остроконечных Вершин) .

Четыре хорошо известные большие пещеры:

1) Ньянам-Трепа-Пхуг (Пещера в Ньянаме в Форме Желудка), 2) Лапчи-Дютдюл-Пхуг (Находящаяся на Лапчи Пещера, где Были Побеждены Демоны), 3) Брин-Бриче-Пхуг (Пещера в Форме Языка Самки Яка в Брине) и 4) Тисе-Дзу-Трюл-Пхуг (Пещера на Горе Кайласа).

Четыре тайные большие пещеры:

1) Цайи-Кангцу-Пхуг, или Кангцу-Пхуг в Кьянга-Ца (Пещера в Кьянга-Ца, в которой Миларепа ступил на путь преданного служения) , 2) Едсал-Пхуг (Пещера Ясного Света) в Рене, 3) Завог-Пхуг (Шелковая Пещера в Рала) и 4) Пхурен-Пхуг (Голубиная Пещера в Кутханге). Тот, кто будет медитировать в этих местах, найдет там все необходимое, т.е. топливо, воду, корни растений и травы и будет получать благодать, исходящую от прежде живших адептов Апостольской Иерархии. Поэтому медитируйте там».

Речь Джецюна произвела глубокое впечатление на всех присутствовавших учеников – небесных и человеческих, мужчин и женщин, которые пришли послушать проповедь о Дхарме. В них пробудилась глубокая вера, охватившая их сердца, и они отказались от Восьми Мирских Целей, то есть от стремления к славе и богатству. Все они нашли полное удовлетворение в служении религии, когда по-настоящему поняли значение Святой Дхармы и слились с ней. Наиболее одаренные из учеников-людей решили посвятить свое тело, сердце и речь благу всех существ и служению Вере. Они дали обет провести всю жизнь в непрерывной медитации и покаянии, поселились в пещерах и в безлюдных прибежищах. Ученики, не являющиеся людьми, поклялись укреплять и защищать Веру. Многие духовно развитые миряне, мужчины и женщины, оставили мирскую жизнь и, следуя повсюду за Джецюном, проводили жизнь в медитации и приблизились к осознанию Истинного Состояния. Некоторые из них (мужчины и женщины) стали йогами . Те, кто уступал им в духовном развитии, дали обет посвятить какой-то период времени религиозному служению. Остальные

последователи среди мирян поклялись больше не совершать осуждаемых религией поступков и жить благочестивой жизнью. Так, спасение было достигнуто всеми последователями Миларепы.

Преыдущее повествование является рассказом Джецюна о своей жизни, записанным с его слов. Когда эти исторические события, которые являются главной темой его биографии, излагаются более подробно, биография обычно состоит из трех частей. В первой части рассказывается о злобных происках нечеловеческих существ, которые были, в конце концов, побеждены и обращены в Веру. Во второй части рассказывается об учениках из людей, из которых многие самые счастливые достигли совершенства и освобождения. Третья часть посвящена остальным ученикам, мирянам и посвященным, которым Джецюн проповедовал Дхарму.

Более расширенное повествование будет включать описание того, как были побеждены и обращены нечеловеческие существа. Так, в пещере Драгмар-Чонглунг царь эльфов Виньяка был побежден песней, называемой «Лама-Дрен-Друг» (шесть видов тоски по образу учителя). Когда затем Джецюн, выполняя предписания гуру, поселился на Лапчи-Канге, там он обратился в веру великого бога Ганапати. С этого эпизода начинается глава о Лапчи-Чузанге. На следующий год Джецюн проник во внутреннюю область Лапчи, и тогда родилась известная песня о сильном снегопаде и победе, которую Джецюн одержал над снегопадом, которую он спел, когда вызволил себя из-под снега.

Затем, собираясь идти на гору Палбар в Мангьюле и на Елмо-Кангра в Непале, он вернулся в Гунгтханг, где его привлекла Скалистая Пещера Лингма, и он пробыл там некоторое время. О событии, случившемся в то время, повествует глава о злобном демоне женского пола, обитающего в этой пещере. Затем вблизи горы Палбар, где находится пещера, называемая Совершенный Замок Рагма, Джецюн с помощью гимна победил и обратился в веру богиню фей и местные божества Рагма. Это описано в главе, посвященной обращению их в буддизм. А находясь в пещере Твердыня Неба, Украшенного Знаменем, он принес благо людям и нечеловеческим существам. Когда он посетил Елмо-Кангра и жил некоторое время в лесу Сингала, в чаще которого находился Львиный Замок Тигриной Пещеры, он также облагодетельствовал очень многих – как людей, так и

нечеловеческие существа. Но получив указание свыше пойти в Тибет и медитировать там на благо всех живущих, он отправился в Тибет и поселился в Голубиной Пещере Кутханга. Там он спел гимн голубям.

Имеются письменные свидетельства о том, как Джецюн впервые встретился со своими учениками. Еще когда Джецюн жил в Несокрушимой Твердыне из Серого Камня и помогал очень многим существам, Божественная Мать (Ваджра-Йогини) предсказала Джецюну, что у него будет много учеников и среди них один (Речунг-Дордже-Тагпа), который принесет в Тибет из Индии Тантру Дакини. Ему было известно то место, куда к нему придут ученики. И он пошел в Гунгтханг и, когда медитировал в Шелковой Пещере Рала, к нему пришел Речунг. Затем Речунг отправился в Индию, чтобы исцелиться от болезни (проказы). Когда он, исцелившись, вернулся, он жил с Джецюном в Пещере Ясного Света в Рене, где к ним присоединился Ца-Пху-Репа. А затем в Совершенном Замке Рагма он встретил Сангъяй-Кьяп-Репу. По дороге в Ньянам, где он собирался поселиться в Пещере в Форме Желудка, он прочитал проповедь о Дхарме и посвятил Тенпа-Шакья-Гуну, который прежде был верующим мирянином, и наставил его на Путь, ведущий к Совершенству и Освобождению. Затем по дороге в Чанг-Таго он встретил Чунги-Кетпа-Ле-Суме ученицу из мирян по имени Палдар-Бум. На обратном пути, в гостинице «Йеру-Чанг» он встретил Себан-Репу. Оттуда он ушел медитировать на гору Гьялгьи-Шри-Ла в Латете и встретил Бри-Гом-Репу. Осенью, прося милостыню, он встретил в Чумог-Нгьюлбуме Шива-Вед-Репу. В Чим-лунге он прочитал Нган-Дзонг-Репе проповедь, называемую «Бамбуковый посох». Когда он находился на Лапчи, Дакини напомнили ему об указании, данном ему гуру, и он отправился на гору Тисе и встретил на дороге Дампа-Гья-Пхупу. Приблизившись к горе, он на перевале Лово-Кара встретил Кхар-Чунг-Репу. Затем, находясь в зимнем прибежище вблизи горы Дрице, недалеко от холмов Пуранг, он встретил Тарма-Вангчук-Репу. Весной он пошел на гору Тисе и победил с помощью магической силы колдуна Наро-Бен-чунга. Этому событию посвящена глава о Тисе горе Кайласа.

Затем, вернувшись в пещеру Несокрушимая из Серого Камня, он встретил Ронг-Чунг-Репу. Покинув это место по указанию Дакини, он набрел на Замок Скрытой

Пещеры и пробыл там несколько дней. Там он повстречался с пастухом, который последовал за ним и стал очень известным йогом по имени Лугдзи-Репа (Пастух-Репа). В пещере Лотосовый Замок он встретил Шан-Гом-Репу. Этот ученик приносил ему вкусную пищу и все необходимое, когда он жил в Замке Нага Слоновой Двери и в пещере Скрытый Замок. Затем, когда он шел в Чоро-Дри-Цам, он встретил Речингму, ставшую его ученицей. В Ньیشانг-Гурта-Ла он встретил Кххира-Репу (Охотника-Репу). Слава о Джецюне распространялась повсюду, и раджа Кокома по указанию Богини Тары послал Джецюну жертвенные приношения.

Затем Речунг и Шан-Гом-Репа попросили Джецюна вернуться на Лапчи, и Джецюн жил в пещере Ньен-ен у подножья Лапчи. В следующем году он жил в скальной пещере в Чонг-лунге. Придя оттуда в Чубар, он произнес три проповеди о Церингме.

Спустившись оттуда в Брин, он встретил Дордже-Вангчук-Репу. Затем, когда Джецюн жил с учениками в Пещере в Форме Желудка близ Ньянама, великий индийский йог Дхарма-Бодхи посетил Джецюна и поклонился ему. После этого события люди стали еще больше уважать и почитать Джецюна, и это вызвало зависть одного ламы, который был весьма искусен в беседах на темы о метафизике, и он задал несколько вопросов Джецюну, на которые он легко ответил с помощью сиддхи (окультурных сил). Есть глава, повествующая об этом диспуте. Приход йога послужил причиной повторного путешествия Речунга в Индию; об этом сообщается в главе о Речунге и Типху, другом великом индийском йоге. В это время Джецюн, находившийся в то время в пещере Дрет в Ньянаме, встретился с Ме-Гом-Репой, который стал его последователем. А в Нагтра в Ньянаме Джецюн встретился с Салевед-Репой. Затем Джецюн, удалившись на вершину Красной Скалы, увидел возвращающегося из Индии Речунга и пошел встретить его. Этому событию посвящена глава о роге яка и песня о диких ослах. В Чубаре он встретил Тагпо-Лан-Гом-Репу.

В Троде-Траши-Ганге в Брине он встретился с Маха-Пурушей (Великим Святым), о котором упоминал Будда в апокрифических беседах. Он стал самым любимым, лучшим учеником Джецюна. Имея полное посвящение в духовный сан, он был гуру школы Ваджрадхары, Великим Бодхисаттвой по имени

Давед-Шьену (Свет Молодой Луны), но более известным как Несравненный Учитель Тагпо, который родился человеком, чтобы помогать всем живущим.

В Чубар-Воме новообращенным Джецюна стал Лотен-Гедюн, прежде его противник. В пещере Солнечный Замок Счастья его учеником стал Дретен-Трашибар из Брина. Когда Джецюн продемонстрировал некоторые из своих сверхнормальных способностей, его учеником стал Ликор-Чарува.

Дакини предсказали, что среди учеников Джецюна будет двадцать пять святых. Ими являются восемь самых любимых сыновей (рожденных из сердца), тринадцать духовных сыновей и их четыре сестры по Вере. Есть глава, в которой рассказывается, как Джецюн встретил каждого из них.

Что касается различных других встреч и событий, которые имели место, когда Джецюн жил в тайных пещерах в промежутках между встречами со своими духовными сыновьями, то об этом есть письменные свидетельства, но точное время в них не указано. Имеются также записи в форме ответов на вопросы учеников. Есть еще глава, с текстами песен о горах Бонпо, относящихся к тому времени, когда Гампопа жил с Джецюном. Есть рассказ о том, как Джецюн проповедовал Дхарму и посвятил в учение жителей Ньянама. Записаны песни о Шендормо и Лесай-Бум, сочиненные в Царма, и песня, в которой Джецюн изящным слогом поведал о том, как ему сладостна мысль о грядущей смерти. Известны песни: о том, как Джецюн шел на Лапчи в сопровождении Речунга, и о том, как они жили в Пещере Победы, Одержанной Над Демонами; о прогулке Джецюна и о пребывании в Рамдинг-Нампхуге, откуда, Джецюн по приглашению жителей Ньянама переселился в Пещеру в Форме Желудка близ Ньянама, находясь в которой, он рассказал историю своей жизни. Затем следуют песни об отбытии Речунга в провинцию Ю и последовавшей затем встрече Джецюна в Тхонг-ла с Дампа Сангьяем, которую устроила ему Богиня Со Львиным Лицом.

Записаны и другие события: о погребальной церемонии, совершенной Джецюном в Лай-Шинге из-за сострадания к умершему, о выполнении им сыновнего долга по отношению к покойной матери, о его последних наставлениях ученикам-мирянам в Царма; рассказ о совершении им обряда бон-по в Тингри, где он

останавливался, когда шел в Чубар. Имеется глава о повторном отбытии Речунга в Ю, глава о мирянине-пожертвователе по имени Таши-Цег из Дин Лхачо, глава о Зесай-Бум, Кхуджиг и других ученицах из Дин-Даг-Кхара, глава о его победе над четырьмя Марами, злыми духами, одержанная на вершине Красной Скалы.

Записана его беседа с колдуном. Есть письменные свидетельства о его сверхнормальных способностях, которые он продемонстрировал перед своими учениками и мирянами-последователями ради их блага. Есть еще довольно большое собрание религиозных проповедей, часть которых хорошо известна, а некоторые неизвестны.

Так, Джецюн принес счастье Освобождения существам, число которых не поддается счету. Наиболее выдающиеся из них достигли совершенства в духовном развитии и Освобождения. Уступавшие им в духовном развитии утвердились на Пути, ведущем к Освобождению. Третью группу представляли те, чьи сердца были полностью обращены и склонены к Благородному Пути Благочестия. Даже те, чья карма лишала их Высшего Блага, были проникнуты любовью к добру, и это служило залогом их счастья и благополучия в ближайшем будущем.

Так, благодаря бесконечной любви и милосердию Джецюна, Буддийская Вера воссияла, как свет дня, и много существ освободились от Печали. Обо всем этом подробно рассказано в сборнике Гур-Бум (Сто тысяч песен) Джецюна.

Это седьмое приносящее заслугу деяние Джецюна – его подвиг служения на благо всем живущим.

ГЛАВА XII. НИРВАНА

Джецюн принимает яд из рук сожительницы Цапхувы; о последнем собрании учеников и последователей Джецюна и чудесных явлениях, свидетелями которых они были; о проповеди Джецюна, посвященной болезни и смерти, и его последних наставлениях; об обращении в Веру Цапхувы; о предсмертном завещании; о переходе в состояние самадхи и последовавших за ним сверхъестественных явлениях; об опоздании Речунга и о мольбе Речунга Джецюну; об ответе на мольбу; о чудесных явлениях, сопутствовавших кремации и обретению реликвий; о выполнении предсмертной воли Джецюна; об учениках Джецюна.

В то время, когда Джецюн уже совершил те деяния, о которых рассказывалось выше, в центре Бриана (Дрина)

жил ученый лама по имени Цапхува, который был очень богатым и влиятельным и привык всегда восседать на самом высоком месте во главе собраний жителей Брина. Этот человек притворялся, что очень почитает Джецюна, а на самом деле был исполнен зависти к нему и, стремясь изобличить Джецюна в незнании, задавал ему трудные вопросы в присутствии своих приверженцев. Он задавал ему самые разнообразные вопросы, делая при этом вид, что сам не может на них ответить и поэтому обращается к Джецюну за разъяснением.

В первом осеннем месяце в год дерева и тигра был устроен большой свадебный пир, на который был приглашен Джецюн и посажен на самое высокое место во главе первого ряда гостей, а геше Цапхува был посажен рядом с ним. Геше поклонился Джецюну и ожидал от него ответного поклона, но Джецюн не ответил ему поклоном, потому что он никогда не кланялся и не отвечал на выражения почтения никому, кроме своего гуру. И сейчас он также не отступил от этого правила.

Сильно уязвленный, геше подумал про себя: «Вот как! Такой ученый пандит, как я, поклонился этому невежде, а он не соизволил ответить на приветствие! Я сделаю все, что в моих силах, чтобы унижить его перед людьми». И достав книгу по философии, он обратился к Джецюну со следующими словами: «О Джецюн, пожалуйста, помоги мне разобраться в трудных для меня местах: читай и разъясняй мне каждое слово из этой книги».

В ответ Джецюн сказал: «Разъяснять каждое слово из трактата по диалектике ты сам достаточно хорошо умеешь, но для того, чтобы понять истинный смысл слов, нужно отказаться от Восьми Мирских Целей, отсесть их, преодолеть ошибочную веру в существование личного я и, осознав, что Нирвана и сансара неотделимы друг от друга, обрести духовное я с помощью медитации в уединении в горах. Я никогда не ценил и не изучал словесную софистику, представленную в книгах в традиционной форме вопросов и ответов, которые заучивают наизусть, а затем выпаливают в спорах с оппонентами. Это приводит только к путанице мыслей, а не к тем действиям, которые помогают осознать Истину. Этими словесными знаниями я не обладаю и, если когда-то я их имел, я забыл их давно. Послушай песню, в которой я объясню, почему я забыл книжные знания. И Джецюн спел такую песню:

«Почтение Благословенным стопам Марпы!
Пусть я буду далек от соперничающих верований и
догм.

С той поры, как благодать моего Владыки вошла в
меня,

Я всегда сохранял сосредоточенность ума.

Привыкнув с давних пор размышлять

О Любви и Жалости,

Я забыл о разнице между мной и другими.

Привыкнув с давних пор медитировать на гуру,

Окруженном сиянием надо мной,

Я забыл о всех тех, кто правит авторитетом и силой.

Привыкнув с давних пор медитировать на моих богах

– как от меня неотделимых,

Я забыл о своей земной телесной оболочке.

Привыкнув с давних пор медитировать на Избранных

Истинах, передаваемых шепотом,

Я забыл все, что сказано в переписанных и
напечатанных книгах.

Привыкнув к изучению Единой Науки,

Я утратил знание того, что является незнанием,
приводящим к заблуждениям.

Привыкнув созерцать Три Тела как сущие во мне,

Я забыл о надежде и страхе.

Привыкнув медитировать об этой жизни и о будущей
как об единой,

Я забыл о страхе рождения и смерти.

Привыкнув с давних пор сам изучать мой
собственный опыт,

Я забыл спрашивать мнение друзей и братьев.

Привыкнув с давних пор приобретать все новый и
новый опыт на пути духовного совершенствования,

Я забыл все верования и догмы.

Привыкнув с давних пор медитировать на
Нерожденной,

Несокрушимой и Нигде Не Находящейся ,

Я забыл все определения той или этой конкретной
цели.

Привыкнув с давних пор рассматривать все видимые
явления как Дхармакаю,

Я забыл все рассуждения, исходящие от ума.

Привыкнув с давних пор сохранять мой ум в

Несозданном Состоянии Свободы ,

Я забыл об условностях и придуманных обычаях.
Привыкнув с давних пор смирать тело и ум,
Я забыл о гордости и надменности сильных.
Привыкнув с давних пор считать
Мое физическое тело моей отшельнической
обителью,

Я забыл о довольстве и удобствах жизни в
монастырях.

Привыкнув с давних пор знать смысл Несказанного.
Я забыл о способе изучения корней слов
И происхождения слов и фраз.
И пусть ты, о многоученый,
Найдешь подтверждение моим словам в
авторитетных книгах».

Выслушав Джецюна, геше сказал: «Все, что ты
утверждаешь, может быть правильно с твоей точки зрения
как йога, но наши знатоки метафизики считают, что такие
речи ведут в никуда, то есть не свидетельствуют о
понимании вещей. Я поклонился тебе, потому что считал
тебя высокообразованным человеком!»

Услышав эти слова, присутствующие (и больше всех
его сторонники) возмутились и в один голос выразили
свое негодование: «Геше Тенпа, каким бы ученым ты ни
был и сколько бы ни было на свете таких ученых, как ты,
ты весь не стоишь даже одного маленького волоска на
теле Джецюна и не можешь заменить собой этот волосок.
Тебе лучше довольствоваться выделенным тебе местом во
главе нашего ряда и продолжать накапливать богатство,
ссужая деньги под большие проценты. А что касается
религии, то ты ее и не нюхал».

Геше был вне себя от гнева, но так как все
присутствующие были против него, он ничего не мог
сказать, сидел насупившись и думал про себя: «Это
невежда Миларепа своими эксцентричными действиями и
высказываниями, всякими выдумками, подрывающими
авторитет религии, может обманывать людей, выманивая
у них щедрые пожертвования и подарки, а со мной, таким
высокоученым, самым богатым и влиятельным в округе,
обращаются хуже, чем с собакой, несмотря на мои
религиозные заслуги. Что-то нужно сделать, чтобы
положить этому конец».

Приняв такое решение, он подговорил свою
сожительницу отнести Джецюну отравленное кислое
молоко, пообещав ей за это ценную бирюзу, что она
исполнила, когда Джецюн находился в Брин-Драггаре

(Скала Бриана).

Джецюн к тому времени уже исполнил свою миссию в отношении учеников, которым благодетельствовала карма, и утвердил их на Пути, ведущем к Освобождению и Совершенству, знал, что скоро умрет, даже если не будет принимать яд. Но видя, что эта женщина никогда не получит обещанную ей бирюзу, если не получит ее теперь, сказал ей: «Сейчас я не хочу брать молоко, которое ты мне принесла. Принеси его в другой раз, и тогда я выпью его».

Думая, что Джецюн разгадал ее намерения, она испугалась и, вернувшись к геше, рассказала ему подробно обо всем. Она считала, что Джецюн путем ясновидения узнал о ее преступных замыслах и поэтому отказался принять отравленное молоко. Геше старался разубедить ее: «Если бы Джецюн обладал этой способностью, он бы не просил тебя принести молоко в другой раз, но возвратил бы его и сказал: «Пей сама». Это доказывает, что он не ясновидящий. Возьми эту бирюзу и удостоверься в том, что он примет отравленную пищу». И он отдал ей бирюзу. Но она не соглашалась с ним: «Все верят, что Джецюн обладает ясновидением, и то, что он отказался от моего приношения, доказывает это. Я убеждена, что он откажется и в следующий раз. Мне не нужна твоя бирюза. Я очень боюсь снова идти к нему и, по всей вероятности, не пойду». Геше продолжал уговаривать ее: «Неграмотные люди считают, что он обладает ясновидением, но не зная Писания, эти люди доверяются ему и попадают в сети обмана. Ясновидящий, о котором говорится в священных книгах, является полной его противоположностью. Я убежден, что он не ясновидящий. А сейчас, если ты отнесешь ему снова это молоко и сделаешь так, чтобы он выпил его, тогда, поскольку мы живем вместе, и согласно пословице, нет никакой разницы между большой и маленькой дольками чеснока, потому что все равно это чеснок, мы станем жить открыто, как муж и жена. Тогда не только бирюза будет твоей, но ты будешь хозяйкой в моем доме, и радость и горе мы будем делить пополам. А так как мы оба его ненавидим, ты постарайся довести дело до конца».

Поверив геше, женщина согласилась опять пойти к Джецюну и, снова подмешав отраву в кислое молоко, принесла его Джецюну, который в это время находился в Троде-Траши-Ганге. Джецюн, улыбаясь, принял ее приношение, и она подумала, что геше, вероятно, прав,

утверждая, что он не ясновидящий. Но Джецюн тут же сказал ей: «Ты получила бирюзу в качестве платы за то, что совершила». Охваченная раскаянием и страхом, женщина, дрожа и запинаясь, произнесла сквозь рыдания: «Да, Владыко! Я получила бирюзу». И распростершись у его ног, она умоляла его не пить отравленное молоко и вернуть его ей, совершившей это злодеяние с тем, чтобы она сама выпила его. Но Джецюн сказал ей: «Я никак не могу отдать его тебе, чтобы ты его выпила, так как я тебя очень жалею. Если бы я сделал так, я бы нарушил клятву Бодхисаттвы и должен был бы понести самое суровое наказание. К тому же моя жизнь почти закончилась. Я выполнил свой долг, и наступило время мне уйти отсюда в другой мир. Твоя отравленная пища не оказала бы на меня никакого действия. Однако я отказался сначала ее принять, так как ты еще не получила бирюзу, которая была тебе обещана за твое преступление. Теперь эта бирюза твоя, и я приму этот яд, с тем чтобы и желание геше исполнилось, и ты бы с полным правом владела бирюзой. А что касается того, что он обещал тебе, то ты не питай никаких надежд, что он выполнит свои обещания. То, что он говорил против меня, – совершеннейшая неправда. Наступит время, когда вы будете глубоко раскаиваться в содеянном. Когда оно наступит, посвятите себя, если сможете, покаянию и религиозному служению. Но если вы не сможете покаяться, по крайней мере не совершайте больше таких преступлений даже с целью защиты своей жизни и молитесь мне и моим ученикам со смирением и верой. Оставленные без помощи, вы будете лишены счастья в течение бесчисленных веков, и страдания будут вашим уделом. Поэтому на этот раз я постараюсь простить вам вашу плохую карму. Но пока я жив, ты никому об этом не говори. Придет время, когда об этом будет известно каждому. Если ты не верила в то, что говорят обо мне, сейчас у тебя есть возможность поверить, т.е. самой убедиться. Помни об этом и жди исполнения того, что я тебе сказал». И Джецюн выпил яд.

Когда женщина все рассказала геше, он сказал: «Не все, что люди говорят, правда. Как по пословице: “Не все, что варится, можно есть”. Главное, сейчас он выпил яд. А сейчас будь осторожна и держи язык за зубами».

Джецюн затем пригласил жителей Тингри и Ньянама, всех, кто знал его и верил ему, прийти к нему с небольшими приношениями. Он также послал

приглашения тем, кто хотел видеть его, но до сих пор не мог увидеть. Позваны были также все ученики. Сильно встревоженные предчувствием, они собрались в Лапчи-Чубаре – мужчины и женщины, посвященные и непосвященные, знакомые друг с другом и незнакомые. В течение многих дней Джецюн читал им проповеди о Явленной Истине, т.е. Законе Кармы, и Абсолютной Истине – Дхармакае.

В эти дни наиболее духовно одаренные видели, что небо было заполнено слушающими проповедь богами. Многие интуитивно чувствовали, что на небе и на земле присутствуют, подобно несметному числу людей, божественные существа, с радостью внимающие проповеди о Дхарме, и они ощутили радость, охватившую также всех присутствующих. Каждый видел феномены в виде радуг на ясном голубом небе, затем пять облаков различных цветов, принимающих форму церемониальных зонтов и разнообразных ритуальных приношений. С неба падали цветы, самые разнообразные. Все слышали изумительную музыку, исполняемую на многих музыкальных инструментах, и воздух был напоен чудесными запахами, которые никто раньше не слышал. Менее развитые духовно, которые видели эти чудесные знаки, спросили Джецюна, почему ощущается такое единение между небесными слушателями, заполнившими небо, и собравшимися здесь людьми и почему были явлены эти счастливые знаки, которые могли видеть все присутствующие. Джецюн ответил им: «Людей духовно развитых, посвященных и непосвященных, немного на Земле, в то время как преданные религии божественные существа, готовые всегда слушать проповеди о Дхарме, заполняют собой небеса, и они в знак почтения преподносят мне пять небесных видов услаждения и всем даруют радость и веселье. Вот почему вы преисполнены духа радости и видите эти знаки радости и счастья».

Тогда они спросили его: «Почему боги невидимы для большинства из нас?» Джецюн отвечал: «Среди богов многие достигли состояния анагами и различных других степеней святости, и чтобы видеть их, нужно обладать совершенным зрением, всеми силами стремиться приобрести два вида заслуг и быть свободным от двух видов скрывающей свет нечистоты, происходящей от незнания. Тот, кто видит главных богов, увидит также и их приближенных. Те, кто желает лицезреть эти божественные существа, должны неустанно трудиться для

приобретения заслуг в полноте, достаточной для искупления всей плохой кармы. Тогда можно увидеть в себе величайшего и святейшего из всех богов, т.е. Чистый Ум». И Джецюн спел гимн о том, как можно лицезреть богов:

«В почтении я склоняюсь к стопам Милосердного Марпы!

По твоему благоволению пусть умножится число твоих духовных детей
Ко мне, Миларепе, отшельнику,
Послушать мои проповеди являются
Небожители Неба Тушиты и других священных обителей.

Все четыре части Неба небожители заполняют.
Но только те из моих последователей,
Кто наделен пятью видами зрения ,
Могут видеть их; обычные люди не могут.
Но я вижу ясно каждого из них.
Ради блага всех присутствующих
Почтение они мне выражают,
Принося небесные дары.
Небеса освещаются сиянием радуг,
Благоухающие цветы падают с неба, как дождь.
Все слышат чудесную музыку
И аромат благовоний вдыхают.
Любовь небесная и счастье всех собравшихся
осеняют.

И это потому, что волны любви посылают святые Каргьютпа .

Если, обратившись к религии как к спасительному прибежищу,

Богов и ангелов хотите вы видеть.
Внемлите моему гимну:
Из-за плохой кармы,
Накопленной вами в прежних существованиях,
С момента рождения здесь вы находите удовольствие
в грехе.

От сотворения добра и приносящих заслугу деяний вы отвращаетесь.

Ваша природа извращена,
И такими же остаетесь вы даже в старости.
И плоды ваших злых дел собираете.
Если вы спросите, можно ли искупить карму зла,
Я отвечу вам, что она искупается желанием добра.
А те, кто сознательно совершает злые дела,

За ложку варева обрекают себя на бесславие .
И те, кто, не зная сами, куда идут,
Берутся руководить другими,
Приносят вред и себе и другим.
Если вы действительно хотите уйти от страданий и
печали,

Больше не делайте зла другим.
Покаяние и исповедание всех своих грехов
Перед гуру и богами
И принятие обета больше не совершать их –
Кратчайший путь для быстрого искупления плохой
кармы.

Большинство грешников хитры,
С умом неустойчивым и несосредоточенным,
Ищущим развлечений ,
Религиозной жизни они не преданы,
И это потому, что погрязли в грехах
И должны каяться и каяться в них.
Посвятите себя целиком
Искуплению грехов и приобретению заслуг,
И тогда вы не только увидите небожителей,
преданных Дхарме,

Но и святейших и величайших богов.
Дхармакаю своего ума вы также узрите.
И видя То, вы будете видеть все,
Беспредельное бытие, сансару и Нирвану ,
И тогда прекратится действие вашей Кармы».

После того, как Джецюн закончил петь гимн,
наиболее развитые духовно боги и люди ясно увидели
Дхармакаю – состояние Нирваны. Те, кто был менее
развит, чем они, испытали экстатическое состояние
блаженства и Пустоты , такое, какое они никогда раньше
не испытывали, и благодаря этому ступили на Путь,
ведущий к достижению Нирваны. А всех остальных
охватило стремление достигнуть Великого
Освобождения.

Затем Джецюн обратился к присутствующим с
такими словами: «Мои ученики, боги и люди и все здесь
собравшиеся! Наша встреча есть следствие хорошей
кармы, приобретенной нами в прошлых жизнях, и в этой
жизни благодаря нашей преданности религии мы
установили друг с другом более чистые высокодуховные
связи. Так как я уже очень стар, маловероятно, что мы
сможем встретиться снова в этой жизни. Я призываю вас
хранить в сердце все, что я вам говорил, не забывая об

этом и применять на практике в повседневной жизни по мере ваших сил и возможностей то, чему я учил вас. Если вы исполните это, в каком бы мире я ни оказался по достижении состояния Будды, вы будете там первыми, кому я буду проповедовать Истину. Поэтому радуйтесь».

Когда присутствующие люди из Ньянама, услышав эти слова Владыки Джецюна, спрашивали друг друга, неужели это означает, что Учитель собирается покинуть этот мир и перейти в другой мир и осчастливить его своим пребыванием там? Если это так, рассуждали они, то они должны умолять его подняться в райскую обитель из Ньянама или, если это невозможно, благословить Ньянам, посетив его перед уходом отсюда. И, охваченные пламенной верой и любовью, они подошли к Джецюну и, обнимая его ноги, умоляли его со слезами на глазах выполнить их просьбу. С такой же мольбой к Джецюну обратились ученики и преданные миряне из Тингри, умоляя его прийти в Тингри.

В ответ Джецюн сказал: «Мой возраст не позволяет мне отправиться сейчас в Ньянам или Тингри. Я буду ждать смерти, оставаясь в Брине и Чубаре. Поэтому вы можете проститься со мной сейчас и вернуться домой. Я встречу всех вас в священных райских обителях».

Тогда они стали просить его благословить каждое из тех мест, которые он посещал раньше, если он сейчас не может прийти туда, и особо благословить тех, кто видел его лицо и слышал его голос и внимал его проповедям, а вообще, рассуждали они, пусть не только им одним будет даровано благословение, но и всем сущим во Вселенной.

В ответ Джецюн сказал: «Я благодарен вам за вашу веру в меня и за то, что вы обеспечивали меня всем необходимым. Я платил вам тем, что всегда желал вам блага и для вашего блага проповедовал вам Дхарму, и потому связанные взаимной поддержкой, мы стали близки друг другу. А сейчас мой долг йога, достигшего Истины, пожелать вам мира и счастья, временного и вечного, в этой жизни и на все времена». И Джецюн выразил в стихах свои пожелания:

«О Отец и Защитник всех созданий, ты, кто
Осуществил свои благие желания,
Милосердный Марпа, я склоняюсь к твоим стопам!
Мои ученики, здесь собравшиеся, внимайте мне.
Вы по-настоящему были добры ко мне,
И я был добр к вам.
Пусть мы, связанные узами взаимной помощи,

Встретимся в обители Счастья .
Вы – податели милостыни, здесь присутствующие,
Долгой жизни и процветания желаю я вам.
Пусть плохие мысли не найдут входа к вам.
Пусть только добрые мысли будут посещать
Вас и вести вас к праведному успеху.
Пусть на этой земле будут царить мир и согласие.
Пусть никогда не будет болезней и войн;
Пусть урожаи будут обильными и житницы полными
зерна.
Пусть каждый найдет счастье в благочестии.
Пусть все, кто видел мое лицо и слышал мой голос,
И все, кто знает мою жизнь и хранит память о ней в
сердце,
И все, кто слышал только мое имя и обо мне рассказ,
Встретятся со мной в Обители Счастья.
Пусть те, кто изучает мою жизнь
И подражает ей и предан медитации,
И каждый, кто перелагает,
Пересказывает или слушает повесть о моей жизни,
Кто читает и с благоговением размышляет о ней
Или образцом для себя изберет,
Встретится со мной в Обители Счастья.
Пусть каждому, кто изберет путь медитации,
Моя суровая жизнь поможет
Избежать ошибок и препятствий .
Те, кто ради Истины терпит лишения,
Приобретают заслугу безмерную.
Те, кто помогает другим в Пути,
Заслуживают награду вечную.
Тех, кто внимает моему Житию,
Благодать безмерная осеняет.
Помощью этих безмерных заслуг и благодати
Пусть каждый, услышавший историю моей жизни,
Достигнет Освобождения,
И размышляющий о ней – Истинного Успеха.
Пусть те места, где я жил, и вещи, служившие мне
постелью во время отдыха,
И любая вещь, которая мне принадлежала,
Принесут мир и радость, где бы ни находились.
Земля, вода, огонь и воздух
И заполненное эфиром пространство. Где бы они ни
были,
Пусть я смогу всех их объять.
И пусть дэвы, наги и духи восьми степеней,

И все местные духи и эльфы

Никому не сделают зла.

Пусть каждый из них исполнит эти пожелания в
согласии с Дхармой.

Пусть никто из живых существ, даже насекомые,

Не будет привязан к жизни в сансаре, никто, ни один
из них.

А мне пусть будут дарованы силы спасти их всех».

Ученики-миряне ощутили большую радость, слушая
гимн, и у них возникло сомнение относительно намерений
Джецюна покинуть этот мир. А ученики из Ньянама и
Тингри еще сильнее желали получить благословение от
него и послушать его проповеди.

Как только все разошлись по домам, радуги и другие
феномены исчезли.

Теперь жители Брина, через Шива-Вед-Репу и других
близких учеников, умоляли Джецюна прочитать им
проповеди. Выполняя их просьбу, Джецюн поселился в
обители, построенной на вершине скалистой горы,
называемой «Ядовитая При Прикосновении». Сама скала
считалась капюшоном Зловещего Змея, обитающего в
Брине, и обитель была построена для того, чтобы
подчинить этого духа с помощью отшельников, живущих
в ней. Там Джецюн продолжил чтение проповедей
ученикам-мирянам Брина. Закончив, он обратился к
присутствующим с таким словами: «Если вам что-нибудь
неясно или вы затрудняетесь понять то, что изложено в
данных вам наставлениях, поторопитесь выяснить это
сейчас, потому что я не уверен, что моя жизнь здесь
продлится еще».

Ученики тогда собрали приношения для совершения
пуджи и, совершив ее, слушали окончание специальных
наставлений и разъяснение непонятных мест. Затем
Бри-Гом-Репа и Себан-Репа, обратившись к Джецюну,
спросили его: «О Джецюн, твое недавнее высказывание
напугало нас. Неужели ты собираешься сейчас перейти в
Нирвану? Неужели твоя жизнь закончилась?» Джецюн
ответил: «Моя жизнь и мое служение закончились. Сейчас
я должен принять то, что является следствием моего
рождения».

Через несколько дней у Джецюна обнаружили
признаки болезни, и Нган-Дзонг-Репа стал готовиться к
свершению от имени учеников искупительного обряда,
посвященного гуру, дэвам и Дакини. Одновременно он
умолял Джецюна согласиться пройти лечение и принять

другие виды помощи. Он собрался уже было созвать всех мирян и учеников с тем, чтобы они закончили нужные приготовления, но Джецюн сказал ему: «Болезнь йога, как правило, следует рассматривать как призыв к религиозному подвигу, и он не нуждается в том, чтобы кто-то молился о его выздоровлении. Он должен относиться к своей болезни как к средству, помогающему проходить Путь, и быть всегда готовым принять страдания и даже смерть. Что же касается меня, Миларепы, то я по милости моего милосердного гуру Марпы исполнил, следуя его особому методу, все обряды для преодоления болезни. И сейчас и не нужны никакая помощь и никакое посредничество. Я сделал своих врагов моими закадычными друзьями, и поэтому мне не нужно ни молитв, ни искупительных жертв. Для чего мне заклинать или умиловать каких-то демонов? Я превратил все неблагоприятные знаки и несчастливые предзнаменования в богов-хранителей Веры, которые совершат все четыре обряда. Болезни, порожденные Пятью Ядами, я превратил в Блаженство Пяти Божественных Мудростей. Поэтому мне не нужны лекарства, составленные из шести главных компонентов. Настала время, когда видимое иллюзорное физическое тело, которое есть рожденная из ума форма Божественного Тела – Дхармакаи, должно соединиться с Духовной Субстанцией, которая есть Свет, и для этого не нужны никакие посвячительные обряды. Те, кто накопил злую карму и должен пожать плоды ее – муки рождения, старость, болезнь и смерть, не смогут избежать их или уменьшить эти страдания с помощью искупительных жертв или лекарств. Ничто не поможет избежать Назначенного Часа или отдалить его – ни власть правителя, ни храбрость героя, ни чарующая красота девушки, ни богатство, ни быстрые ноги труса, ни красноречие оратора. Не существует ни способов, ни средств, мирных, благородных, очаровывающих или суровых, с помощью которых можно было бы откупиться или оградить себя от неотвратимого исхода. Если кто действительно страшится этих мук, искренне стремится не допустить их повторения и обрести вечное блаженство, я помогу ему достигнуть этой цели с помощью тайного ритуала».

Тогда некоторые ученики стали просить его научить их этому ритуалу или науке.

В ответ на их просьбу Джецюн сказал: «Я научу вас.

Все мирские цели имеют один неизбежный и неотвратимый конец, который есть печаль: приобретения оканчиваются их потерей, построенное разрушается, встречи оканчиваются расставанием, рождение оканчивается смертью. Зная об этом, нужно с самого начала отказаться от приобретений и накоплений, строительства и встреч и, следуя указаниям мудрого гуру, стремиться к достижению Истины, которая не имеет ни рождения, ни смерти. Это и есть наилучший ритуал или наука. Я еще должен вам сказать последнее важное слово. Помните, я исполню мое обещание».

Тогда Шива-Вед-Репа и Нган-Дзонг-Репа обратились к Джецюну с такими словами: «О Джецюн, если бы ты поправился, ты бы мог принести благо еще многим живым существам. Поэтому, даже если ты считаешь ненужным, чтобы мы неустанно молились о твоём выздоровлении, мы, чтобы не пожалеть потом, снова просим тебя сообразоваться совершить тантрийский обряд ради твоего выздоровления, а также принять лекарство».

Джецюн ответил им: «Если бы мое время не наступило, я бы сделал так, как вы просите. Но тот, кто совершает тантрийский обряд для продления жизни не с целью служения другим, ведет себя неподобающе по отношению к Божественным Существам, и это равносильно тому, как если бы кто-то просил царя мыть пол вместо слуги. Человек, совершающий такой поступок, наказывает сам себя. Поэтому я призываю вас никогда не совершать священных тантрийских обрядов с целью достижения личного успеха, хотя эгоистичные люди, которые совершают их из-за незнания, не виновны в этом. Я провел всю свою жизнь, непрерывно применяя на практике Высочайшие Тантрийские Истины для блага всех живущих. И это будет служить религиозным обрядом теперь для отражения зла. Благодаря такой практике, мой ум не может оставить твердое Сиденье Истины – пребывание самадхи. Это и есть обряды, продлевающие жизнь. Лекарства Марпы искоренили болезни, вызываемые Пятью Ядами, то есть похотью, ненавистью, глупостью, эгоизмом, завистью, и это заменит лекарства врачей. А для вас недостаточно быть только преданными религии или совершать религиозные обряды. Вашими проводниками на Пути должны стать испытания и страдания. Если срок смерти еще не наступил, но из-за какого-то злого вмешательства возникла угроза для жизни, не принесет вреда лечение с

помощью лекарств и совершения обрядов, лечащих Верой, при условии, что они помогут этому человеку продолжить Путь совершенствования. Недавно сделанное зло можно отразить с помощью силы, заключенной в цепи взаимосвязанных и взаимозависимых обстоятельств, являющихся следствием его. В таких случаях даже само зло можно превратить во благо. Будда, радея о своих менее развитых учениках, дал пощупать пульс врачу Дживаке Кумаре и принял назначенные ему лекарства. Но когда наступило его время, даже Он, Владыка Будда, перешел в Нирвану. Так же и мое время наступило, и я не буду лечиться с помощью лекарств или обрядов».

Так Джецюн не позволил им ничего для него сделать. Тогда два близких ученика попросили Джецюна дать им указания о том, что они должны исполнить после его кончины: «Если Джецюн действительно уходит в другой мир, тогда ради нас скажи, какие погребальные церемонии должны быть совершены, что нужно сделать, чтобы сохранить священные останки и как должны быть изготовлены ступы и сделаны тша-тша? А также кто должен быть избран твоим преемником и как нам отмечать годовщину твоего ухода? Какой вид религиозной практики – слушание наставлений, размышления или медитации в уединении должен осуществлять каждый из нас? По всем вопросам мы просим дать нам устные указания».

Джецюн сказал им: «По милости Марпы я исполнил все обязанности по отношению к сансаре и достиг Освобождения от нее. Так как три принципа моей личности, то есть тело, речь и ум трансмутировались в Тело Истины, маловероятно, что мое земное тело останется здесь. Поэтому не нужны будут ни ступы, ни глиняные тша-тша. Так как у меня нет ни монастыря, ни храма, мне не нужно никого назначать преемником. Голые пустынные холмы, вершины гор и другие безлюдные места вы можете сделать вашими владениями и поселиться там. Все существа, обитающие в Шести Лока, вы можете защищать как своих детей и последователей. Вместо возведения ступ культивируйте преданность ко всем разделам Дхармы и водрузите Победное Знамя Преданности, а вместо тша-тша непрерывно повторяйте молитву из четырех слов.

В годовщины в память о моем уходе возносите искреннюю молитву из самой глубины сердца. Что касается методов приобретения практических знаний, то

если какой-то метод приводит к усилению ваших отрицательных качеств и пробуждает эгоистические наклонности, то оставьте его, даже если он признается превосходным, и продолжайте совершать те действия, которые помогают бороться с Пятью Вредоносными Страстями и приносят благо всем живущим. Знайте, что они являются истинной и Святой Дхармой, даже если считаются греховными с точки зрения людей, связанных мирскими условностями.

Если услышавший эти наставления не следует им и вместо этого насмехается над ними, он нарушает Божественный Закон, и, каким бы знающим он ни был, он заработает себе место в самой нижней части преисподней. Жизнь коротка, и час смерти неизвестен. Поэтому усердно медитируйте. Не совершайте грехов и приобретайте заслуги, не жалея сил и даже жертвуя жизнью. Все, что я сказал, кратко выражается в следующем: поступайте так, чтобы вам не пришлось стыдиться самих себя, и твердо придерживайтесь этого правила. Если вы будете поступать именно так, знайте, что вы не нарушаете заповедей Высших Будд, если даже в книгах вы встретите противоречивые требования. К этому сводятся все наставления, касающиеся слушания и размышления. Если вы будете поступать так, сердце мое будет радоваться, а если мое сердце будет радоваться, ваши обязанности будут выполнены как в отношении сансары, так и Нирваны. Никакой другой метод, каким бы он ни казался превосходным для мирских людей, не может удовлетворить меня ни в малейшей степени».

И в заключение Джецюн исполнил гимн о полезных делах:

«Я склоняюсь к стопам Милосердного Марпы!
Вы, мои ученики, объединенные верой,
Выслушайте последнее наставление
Старца Миларепы, Духовного Отца,
Йога Миларепы,
По милости Марпы из Лхобрака ,
Выполнившего все свои обязанности безупречно.
Если вы, мои шиши и последователи,
Желаете соблюдать мои заповеди,
Делайте то, что я вам сказал,
И тогда в течение этой жизни вы принесете
Неоценимую пользу другим и себе,
Радуя меня и Высших Будд.
Все остальное бесполезно

Для вас и других и огорчительно для меня.
Если гуру не принадлежит к непрерывающейся
апостольной иерархии,
Какая польза от посвящения ?
Если Дхарма не проникла в сердце,
Какая польза от заучивания наизусть тантр ?
Без полного отречения от мира
Какая польза от медитации на Избранных Истинах?
Если тело, речь и ум не созвучны Учению,
Какая польза от соблюдения религиозных обрядов?
Если гнев не побежден с помощью противоядия ,
Какая польза от размышлений о терпении?
Если не оставлены все пристрастия, все симпатии и
антипатии,
Какая польза от молитв?
Если эгоизм не выкорчеван из сердца,
Какая польза от занятий благотворительностью?
Если живущих в Шести Лока мы не считаем нашими
родителями,
Какая польза от посвящения в духовный сан?
Если чистая любовь и благоговение не прорастут в
сердце,
Какая польза от возведения ступы?
Если нет способности медитировать круглосуточно,
Какая польза от изготовления тша-тша?
Если произносимая молитва не рождается в глубине
сердца,
Какая польза от соблюдения годовщин?
Если не были получены Тайные Учения ,
Какая польза от страданий?
Если к Святому не относятся с любовью и Верой при
жизни,
Какая польза от поклонения его останкам или его
изображениям?
Если в человеке не родилось раскаяние,
Какая польза от слов «отвергнись от себя и покаясь»?
Если не культивировать любовь к другим, большую,
чем к себе,
Какая польза от словесного сочувствия?
Если все греховные страсти не преодолены,
Какая польза от служения религии время от времени
?
Если каждое слово гуру не почитается и не
исполняется, как закон,
Какая польза от такого учительства?

Все дела, не приносящие пользы,
Не приносят ничего, кроме вреда, и потому не
совершайте их.

Йог, завершивший свой путь служения,
Не должен возлагать на себя новые обязанности».
Этот гимн произвел на учеников глубокое
впечатление.

Вскоре у Джецюна обнаружили симптомы
серьезной болезни, и как раз в это время явился геше
Цапхува, принес с собой немного мяса и чанга, якобы
для того, чтобы преподнести Джецюну, но на самом деле
целью его визита было увидеть своими глазами, в каком
состоянии находится Джецюн. Обратившись к Джецюну,
он сказал: «Такой святой человек, как Джецюн, не должен
болеть такой тяжелой болезнью. Но так как это
случилось, ее следует распределить между всеми твоими
учениками, если это возможно. Или если есть способ ее
переноса, тогда ее можно передать мне. Но если и это
невозможно, тогда что лучше всего сделать?»

Джецюн улыбнулся и сказал: «Действительно, эта
болезнь настигла меня беспричинно, но у меня не было
выбора, как ты, по-видимому, хорошо знаешь. Вообще
болезнь йога и болезнь обычного человека не одно и то
же. Йогу она может казаться не заслуживающей
внимания. Но эта болезнь служит мне украшением».

Сказав так, он спел гимн:

«Круговорот рождения и смерти и освобождение от
него можно видеть или постичь в обители Ясного
Света.

Когда руки принимают естественное положение,
Великая Мудра ставит на них свою печать.

Поэтому я обладаю невозмутимостью совершенной и
мужеством, не знающим преград.

Болезни, злые духи, грехи и затмения

Лишь украшают меня премного.

Они заключены во мне, как нервы, как влага и как
семя.

Дары я принимаю для украшения знаков моего
совершенства.

Пусть грех зложелательства будет искуплен.

Эту болезнь, которая мне так к лицу,

Я мог бы передать, но в этом нет нужды».

Геше тогда подумал: «Джецюн подозревает, что я его
отравил, но он полностью не уверен в этом. А
относительно его способности передать болезнь, то я не

сомневаюсь, что он не мог это сделать, даже если бы имел на это право». И он сказал Джецюну: «О Джецюн, мне бы хотелось знать истинную причину твоей болезни. Если она вызвана злыми духами, их нужно изгнать. А если это просто расстройство организма, вызванное нарушением равновесного содержания соков, то их нужно уравновесить и нормализовать. Но я в этой болезни не разбираюсь. Однако, если ты можешь передать ее, пожалуйста, передай».

На это Джецюн ответил: «Некое существо сделалось одержимым одним из самых злобных духов, который называется демоном эгоизма. Этот демон и вызвал мою болезнь, нарушив слаженность моего организма. Демона этого невозможно изгнать, и болезнь невозможно вылечить. Если бы я передал ее тебе, ты бы ни одного мгновения не смог бы ее переносить. Поэтому я не буду этого делать». Геше подумал про себя: «Ага! Не желая признаться в своей неспособности передать болезнь, он, притворяясь, говорит, что не хочет ее передавать». И в настоятельном тоне геше сказал: «Передай ее, прошу!»

Джецюн ответил: «Хорошо. В таком случае я пошлю ее не тебе, а в ту дверь, и ты сможешь тогда оценить ее силу». И с этими словами Джецюн послал ее в дверь комнаты для медитаций. Дверь тут же заверещала, задрожала, задвигалась и едва не распалась на части. И в этот момент Джецюн, казалось, не испытывал никакой боли.

Геше и на этот раз не поверил. «Это, безусловно, трюк, производимый магическим способом», – подумал он про себя и сказал Джецюну: «Замечательно! А теперь передай ее мне!»

На это Джецюн сказал: «Я выполню твою просьбу, но передам тебе только часть этой силы». И Джецюн вернул боль из двери и направил ее Цапхуве, сказав ему, что посылает только половину боли, и спросил, как он оценивает ее силу и как он ее переносит.

Для геше боль оказалась столь невыносимой, что он едва не потерял сознание. И когда он испытал на себе эту боль, которую из-за него переносил Джецюн, его охватило глубокое раскаяние. Положив голову под ноги Джецюна, он каялся, проливая потоки слез: «О Джецюн, Святой Владыко. Эта болезнь, как сказал ты сам, послана тебе этим существом, одержимым эгоизмом и завистью. Я молю тебя, возьми все мое состояние, движимое и недвижимое, и прости мне это преступление, дабы злая

карма не настигла меня».

Так как эти слова были произнесены в духе искреннего раскаяния, Джецюн увидел, что он действительно покаялся, и с радостью простил его. Вернув всю боль себе, он сказал: «Я никогда не владел никаким домом, никакой собственностью, а сейчас на пороге смерти, когда мне вообще не нужно никаких вещей, что я буду делать с твоим имуществом? Оставь его себе, и больше не нарушай установлений Дхармы. А я буду искренне молиться за тебя, чтобы тебя не постигла злая карма за твое преступление и чтобы ты избежал страданий». И он спел гимн:

«Почтение стопам Совершенного Марпы!
Даже Пять Смертных Грехов, беспредельных по их
злым последствиям,

Могут быть искуплены, если своевременно в них
покаяться.

И поэтому пусть мои заслуги и блаженство,
Вкушаемое мной со всеми Буддами прошлого,
настоящего и будущего,
Истребят злую карму всех живущих.

Пусть и твоя доля несчастий
Целиком перейдет ко мне и будет также

нейтрализована .

Мне жаль того, кто делает зло
Своему гуру, наставнику или родителям.
И пусть плохая карма, рожденная этим злом,
Будет съедена мной и тщательно переварена.

Пусть твоими товарищами не будут исполненные
порока,

И во всех твоих будущих существованиях
Пусть ты будешь встречаться с добронравными
друзьями.

Пусть никто из злобных побуждений не сделает тебе
того,

Что исчерпает твою заслугу».

Это принесло утешение геше. Радость и вера переполняли его, и он поклялся, что отныне и до самой смерти он не совершит ничего недостойного и посвятит свою жизнь религии. Он сказал Джецюну: «Из-за любви к богатству и собственности я творил зло. А теперь мне не нужны ни дома, ни земли, ни деньги, ни вещи. Поэтому если даже Джецюн в них не нуждается, они могут быть использованы для оказания материальной помощи ученикам и последователям во время их обучения. И я

прошу вас принять их от меня».

Несмотря на искренность его слов, Джецюн отказался от имущества геше, но после кончины Джецюна ученики использовали это имущество для оплаты расходов на погребальные церемонии и проведение годовщин в память Джецюна, которые отмечаются и поныне, а сам Цапхува в дальнейшем стал очень преданным верующим.

Джецюн затем сказал: «Мое пребывание в этом месте принесло плоды: закоренелый грешник раскаялся и ступил на Путь Освобождения. И поэтому мои дела здесь закончились. Мне, йогу, больше не следует оставаться здесь. Йогу так же не пристало умирать в населенном месте, как царю в хижине простого крестьянина. Поэтому умирать я пойду в Чубар». На это Себан-Репа сказал: «Из-за твоей болезни тебе будет слишком утомительно идти туда пешком. Мы понесем тебя на носилках, Владыко!» В ответ Джецюн сказал: «Для меня болезнь и смерть одинаково нереальны. Здесь я показал вам знаки моей болезни, а в Чубаре я покажу вам знаки моей смерти. И для этого мне не нужны носилки. Кто-нибудь из младших Репа, учеников Джецюна, могут отправиться в Чубар впереди меня».

Следуя указанию Джецюна, некоторые из младших учеников пошли первыми, но когда они достигли пещеры Брилче – «Язык Самки Яка», они увидели, что Джецюн пришел туда раньше их. Старшие ученики, которые шли сзади, сопровождали другого Джецюна. Еще один Джецюн с симптомами болезни находился в пещере на горе Ядовитая При Прикосновении. Когда одного Джецюна его преданные ученики сопровождали в Чубар, другой Джецюн читал на Красной Скале прощальную проповедь тем, кто пришел послушать его в последний раз. И одновременно он явился к каждому, кто оставался у себя в доме и возносил ему прощальные молитвы.

Поэтому те, кто шел впереди, уверяли, что Джецюн опередил их, в то время как старшие ученики, которые вышли вместе с Джецюном, утверждали, что они сопровождали его. Те, кто пришел позже, в свою очередь говорили, что шли вместе с Джецюном. Другие сказали, что в тот день Джецюн был с ними на Красной Скале. Некоторые говорили, что он был тогда в их доме. А те, кто, оставшись дома, молился ему, сказали, что он приходил к ним как раз в это время. Так, каждому казалось, что Джецюн был только у него почетным гостем

и принимал от него все знаки внимания и поклонения, и поэтому в этом вопросе они не могли прийти к согласию. Тогда они все спросили об этом самого Джецюна, и он ответил: «Вы все правы. Это был я, кто играл с вами».

Когда Джецюн находился в Чубаре в Пещере Брилче, болезнь его продолжалась. Все жители этой местности пребывали в это время в состоянии экстаза и видели на небе такие же радуги, которые появлялись во время проповедей Джецюна. От вершин гор исходило сияние, все ощущали действие благодати, и каждый знал, что Джецюн собирается покинуть этот мир.

Тогда ближайшие ученики Шива-Вед-Репа, учитель из Нган-Дзонга (т.е. Нган-Дзонг-Репа) и Себан-Репа спросили Джецюна, в какой мир он собирается уйти и куда им возносить молитвы ему. Они также попросили передать им последние наставления, и каждый из них хотел получить еще специальные указания по методам религиозной практики.

Джецюн сказал им: «О том, куда вам обращать молитвы, решайте сами, согласно вашей вере. В какое место вы бы ни посылали свои молитвы, если вы будете молиться искренне и усердно, я приду к вам и исполню ваши желания. Поэтому молитесь искренне и с твердой верой. Сейчас я собираюсь посетить Обитель Счастья, Нген-Гах, где правит Бхагаван Акшобья. И мое последнее распоряжение, которое вы должны выполнить после моей смерти, состоит в следующем: Речунгу, который, как я предчувствую, скоро прибудет сюда, отдайте мой бамбуковый посох и это платье из хлопка, которые, как вы знаете, являются моей единственной собственностью. Они будут служить ему талисманом и помогать контролировать жизненные токи во время медитации. Пока не прибудет Речунг, никто не должен прикасаться к моему телу. Шляпа Учителя Майтри и этот черный посох из агару будут служить утверждению веры с помощью глубокой медитации и возвышенных устремлений. Их вы должны отдать Юпа-Тенпе. Эту деревянную чашу может взять себе Шива-Вед. Чашу из черепа я предназначаю Нган-Дзонг-Тенпе. Себан-Репа я отдаю кремень и огниво. Эту костяную ложку я оставляю Бри-Гом-Репа. Другим ученикам я отдаю эту накидку из хлопка, которую они могут поделить между собой, разрезав ее на куски. Цена этим вещам невелика, но каждая из них несет в себя заряд духовной силы.

А теперь послушайте о главном. Об этом никто не

должен знать, кроме моих близких учеников и преданных мне мирян. Все золото, которое я, Миларепа, накопил в течение жизни, спрятано под этим очагом, и при нем находится письмо, в котором указано, как оно должно быть поделено между всеми вами. После моей кончины не забудьте достать его оттуда и распорядитесь им согласно моим указаниям.

В отношении того, как применять в жизни религиозные учения, вы должны помнить следующее. Среди вас могут найтись такие, кто будет прикрываться показным благочестием, а на самом деле будет стремиться к славе и почестям. Раздавая сотни нужных и ненужных вещей под видом благотворительности, такие люди надеются получить за них щедрое вознаграждение. Хотя боги с их божественным видением отворачиваются от них, эти эгоистичные натуры с ограниченным сознанием продолжают в этом усердствовать. Их показную религиозность, рассчитанную на то, чтобы скрыть страсть к приобретению материальных благ, так как в противном случае об этом станет известно и это послужит поводом к их осуждению со стороны окружающих, можно уподобить употреблению изысканных яств, смешанных со смертельным аконитом. Поэтому не пейте яд желания славы и почестей и, сорвав с себя путы мирской суетности, рождающей это желание, посвятите себя преданному служению».

Ученики тогда спросили, можно ли уделять немного времени мирским делам для оказания помощи другим. На это Джецюн ответил: «Это допускается, если они исполняются без малейшей личной заинтересованности. Но такое отречение встречается редко, и служение другим редко приносит пользу, если помогающий полностью не освободился от желания личной выгоды. Даже при отсутствии желания помогать другим работа, исполняемая в собственных интересах из эгоистических побуждений, требует больших усилий. Это подобно тому, как если бы тонущий, беспомощный сам, пытался спасти другого тонущего. Пока вами не будет достигнута Истина во всей полноте, не бросайтесь слишком поспешно оказывать помощь другим. Слепой не может вести слепого. Пока существует жизнь, будут и нуждающиеся в помощи, и каждый будет иметь возможность ее оказывать. А сейчас я призываю вас стремиться лишь к одному – достижению состояния Будды ради блага всех живущих. Смирять себя и удовлетворяться малым.

Одевайтесь в лохмотья. Кротко переносите лишения – голод и нищету. Оставьте все помыслы о мирской славе. Умерщвляйте плоть и тренируйте ум и таким путем приобретайте знания из опыта. Чтобы вам не сойти с правильного пути в вашей религиозной практике, храните эти наставления в вашем сердце». А затем Джецюн спел гимн:

«С почтением я склоняюсь к стопам Владыки Марпы!

Если вы, стремясь служить религии и достичь
Мудрости,

Не изберете себе мудрого гуру и не будете верны
ему,

Мало вы заслужите благодати,

Несмотря на вашу веру и кротость.

Если вы не примете Посвящения, глубокого,
мистического,

Слова тантр будут только вашими путями.

Если вы не будете сверять свой опыт с тантрами,

Все вами исполняемые обряды будут лишь вашими
тенетами.

Если вы не будете медитировать на Избранных
Учениях,

Отречение от мира будет лишь напрасной мукой.

Если вы не погасите греховные страсти
противоядием,

Словесные проповеди будут для вас пустым звуком.

Если вы не знаете Совершенных Методов и Пути,

Одним усердием вы немногого достигнете.

Если вы не знаете Тайных Совершенных Методов,

Одним упорством вы не сократите Путь.

Если вы не приобретете великой заслуги

И будете жить только для себя,

Ваша жизнь в сансаре будет продолжаться.

Если вы не откажетесь ради Религии от накопленного
богатства,

Даже непрестанно медитируя,

Вы не приобретете больших Знаний.

Если вы не развили в себе чувство
удовлетворенности малым,

Накопленное вами будет служить только
обогащению других.

Если внутри вас не светит Свет Умиротворенности,

Внешнее благополучие и удовольствия станут
источником страданий.

Если вы не одолеете Демона Гордыни,
Ваше честолюбие приведет к краху и судебным
искам.

Угодничество пробуждает Пять Ядовитых Страстей,
Любостяжание разлучает самых близких друзей.
Возносить одного значит унижать остальных.
Будьте успокоенными и распрей избежите.
Сохраняйте сосредоточенность, и рассеянность
исчезнет.

Пребывайте в одиночестве и найдете друга.
Занимайте самое низкое место и подниметесь на
самое высокое.

Торопитесь медленно и придете скоро.
Откажитесь от всех мирских целей и достигнете
высочайшей цели.

Если вы пойдете Тайным Путем, для вас это будет
кратчайший путь.

Если вы познаете Пустоту, Сострадание родится в
вашем сердце.

Если других от себя отличать не будете, другим
служить вы не сможете.

Если, служа другим, вы принесете пользу, тогда вы
встретитесь со мной.

И приняв меня, вы достигнете состояния Будды.

Мне, Будде и моим ученикам молитесь искренне, не
делая различий».

Исполнив гимн, Джецюн сказал: «Так как мне уже
совсем мало осталось жить, соблюдайте мои заповеди и
следуйте мне».

После этих слов Джецюн погрузился в спокойное
состояние самадхи. Так, в возрасте восьмидесяти четырех
лет, Джецюн покинул этот мир на рассвете
четырнадцатого дня последнего зимнего месяца, в год
дерева и зайца (1135 г.) .

Когда Джецюн уходил из этого мира, совершилось
соединение его физического тела с Царством Вечной
Истины (с Дхармакаей). Знаки, еще более удивительные и
в гораздо большем числе, чем прежде, были явлены
дэвами и Дакини, и очень многие из присутствовавших
видели их. Небо было пронизано лучами всех цветов
радуги, образующими фон в виде квадратных орнаментов,
в центре которых находились разноцветные лотосы,
некоторые из восьми, а некоторые из четырех лепестков.
На лепестках были чудесным образом начертанные
Мандалы – мистические диаграммы круглой формы,

красотой превосходившие написанные самым искусным художником из людей. Облака чудесной окраски принимали форму церемониальных зонтов, знамен, занавесей, драпировок и различных других ритуальных предметов. Цветы, как густой снег, падали с неба. Разноцветные облака украшали вершины гор и принимали форму ступ, наклоненных в сторону Чубара. Слышалась изумительная музыка и пение псалмов, славословящих Святого. Воздух был напоен ароматом, куда более прекрасным, чем лучшие земные благовония, и каждый ощущал его. Божественные существа, дэвы и Дакини, принесли много даров, как если бы они пришли навестить Джецюна, и многие видели их. Еще более удивительным было то, что люди, видя обнаженные формы дэв, не испытывали никакого смущения, а неприятный запах, исходивший от людей, казалось, не действовал на богов. Боги и люди встречались, обменивались приветствиями или беседовали друг с другом, как если бы наступил снова Золотой Век – Сатъя-Юга. Жители Ньянама, узнав вскоре о кончине Джецюна, поспешили в Чубар и обратились к ученикам Джецюна и находившимся там мирянам из Брина с предложением кремировать тело Джецюна в Ньянаме, но их предложение не было принято. Тогда они попросили подождать с кремацией до тех пор, пока они не приведут из Брина всех преданных Джецюну, чтобы те смогли в последний раз взглянуть на своего гуру. В этом им не было отказано, и они пошли в Брин, откуда вернулись с большим людским подкреплением и собирались применить силу, чтобы унести тело Джецюна в Ньянам. Чуть было не разгорелся конфликт, но вмешались старшие ученики и сказали: «Вы, жители Ньянама и Брина! Вы все верили в Джецюна и в равной степени были его последователями. Поскольку Джецюн скончался в Чубаре, кремация также должна происходить в Чубаре, а не в Ньянаме. Те, кто пришел из Ньянама, могут остаться, чтобы присутствовать при кремации и получить свою долю реликвий». Но когда люди из Ньянама, считая себя более многочисленными и сильными, собрались силой унести тело Джецюна, на небе появился Дэва и голосом Джецюна спел гимн:

«О вы, ученики, здесь собравшиеся!

И вы, миряне-последователи, затеявшие спор!

Внемлите мне.

Я, дэва, ученик Джецюна,

Явился к вам с советом, чтобы помирить вас.
Миларепа, лучший из людей,
Слил свой ум с Нерожденной Дхармакаей.
И так как все формы нереальны, кроме ума,
И земная форма Джецюна также сольется с
Дхармакаей,
Глупо спорить об останках,
Не приобретя Истинных Реликвий.
Только неразумные затеяли бы спор из-за тела
Миларепы.
Ссорясь, вряд ли вы его получите.
Молитесь со смирением и верой.
И хотя Дхармакаей не имеет рождения,
Если вы будете искренне молиться,
Воссияет Не Знающая Преград, рожденная благими
помышлениями,
И соответственно вашим заслугам
Вы получите свою долю Реликвий».
Закончив петь, дэва исчез, как исчезает на небе
радуга, и все ученики-миряне возрадовались, как если бы
они снова встретились со своим любимым гуру. Они
прекратили спор и начали молиться.

Вскоре обнаружилось, что одно тело Джецюна было
у ближайших учеников и жителей Бриана, а другое – у
жителей Нянама. Жители Нянама унесли это тело и
кремировали его близ пещеры Дюл-Дюл на Лапчи, на
утесе, называемом Орлиное Яйцо. Эта кремация также
сопровождалась многими чудесными явлениями. Радуги
сияли на небе, и с неба падали цветы. Воздух благоухал
неземными ароматами, и божественная музыка звучала на
Лапчи и в Чубаре.

В Чубаре ближайшие ученики все время непрерывно
молились возле тела Джецюна, и на седьмой день
увидели, что от тела исходит сияние, как от
божественного существа, а само оно уменьшилось и стало
не больше тела восьмилетнего ребенка.

Тогда главные ученики сказали: «Речунг, наверно, не
придет. Если мы еще будем откладывать кремацию, от
тела может ничего не остаться, и мы не получим
священных реликвий. Лучше сейчас совершить
кремацию».

Все были согласны, и после того как каждому была
предоставлена возможность в последний раз взглянуть на
Джецюна, были сделаны приготовления для совершения
кремации на большом камне возле пещеры Бриле, на

котором Джецюн читал проповеди, и туда с большой торжественностью было отнесено тело. Была также начертана разноцветная Мандала . Хотя приношений от божественных существ было намного больше, приношения от людей, скромно возложенные на место кремации, были лучшими из того, что они могли приготовить. Затем, до наступления рассвета, когда было еще темно, начали зажигать костер, но костер не загорался . Как раз в это время, из облака, окруженного радужным сиянием, вышли пять Дакини и хором спели гимн:

«Что может сделать этот земной огонь с Ним,
Непрерывно созерцавшим Ром – божественный огонь
Жизненной Силы?

Ему, всю жизнь проведшему в медитации,
Созерцавшему свое физическое тело как
божественную форму,

Разве нужно оставлять его здесь?

Йогу, тело которого запечатлено печатью

Совершенной божественной Мандалы,

Разве нужна Мандала, начертанная на земле?

Ему, сохранявшему Светильник Ума

Всегда ярко горящим вместе с Жизненным

Дыханием,

Разве нужны ваши маленькие земные светильники?

Ему, все время вкушавшему Чистый Эликсир,

Разве нужен ваш жертвенный хлеб ?

Ему, в Чистоту облачившемуся,

Свободному от двойственного заблуждения ,

Разве нужен ваш священный сосуд ?

Небеса благоухают от курящихся

Благовоний, и приношения богов источают аромат.

И поэтому сейчас вам не нужно жечь здесь ваши
благовония.

Четыре чина Дакини поют псалмы,

А Дакини высших чинов совершают молебствия.

И поэтому ваши молебствия сейчас не нужны.

Владыки Мудрости окружили место кремации,

И Герои соревнуются друг с другом в ревностном
поклонении.

И поэтому не должны вы сегодня прикасаться к
священным мощам.

Человеку, постигшему То, не нужны обычные
ритуалы.

И поэтому оставьте сейчас в покое его смертную

часть.

То, чему сейчас поклоняются боги и люди,
Не нуждается во владельце, и поэтому вы пребывайте
в молитве.

К священным обетам, данным дэвам и гуру,
Не нужно добавлять наставлений.
Перед этой драгоценной сокровищницей
Не произносите «Она моя!», но пребывайте в
медитации.

О тайных и глубоких учениях Гуру и Будд
Не заводите легкомысленных разговоров и
пребывайте в молчании.

Не профанируйте Священные Избранные Учения,
Носящие на себе дыхание Ангелов.
И поэтому ищите уединения.
В жизни, избранной вами,
Много встречается превратностей;
Поэтому творите молитву тайно.
Наставления, данные вашим чудесным гуру,
Принесут вам благо; поэтому оставьте все сомнения.
Жизнь вашего Учителя Джецюна
Не нуждается в формальных славословиях.
Гимны, исполненные Божественными Дакини,
Принесут благо; помните об этом со смирением и
верой.

Среди духовных последователей Миларепы
Будет много святых, о вы, высшего предназначения!
Болезни минуют людей и животных
В этих местах, о вы, божественные и земные
существа!

Из всех, здесь собравшихся,
Никто не родится в Несчастливых Мирах. О вы, из
человеческого рода!
Для Мандалы, изображающей То,
Внешние явления и ум – одно; поэтому отбросьте
двойственность.

К последним словам Джецюна
Относитесь с особым благоговением и следуйте его
заповедям; их цена велика.

Пусть каждый неукоснительно соблюдает Святую
Дхарму:

Она приносит Мир и Счастье всем».

Когда гимн был исполнен, Нган-Дзонг-Тенпа сказал:
«Приказание не трогать тело Джецюна, пока не придет
Речунг, и наставления от Дакини не противоречат друг

другу, но поскольку неизвестно, когда он придет, мы рискуем остаться без реликвий, так как священное тело может исчезнуть совсем».

Шива-Вед-Репа сказал: «Воля самого Джецюна, гимн, исполненный Дакини, и то, что костер не загорается, означают одно. Наверняка Речунг скоро будет здесь. И мы должны ждать его, творя молитву». И все они снова погрузились в молитву.

Речунг в это время находился в монастыре Лоро-Дел, и однажды после полуночи он спал и имел видение, которое он воспринимал незамутненным сверхсознанием. Он видел в Чубаре хрустальную чайтью (реликварий), излучающую свет, осветивший все небо. Ее должны были унести сонмы Дакини с помощью братьев по вере и мирян, преданных Джецюну, к которым присоединилось множество других людей и богов. Небеса, казалось, были заполнены поклоняющимися Джецюну людьми и богами, приносящими дары и поющими гимны. Приношений было очень много, и все они были изумительно прекрасны. Речунг также поклонился чайтее и затем увидел Джецюна, который выглянул из чайтее и сказал ему: «Мой сын Речунг! Хотя ты не пришел тогда, когда я велел тебе, все равно я рад тебя встретить. Эта встреча отца с сыном, действительно, большая радость. Но так как маловероятно, что мы встретимся еще раз, давай используем сполна выпавшую нам редкую и счастливую возможность и поговорим об интересующих нас вещах». И он ласково и любовно гладил Речунга по голове. В этот момент Речунг ощущал невыразимое счастье, любовь и глубокую веру в Джецюна, какие он никогда не испытывал прежде. Вскоре он проснулся. Вспоминая уже наяву, что говорил ему Джецюн, он вдруг подумал: «Неужели мой Гуру умер?» И как только эта мысль посетила его, глубокая Вера пробудилась в нем, и он стал молиться. Его охватило непреодолимое желание увидеть Джецюна, и он решил сразу отправиться в путь, хотя уже прошло время, назначенное ему Джецюном. В этот момент появились на небе две Дакини и сказали ему: «Речунг, если ты не поспешишь, твой гуру скоро уйдет в Священные Обители, и ты больше не увидишь его в этой жизни. Иди, не задерживайся». Когда они это ему говорили, на небе сияли радуги.

Находясь под сильным впечатлением увиденного во сне и томясь страстным желанием увидеть своего гуру, Речунг сразу же отправился в путь, когда в Лоро-Деле

еще пели петухи.

Укрепившись верой в своего гуру и контролируя дыхание, Речунг за это утро проделал путь, на который обычно уходят два месяца езды на ослах. Задержав дыхание, он приобрел силу, позволившую ему мчаться со скоростью стрелы, пущенной из лука, и на рассвете достиг перевала между Тингри и Брином, который назывался Позеле. Во время короткого отдыха на вершине перевала он видел на необыкновенно чистом небе изумительные радуги и другие чудесные сияния, которыми освещались вершины гор и весь небосвод, и эта картина вызывала в нем попеременно то радость, то печаль. Он заметил, что особенно ярко светилась радужным светом гора Джово-Рабзанг. Он видел облака в форме юрт, из которых выходили сонмы богов и богинь, и все они несли приношения и кланялись в глубоком почтении в сторону Лапчи, и торопились туда, благоговейно молясь. Речунг, охваченный тревожным предчувствием, спросил богов и богинь о значении происходящего и чем вызван их собственный приход. В ответ богини сказали ему: «Человек, ты живешь с закрытыми глазами и ушами, и поэтому ты спрашиваешь, почему все это явлено сейчас. Это все явлено потому, что Джецюн Мила Жадпа-Дордже, который жил на Земле и был почитаем богами и людьми, сейчас покидает этот мир и переходит в более чистые, более духовные сферы. И поэтому боги, которые почитают Святую Дхарму или Белый Путь, пришли поклониться Джецюну, и все люди, собравшиеся в Чубаре, также возносят ему молитвы».

От этого известия Речунгу стало так тяжело, как будто кто-то вырвал у него сердце из груди. Он сразу же стремглав помчался дальше и, когда он приблизился к Чубару, он увидел Джецюна, ожидающего его на камне, похожем на основание чайтьи. Он встретил Речунга с большой радостью и сказал ему: «Наконец мой сын Речунг пришел», – и стал гладить его голову точно так, как это было во сне.

Решив, что Джецюн не умер, и чрезвычайно обрадовавшись этому, Речунг положил ноги Джецюна на свою голову и горячо молился.

Джецюн ответил на все вопросы Речунга, а затем сказал: «Сейчас ты, мой сын Речунг, не торопись, а я пойду раньше, чтобы подготовиться к твоему приходу». И оставив Речунга одного, через несколько секунд исчез из виду.

Придя в Чубар, Речунг застал в пещере, где обычно жил Джецюн, всех его учеников и последователей, которые, находясь возле тела Джецюна, скорбели и молились. Некоторые из недавно принятых учеников не знали Речунга и не разрешили ему подойти к телу. Тогда, охваченный горем и сильно страдая, он исполнил этот гимн, состоящий из семи молитвенных обращений к своему гуру:

«О Владыко, воплощение Вечных Будд,
Ты – прибежище всех живущих.
Преисполненный великой любви и мудрости,
слышишь
Ты – Плач твоего несчастного
Речунга-Дордже-Тагпа?
К Тебе я взываю, охваченный горем и скорбью.
Если Ты своею мудростью и любовью
Своего сына сейчас не защитишь, кого еще тогда
защищать, Владыко?
Чая увидеть Тебя и припасть к Твоим стопам, мчался
Я, несчастный Твой сын,
Но взглянуть на Тебя не позволила мне судьба.
К доброте Твоей взываю я; милость яви, о отец!
Тебе, всеведущему и многомилостивому,
О Владыко, Будда прошлого, настоящего и
будущего,
Я, нищенствующий, смиренно молюсь.
Заповеди Твои соблюдая, я преклоняюсь пред Тобою.
Мои сомнения и заблуждения прости мне.
Восхищаясь Твоими великими благородными
деяниями,
Молю Тебя продолжать вращать Колесо
Великой Мистической Дхармы.
Все заслуги, приобретенные мной медитацией и
преданностью,
Я посвящаю Тебе, о блаженнейший,
Прими их
И позволь мне увидеть Твой лик.
Я был Твоим любимым учеником,
А сейчас, увы, мне даже не дают взглянуть на Тебя.
Хотя Твоя Истинная Форма невидима для меня,
Счастье видеть Твой лик пусть будет даровано мне.
И глядя на Тебя очами земными или духовными,
Пусть я обрету Знание, Редкое и Драгоценное,
Устраняющее скептицизм относительно Двух
Учений .

О Ты, Владыко всеведущий, милосердие яви
К сыну Твоему. К кому же другому его являть?
О отец, не лишай меня Твоего Спасительного

Крючка

И милостиво взгляни на меня из мира незримого.
Милосердие яви ко мне, Речунгу неразумному,
Ты, Знающий Три Времени.

Блюди меня, Речунга, отравленного Пятью
Страстями,

Ты, отец мой, носящий Пять
Знаков Божественной Мудрости.
Сострадание яви ко всем живущим
И ко мне, Речунгу».

Как только Речунг начал произносить эту скорбную, исходящую из сердца молитву и его проникновенный голос достиг тела Джецюна, мертвое тело неожиданно приобрело живой оттенок, и костер сразу загорелся взметнувшимся ввысь пламенем. В это время к Речунгу подошли, чтобы приветствовать его, Шива-Вед-Репа, Нган-Дзонг-Тенпа, Себан-Репа, другие братья по Вере и ученицы из мирян, но он был так сокрушен тем, что ему не позволили подойти к Джецюну, что не тронулся с места, пока не закончил молитву. Вера Речунга была столь сильна, что Джецюн, который уже погрузился в сферу Ясного Света, оживил свое тело и обратился к тем недавно принятым ученикам, которые не пустили Речунга к нему, с такими словами: «Один лев стоит больше, чем сотня тигров. Таким львом является мой сын Речунг. А ты, Речунг, не принимай это так близко к сердцу и подойди поближе к своему отцу».

Сначала все были потрясены при виде этого чуда, но затем всех охватила радость.

Речунг в это время ухватился за Джецюна и залился слезами. Испытываемые им попеременно радость и печаль были столь сильны, что он потерял сознание.

Очнувшись, он увидел, что все ученики сидели перед домом кремации. В это время Джецюн встал в своем Нетленном Телес, в котором слились его духовное и земное тело. Пламя костра приняло форму лотоса из восьми лепестков, и в центре его сидел Джецюн. Одно его колено было приподнято, а вытянутой правой рукой он умирал пламя. «А теперь послушайте мое последнее наставление», – сказал он и, приложив левую руку к щеке, спел божественным голосом, исходящим из его Нетленного Тела, гимн о шести главных заповедях,

который был ответом на молитву Речунга и последним наставлением ученикам:

«О Речунг, мой сын, дорогой мне, как мое сердце,
Внемли моему гимну, который есть мое последнее наставление.

В океане сансары, в Трех Лока
Тленное физическое тело – большой враг.
Добыванием пищи и одежды оно занято,
Не прекращая забот о мирском.
Оставь, Речунг, все мирские попечения.
В граде преходящих физических форм
Мирской ум – большой враг.
Он служит телу из плоти и крови,
И недосуг ему осознать природу Реальности .
Познай, о Речунг, истинную природу Ума.
На границе между умом и материей
Саморожденное или созданное знание – большой враг.

Оно всегда начеку, дабы не случилось несчастье .
Ему недосуг осознать истинную природу
нерожденного знания Истины.

Пребывай, о Речунг, в надежной твердыне
Нерожденного Несозданного .
В промежуточном состоянии между этой и будущей
жизнями

Сознание саморожденное – большой враг.
Оно ищет формы, которой лишилось,
И ему недосуг осознать Истину.
Познай, о Речунг, природу Вечной Истины.
В Граде Иллюзий Шести Лока
Грехи и заблуждения, рожденные плохой кармой, –
главное препятствие.
Здесь над смертным довлеют приятное и неприятное,
И недосуг ему познать Единство .

Сторонись, о Речунг, приятного и неприятного.
В некоем невидимом небесном граде
Совершенный Будда, искусный в тонком
умозрительном анализе,

Разъясняет сложные и глубокие Преходящие
Истины,

И потому слушающему его недосуг познать Вечные
Истины .

Избегай, о Речунг, тонкого умозрительного анализа.
Гуру, Дэвы и Дакини –
Соедините их в одно слово и поклоняйтесь ему.

Цель, медитация и практика –
Соедините их в одно слово и добывайте
Непосредственное Знание.

Эту жизнь, жизнь будущую и промежуточное
состояние в Бардо

Воспринимай как одну и внедри в себя эту мысль .
Это мои последние избранные наставления
И окончание моих заповедей.
Другой Истины нет, Речунг.
Из нее черпай Практическое Знание».

Произнеся эти слова, Джецюн в состоянии транса снова погрузился в Ясный Свет. И тогда погребальный костер принял форму огромной вихары (храма) квадратной формы с четырьмя порталами, пьедесталами и другими архитектурными украшениями, и был окружен сверкающей радугой со свисающими и колышущимися занавесями из света различных оттенков. Появились крыши и купола, увенчанные знаменами, флагами, церемониальными зонтами, полотнищами и различными другими символическими украшениями. Внизу пламя принимало форму лотосов из восьми лепестков, которые свертывались и раскрывались, становясь похожими на различные предметы, такие, как восемь счастливых знаков , а наверху оно превратилось в семь драгоценных вещей . Даже искры обращались в богинь, несущих ритуальные приношения. А треск от горящего костра слышался как божественная музыка, исполнявшаяся на музыкальных инструментах – скрипках, флейтах и тимпанах. Дым от костра издавал сладостный аромат благовоний и поднимался вверх клубами, окрашенными во все цвета радуги, принимающими форму церемониальных зонтов и знамен. Небо над костром было заполнено ангелами, держащими сосуды, из которых они выливали потоками нектар. Другие ангелы принесли божественные яства, напитки, душистые масла, благовония и другие дары, услаждающие пять органов чувств, и предлагали их всем присутствующим.

Хотя перед учениками был один и тот же погребальный костер, тело Джецюна казалось одному Гайпой-Дордже, другому – Демчогом, третьему – Санг-дю, а четвертому Дордже-Па-мо . И все слышали гимн, который пели Дакини:

«Из-за утраты Драгоценного Камня, исполняющего желания,

Некоторые рыдают, а некоторые от непереносимого

горя лишились чувств.
В это скорбное время костер горит сам, не требуя
топлива,
И пламя принимает форму цветов лотоса с восемью
лепестками,
Восьми Счастливых Знаков, Семи Драгоценностей,
И различных других прекрасных даров.
Звуки, издаваемые горящим костром,
Звучат, как музыка раковин, цимбал,
Арф, флейт, барабанов и тимпанов,
А из искр, вылетающих из пламени,
Выходят богини открытых, закрытых и самых
тайных орденов,
Приносящие дары, разложенные с изумительным
вкусом.
Дым от костра светится всеми цветами радуги
И поднимается вверх в виде знамен и
церемониальных зонтов,
Восьми счастливых знаков и счастливой диаграммы.
Богини чарующей красоты
Унесли обугленные кости и пепел
Того, кто сейчас свое земное тело
В эфир пресуществил.
И кремация завершилась.
Гуру, кто есть Дхармакая, подобен небосводу,
На лице которого собираются облака благих желаний
Самбхога-Кай,
Оттуда низвергаются дождем цветы Нирмана-Кай .
Непрерывно льется этот дождь на Землю,
Орошая ниву Спасующихся .
То, что имеет природу Несозданного,
Дхарма-Дхату, Нерожденного, Пустоты,
Шуньяты, не имеет начала и никогда не
прекращается.
Даже рождение и смерть имеют природу Пустоты .
Так как такова Истинная Реальность, оставьте
всякие сомнения и заблуждения относительно Ее».
Когда Дакини закончили петь гимн, наступил вечер.
Погребальный костер к тому времени погас, и дом
кремации опустел. Обыкновенные люди ничего не нашли
внутри него, но когда ученики заглянули туда, перед
взором некоторых из них предстала огромная чайтья из
света. Другие увидели Гайпу-Дордже, Демчога, Санг-дю и
Дордже-Па-мо. Некоторые снова видели Дордже,
колокольчик, сосуд с освященной водой и другие

ритуальные предметы, а кто-то – буквы, из которых были составлены Биджа-мантры . Некоторым казалось, что дом кремации освещается светом, исходящим от расплавленного золота. Были еще видевшие пруд с водой, горящий огонь. Но были и такие, кто не видел ничего.

Ученики открыли дверь дома кремации, чтобы дать золе быстрее остыть и, предвкушая обрести драгоценные реликвии несравненной формы и достоинства, легли в ту ночь спать головами, обращенными к дому кремации. Рано утром Речунг увидел во сне, что пять Дакини, одетые подобно небесным йогини в шелка, с украшениями из костей и драгоценностей, вместе с большой свитой сопровождающих, цвета которых были белый, желтый, алый, зеленый и голубой, молились у погребального костра и возлагали приношения. Затем пять главных Дакини стали выносить из дома кремации шар из Света, и Речунг какое-то время смотрел на это действие, как зачарованный, но вдруг подумал, что Дакини, должно быть, унесли реликвии и пепел. Он пошел посмотреть и увидел, что все Дакини улетели. Позвав своих братьев по Вере, он вошел внутрь дома кремации и обнаружил, что все было унесено. Не осталось даже малейшей частички пыли или пепла. Он очень опечалился и, обратившись к Дакини, просил их отдать часть реликвий ради блага людей. Дакини в ответ сказали: «Что касается вас, учеников, то вы уже получили самые лучшие реликвии – вы получили Истины, с помощью которых вы узрели в себе Дхармакаю. Если этого для вас недостаточно и вы хотите иметь что-то еще, вам лучше обратиться с искренней молитвой к Джецюну. Может быть, он исполнит вашу просьбу. Что касается остальных, то для них Джецюн был не больше светляка. И они не могли понять, что он был, как Солнце и Луна. Они не заслуживают этих реликвий, которые теперь принадлежат нам». И сказав так, Дакини застыли неподвижно на небе. А ученики, признавая справедливость их слов, стали молиться:

«О Владыко, когда Ты был у ног Твоего Гуру,
Все заповеди его исполняя ревностно и усердно,
Ты получил все Избранные Учения, содержащие
самые глубокие Истины.

Соблаговоли удостоить нас части Твоих Священных
Реликвий,

Дабы укрепляли они Веру Достойных
И помогали всем живущим возвыситься духовно.

О Владыко, когда, сидя один на вершине горы,
Ты медитировал с величайшим старанием и
упорством
И сиддхи – божественных совершенств достиг,
Твое имя прославилось по всей земле.
Соблаговоли удостоить нас части Твоих Священных
Реликвий,
Дабы могли им поклоняться
Все, кто видел Тебя или слышал Твое имя.
О Владыко! Когда Ты был с Твоими учениками,
Милосердным Ты был ко всем.
Мудрость и всезнание Ты изучал,
И ученики помогали Тебе, когда, исполненный
Сострадания и любви ко всем живущим,
Ты совершал свой подвиг служения.
Соблаговоли удостоить нас части
Твоих Священных Реликвий,
Дабы все Твои последователи, кому
благоприятствует карма,
Могли их чтить с благоговением и Верой.
О Владыко! Когда Ты проповедовал народу,
Молоко милосердия и любви потоками Ты источал
И спас всех, и наставил на Путь,
И особо жалел глубоко уязвленных печалью.
Соблаговоли удостоить нас части
Твоих Священных Реликвий,
Дабы могли их чтить с благоговением и верой
Те, у кого нет Твоих упорства и энергии.
О Владыко! Когда иллюзорное
Тело Твое Ты оставил,
Ты показал, что достиг состояния
Совершенных Святых.
Всю Вселенную в Тело Истины Ты претворил
И стал Учителем всех Святейших Дакини.
О Владыко! Смиловись и удостой нас части
Твоих Священных Реликвий,
Дабы все Твои шиши, собравшиеся здесь,
Поклонялись им с благоговением и верой»
Когда они закончили петь эту печальную молитву, из
Светящегося Шара, который находился у Дакини,
спустился ковчег шарообразной формы размером с яйцо.
Освещаемый лучом света, он опустился прямо на место
кремации. Все ученики сразу потянулись за ним, и
каждый стремился взять его себе. Но ковчег снова
поднялся на небо и вошел в Светящийся Шар, который

все еще держали Дакини. Затем Шар разделился пополам. Одна часть сделалась тронном в виде лотоса, поддерживаемым львами, на котором находились солнечный и лунный диски , а другая превратилась в чайтью из чистого, прозрачного хрустала, высотой с локоть. От чайтьи исходили яркие лучи пяти цветов . На конце каждого луча находилось изображение одного из Тысячи Двух Будд , и эти лучи с изображениями Будд окружали чайтью. Четыре яруса основания чайтьи имели изображения четырех иерархий богов-хранителей тантрийского пантеона , расположенные соответственно их степеням. А внутри чайтьи находилось изображение Джецюна величиной с пядь, окруженное поклоняющимися ему Дакини. Две Дакини, которые охраняли чайтью и совершали поклонение, спели гимн:

«О сыновья, Дэва-Къенг, Шива-Вед,
Нган-Дзонг-Тенпа и другие,
Ученики высокого предназначения,
Одетые в хлопковую ткань,
Преисполненные истинной веры и религиозной преданности,
Вы призывали вашего Духовного Отца,
Моля его о реликвии, которую вы хотите чтить с благоговением и верой.
С такой верой молились вы и с таким усердием,
Что, воплощая в себе все совершенства Три-Каи,
Та, что узревших ее спасает от круговорота рождения и смерти,
А верящим в него приносит Просветление,
Дхармакая, чей символ сфера,
Опустился в виде ковчега яйцеобразной формы,
Которому поклонялись бы все живущие.
Он для всех предназначался,
А не для кого-то из вас, желавших взять ее захватом.
И потому в недостойных руках не может он остаться.
Но если вы снова молиться в раскаянии будете,
Не уменьшатся благодать и благословение, даруемые им.
Таково всех Будд Святое Заверение.
Боги-хранители и Демчог с ними,
Носящие погребальные украшения из человеческих костей,
В окружении сонмов Героев и Йогини ,
Заполняют все небеса и собираются священными конклавами.

Эти Божественные существа, олицетворяющие
Мудрость Самбхога-Каи,
Быстро приходят на помощь и приносят духовные
дары.

И если вы им молиться будете самозабвенно,
Не уменьшатся благодать и благословение,
исходящие от них.

Таково всех Дакини Святое Заверение.

По милости Будды, который есть сама Дхармакая,
Явлены были различные образы:

Хрустальная чайтья высотой, с локоть, которую
Украшают тысяча два изображения Будд из камня,
Тантрийские Боги Четырех Орденов,
Чудесным образом явившиеся.

И если вы молиться будете самозабвенно,
Не уменьшится эта милость.

Таково всех Дхармапала Святое Заверение.

Гуру – нераздельное воплощение Три-Каи,
Является в любой форме сверхъестественным
образом.

И, как чудо, он явился

В этой маленькой прекрасной форме.

Если к ней из глубины сердца обратитесь

Вы с горячей молитвой,

Не уменьшится исходящая от нее благодать.

Таково Святое Заверение всех Величайших Йогов,
Которым вы можете верить.

Если Святую Веру в них всех вы сохраните,

Благо этой Веры осенит вас.

Если вы можете жить в одиночестве,

Матрики и Дакини соберутся возле вас.

Если вы искренни в вашем религиозном служении,
Это будет залогом ваших достижений в Йоге.

Если к мирским приобретениям вы не стремитесь,
Ваша греховность будет искоренена.

Если вы живете не для себя и не копите богатства,
Злые духи и Мара не подойдут к вам.

Если различия в касте и вере не существуют для вас,
Это значит, что истинны ваши Взгляды или Цели

Если вы сможете познать сансару и Нирвану как
Пустоту,

Это значит, что вы медитируете правильно.

Если кипучей энергией и упорством вы обладаете,

Это значит, что ваши Поступки правильны.

Если от вашего гуру вы получаете пророческие

предсказания,

Это значит, что ваша Преданность правильна.

Если вы можете помогать всем живущим,

Это значит, что Результат правильный.

Если гуру и шишья сердцем едины,

Это значит, что их Отношения правильны.

Если милости от богов и счастливые знамения вы получаете,

Это значит, что ваши Мысли правильны.

Преданность друг к другу, Опыт, Удовлетворенность

– Пусть они служат вам вашей долей Реликвий».

Исполнив гимн, Дакини продолжали держать чайтью так, чтобы главные ученики могли хорошо ее видеть. Затем они возложили ее на трон из драгоценных металлов и камней и собирались куда-то унести. Но в это время Шива-Вед-Рэпа начал петь гимн, в котором он умолял Дакини передать чайтью ученикам, дабы ей могли поклоняться все люди:

«О Отец, Ты, принявший земную форму, чтобы служить другим!

Во всех невидимых Мирах, где Истина рождается, Ты пребываешь .

Ты есть Сама Реальность Истинная (Дхармакая),

И к Тебе, Владыко, обращаемся мы,

Моля Тебя передать нам, Твоим шишьям,

Чайтью, которая сейчас у Дакини.

О Владыко, когда других Совершенных Йогов Ты встречал,

Подобен сокровищнице с золотом Ты был,

Йогом безупречным и совершенным.

Учитель аскетов, молитву Тебе мы возносим:

Подари нам, Твоим шишьям и последователям на Земле,

Чайтью, которая сейчас у Дакини.

О Владыко, когда Ты служил Твоему Гуру,

Как шерсть Ты был на кроткой овце,

Йогом, готовым служить и помогать всем.

О милосердный Владыко, Тебе мы возносим молитву:

Подари нам, Твоим шишьям и последователям на Земле,

Чайтью, которая сейчас у Дакини.

О Владыко, когда Ты отрекся от мира,

Как Царь Мудрых Риши Ты был.

Йог непоколебимой твердости

И безграничного мужества, Тебе, о Владыко,
Мы возносим молитву:
Подари нам, Твоим шишьям и последователям на
Земле,
Чайтью, которая сейчас у Дакини.
О Владыко, когда Ты медитировал на учениях Твоего
Гуру,
Как тигрица, поедающая плоть человека, Ты был.
Йог, освободившийся от всех сомнений,
О Ты, величайший в стойкости, Тебе мы молитву
возносим:
Подари нам, Твоим шишьям и последователям на
Земле,
Чайтью, которая сейчас у Дакини.
О Владыко, когда в безлюдных местах Ты жил,
Как непреломимый железный слиток Ты был.
Йог, колебаний не знавший,
Тебе, отказавшемуся от всякой тщеты, возносим мы
эту молитву:
Подари нам, Твоим шишьям и последователям на
Земле,
Чайтью, которая сейчас у Дакини.
О Владыко, когда знаки Твоих чудесных сиддхи Ты
явил,
Подобен льву или слону Ты был.
Страха не ведающий и духом могучий Йог,
Тебе, бесстрашному, возносим мы эту молитву:
Подари нам, Твоим шишьям и последователям на
Земле,
Чайтью, которая сейчас у Дакини.
О Владыко, когда Духовное Тепло и истинный
Опыт Ты приобрел,
Как полная луна Ты был,
И всему миру светишь Ты.
Тебе, отказавшемуся от всех страстей, возносим мы
эту молитву:
Подари нам, Твоим шишьям и последователям на
Земле,
Чайтью, которая сейчас у Дакини.
О Владыко, когда Ты Твоих учеников достойных
наставлял,
То было подобно встрече линзы с солнцем.
Ты сиддхов создал, о Йог,
И Тебе, милосердному, мы молимся:
Подари нам, Твоим шишьям и последователям на

Земле,
Чайтью, которая сейчас у Дакини.
О Владыко, когда богатство шло к Тебе,
Как капли ртути на Земле, Ты был не загрязнен
Стяжательством, о Йог,
И Тебе, безгрешному, мы молимся:
Подари нам, Твоим шишьям и последователям на
Земле,
Чайтью, которая сейчас у Дакини.
О Владыко, когда во главе собраний многолюдных
Ты сидел,
Как солнце, восходящее над миром, Ты был,
И всех Ты просвещал, о Йог,
И Тебе, Мудрому и Милосердному, мы молимся:
Подари нам, Твоим шишьям и последователям на
Земле,
Чайтью, которая сейчас у Дакини.
О Владыко, когда с людьми встречался Ты,
Как мать с сыном встречался с ними Ты.
О Йог, добра Ты столько сделал им.
И Тебе, Сострадающему, молимся мы:
Подари нам, Твоим шишьям и последователям на
Земле,
Чайтью, которая сейчас у Дакини.
О Владыко, когда Ты уходишь в мир горний,
Ты подобен источнику всех благ.
О Йог, Ты, исполняющий все желания,
Тебе, Непревзойденному, молитву мы возносим:
Подари нам, Твоим шишьям и последователям на
Земле,
Чайтью, которая сейчас у Дакини.
О Владыко, когда Ты пророчествовал,
То было, как длани поднесение к устам при
совершеннейшем исполнении песни.
О Йог, Ты никогда не ошибался.
Тебе, знающему Три Времени, молитву мы возносим:
Подари нам, Твоим шишьям и последователям на
Земле,
Чайтью, которая сейчас у Дакини.
О Владыко, когда Ты милости расточал,
Ты был, как отец, одаривающий сына.
О Йог, Ты ничего не скрывал и не жалел отдать.
И Тебе, Милостивому, мы возносим эту молитву:
Подари нам, Твоим шишьям и последователям на
Земле,

Чайтью, которая сейчас у Дакини».

По окончании молитвы образ Джецюна, который находился в чайтхе, ответил Шива-Вед-Репе псалмом, посвященным различиям между внешне похожими вещами:

«О ты, со счастливой судьбой и преданный Вере,
Ты молишься мне самозабвенно.

Внемли мне, мой ученик достойный, одетый в белое платье из хлопка.

О всепроникающей Дхармакае, познанной мной
(Ее истинная природа – Пустота),

Никто не может сказать: «Я владею Ею» или «Я потерял Ее».

Когда Пространством поглотилось земное тело,
Осталась все же от него реликвия яйцеобразной формы

И стала чайтхей, излучающей сиянье.

В его пределах все трудиться могут и приобретать заслуги.

А чайтхя в мире горнем навсегда пребудет,

Охраняемая Дакини Пяти Чинов.

Небожители и Дакини будут ей поклоняться,

А если в мире людей она останется, постепенно она исчезнет.

Вы, мои духовные сыновья и ученики, уже получили свою долю реликвий –

Знание, с помощью которого вы смогли постичь в себе Дхармакаю.

Это дороже реликвий и пепла.

Когда вы стремитесь к Ее постижению,

О сходствах, приводящих к ошибке, вы должны знать.

Не забывайте о них и память об этом храните в вашем сердце,

И держитесь Правого Пути и сторонитесь Неправого.

Служение совершенному гуру

И служение человеку удачливому

Могут казаться похожими,

И потому будьте осторожны, чтобы не ошибиться.

Истинное познание Пустоты

И иллюзорные видения ума

Могут казаться похожими,

И потому будьте осторожны, чтобы не ошибиться.

Познание путем медитации Чистого,

Незапятнанного Состояния

И погружение в Безмятежное Состояние во время
транса
Могут казаться похожими,
И потому будьте осторожны, чтобы не ошибиться.
Глубокое интуитивное прозрение
И глубокая убежденность в том, что «Это
правильно»,
«Это истинно»,
Могут казаться похожими,
И потому будьте осторожны, чтобы не ошибиться.
Ясное постижение Неизменяющегося Ума
И благородное стремление служить другим
Могут казаться похожими,
И потому будьте осторожны, чтобы не ошибиться.
Завоевания в сфере духа, являющиеся следствием
Связанных Причин,
И временная заслуга, приносящая земное богатство,
Могут казаться похожими,
И потому будьте осторожны, чтобы не ошибиться.
Духовная помощь и пророческие указания,
получаемые
от божественных защитниц – Матрик и Дакини,
И искушения от злобных духов и элементалов
Могут казаться похожими,
И потому будьте осторожны, чтобы не ошибиться.
Благие наставления от Дакини
И искушения и препятствия, чинимые Марой,
Могут казаться похожими,
И потому будьте осторожны, чтобы не ошибиться.
Сфера Дхармакаи совершенная
И сфера для реликвий, изготовленная из земного
вещества,
Могут казаться похожими,
И потому будьте осторожны, чтобы не ошибиться.
Воплощенный цветок Нирманакаи
И небесный цветок чувственного рая
Могут казаться похожими,
И потому будьте осторожны, чтобы не ошибиться.
Чайтъя, сотворенная чудесным образом богами,
И чайтъя, которую показывают демоны,
Могут казаться похожими,
И потому будьте осторожны, чтобы не ошибиться.
Сияющее гало, символизирующее мир явлений,
И радуга, вызываемая обычными естественными
причинами,

Могут казаться похожими,
И потому будьте осторожны, чтобы не ошибиться.
Вера, являющаяся результатом кармических связей
прошлого
И вера, пробуждаемая искусственными способами,
Могут казаться похожими,
И потому будьте осторожны, чтобы не ошибиться.
Истинная вера, рожденная из сердца,
И традиционная вера, основанная на чувстве стыда и
долга,
Могут казаться похожими,
И потому будьте осторожны, чтобы не ошибиться.
Искренний интерес к изучению религии
И показной, с целью угодить учителю,
Могут казаться похожими,
И потому будьте осторожны, чтобы не ошибиться.
Достижение истинного успеха
И успех, разрекламированный, но незначительный,
Могут казаться похожими,
И потому будьте осторожны, чтобы не ошибиться.
Чайтья, которая принадлежит Матрикам и Дакини,
Символизирует Обитель Будд Прошлого,
Настоящего и Будущего.
Она – зал собраний для Героев и Йогини,
А для твоего гуру Джецюна она – место для
медитаций.
Сейчас она будет унесена в Нген-гах Восточную
Райскую Обитель,
Где собрались все Дакини, туда,
В эту блаженную Обитель,
Где встречаются Бхагаван Шамвара,
Локешвара и Богиня Тара.
И там, в этой благословенной Обители Счастья,
Сонмы Божественных Дакини собрались встретить
ее.
Если ты чайтья будешь молиться от всего сердца,
Со слезами на глазах, преданно и искренне,
И истинные приношения в благоговении возлагать,
Которые есть цветы пронизательного ума,
И кропить ее святой водой очищенного сердца,
Защитив и оградив себя верой непоколебимой,
И если ты хочешь, чтобы сила Личной Мудрости
была передана тебе,
Склонись перед чайтьей».
Когда Джецюн исполнял этот гимн, Дакини спустили

Чайтью с неба и держали ее над учениками так, что лучи, посылаемые ею, достигали каждого и каждому передавали ее силу. Многие видели, что из Чайтьи выглядывает Джецюн. На небе появились Тантрийские Божества – Гайпа-Дордже, Демчог, Санг-дю и Дордже-Па-мо, окруженные сонмами существ, которые, обойдя вокруг Верховного Бога, слились с ним.

Затем все они пресуществились в светящуюся сферу, которая унеслась по направлению к востоку. Дакини обернули Чайтью в шелка и поместили в ларец, сделанный из драгоценных металлов, понесли ее в том же направлении, под громкие звуки божественной музыки, исполнявшейся на музыкальных инструментах. Некоторые видели Джецюна в одеянии Будды Самбхога-Каи, сидящим на льве, каждую лапу которого поддерживала Дакини какого-то одного цвета и ордена – белого, желтого, алого и зеленого. Поводок держала сама Дордже-Па-мо. Герои, Йогини и Дакини держали над ним знамена, церемониальные зонты и другие ритуальные предметы и символы. У многих небожителей были в руках музыкальные инструменты. Некоторые ученики видели белую Дакини, несущую чайтью на восток под навесом из белого шелка. Все не видели одинаково: а кто-то видел одно, в кто-то – другое.

Ученики были очень опечалены тем, что не получили реликвий. Они громко плакали и продолжали молиться. Вдруг они услышали голос, похожий на голос Джецюна, хотя никого на небе не было видно: «Сыновья, не принимайте это близко к сердцу. Вы приобретете реликвию в виде четырех букв, чудесным образом высеченных на камне “Амолика”. И вы можете с благоговением взирать на них. Вы их найдете на нижней стороне камня».

Осмотрев со всех сторон камень, на котором была совершена кремация, они нашли эти буквы и больше уже не горевали так сильно. Этот чудесный камень можно видеть и сейчас. Он почитается как святыня всеми монахами, живущими в монастыре Лапчи-Чубаре.

Ближайшие ученики Джецюна, скорбя от разлуки со своим гуру, одновременно утешали себя надеждой и верой в то, что в каком бы месте Джецюн ни достиг состояния Будды, они будут его первыми последователями. Они не сомневались в том, что Джецюн своим примером вложил новый дух и импульс в религиозную жизнь и в жизнь всех существ вообще, и все

они были убеждены, что тайное учение и мантра, которые они получили и должны применять на практике, будут приносить благо им и остальным.

Теперь им предстояло исполнить волю Джецюна и извлечь то, что хранилось под очагом. Зная жизнь Джецюна, они никогда не могли даже помыслить о том, что он владеет золотом, но так как о золоте он упоминал особо, они решили поступить так, как он им велел.

Выкопав очаг, они нашли под ним квадратный кусок тонкой хлопковой ткани, которую носил Джецюн. В ткань был завернут нож, острие рукоятки которого служило шилом, тупая часть ножа – огнивом, а лезвие, которое было хорошо наточено, предназначалось для резки. Вместе с ножом был завернут кусок желтого сахара и письмо следующего содержания: «Сколько бы кусков ни отрезалось этим ножом от ткани и сахара, они никогда не уменьшатся. Отрежьте как можно больше кусков от них и раздайте людям. Все, кто вкусит этот сахар и коснется этой ткани, будут спасены и никогда не попадут в нижние миры. Они служили пищей и одеждой Миларепе, когда он находился в самадхи, и их благословили все прежние Будды и Святые. Тот, кто услышит имя Миларепы даже один раз, не родится в нижних мирах в течение семи жизней и в течение семи жизней будет помнить свои прежние воплощения. Об этом пророчество Святых и Будд прошлого. Пусть прольется грязь на уста того, кто скажет, что у Миларепы было золото».

Прочитав последнюю фразу, ученики не могли не рассмеяться несмотря на переживаемое ими горе. Письмо заканчивалось стихами:

«Пища, которую я, йог, вкушал,
Когда пребывал в самадхи,
Двойное приносит благо.
Те, кому посчастливится отведать ее,
Закроют плотно дверь рождения в Прета-Лока.
Кусок этой белой хлопковой ткани,
Носимый на теле или на шее,
Во время медитации, рождающей Жизненное Тепло,
Закроет двери в ад, горячий и холодный.
А те, кто вкусит эту благословенную пищу,
Никогда не родятся в Трех Нижних Мирах.
Те, кто связан со мной узами религии,
Никогда не родятся в низших мирах,
Но постепенно достигнут цели на Пути к Бодхи.
Те, кто мое имя слышал даже один раз,

И обратился к Вере,
В течение семи жизней будут помнить свои прежние
имена и касты.

Для меня, Миларепы, наделенного энергией,
Вся Вселенная трансмутирована в золото,
И нет мне нужды держать его в суме.
Я призываю моих духовных сыновей и
последователей

исполнять мои заповеди.

Поступая так, они уподобятся мне
И достигнут блага и цели».

Исполняя волю Джецюна, они разрезали сахар на
множество кусков, и каждый имел величину
первоначального, который в то же время не уменьшался.
Так же и ткань была разрезана на куски, которые вместе с
сахаром были розданы всем пришедшим. Болезни и
невзгоды оставляли людей, когда те ели сахар и носили
ткань как талисман. Имевшие порочные наклонности и
порабощенные страстями, переменились и стали
последователями, преданными, искренними,
рассудительными и сострадательными, и благодаря этому
избежали рождения в низших мирах. Сахар и ткань не
убывали в течение жизни каждого, кто их получил.

В день погребальной церемонии сыпались дождем
цветы самой различной окраски, и некоторые из них были
четыре и пяти цветов. Но не все цветы достигали земли.
Оказавшись совсем близко от людей, большая часть из
них поднимались снова вверх и исчезали. Те, которые
упали на землю, были особенно красивы, но они таяли,
как только к ним прикасались. Некоторые, трехцветные и
двухцветные, были миниатюрными и неживыми, как
крылья пчел. В долине Чубара небесные цветы лежали
слоем по щиколотку, а в других местах их выпало
достаточно много, чтобы земля вся покрылась ими и
приобрела их окраску. Как только церемония
закончилась, цветы исчезли, и радужное сияние на небе
постепенно угасло.

В каждую годовщину небо было необыкновенно
ясным, и на нем блистали радуги. Нескончаемо падали с
неба цветы, воздух был напоен божественным ароматом,
и повсюду, как и в день ухода Джецюна, звучала небесная
музыка. Эта дарованная всему миру благодать слишком
велика и многообразна, чтобы можно было написать о ней
подробно. Ограничимся лишь упоминанием о том, что
цветы расцветали даже зимой, и повсюду на Земле

собирали богатые урожаи, и не было ни эпидемий, ни войн.

Когда Величайший из Йогов ушел в Чистые Сферы, те, о ком упомянуто в Приложении к этой книге, продолжали жить и свидетельствовать о том, что написано в ней. Учеников, достигших святости по его великой любви и милосердию, было столько, сколько звезд на небе. Как песчинки на Земле, не счесть тех, кто никогда не вернется в сансару, как и тех мужчин и женщин, кто ступил на путь, ведущий к состоянию архата

И воссияла, как солнце, Буддийская Вера, и все живые существа освободились от печали и обрели вечное счастье.

Это двенадцатая и последняя глава жизнеописания Джецюна.

ПРИЛОЖЕНИЕ (ОБ УЧЕНИКАХ ДЖЕЦЮНА)

Среди шишьев или учеников Джецюна был ученик – Несравненный Двагпо-Ринпоче . О нем предсказали Дакини, являвшиеся Джецюну в видениях, когда он встретился с Шива-Вед-Репой, что он будет, как солнце, затмевающее все светила. Вторым был

Речунг-Дордже-Тагпа из Гунгтханга, который освещал мир, как луна. Созвездиям можно уподобить восемь ближайших учеников :

Нган-Дзонг-Тенпа-Бьянг-Чуб-Гьялпо из Чим-лунга (которого звали также Нган-Дзонг-Тенпа), Шива-Вед-Репу из Гьял-Том-мада, Себан-Репу из До-та, Кхьира-Репу из Ньи-шанга, Бри-Гом-Репу из Мюса и Сангьяй-Кьяп-Репу из Рагмы. Были еще тринадцать учеников : Шаг-Гом, Лан-Гом, Ме-Гом, Ца-Пху, Кхар-Чунг, Ронг-Чунг, Стаг-Гом-Репа-Дордже-Вангук, Джо-Гом-Репа-Дхарма-Вангчук, Дампа-Гья-Пхупа, Ликор-Чарува, Лотен-Гедюн, Кье-Тен-Шакья-Гуна и Дретен-Трашибар, из которых последние шесть также удостоились звания Репы . Из этих двадцати одного ученика йогами и бхикшу были Двагпо-Ринпоче и пятеро из тринадцати, упомянутые в конце списка.

Среди учениц были Чо-нга Речунгма, Сале-Вед из Ньянама, Палдар-Бум из Чунга и родная сестра Джецюна Пета-Ген-Кьит .

Было еще двадцать пять йогов и йогини, значительно продвинувшихся на Пути. Анагами были сто, в том числе познавший Истину Дживо-Репа (Пастух-Репа), и сто

восемь Великих, приобретших с помощью медитации большой опыт и знания.

Отрекшихся от мира и живущих исключительно религиозной жизнью, садху и йогов, мужчин и женщин, была тысяча.

Кроме них огромное число преданных Джецюну учеников-мирян, мужчин и женщин, которые навсегда закрыли для себя дверь в низшие сферы.

А теперь скажем несколько слов о нечеловеческих учениках Джецюна.

Среди нечеловеческих учеников, стоявших выше и ниже людей, были Пять Сестер-Богинь, или Фей, называемых Пять Сестер из Дурги, и великанша-людоедка, жившая в скале близ Лингвы. Множество других духов также посвятили себя делу защиты Буддийской Веры .

Все человеческие ученики, принимавшие участие в погребальных церемониях, посвященных их Владыке Джецюну, затем сразу же удалились в свои пещеры и пустынные прибежища и, исполняя заповеди Джецюна, проводили жизнь в медитации и религиозном служении.

Речунг тем временем пошел в провинцию Ю, чтобы передать Двагпо-Ринпоче (первому ученику Джецюна) вещи реликвии, которые ему завещал Джецюн. Хотя и с опозданием, он вспомнил о завещании Джецюна. Встретив Двагпо-Ринпоче в Ярлунг-Пхушаре, Речунг передал ему шляпу Майтри и посох из агару и рассказал о случившемся. Гампопа Двагпо-Ринпоче, выслушав его, на какое-то время потерял сознание.

Вернувшись в сознание, он обратился к гуру со скорбными молитвами, которые включены в житие Джецюна , написанное Гампой. Затем он пригласил Речунга к себе и получил от него всю Карна-Тантру Демчога.

Передав Гампопе предназначенную ему часть реликвий и все религиозные учения (которые он должен был передать ему), он расстался с ним и пошел в монастырь Лоро-Дел, где пробыл в глубокой медитации всю оставшуюся жизнь. На небо он был вознесен с телом. Он не оставил на Земле и претворил в эфир свое физическое тело.

Также трансмутировали свое тело в эфир и вошли в Высшие Сферы Шива-Вед-Репа, Кхьира-Репа, четыре сестры-ученицы, а также Палдар-Бум и Сале-Вед.

Другие ученики покинули этот мир обычным путем,

оставив свои тела на Земле на благо всем живущим.

Так, Святой Джецюн совершил три греховных деяния и девять благих деяний, которые в сумме составляют двенадцать, и все они сопровождались сверхъестественными явлениями. Последнее деяние принесло величайшее из всех благ, которые когда-либо могут выпасть на долю смертного – обретение им в течение одной жизни Четырехсоставного Тела и Пяти Мудростей Вездесущего Держателя Скипетра Духовной Власти (Ваджрадхары), благодаря которым он посещал все Священные Обители Будды и смог просветить и спасти бесчисленное множество существ, обитающих в мирах, таких же беспредельных, как и небесное пространство .

Так заканчивается история жизни Великого Йога по имени Мила-Жадпа-Дордже, Водителя, указывающего Путь к Освобождению и Всезнанию и приносящего всем живущим в сансаре вечное Блаженство Нирваны на блаженном пиру вкушения даров благодати, источаемой потоками, все ширящимися и ширящимися.

КОЛОФОН

Сверкание этого драгоценного изумруда –
Несравненного Джецюна-Милы,
Прославившего учение Будды
И Исполнившего надежды всех живущих,
Пусть будет лучшим из приношений всем Святым и
Буддам.

В начале и конце украшено это сказание слогом
изящнейшим.

Пусть будет праздничным пиром оно для всех
знатоков и ценителей прекрасного.

Смирение и веру оно пробуждает и трепет
священный,

Пусть будет праздничным пиром оно для тех, кто
всем сердцем религии предан.

Даже только слушание его пробуждает веру в Святой
Закон.

Пусть будет праздничным пиром оно для тех, кто
хорошей кармой и судьбой не обделен.

Даже помышление о нем отвращает от
привязанностей к миру.

Пусть для тех, кто стремится стать в этой жизни
всеведущим, оно будет праздничным пиром.

Даже прикосновение к нему помогает достигнуть
двойных целей .

Пусть будет праздничным пиром оно для тех, кто служит другим и предан вере.

Те, кто читает его и следует ему, угрожают Династии Гуру.

Пусть для тех, кто делами прославляет ее, оно будет праздничным пиром.

Благодать, исходящая от него, уносит печаль и страдания.

Пусть оно будет праздничным пиром для всех в трех мирах живущих созданий».

Подписано и датировано:

Дуртед-ньюл-налджор-рюпахи-гьен-чан, то есть йог, носящий костяные украшения и посещающий кладбища .

Год Пхурбу, восьмой день среднего осеннего месяца, во время совершения паломничества на Лапчи-Канг .

Знамя Победы

Знамя Победы

ПОДВИГИ МИЛАРЕПЫ

Из книги «Сто тысяч песен Миларепы»

ПОКОРЕНИЕ И ОБРАЩЕНИЕ ДЕМОНОВ

Сказание Долины Сокровищ Красной Скалы

Поклон всем Учителям!

Однажды Миларепа находился в пещере Замка Орла (Красной Скалы) в Долине Сокровищ и предавался медитации Махамудра . Почувствовав голод, он решил приготовить еду, но не обнаружил ни топлива, ни воды, не говоря уже о муке, масле и соли. «Кажется я слишком игнорирую вещи!» – сказал он. – «Я должен собрать немного дров».

Он вышел. Но только успел собрать немного хвороста, как внезапно поднялась буря, которая была настолько сильна, что срывала с него ветхое одеяние и уносила хворост. Он пытался запахнуть халат, но хворост вырывало из рук, он пытался удержать хворост, но с него срывало халат. Расстроенный Миларепа подумал: «Я так долго уже практикую Дхарму и живу в одиночестве и до сих пор не избавился от эгодержательства! Что за польза от практики Дхармы, если не умею подчинить заботу о себе? Пусть ветер уносит мое топливо, если ему так

хочется. Пусть он срывает с меня одежды, если того пожелает!» Подумав так, он прекратил сопротивление. Но от следующего порыва ветра он не смог устоять, т.к. был слаб от недостатка пищи, и упал в обморок.

Когда пришел в себя, буря уже утихла. Высоко на ветке дерева он увидел обрывок своей одежды, развевающийся ветерком. Миларепу поразила совершенная бессмысленность этого мира и всех его дел и захлестнуло сильное чувство отречения. Он вновь погрузился в медитацию.

Вскоре со стороны Долины Дро Уо , расположенной далеко к востоку, появились белые облака. Миларепа задумался: «Вот под этими облаками находится храм моего Гуру, Переводчика Марпы». Сейчас он и его жена, видимо, заняты проповедью Тантры, давая наставления и посвящения моим братьям. Да, мой Гуру там. Если бы я смог отправиться сейчас туда, то Его бы увидел». И из безнадежных мыслей о своем Гуру родилась неизмеримая, невыносимая тоска по нему. Его глаза наполнились слезами, и он запел песню «Думы о моем Гуру»:

«Думы о тебе, о Отец Марпа,
Облегчают мои страдания.
Я, нищий, посылаю Тебе сейчас пламенную песню!
На Востоке над Долиной Сокровищ Красной Скалы,
Плывет стая белых облаков;
Под ними мощные башни гор, как слоны,
вздвигающие головы;
Рядом с ними, как лев в прыжке,
Стремится ввысь еще один пик,
В храме Долины Дро Уо есть сидение каменное.
Кто сидит на этом троне?
Не Марпа Переводчик ли это?
Если бы это был Ты, я был бы радостен и счастлив.
Пусть не достает мне почтительности,
Но я хочу тебя видеть;
Пусть в вере я слаб, но я хочу быть с тобой.
Чем больше медитирую я, тем больше по Гуру тоска,
И Дамема, твоя жена, все также с тобой?
Я ей благодарен больше, чем своей матери.
Если она там, я был бы радостен и счастлив.
Пусть долог путь, но я хочу ее видеть,
Пусть опасна дорога, но я хочу быть рядом с ней.
Чем больше созерцаю, тем больше думаю о тебе;
Чем больше медитирую, тем больше думаю об Гуру.

Как был бы я счастлив,
Если бы мог быть на вашем собрании,
Где, может быть, Ты проповедуешь Хеваджра
Тантру.

Пусть прост мой ум, но я хочу учиться.
Пусть я невежествен, но так хочу отвечать урок.
Чем больше созерцаю, тем больше думаю о Тебе.
Чем больше медитирую,
Тем больше мои мысли об Учителе.
Ты, наверно, даешь сейчас
Четыре Символических Посвящения Устной
Передачи;

Я был бы радостен и счастлив,
Если бы мог присутствовать на собрании.
Пусть не хватает достижений,
Но я хочу быть посвященным –
Пусть слишком беден, чтобы много предложить,
Но я желаю этого.
Чем больше я созерцаю, тем больше думаю о Тебе;
Чем больше я медитирую,
Тем больше мои мысли об Учителе.
Может быть, ты сейчас обучаешь
Шести Йогам Наропы ?
Если бы я мог быть там,
Я бы был радостен и счастлив.
Пусть нестойко мое усердие, я нуждаюсь в обучении;
Пусть бедна моя настойчивость, но я хочу работать.
Чем больше я созерцаю, тем больше думаю о Тебе;
Чем больше я медитирую,
Тем больше мои мысли об Учителе.
Там могут быть братья из Вью и Тсанга.
Если так, то я был бы радостен и счастлив.
Пусть недостойн того мой опыт и реализация,
Но я хочу сравнить свои с ними.
Даже в моменты глубочайшей веры
Я никогда не расставался с Тобой,
И теперь я измучен нуждой видеть Тебя.
Это пламенное рвение сжигает меня.
Мой милостивый Учитель,
Избавь меня от этой пытки, молю».

Не успел Миларепа закончить, как Уважаемый
Джецюн Марпа появился в месте соединения кучи
облаков с радугой, как бы облаченный в пятицветную
мантию. Он приближался верхом на льве с богатой
сбруей, выражение его лица источало нарастающее

божественное свечение.

«О Великий Маг, сын мой, почему ты так отчаянно звал Меня в таком глубоком переживании? – спросил он. – Почему ты так беспокоен? Разве не обладаешь ты непоколебимой верой в своего Гуру и Покровителя Будду? Разве внешний мир притягивает тебя тревожащими мыслями? Разве Восемь мирских Ветров поселились в твоей обители? Разве страх и тоска похищают у тебя силы? Разве не служил ты непрерывно Гуру и Трем Драгоценностям там, наверху? Разве не посвящал ты приобретенное чувствующим существам в Шести Сферах? Разве не достиг ты сам той ступени добродетели, на которой способен очищаться от своих грехов и совершать достижения? Не думай, почему; знай, что мы никогда не расстанемся, это – точно. Ты продолжай свою медитацию ради Дхармы и блага всем чувствующим существам».

Воодушевленный этим величественным и отрадным явлением, Миларепа запел в ответ:

«Я вижу лицо моего Гуру и слышу слова его,
И я, нищий, чувствую, как приходит в движение
Прана в моем сердце.
Воспоминания наставлений моего Гуру
Вызывают в моем сердце уважение и поклонение.
Его сочувственные благословения входят в меня;
Все разрушительные мысли изгнаны.
Моя искренняя песня, названная
«Думы о моем Учителе»,
Наверняка услышана Тобой, мой Наставник,
Хотя я все еще в темноте,
Молю: «Сжался надо мной
И ниспошли мне свою защиту!»
Несокрушимое постоянство –
Высочайшее подношение моему Учителю.
Лучший способ угодить Ему –
Терпеливо продолжать труд медитации!
Живя в этой пещере, один,
Я несу благороднейшую службу богиням Дакини!
Посвятить себя Святой Дхарме –
Наилучшее служение Буддизму.
Посвятить свою жизнь медитации и таким образом
Помогать моим беспомощным чувствующим
Собратьям по существованию!
Любить смерть и болезни – благо,
Через которое очищаются от грехов;

Отказ от запретной пищи помогает достичь
Понимания и Просветления.
Дабы воздать моему Отцу Учителю за его дары,
Я медитирую и медитирую еще.
Учитель мой, молю, даруй мне свою защиту!
Помоги этому нищему никогда не покидать свой
приют».

Окрыленный Миларепа привел в порядок свое
одеяние и отнес хворост в пещеру. Войдя, он был испуган
тем, что обнаружил там пять индийских демонов с
глазами, как блюдца. Один из них сидел на его ложе и
читал проповедь, двое других слушали его, и еще один
был занят приготовлением и разносом пищи, пятый же
изучал книги Миларепа.

Оправившись, Миларепа подумал: «Это должно быть
магические явления местных божеств, которые меня
невзлюбили. И правда, живя здесь уже долгое время, я ни
разу не предложил им подношения и никак не
приветствовал». И он запел «Приветственную Песню
Божествам Долины Сокровищ Красной Скалы»:

«Это одинокое место, где я живу, –
Земля, приятная Буддам.
Место, где живут совершенные создания,
Прибежище, где я живу один.
Над Долиной Сокровищ Красной Скалы
Скользят белые облака;
Внизу плавно течет река Тсанг, –
Между ними вьются дикие ястребы.
Пчелы жужжат в цветах,
Одурманенные их благоуханием;
Птицы суетятся в кронах деревьев,
Наполняя воздух своими песнями.
В Долине Сокровищ Красной Скалы
Молодые воробьи учатся летать,
Обезьяны любят скакать и раскачиваться,
И звери бегают и мчатся,
В то время, как я работаю над
Двумя Умами-Бодхи и люблю медитировать.
О демоны, духи и боги этих мест,
Все – друзья Миларепа,
Имейте нектар доброты и сострадания
И возвращайтесь в свои жилища».

Но индийские демоны не исчезли и злобно
установились на Миларепу. Двое из них начали наступать:
один гримасничал и кусал свою нижнюю губу, другой

странно скрежетал зубами. Третий, приближаясь сзади, издал яростный злой смех и громко крикнул, и все они беспрерывно пытались испугать Миларепу ужасными гримасами и ужимками.

Миларепа, ведая об их недобрых намерениях, приступил к Медитации Разгневанного Будды и с силой повторял могущественные заклинания . Но демоны не исчезали. Затем он стал проповедовать им Дхарму с сильным состраданием, но те не уходили.

Наконец, Миларепа объявил: «Благодаря милости Марпы я уже полностью осознал, что все существа и все явления суть порождения своего собственного ума. Ум представляет собой прозрачность Пустоты, и, следовательно, что за польза во всем этом, и как я глуп, что пытаюсь разогнать эти явления физически!» И затем Миларепа в неустрашимом состоянии духа запел «Песню осознания»:

«Учитель Отец, ты, кто победил Четырех демонов ,
Я кланяюсь Тебе, Марпа Переводчик!
Я тот, что перед вами – человек с именем
Сын Дарсена Гхармо ,
Был выпестован в чреве моей матери,
Где оформились мои Три Хода .
Крошкой спал я в своей колыбели;
Юношей увидел я дверь;
Человеком я жил на высокой горе.
И грозен ураган снежной вершины,
Но я не имею страха.
Крута и беспощадна пропасть,
Но я не боюсь.
Я тот, что перед вами – человек с именем,
Я сын Золотого Орла;
Я вырастил перья и крылья внутри скорлупы.
Маленьким спал я в своей колыбели,
Юношей я увидел дверь;
Человеком я летал в небе.
Пусть небо высоко и широко, я не боюсь;
Пусть путь крутой и узкий, я бесстрашен.
Я тот, что перед вами – человек с именем,
Я сын Ня Чен Ер Мо, Короля Рыб.
Я вращал своими желтыми глазами в чреве матери
моей;
Маленьким я спал в своей колыбели;
Юношей я научился плавать,
Человеком я плывал в великом океане.

Устрашающе грохочущие волны, но я не имею страха.

В изобилии рыболовные крючки, но я не боюсь.

Я тот, что перед вами – человек с именем,

Я сын Гхарго Ламы.

Вера выросла в чреве матери моей.

Маленьким я открыл дверь Дхармы;

Юношей я брал учение Будды;

Человеком я жил один в пещерах.

Пусть множатся демоны, духи и бесы, я не боюсь.

Никогда не замерзнут лапы снежного льва,

Иначе что за смысл был бы

В названии льва Царем –

Тем, кто обладает

Тремя Совершенными Возможностями?

Орел никогда не падает вниз с небес;

А иначе не было бы это абсурдом?

Камнем не сделать трещину в железа массе;

А иначе зачем очищать железную руду?

Я, Миларепа, не боюсь ни демонов, ни пороков;

Будь они способны испугать

Миларепу, что за польза была бы

В его Понимании и Просветлении?

О духи и демоны, противники Дхармы.

Я благоволю вам сегодня!

Принимать вас – в радость мне!

Я умоляю вас, оставайтесь, не спешите уходить;

Мы будем разговаривать и играть вместе.

Да, потом вы все равно уйдете,

Но оставайтесь на ночь;

Мы сопоставим Черную с Белой Дхармы .

И посмотрим, кто лучше играет.

Вы замыслили сокрушить меня своим появлением.

Какой же срам и стыд вы обретете,

Ведь замысел отнюдь не воплощен».

Миларепа уверенно поднялся и ринулся на демонов.

Испуганно отпрянув назад, они завращали своими глазами и отчаянно затряслись. Потом, закружившись в едином вихре, они слились и исчезли.

«Это был Демон Король, Виньяка», – подумал Миларепа. – Постановщик Препон, который пришел в поисках возможности для совершения зла. И буря, несомненно, была вызвана им. Милостью моего Учителя он не нашел пути причинить мне вред».

Это событие и действия Миларепы способствовали

его духовному прогрессу.

Этот рассказ повествует о нападении Демона Короля Виньяки: здесь три разных значения, и поэтому название может быть «Шесть способов размышления о моем Учителе», «Сказание Долины Сокровищ Красной Скалы» или «Рассказ о том, как Миларепа собирал хворост».

ПУТЕШЕСТВИЕ К ЛАПЧИ

Поклон всем Учителям!

Однажды, когда Мастер Йоги Джецюн Миларепа пребывал в отшельничестве в Долине Драгоценностей, он подумал: «Мне нужно последовать указанию моего Гуру и направиться к Снежной Горе Лапчи, чтобы практиковать там медитацию», – и отправился в путь.

Миларепа дошел до Нья Нон Тсар Ма, ворот Снежной Горы Лапчи, где у людей Тсвар Ма была пирушка. В ходе разговора кто-то спросил: «Знаете ли вы про существование великого йогина Миларепы? Он обыкновенно проживает в снежных горах, в уединенных и не обитаемых местах, соблюдая аскетическую дисциплину, чего никто, кроме самых развитых буддистов, не может позволить себе. Слыхали ли вы когда-либо о нем?» Пока они высказывали похвалы в адрес Джецюна, Миларепа приблизился и встал в дверях. Красивая девушка по имени Лезебум, вся в богатых украшениях, приветствовала его и спросила: «Кто ты и откуда пришел?» «Дорогая хозяйка, – отвечал Миларепа, – я йогин Миларепа, который обычно проживает в неведомых местах в горах. Я пришел сюда, чтобы попросить еды». «Я с радостью дам тебе что-нибудь, – сказала девушка, – но правда ли, что ты Миларепа?» Он отвечал: «Мне незачем тебе лгать». Девушка в восторге молнией метнулась обратно в дом, чтобы огласить радостную весть. Она позвала всех пировавших и сказала: «Вы вели беседу о том прославленном йогине, что живет в уединении. Он сейчас стоит в дверях». Все бросились к дверям, одни кланялись Джецюну, другие задавали вопросы. Все отдавали себе отчет в том, что это настоящий Миларепа. Затем они пригласили его войти, оказали большой почет и уважение и подали ему пищу.

Хозяйка, богатая молодая девушка по имени Шиндормо, была в высшей степени гостеприимна. Она спросила: «Почтенный, могу ли я узнать, куда ты направляешься?» Миларепа отвечал: «Я на пути к Снежной Горе Лапчи, где продолжу медитацию». Девушка тогда сказала: «Мы надеемся, что ты побудешь в Дрелоон Джоомоо и благословишь это место. Мы позаботимся о пище, сколько бы тебе ни потребовалось. Ты можешь не думать об этом».

Среди гостей был учитель по имени Шаджа Гуна, который сказал Миларепе: «Если бы ты был настолько добр, что пожил бы здесь в Дрелоон Джоомоо, долине привидений, это было бы на пользу тебе и нам. Я окажу тебе прекрасный прием». Один из присутствующих воскликнул: «Как это было бы хорошо, если бы мы имели удовольствие видеть великого йогина нашим гостем! У меня хорошая ферма, но демоны и привидения стали настолько

дерзки, что бесцеремонно появляются даже в дневное время! Они настолько агрессивны, что я больше не осмеливаюсь подходить близко. Очень прошу тебя, рассчитывая на твою доброту и милосердие, посетить мою ферму как можно скорее». Все приглашенные стали совершать поклонения Джецюну, прося его пойти на ферму. Миларепа ответил: «Я пойду туда не из-за вашей фермы и скота, но в повиновение моему Гуру».

«Мы удовлетворены твоим обещанием, – сказали люди. – Разрешите нам приготовить лучшие блюда и помочь в твоих проводах».

Миларепа тогда сказал: «Я привык к одиночеству. Живу я отшельником и не нуждаюсь ни в сопровождении, ни в хороших блюдах. Но я очень благодарен за вашу предупредительность в подобном предложении. Итак, я желаю пойти на ферму один. Потом вы сможете прийти и увидеть, что сделано».

Когда Миларепа достиг подножия горы, не-люди сотворили ужасающие галлюцинации, чтобы извести его. Дорога к вершине, уходившей в небо, дрожала и вставала на дыбы, как норовистая лошадь. Грохотал гневно гром, зигзаги молнии поражали все вокруг, и горы тряслись со всех сторон и смещались. Река превратилась в яростный водопад и вырвалась из берегов, превращая долину в обширное озеро, позднее названное Озером Демона. Миларепа выпрямился, совершил жест, и наводнение тотчас же прекратилось. Он направился к нижней части долины. Демоны сотрясали горы с обеих сторон, и потоки крутящихся камней образовали тяжелый дождь. Тогда Богиня Возвышенности создала для Джецюна путь, вьющийся подобно змее по склону, позднее названный Дорогой Богини Возвышенности (или Ребром Дакини). Это успокоило младших демонов, но старшие и более сильные, обозленные своей неудачей, столпились в конце этой дороги для подготовки нового нападения. Миларепа сконцентрировал свой ум и сделал еще один мистический жест для успокоения их. Внезапно все злые видения исчезли. След ноги впечатался в скалу там, где Миларепа стоял. Не успел он сделать и нескольких шагов, как небо очистилось. В приподнятом настроении он присел на вершине, вошел в Самадхи Сочувствия, и неизмеримое сострадание ко всему живому поднялось в его сердце. Вследствие этого Миларепа испытал огромный духовный подъем и воодушевление. Позднее место, где он сидел, было названо Возвышенностью Сочувствия.

Миларепа затем пошел на берег реки, где практиковал Самадхи Йоги Текущей Реки.

На десятый день осеннего месяца Года Огненного Тигра демон из Непала по имени Бха Ро во главе огромной демонической армии, заполнившей землю и небо в долине Хорошей Реки, пришел, чтобы бросить вызов Миларепе. Демоны сдвинули горы и опрокинули их на Джецюна и атаковали его ударами молний и каменным градом. Они визжали на него, понося и угрожая: «Мы убьем тебя, свяжем и разрежем на куски!..». Они также представляли в отвратительных кошмарных видах, чтобы испугать его.

Видя злые цели армии демонов, Миларепа запел «Истину Кармы»:

«Я нахожу прибежище во всех милосердных
Учителях
И свидетельствую им почтение!
Через миражи и иллюзии
Вы, вредоносные дьяволы мужского и женского
рода,
Можете создавать эти фантастические ужасы.
Вы, жалкие демоны! Ах Тса Ма , голодные духи,
Вы никогда не причините мне вреда.
Так как ваши греховные Кармы прошлого
Полностью созрели , вам достались
Демонические тела в этой жизни.
С умами и телами такими деформированными
Вы скитаетесь в поднебесье вечно.
Ведомые жгучими Клешами ,
Ваши умы полны враждебных и порочных мыслей.
Ваши дела и слова зловредны и разрушительны.
Вы визжали: «Убейте его! Рубите его!
Колите Его! Режьте его!».
Я – йогин, свободный от всех мыслей ,
Знающий, что нет такой вещи, как ум.
Гуляю храбрый, как лев.
Действия бесстрашны, как сама смелость.
Мое тело сливается с телом Будды.
Мои слова подобны словам истины Татхагаты.
Мой ум погружен в Царство Великого Света .
Я вижу ясно пустотелую природу Шести Групп .
Йогин, такой как я,
Пренебрегает бранью голодных духов!
Если Закон Причины и Следствия действителен,
И субъект, совершая поступки,
Получит за них по заслугам,
То сила Плодоносящей Кармы низвергнет его
На горестный Путь
Страдания и печали.
Огорчительно и прискорбно, что вы, духи и демоны,
Не поймете Истины !
Я ясносмотрящий Миларепа,
Сейчас проповедую вам песней о Дхарме.
Все чувствующие существа, живущие пропитанием,

– Мои отцы и матери!

Огорчать тех, кому мы должны быть благодарны –
Что может быть бессмысленней и дурней!

Разве не было бы счастливым и радостным событием то,

Что вы отвергли бы свои порочные мысли?
Разве не было бы благостным и отрадным то,
Что вы практиковали бы Десять Добродетелей ?
Помните это и размышляйте над его смыслом,
Приложите все силы к тому, чтобы взять это на

вооружение».

Демоны стали насмехаться над Миларепой: «Твоя бессвязная болтовня не введет нас в заблуждение. Мы не прекратим нашу магию и не оставим тебя в покое». Они стали действовать активнее и увеличили силу демонической армии. Миларепа на миг задумался, затем сказал: «Внемлите мне, вы, армия демонов! Милостью моего Гуру я стал йогином, который полностью осознал Окончательную Истину. Для меня неудобства и неурядицы, вызываемые вами, полезны. Чем больше неудобств, тем больше я продвигаюсь на пути Бодхи . Теперь послушайте мою песню о «Семи Украшениях»:

«Я свидетельствую почтение Марпе Переводчику!
Я, видящий истинную суть бытия.

Пою песню Семи Украшений.

Вы, несговорчивые демоны, собравшиеся здесь,

Навострите свои уши и слушайте внимательно мою песню.

На краю от Сумеру , центральной горы.

Небо сияет синее над Южным Континентом ;

Небосклон – прелесть земли,

Синева небесная – ей украшение.

Высоко над великим деревом Сумеру

Переливаются лучи солнца и луны,

Освещая Четыре Континента.

С любовью и состраданием Нага Король

Распоряжается своей чудотворной силой:

Из бескрайнего неба он испускает дождь.

Для земли – это украшение.

От великого океана поднимаются испарения,

Доходя до просторного неба.

Они образуют большие облака.

Причинный закон руководит превращениями элементов.

В середине лета радуги перекрещиваются над равнинами,

Плавно опираясь на холмы.

Для равнин и гор

Радуга – краса и украшение.
Я, Йогин, желающий оставаться в уединении,
Медитирую над Пустотой Ума.
Устрашенные силой моей концентрации,
Вы, завистливые демоны, вынуждены прибегнуть к
магии.

Для Йога демонические заклинания –
Красота и украшения.
Вы, не-люди, слушайте и внемлите мне!
Знаете вы, кто я?
Я – Йогин Миларепа.
Из моего сердца произрастает
Цветок Ума – Просветление.
Чистым голосом я пою эту аллегория вам,
Искренними словами я проповедую Дхарму вам.
С сочувствующим сердцем я советую вам.
Если в ваших сердцах даст ростки воля к Бодхи ,
Хотя вы и можете быть мало полезны другим,
Отречением от Десяти Зол
Знайте, что вы обретете радость и освобождение.
Если вы последуете моим поучениям,
Ваши совершенства намного возрастут.
Если вы будете практиковать Дхарму сейчас,
Неугасающая радость обовьет вас».

Большинство демонов было обращено песней, и они почувствовали веру и уважение к Миларепе, и злое колдовство прекратилось. Они сказали: «Ты поистине великий йог с чудесными силами. Не будь твоего объяснения Истины и демонстрации чудодейственных сил, мы бы никогда не поняли. Так что мы не будем беспокоить тебя. Мы также весьма благодарны за твое проповедование истины Кармы. Честно говоря, у нас ограничена рассудительность, невежество же не имеет границ. Наши умы погрязли в трясине застойных стереотипных мыслей . Просим потому, преподай нам урок глубинного значения, великой пользы и простой для восприятия и претворения в жизнь». Миларепа тогда спел «Песню о Семи Истинах»:

«Я кланяюсь Тебе, Марпа Переводчик!
Я молю, чтобы ты даровал мне рост Бодхи-Ума.
Как бы ни были красивы слова песни,
Это лишь мелодия для тех,
Кто не охватывает слова Истины.
Если иносказание не согласуется с учением Будды,
То как бы красноречиво оно ни звучало,

Это лишь гул эха.
Если кто-либо не практикует Дхарму,
То как бы не притяжал он на большую
осведомленность в Доктринах,
Это – лишь самообман.
Житие в уединении – самозаточение,
Если не практикуются наставления Устной Передачи.
Работа на ферме – лишь самонаказание,
Если работающий пренебрегает учением Будды.
Для тех, кто не заботится о своей нравственности,
Молитвы – лишь принятие желаемого за
действительное.

Для тех, кто не практикует то, что проповедует,
Ораторство – лишь вероломная ложь.
Уберечься от неверных поступков –
И грехи убавляются сами по себе.
Хорошие дела совершены – заслуга заработана.
Оставайтесь в уединении
И медитируйте наедине сами с собой.
Много разговоров – занятие бестолковое.
Следуйте тому, что я пою и практикуйте Дхарму!»
Вера в Миларепу еще больше завладела его
слушателями, и они выказали ему еще большее почтение.
Они совершили поклоны и обошли вокруг него много раз.
Большинство из них разошлись. Но предводитель
демонов Бха Ро и некоторые с ним все еще не отставали.
Вновь они наколдовали чудовищные видения, чтобы
напугать Миларепу, но он встретил их песней, в которой
говорилось об истине добра и зла:

«Я склоняюсь к ногам милостивого Марпы!
Вы еще в злобном настрое, вредоносные демоны?
Ваши тела через небо могут пролететь без труда,
Но ваши умы полны греховных стереотипных
мыслей.

Вы обнажаете свои чудовищные клыки, чтобы
испугать других.

Но вы можете не сомневаться: когда вредите им,
Вы только приносите беспокойство себе.
Закон Кармы никогда не приостанавливается:
Ни один не спасется от его созревания .
Вы только приносите беспокойство себе,
Вы, голодные духи, смятенные греховодники!
Я испытываю лишь грусть и жалость к вам.
Так как вы грешите непрерывно,
Быть порочным – нормально для вас.

Так как Карма убивания сковывает вас,
Вы получаете удовольствие от мяса и крови в пищи,
Лишая жизни других,
Вы рождены голодными духами.
Ваши греховные поступки привели вас
В глубины низшего Пути,
Отделайтесь, мои друзья, от облапошивающей
Кармы,

И попытайтесь достичь истинного счастья,
что вне всякой надежды и страха!»

Демоны фыркнули: «Твое умелое выдавание себя за
проповедника, отлично знающего Доктрину, весьма
впечатляюще, но какую гарантию ты приобрел от
практики Дхармы?»

Миларепа ответил «Песней о Совершенной
Гарантированности»:

«Поклон совершенному Марпе!

Я.Йогин, воспринимающий Окончательную Истину,
В истоке Нерожденного я сначала приобрел
гарантированность;

На Пути Неугасания медленно

Оттачиваю я свою силу;

С полными смысла символами и словами,

Истекающими из моего великого сострадания,

Я сейчас пою эту песню

Из абсолютной сферы Сути Дхармы.

Из-за вашей кармы, создавшей

Густую слепоту и непроходимую искаженность,

Вы не можете понять смысл

Окончательной Истины.

Слушайте поэтому Целесообразную Истину .

В своих незапамятных древних Сутрах

Все Будды прошлого неоднократно

Наказывали вечной Истиной Кармы:

Любое чувствующее существо – чей-то родственник.

Это – вечная истина неувядающая.

Слушайте внимательно учение о сострадании.

Я, Йогин, развившийся через свою практику,

Знаю, что внешние помехи – лишь театр теней,

А фантазмагорический мир –

Магическая игра ума нерожденного.

Смотря внутрь ума, видишь

Ум-природу без вещества, ей присуща пустота.

Через медитацию в уединении благоволение

Учителей Наследования и учение

Великого Наропы обретется.
Внутренняя истина Будды
Должна быть объектом медитации.
Милостивым наставничеством моего Гуру
Трудная для понимания внутренняя сущность
Тантры понимается.
Через практику Возникающей
И Совершенствующей Йоги .
Жизнетворная Сила возбуждается
И внутренний разум для микрокосма реализуется.
Так, во внешнем мире я не боюсь
Иллюзорных препятствий.
К Великой Божественной Династии я принадлежу,
С неисчислимыми йогами, как весь Космос.
Когда в своем собственном уме кто-то размышляет
Над изначальным состоянием ума,
Иллюзорные мысли сами собой растворяются
В Царстве Дхармадхату .
Ни обидчика, ни обиженного не увидишь,
Исчерпывающее изучение Сутр
Дает не более этого».

Главный и подчиненные ему демоны предложили тогда свои черепа Миларепа, поклонились и обошли вокруг него много раз. Они пообещали принести ему месячный запас пищи и исчезли, как радуга в небе.

На следующее утро на рассвете демон Бхо Ро привел из Мона множество богато одетых женщин-духов и многочисленную свиту. Они принесли драгоценные кубки с вином и медные блюда с разнообразной едой, включая рис и мясо, которые они предложили Джецюну. Обещая в будущем служить и подчиняться ему, они поклонились много раз и исчезли. Один из демонов по имени Джарбо Тон Дрем был предводителем многих Дэвов .

Через этот опыт Миларепа получил большое йогическое продвижение. Он оставался там месяц, полный энергии и радостный, не заботясь о пропитании.

Однажды по прошествии месяца Миларепа вспомнил об одном месте в Лапчи, знаменитом своими хорошими водами, и решил пойти туда. На пути ему встретилась равнина, усыпанная душистыми тамарисками. В центре равнины стояла большая скала с выступом над ней. Миларепа посидел на скале немного, но тут появилось множество богинь, которые кланялись ему и ублажали богатыми подношениями. Одна из богинь оставила два отпечатка ноги на скале и затем исчезла, как радуга.

Миларепа продолжал свой путь, а тем временем собралась шайка демонов, и они колдовски сотворили видения громадных женских органов на дороге, чтобы шокировать его. Тогда Джецюн сконцентрировал свой ум и выставил свой взведенный мужской орган жестом. Он пошел дальше и, пройдя через видимость девяти женских органов, дошел до места со скалой в форме влагалища, стоящей в середине этой местности. Он вставил фаллической формы камень в отверстие скалы, чем развеял сладострастные образы, плоды демонического колдовства .

Когда Миларепа достиг середины равнины, демон Бха Ро пришел поприветствовать его. Он приготовил проповедническое место для Джецюна, предложил ему подношения и услуги и спросил о буддийском учении. Миларепа прочитал ему понятную лекцию о Карме, и демон тогда исчез в массивной скале перед сиденьем.

Он сказал людям, что равнина действительно была скверной, пока он не победил демонов и не очистил ее подходящее для практики Дхармы. Он также сказал им, что хотел бы вернуться туда медитировать как можно скорее. После этого люди Нья Нон еще глубже поверили в Миларепу.

ПЕСНЯ ЗАСНЕЖЕННЫХ СКЛОНОВ

Поклон всем учителям!

В результате посещения Миларепой Снежной Горы Лапчи возросла его слава как покорителя злых демонов и духов. Все жители деревни Нья Нон стали его опекунами и предлагали ему услуги подношения. Среди них была женщина по имени Вурмо, искавшая глубокой верой учение Дхармы. У нее был юный сын по имени Джоупува, и она решила предложить его Миларепе в качестве слуги, когда мальчик подрастет. Жители деревни просили Миларепу задержаться, где он встретился с опекуней Шиндормо. Джецюн побыл немного в деревне, но вскоре ощутил привязанность к мирской жизни. Он поспешил сообщить жителям, что желает вернуться на Снежную Горы Лапчи. «Почитаемый! Мы просим остаться на зиму в деревне и учить нас ради нас самих, а не других чувствующих существ. Ты можешь побеждать демонов зла в любое другое время. Весной же можешь отправиться в путь». Достопочтенный Дунба Шаджагуна, священнослужитель, и Шиндормо были особенно искренни в своих увещаниях: «Зима на пороге, и тебя встретят многие трудности и тяготы на Снежной Горе. Пожалуйста, отложи свой уход на более позднее время».

Несмотря на их многократные просьбы, Миларепа был настроен на уход.

Он ответил: «Я – сын династии Наропы. Я не боюсь тягот и бурь на Снежной Горе. Оставаться в деревне было бы для меня хуже смерти. И мой Учитель Марпа велел мне не отвлекаться на мирское и оставаться в одиночестве, следуя своему религиозному долгу».

Затем жители деревни приготовили ему провизию. Перед тем, как уйти, он обещал встретиться с теми, кто придет за наставлениями в практике Дхармы в течение зимы. Дунба Шаджагуна, Шиндормо и еще четверо, монахи и миряне, сопровождали Джецюна, неся напиток для церемонии прощания. Они пересекли холм и пришли на небольшое плато. Взяв с собой муку, рис, кусок мяса и кусок масла, Миларепа отправился один в Великую Пещеру Покоренных Демонов, где намеревался расположиться.

На обратном пути на дальней стороне горы шестеро учеников попали в ужасную бурю, настолько слепящую, что чуть было не сбились с пути. Им пришлось собрать все свои силы для сопротивления и добрались до деревни уже ночью.

Снегопад продолжался восемнадцать суток и прервал все коммуникации между Дрином и Нья Ноном на шесть месяцев. Все ученики Миларепы пришли к выводу, что их Гуру, очевидно, погиб и провели сакральное празднество в его память.

Когда наступил месяц Сага (конец марта – апрель), ученики пошли искать тело Миларепы, вооружившись топорами и другим инструментом. Недалеко от места, куда они шли, они остановились для отдыха. Вдали они увидели леопарда, поднимавшегося на скалу, зевая и потягиваясь. Они наблюдали за ним, пока тот не скрылся. Они предполагали, что леопард мог съесть Джецюна. «Возможно ли еще найти какие-либо остатки одежды или волос?» – робко переговаривались они. Сама мысль об этом заставила их горевать и впадать в агонию. Затем они заметили много отпечатков человеческих ног рядом со следами леопарда. Впоследствии эта тропа получила известность как «Тропа Леопарда». Приблизившись к Пещере Покоренных Демонов и услышав пение Миларепы, спросили себя: «Возможно охотники снабдили Джецюна едой, или он сам воспользовался остатками добычи хищника и так выжил?» Когда они пришли в пещеру, Миларепа пожурил их: «Вы, неповоротливые, были на той стороне горы довольно давно. Почему так долго шли сюда? Еда уже давно готова и должно быть остыла. Поторопитесь, входите!» Ученики от радости плакали и весело плясали. Бросившись к Джецюну, они склонились перед ним. Миларепа сказал: «Сейчас время не для обсужденной, но для еды». Но прежде они долго приветствовали его поклонами и расспрашивали о здоровье. В пещере они обнаружили муку, которая еще не была израсходована до конца. Блюда из ячменя, риса и мяса стояли наготове. Дунба Шаджагуна воскликнул, обращаясь к Джецюну: «Да, это – время обеда для нас, но ты наверняка знал, что мы придем». «Когда я сидел на скале, увидел вас отдыхающими по ту сторону ущелья», – ответил Миларепа. «Мы видели там леопарда, но не тебя, – сказал Дунба Шаджагуна. – Где ты был в то время?» «Я был леопард, – отвечал Миларепа. – Для йогины, который полностью освоил Прана-Ум, суть четырех элементов находится под абсолютным контролем. Он может принять любую

телесную форму. Я показал вам свои оккультные способности только потому, что все вы – одаренные и продвинувшиеся ученики. Однако вы никогда никому не говорите об этом». Шиндормо сказала: «Джецюн, кажется, что твое тело и лицо излучают еще больше здоровья, чем в прошлом году. Тропы были засыпаны снегом и никто не мог принести тебе пищу. Кормили ли тебя божества, или ты нашел какое-либо животное, убитое хищником? В чем секрет?»

Миларепа ответил: «Большую часть времени я находился в состоянии самадхи и, следовательно, не нуждался в пище. В дни праздников многие дакини предлагали мне пищу от своих тантрических праздничных сборищ. Время от времени я съедал немного сухой муки с кончика ложки, как это было вчера или несколько дней назад. В конце месяца Лошади мне привиделось, что все вы, мои ученики, окружили меня, и так обильно кормите и поите, что после этого я вовсе не чувствовал голода несколько дней. Кстати, чем вы тогда занимались?» Ученики поняли, что в это время они проводили сакральные празднества в память Джецюна после того, как они посчитали его погибшим. Миларепа объяснил: «Когда миряне делают благотворительные подношения, это, несомненно, полезно для их состояния Бардо. Однако все же лучше и несравнимо полезней осознание Бардо Здесь-и-Сейчас».

Ученики обратились к Миларепе с искренней просьбой спуститься в Нья Нон, но он отказался, говоря: «Я наслаждаюсь в высшей степени тем, что нахожусь здесь; мое самадхи также улучшается. Я хочу остаться. Возвращайтесь без меня!» Но ученики возразили: «Если благородный Джецюн не спустится сейчас к нам, то жители Нья Нона обвинят нас в том, что мы оставили тебя одного на пути к могиле. Нас будут бранить и проклинать». Вурмо закричала: «Если ты не пойдешь, мы или сами спустим тебя вниз, или сядем здесь и будем ждать смерти». Миларепа не устоял перед их просьбами и согласился пойти с ними.

Затем ученики сказали: «Может быть, дакини не нуждаются в тебе, но ученики твоей линии точно нуждаются. Разрешите нам теперь показать богиням-дакини, как мы можем одолеть снег без снегоступов».

На следующее утро все вышли из пещеры и направились в Нья Нон. Шиндормо ушла вперед, чтобы принести жителям добрые вести о том, что Джецюн жив и возвращается к ним.

Около деревни они остановились на большой плоской площадке, на которой земледельцы обычно молотили зерно. Новость о его прибытии уже успела разнестись, и к Джецюну пошли мужчины и женщины, взрослые и дети, стар и млад. Не сводя с него глаз, они обнимали его и плача с большим чувством, справлялись о благополучии, почтительно приветствовали и кланялись ему. В ответ Миларепа, не снимая снегоступов и опершись подбородком на посох, запел:

«Вы и я – опекуны, опекуны и старый Миларепа,
Под куполом этого неба благосклонного
Еще раз встретились перед тем, как расстаться с

нашими земными жизнями.

Я пою в ответ на ваши расспросы о моем благополучии.

Внимательно слушайте и вслушивайтесь в мою песнь!

В конце Года Тигра

И перед началом Года Зайца,

На шестой день времени Ва Джал,

Сильное чувство отречения выросло внутри меня.

К отдаленной Снежной Горе Лапчи

Пришел Миларепа, анахорет, придерживающийся одиночества.

Кажется земля и небо сговорились, и между ними

Ветер, рвущий кожу, был послан;

Хлынули потоки ливня и разошлись реки;

Черные облака, разметало по всем направлениям;

Солнце и луна были спрятаны за темнотой и

двадцать восемь созвездий застыли.

Млечный Путь был прибит гвоздями,

И восемь планет связаны железной цепью.

Небо обволокло туман;

В тумане падал снег десять дней и ночей,

А потом еще и еще в течение восемнадцати дней и ночей.

Падали снежинки, крупные как шерстяные мешки,

Падали, как птицы летают в небе,

Падали, как вертящийся пчелиный рой.

Хлопья падали маленькие, как колеса веретена,

Падали крошечные, как семена фасоли,

Падали, как пучки ваты.

Снегопад превзошел все границы.

Снег покрыл всю гору и стал касаться неба даже,

Проваливаясь сквозь заросли и свисая с деревьев.

Черные горы стали белыми,

Все озера были заморожены.

Чистая вода застыла под скалами;

Мир стал плоской белой равниной;

Холмы и долины были выровнены.

Снег был такой, что даже злодеи не смели высунуть носа на улицу.

Дикие звери голодали и домашние создания также,

Заброшенные людьми в горах,

Деревья покрылись ледяной коркой, и голод поразил птиц,

Белые крысы и мыши спрятались под землей.

В этом разгуле стихии я оставался в полнейшем одиночестве.

Падающий снег в предновогодней метели
Давил на меня, одетого в бумагу, высоко на Снежной
Горе,

А я давил на него, когда он оседал на меня,
Пока он не превращался в тающий.
Я победил свирепствующие ветры –
Подчиняя их тихому спокойствию.
Бумажная моя одежда была как пылающий факел.
Это была борьба жизни и смерти,
Так когда бьются великаны и сабли звенят.
Я, Йогин, обладающий знанием, одержал верх –
Я создал модель поведения для всех буддистов,
Пример для подражания для всех великих йогов.
Моя власть над Жизнетворной Теплотой и
Двумя Каналами была показана так.
Хорошо помню о четырех болезнях, вызываемых
неправильной медитацией,
И держался я работы внутренней,
И холодная и теплая праны стали сутью.
Вот почему свирепствующий ветер стал ручным
И буря, покоренная, потеряла свою силу;
Даже не смогла состязаться со мной армия дэвов.
Это сражение выиграл я, Йогин.
Преданный сын Дхармы в тигровой шкуре,
Я никогда не надевал верхнее платье из лисьего меха.
Сын великана, я никогда
Не бежал от разгневанного.
Сын льва – всех зверей царя –
Я вечно жил в снежных горах.
Осуществить задачу жизни – шутка для меня, не
более.

Если вы верите тому, что говорит этот старик,
Внемлите пророчеству:
Учение линии наследования Кагью вырастет и
распространится далеко;
Тогда появится на Земле совершенные существа;
Слава Миларепы распространится по всему миру.
Вы, последователи, в память об этом человеке
Будете множиться с верой;
Слава и похвала нам
Будет слышаться и потом.
А что касается моего здоровья, то отвечу:
Я, Йогин Миларепа, в полном здравии поистине.

А как вы, дорогие опекуны? Хорошо ли всем вам и счастливо?»

Добрая песня Джецюна так воодушевила селян, что они стали танцевать и петь от радости, и Миларепа в веселом настроении, присоединился к ним. Большая каменная платформа, на которой танцевали, наполнилась отпечатками его ног и рук. Центр платформы просел, образовалось небольшое углубление с беспорядочными следами ног. Поэтому платформа ранее называвшаяся «Скала с белыми Шагами», получила название «Скала Снегоступов». Затем жители деревни проводили Миларепу в Ня Нон и служили ему и приносили подношения. Опекунья Лезебум сказала: «Почитаемый, ничто не может принести нам большую радость, чем узнать, что ты жив и благополучно вернулся в нашу деревню. Твой лик полнится светом, как никогда, и ты энергичен и вдохновлен. Потому ли это, что богини делали тебе подношения, когда ты был в уединении?» В ответ Миларепа запел:

«Дар благословения пожалован богинями-дакини.
Нектар самайи – богатая пища.

Органы чувств некормлены через беззаветную преданность.

Благие достижения накапливаются так моими учениками.

Непосредственный ум не имеет субстанции;
Это – пустота, мельче мельчайшего атома.

Когда и видящий и виденное устранены,
«Взгляд» понят правильно.

Что же до «Работы», то в Течении Света
Не найти ступеней.

Постоянство в Работе непоколебимо,
Когда аннулированы и действующий, и действие,
В Королевстве Света,

Где субъект и объект едины,

Я не вижу причин, так как все – Пустота.

Когда исчезнут действие и действующий,
Все поступки становятся правильными.

Конечные мысли разжижаются в Дхармадхату;

Восемь Мирских Ветров не приносят ни надежды, ни страха.

Когда исчезают предписания,

Дисциплина соблюдается наилучшим образом.

Через знание того, что Само-ум есть Дхармакайя –
Тело Будды абсолютное –

Через искреннее альтруистическое рвение
Исчезают дело и делающий.
Так торжествует славная Дхарма.
В ответ на вопрошание учеников
Эту добрую песнь старик поет!
Снегопад изолировал
Мой дом медитаций.
Богини дали мне пищу и средства к существованию.
Вода Снежной Горы была чистейшим источником.
Все делалось без усилий;
Нет нужды возделывать землю, если не требуется
пища.
Мой склад полон запасами и приготовлениями.
Наблюдение своего собственного ума – и все вещи
видны.
Сидение в невысоком месте – и достижение
королевского трона.
Совершенство достигается через благословение Гуру.
Щедлость оплачивается практикой Дхармы.
Последователи и опекуны здесь собрались,
Оказывают свои услуги с верой
Будьте счастливы все и веселы».
Дунба Шаджагуна поклонился Миларепе со словами:
«Воистину чудесно и приятно узнать, что такой обильный
снег не причинил Джецюну вреда, и мы, твои ученики,
имели возможность благополучно вернуться с тобой в
деревню. Что за радость, все ученики смогли увидеть
своего Гуру! Мы будем глубоко благодарны и счастливы,
если ты подаришь нам проповедь Дхармы в связи с
твоими медитационными упражнениями этой зимой,
пусть это будет нам твой «подарок-по-прибытии».
В ответ на просьбу Шаджагуны и в качестве
подарка-по-прибытии ученикам из Нья-Нона Миларепа
спел песню «Шесть Сущностей Опыта Медитации»:
«Поклон моему Учителю с тремя совершенствами!
Сегодня вечером, по просьбе
Моего ученика Шаджагуны и опекуна Дормоса,
Я, Миларепа, говорю, что испытал во время
медитирования,
Я, живущий постоянно в отдаленных твердынях.
Чистое стремление сделало это собрание возможным.
Чистое следование Дхарме объединило меня и моих
опекунов.
Сыновья мои! То, что вы просили, я,
Отец, приношу как подарок-по-прибытии.

Я отрекаюсь от мира и оплакиваю его.
Я, Миларепа, пришел на Снежную Гору Лапчи,
Чтобы поселиться в Пещере Покоренных Демонов.
Целых шесть месяцев нарастали опыты по
медитации.

Сейчас я вам расскажу их так в песне о Шести
Сущностях.

Первыми идут Шесть Иносказаний Внешнего
Проявления;

Вторыми – Шесть Внутренних Нарушений
Дисциплины,

С которыми каждый должен строго считаться;
Третьими – Шесть Веревочек, связывающих нас в
Сансаре;

Шестыми – Шесть Блаженных Опытов Медитации.

Если кто не проведет эту песню в память,
То никакого влияния не будет на сознание.

Учтите поэтому внимательно мои объяснения.

Если есть преграды,

То нельзя это назвать пространством;

Если есть числа,

Это нельзя назвать звездами.

Нельзя сказать: «Это гора»,

Если она движется и трясется.

Это не может быть океаном,

Если оно растет или сжимается.

Нельзя назвать пловцом того,

Кому нужен мост.

Это не радуга,

Если ее можно схватить.

Это – Шесть Внешних Иносказаний.

Границы определенного

Ограничивают понимание.

Дремота и рассеянность –

Не медитация.

Принятие и отвержение –

Не акты воли.

Непрерывный поток мыслей –

Не Йога.

Если есть восток и запад

– Это не мудрость;

Если есть рождение и смерть

– Это не Будда.

Это – Шесть Внутренних Ошибок.
Обитатели ада угнетены ненавистью,
Голодные духи – нищетой;
Звери – слепотой.
Люди ограничены похотью,
Завистью – асуры,
И дэвы на небесах – гордостью.
Эти Шесть Пут – препятствия к Освобождению.
Изначальная природная мудрость
Есть исконная область глубины.
Нет «внешнего» и «внутреннего» в области
осведомленности;
Нет яркости и темноты в области интуиции;
Вездесуща и всеобъемлюща область Дхармы;
Нет мутации и модуляции в области Тиг Ле;
Нет прерывания в области опыта.
Это – Шесть Непокосимых Государств Сущности.
Блаженство вздымается, когда задействована
Жизнетворная Теплота.
Когда воздух из двух боковых нади течет
В центральный канал,
Когда Ум-Бодхи проистекает сверху,
Когда происходит очищение вниз,
Когда белое и красное встречаются в середине
И охватывает радость ощущения целостного тела,
То это – Шесть Блаженных Опытов Йоги.
Чтобы сделать вам приятное, мои сыновья и
последователи,
Я пою эту песню Шести Сущностей
О моих опытах зимой во время медитации.
Пусть все на этом достойном восторге собрании
Смогут испить небесный нектар моей песни.
Пусть каждый будет весел и полон радости.
Пусть исполнятся ваши чистые желания.
Это – глупая песня, спетая этим стариком;
Не преуменьшайте его, этот подарок в Дхарме.
Но с сердцами радостными шагайте большими
шагами вперед
По пути Благословенной Доктрины!»
Шиндормо воскликнула: «Джецун! Любимейший!
Ты – как Будды прошлого, настоящего и будущего.
Возможность служить тебе и учиться от тебя – редкое
преимущество. Не имеющие веры в тебя – право, глупее
животных». Миларепа отвечал: «Возможно, это не так уж
важно для человека, иметь веру в меня. Это – ничего, как

бы то ни было. Но если ты имеешь драгоценное тело человека и родился в том времени и месте, где господствует буддистская религия, то, в самом деле, очень глупо не практиковать Дхарму»:

«У ног Переводчика Марпы я распластался!
И пою вам, мои праведные опекуны.
Как глупо грешить безрассудством,
Когда чистая Дхарма простирается над нами.
Как глупо проводить жизнь без смысла, когда
Драгоценное человеческое тело – такой редкий дар.
Как смешно жаться в похожих на тюрьму городах и

оставаться там.

Как достойны осмеяния стычки и ссоры с вашими
женами и родственниками,
Которые – лишь гости ваши.
Как бестолково расточать славные и нежные слова,
Которые ничто иное, как пустое эхо во сне.
Как неумно игнорировать свою жизнь, борясь с

врагами.

Которые ничто иное, как хрупкие цветы.
Как глупо истязать себя, умирая мыслями о семье,
Которая привязывает к дворцу Майи.
Как тупо дрожать над собственностью и деньгами,
Которые – долг, предоставленный другими на время.
Как смешно украшать и лелеять тело,
Которое – посудина, полная грязи.
Как глупо напрягать нервы ради богатства и вещей
И пренебрегать нектарами внутренних учений!
В толпе глупцов умный и разбирающийся
Должен практиковать Дхарму, как я».

Собравшиеся люди сказали Миларепа: «Мы глубоко благодарны тебе за твой песни мудрости. Но мы никогда не сможем сравниться с тобой в трудолюбии и интеллекте. Мы лишь можем постараться избежать тех глупостей, которые ты показал. Единственное наше желание – счастье твоего продолжительного присутствия, когда живущий может оказать тебе служение и получить наставления от тебя, а мертвый также может быть спасен через твою мудрость».

Миларепа отвечал: «Во исполнении указания моего гуру, я медитировал на Снежной Горе Лапчи. Я могу немного побыть здесь, но ни в коем случае не столько, сколько вы, миряне. Результатом этого будет замена доброжелательности неуважением, останься я среди вас». И он запел:

«Поклон Марпе Переводчику!
Здесь собрались все мои опекуны и опекуны,
Дети неизменной веры, и молят меня с искренностью
неподдельной.

Если кто-то пребывает слишком долго с друзьями,
Они все устают от него;
Житие в такой близости ведет к неприязни и
ненависти.

Это – человеческое: ждать и требовать сверх меры,
Когда кто-то живет слишком долго в компании
Воинственность в натуре человеческой ведет к
нарушенным принципам.

Плохая компания разрушает добрые дела;
Честные слова приносят зло, если сказаны в толпе;
Споры о том, кто прав, кто виноват, лишь умножит
число врагов.

Тяготение к сектантскому фанатизму и догме
Делает человека злонамеренным и еще более
греховным.

Обязательность реагирования на подношения верных
Всегда вызывает дурные мысли;
Подношения мирян – низки и недостойны.
Компанейство само по себе вызывает презрение.
От презрения происходит ненависть и отвращение.
Чем больше домов ты имеешь, тем больше страдаешь
в смертный час.

Эти страдания и оплакивания поистине невыносимы.
Особенно для йога, живущего в уединении,
Я, Миларепа, направляюсь в мирный приют
отшельника, дабы жить одному.

Верные опекуны, ваши успехи по накоплению заслуг
удивительны.

Мои опекуны и опекуны, это – хорошо,
Делать подношения и служить вашему Гуру.
Я подтверждаю желание увидеть вас вскоре
И видеть вас много раз».

Все опекуны сказали Миларепе: «Мы никогда не
устанем слышать твои наставления и проповедования.
Может быть, ты устал от нас. И как бы горячо мы не
убеждали тебя остаться здесь, знаем, что это тщетно. Мы
лишь надеемся, что ты будешь время от времени
навещать нас, спускаясь с Лапчи».

Затем селяне предложили Миларепе много съестного
и всякой всячины, но он не взял ничего. Все были
воодушевлены преклонением и оказывали ему глубокое

уважение. В настроении большого восхищения и счастья, селяне сильно укрепились в своей непоколебимой вере в Джецюна. Это – Песня Заснеженных Склонов.

ВЫЗОВ МУДРОЙ ДЕМОНЕССЫ

Поклон всем Учителям!

Одно время Миларепа пребывал недолго в Нья Нон. Люди тех мест просили его остаться подольше, он, однако, не соглашался и, сообразуясь с велением своего Гуру, пошел в Риво Балнбар и практиковал медитацию в пещере около Линба. Справа от его сиденья была расщелина в скале. Однажды поздно ночью Миларепа услышал потрескивание, исходящее из щели. Он поднялся со своего сиденья и огляделся, но так как ничего не увидел, то решил, что это иллюзия, и возвратился на свое ложе. Внезапно сквозь щель прорезался яркий луч света. В центре светового облака появился красный человек на черном олене, которого вела красивая женщина. Мужчина ударил Миларепу локтем и исчез. Тотчас поднялся удушающий ветер. Женщина превратилась в красную собаку, которая вцепилась в ногу Миларепа. Он понял, что это было видение, плод колдовства женщины-демона Драуг Срин Мо, и он запел ей следующую песню:

«Я кланяюсь Марпе, милосердному!
Ты, зловредная Драуг Срин Мо из Линба Драуг,
Ты, призрак-греховодница,
Появляющаяся в форме-произведении порочной
магии,
Презренная, ты пришла,
Ища возможности причинить мне вред.
Я не ввожу в заблуждение мелодичной песней,
Я пою только честные слова и истину.
Посреди голубого неба
Благословение Луны и Солнца приносит изобилие.
Из диковинного Дворца Небес сияет луч света,
Через который все чувствующие существа освещены
и видимы.
Я умоляю планету Чамджу не соперничать
С Луной и Солнцем, когда они кружат над Четырьмя
Континентами.
В Восточной Четверти, на вершине Снежной Горы,
Дарсен Гхармо, снежная львица,
Приносит благоденствие;
Она – королева зверей
И никогда не ест испорченное мясо.
Когда она появляется на горизонте,

Не поражай ее бурей!
На Юге, в гуще деревьев в лесу,
Горная тигрица, Дармо Ридра,
Приносит благоденствие;
Она – избранная среди всех диких зверей, величавая
и непобедимая.

Когда она разгуливает по узкой и опасной тропе,
Не зашли ее в засаду, подстроенную охотником!
На Западе, в океане Ма Пэм, голубом и просторном,
Догар Нья, Рыба с Белым Брюхом, Приносит
благоденствие;

Она – верховная танцовщица водной стихии,
Диковинно она выкатывает свои глаза.

Не причиняй ей вреда крючком рыболова!

На Севере, над широкой Красной Скалой,
Шаджагеубо, большая гриф-птица,

Приносит благоденствие;

Она – королева птиц.

Чудесная по нраву, она никогда

Не отнимает жизни у других.

Когда она в поисках пищи на вершине трех гор,
Не замани ее в сети!

В пещере Линба, где живут грифы,

Я, Миларепа, приношу благоденствие.

Я преследую цель блага для себя и других,

Отвергая мирскую жизнь.

С просветленным умом

Я стремлюсь к состоянию Будды за одну жизнь.

Усердный и сосредоточенный, я практикую Дхарму.

Драуг Срин Мо. пожалуйста, не мешай мне!

Прошу, внемли этой песне

С пятью иносказаниями и шестью смыслами,

Песне ритмичной, подобной золотой струне.

Несчастливая Драуг Срин Мо!

Понимаешь ли ты меня?

Следовать злой Карме – тяжкий грех.

Неужели ты не задумываешься

Об этой греховной Карме?

Неужели ты не возьмешь под контроль

Свои вредительские мысли и порочное сердце?

Если ты не осознаешь, что все вещи – просто от ума,

Бесконечные пертурбации Нхамдога

Никогда не прекратятся.

Если кто-либо не осознает, что Ум-Суть – Пустота,

Как он может разогнать дух зла?

Ты, ведьма-демон грешная! Не задевай меня!
Не вреди мне и возвращайся в свою обитель!»
Мгновенно она стала невидимой. Но, продолжая все же держать его ногу, она отвечала Миларепе:
«О, ты, одаренный сын Дхармы,
Единственный, кто обладает мужеством и силой
духа,
Йогин, проторяющий Путь Кладбища ,
Святой Буддист, следующий
Аскетическому образу жизни,
Твоя песня – учение Будды,
Драгоценнее, чем золото.
Обменивать золото на медь – позорно.
Если я не заглажу вину за все грехи,
Которые совершила,
Все, что я когда-либо говорила – ложь.
Ответом на песню Кармы,
Которую ты только что спел мне,
Будут мои аллегории. Внемли им.
Посреди голубого неба
Сияет свет Солнца и Луны,
Которым приносится благоденствие на Землю.
Как ты только что сказал,
Лучи из Безмерного Дворца Богов
Рассеивают темноту на Четырех Континентах,
Когда Луна и Солнце кружат над
Четырьмя Островами,
С легкостью выпускают они лучи света;
Если бы они не были ослеплены яркостью своих
лучей,
Как бы могла Раху досадить им ?
На Востоке, где возвышается Хрустальная снежная
гора,
Дарсен Гхармо приносит благоденствие;
Она – королева зверей;
Она приказывает им как слугам.
Когда она появляется на горизонте,
Ураганы и бури не поразили бы ее,
Не стань она слишком гордой и высокомерной.
На Юге, в гуще деревьев в лесу,
Горная тигрица приносит благоденствие;
Избранная она из всех зверей.
С гордостью похваляется она победами своих когтей;
Когда она подходит к узкой и опасной тропе,
От нее разит гордостью и большой надменностью.

Не щеголяй она своими иллюзорными полосками и
оскалами,

Ловушка охотника никогда не застигла бы ее
врасплох.

В западной четверти, в глубинах синего океана,
Белобрюхая Рыба приносит благоденствие;

Она – танцовщица стихии воды.

Она претендует на то,

Чтобы быть пророком великих Богов.

Из-за своего обжорства она высматривает вкусную
пищу.

Если бы она не пользовалась своим иллюзорным
телом

Для высматривания человеческой пищи,

Как бы мог причинить ей вред крючок рыболова?

На Севере, над широкой Красной Скалой

Гриф-птица, королева птиц, приносит благоденствие.

Она – Дэва птиц,

Которые обитают в ветвях деревьев.

Она гордо заявляет, что командует всеми птицами.

Когда она высматривает кровь и плоть для еды,

Она парит над тремя горами.

Если бы она не бросилась к своей добыче,

Как могла бы сеть для птиц схватить ее?

В грифовой обители, в Скале, ты,

Миларепа, приносишь благоденствие.

Ты заявляешь,

Что делаешь добро как для себя, так и для других .

С цветением совершенного Бодхи-Сердца

Внимательно ты медитируешь;

Твоя задача – стать Буддой за одну жизнь.

Твоя надежда –

Спасти чувствующие существа в Шести Царствах .

Когда ты был поглощен практикой медитации,

Могучая сила твоих стереотипных мыслей восстала ,

Это возбудило твой Само-ум

И вызвало иллюзорные разграничения.

Если бы в твоём уме

Дискриминирующая мысль «враг»

Никогда не возникла бы,

Как бы я, Драуг Срин Мо,

Могла причинить тебе зло?

Ты должен знать, что единственно из ума
собственного

Исходит зло стереотипного мышления.

Что за польза следовать твоим указаниям,
Если ты не осознал Ум Реальности ?
Ты бы лучше пошел своей дорогой, а я пойду своей.
Тот, кто не понимает пустоту ума,
Никогда не отделается от злых влияний.
Если кто-нибудь знает Само-ум по себе,
Все препятствия и трудности становятся
вспомогательными средствами.
Даже я, Друг Срин Мо,
Тогда с радостью служила бы тебе.
Ты, Миларепа, все еще во власти ложных идей,
Тебе предстоит еще проникнуть в природу Само-ума,
Тебе предстоит еще докопаться до корня иллюзии».
Когда Друг Срин Мо закончила свое пение,
Миларепа был весьма восхищен ее смышленостью. Он
казался очень довольным и слегка удивленным, что
услышал такие высказывания от демонессы, и, чтобы
ответить ей, он запел песню «Восьми Иносказаний
Мышления»:

«Да! Да! То, что ты сказала, – так, так, воистину!
О Ты! Порочная Друг Срин Мо!
Трудно найти слова вернее этих.
Хотя я побывал повсюду – там и здесь,
Никогда я не слышал песни такой отличной.
Даже если бы здесь собралась сотня больших
ученых,
Не смогли бы они дать лучшей иллюстрации.
Ты, прозрачная, спела хорошие слова;
Они – как жезл из золота,
Попавший мне в самое сердце.
Так, Сердца-воздух, тяготение к Дхарме рассеяно;
Темнота моей невежественной слепоты
Просвещена таким образом;
Белый лотос мудрости расцветает таким образом;
Лампа, которая высвечивает самоосведомленность ,
возжена;

И внимательность осведомленности полностью
высвобождена.
Замечая, что эта внимательность высвобождена,
Я уставляю свой взор вверх, в великое синее небо,
Я осознаю полноценно полную натуру бытия;
От очевидного существования
Ни встревоженности, ни страха не передается.
Когда я смотрю на Солнце и Луну,
Я осознаю их обнаженность, излучение Ума-Сути;

Перед отвлечением и сонливостью
У меня нет страха.
Когда я всматриваюсь в вершины гор,
Я ясно осознаю неизменное Самадхи;
Перед изменением и течением
У меня нет страха.
Когда я смотрю вниз на текущую реку,
Я полностью осознаю бегущее вещество всего
вечного движения;
Перед ложным взглядом не-причины
У меня нет страха или беспокойства.
Когда я смотрю на радугу,
Я раздумываю над подобными Иллюзиями
существования,
И ясно осознаю идентичность Формы и Пустоты;
Перед нигилистическими и реалистическими
ложными взглядами
У меня нет страха.
Когда я вижу тени и отражение Луны в воде,
Я полностью осознаю самоизлучение не-тяготения;
Перед субъективными и объективными мыслями
У меня нет страха .
Когда я смотрю внутренне в самоосведомленный ум,
Я ясно вижу свет внутренней лампы;
Перед невежественной слепотой
У меня нет страха.
Когда я слышу, что ты, беспутное привидение,
поешь,
Я полностью осознаю природу
самоосведомленности;
Перед препятствиями и трудностями
У меня нет страха.
Твоя, привидение, речь в самом деле красноречива!
Действительно ли ты понимаешь природу ума,
Как ты сказала?
Вспомни об отвратительном рождении
карги-призрака,
Которое ты заслужила.
Ты не делаешь ничего, кроме дел злых и порочных!
Это вызвано твоим невежеством к Дхарме и
пренебрежением нравственностью.
Ты должна уделять больше внимания и прилежней
относиться
К минусам и страданиям Сансары.
Ты должна безусловно отвергать Десять Злых Дел!

Йогин, льву подобный,
Я не знаю ни страха, ни паники.
Ты, грешный демон, не должна думать, что мои
шутливые слова – подлинны .
Я только смеялся над тобой.
О Дух! Ты пародировал меня этим вечером!
Но да последуем мы сказанию о Будде и Пяти
Демомах ,
И пусть совершенный Бодхи-Ум возникнет в тебе!
Твоим чистым обетом, в сочетании с моим
страданием,
Пусть ты станешь одним из моих учеников в
будущей жизни».
Она была тронута его ответом, и сильная вера в
Джецюна расцвела в сердце Драуг Срин Мо. Она
отпустила ногу Миларепы и запела сладким голосом:
«Это благодаря доброй роли запаса заслуг
Ты, одаренный Йогин,
Способный практиковать Дхарму
И оставаться один в уединении горнем!
Твои полные сочувствия глаза держат в поле зрения
Все существа с состраданием!
Я следую династии Бедма Тутрин
И россыпь драгоценных слов святой Дхармы
Касалась моего слуха.
Хотя я слушала много проповедей
И посещала большие собрания,
Все еще мои стяжание и тяготение чрезмерны.
Я веду к добру тех, кто соблюдает Дхарму;
Я показываю правильный путь одаренным
буддистам.
Хотя мои намерения дружеские и мотивы добрые,
Пища нужна для поддержания этого развращенного
тела.
Я скитаюсь по земле в этой злобной форме,
Желая крови и плоти для еды.
Я вторгаюсь в душу всякого, кого ни повстречаю;
Я подстрекаю сердца девственниц,
Приятных и очаровательных;
Я раздражаю похотью кровь молодых парней,
Сильных и миловидных.
Моими глазами я забавляюсь, наблюдая все драмы;
Моим умом я провоцирую стяжательство во всех
народах;
Моим телом я подстрекаю людей к волнениям и

неугомонности.

Мой дом – в Линбе,

Логово – в Скале.

Вот чем я занимаюсь,

Это – мой искренний отклик и честная исповедь.

Это – слова приветствия для нашей встречи.

Это – доказательство моей веры в тебя и моих

подношений.

Под эту песню честности

Да будем мы воодушевлены и счастливы».

Миларепа подумал: «На это чистосердечное признание демона надо хорошо ответить, и ее гордость должна быть побеждена». И он запел:

«Внемли, внемли пристально, ты, развратная карга.

Гуру – хорош, но ученик – негоден.

Те, кто только слышал или читал учение Дхармы,

Только хватаются за слова.

Они не понимают настоящей Дхармы.

Красноречивые и убедительные, какими могут показаться их слова,

Не имеют они ни пользы, ни ценности.

Обманчивые реплики и пустая болтовня – не в помощь

В очищении ума от загрязненности.

Из-за своих порочных стереотипных пристрастий,

Сформировавшихся в прошлом,

И твоих злодейств в настоящем

Ты нарушила Предписания и свои Обеты .

В силу этих проступков

Ты была рождена в низшей форме женщины.

Твое тело бродит по гнусным притонам каннибалов;

Твои разговоры – самонадувающие и

обманывающие;

Твой ум пропитан мыслями по причинению зла другим.

Это из-за твоего пренебрежения к Закону Кармы

Ты получила отвратительное тело низшего рождения.

Подумать бы тебе сейчас о пороках Сансары,

Тогда бы ты осознала свою вину

И пообещала бы делать добро.

Как лев я бесстрашен,

Как слон спокоен,

Как юродивый я не имею ни притязаний, ни надежд.

Я говорю тебе истинную правду.

Причинение мне беспокойства и огорчения

Доставит лишь большую печаль тебе самой.
Дай обет в пользу чистой Дхармы,
Пожелай быть моим учеником в будущем.
О ты, смятенная, развратная карга,
Подумай над этими словами хорошенько!»
Драуг Срин Мо теперь стала видимой, как раньше, и
запела правдивую песню:
«Из Святых Будд Трех Времен
Будда Ваджрадхара – главнейший;
Он также господин чудесной Доктрины.
Рождение Бодхи-Ума поистине замечательно.
Ты можешь называть меня развратной каргой,
Но все-таки у меня есть большие заслуги.
Понимание поднялось во мне,
Когда я услышала твое предостережение.
Сначала я поклялась повиноваться указаниям моего
Гуру.
Я изучала и познавала святую Дхарму.
Но затем я не удержалась и стала совершать злые
дела.
С порочными страстями, горящими дико,
Невыносимо в моем сердце,
Я родилась в отвратительной форме демона женского
пола.
Я имела целью помогать всем чувствующим
существам,
Но снова и снова результатом было зло.
Ты пришел, великий Йогин, в начале прошлого года;
Оставаясь один в пещере, ты медитировал в
уединении.
Иногда ты мне импонируешь, а иногда нет!
Из-за первого – я пришла сейчас;
Из-за второго – я схватила тебя за ногу.
Я теперь раскаиваюсь в этом злодеянии.
Отныне эта гнусная карга отрекается от своих
неправильных дел;
Всем своим сердцем прильнет она к практике
Дхармы;
Она будет служить Буддизму так, как только может.
Отныне и впредь, прохладной тенью дерева
милосердия,
Пожалуйста, ограждай ее от Пяти Ядовитых
Стяжаний .
Я, развратная женщина с уродливым обликом,
Нахожу прибежище в тебе,

И полагаюсь на указания, данные тобой.
Этим самым я отвергаю мои злые побуждения.
С этих пор и пока я не достигну состояния Будды,
Я клянусь защищать всех Йогов
И быть дружелюбной ко всем медитирующим.
Я буду служить и помогать последователям
Доктрины, соблюдающим Предписания.
Продвинутым Йогинам и Дхарме
Я буду честной прислужницей».

После этого Драуг Срин Мо поклялась перед
Миларепой, что больше никогда никому не причинит зла.
Она также дала клятву защищать всех медитирующих. С
целью наставить Драуг Срин Мо на правильный путь
Миларепа затем спел:

«Я – почтенный, отвергнувший Сансару;
Я – благородный сын моего Гуру;
Я – хранилище драгоценных знаний;
Буддист с большой искренностью и преданностью.
Я – Йогин, чувствующий суть бытия;
Я – как мать всем чувствующим существам;
Я – человек с мужеством и неуклонностью,
Держатель Духа Гаутамы Будды,
Мастер Сердца-стремящегося-к-Бодхи.
Я – тот, кто всегда придерживается доброты.
Большим состраданием я покончил со всеми злыми

мыслями.

Я – тот, кто пребывает в пещере Линба,
Кто практикует медитацию без отвлечения.
Считаешь ли ты, что счастлива сейчас?
Ты смятенная и развращенная карга!
Если ты не нашла счастья,
То сама в этом виновата.
Берегись! Твое тяготение к Эго
Больше тебя самой.
Имей в виду! Твои эмоции
Сильнее тебя самой.
О привидение, твоя злобная воля намного противней,
Чем ты сама.
Твоя стереотипная мысль характерней,
Чем ты сама.
Твоя безостановочная ментальная деятельность
неистовой,
Чем ты сама.
Признавать существование призрака –
Только приносит смуту;

Понимать не-существование призрака –
Путь Будды.
Знать, что призрак и Реальность – одно, –
Путь к Освобождению.
Знание субъектом того, что все призраки – его
собственные порождения –
Правильное понимание;
Осознание того, что сам призрак – Само-ум, –
Честь великая.
Ты будешь избавлена от всех уз,
Если осознаешь истинность этого утверждения;
Вот мое наставление тебе, демонесса!
Чтобы стать моей ученицей,
Ты должна соблюдать предписания.
Не нарушая правила Ваджраяны ,
Не вноси порчу в Великое Сострадание,
Не поражай тело, слово и ум буддистов.
Но стоит тебе нарушить эти правила,
И ты можешь не сомневаться в том,
Что окажешься мертвым грузом в аду Ваджра !
Повтори эти важные правила трижды;
Помни их смысл и практикуй их.
Давай же сейчас пожелаем,
И пусть воздаяние придет скоро к тебе!
С бесподобным Бодхи-Сердцем, невообразимо
великим,

Пусть ты будешь иметь великое счастье
В твоей будущей жизни.

Пусть ты тогда станешь моей главной ученицей,
О женщина Дордже Самба ».

После того, как Драуг Срин Мо поклялась перед
Джецюном, она совершила поклоны ему, а также обошла
вокруг него много раз.

Она присягнула, что впредь будет повиноваться всем
его велениям. Затем она исчезла как радуга,
растворившись в небе.

Тем временем настал час рассвета, и Солнце взошло.
Спустя некоторое время Драуг Срин Мо вернулась, ведя с
собой своих братьев, сестер и свиту, все с милосердными
лицами и одетые в свои лучшие одежды, навестить
Джецюна. Они сделали ему много подношений.

Драуг Срин Мо сказала Миларепе: «Я – призрачная
греховодница. В силу злой Кармы я была заключена в
низшую форму при рождении. Движимая злыми
стереотипными мыслями, я оказывала дурное влияние на

других так, что они и сами становились дурными. Я прошу тебя простить меня. Злое намерение заставило меня сделать тебе плохо. Я умоляю тебя простить меня за то, что я сделала. Впредь я буду безоговорочно повиноваться твоим приказам и стараться быть твоей преданной слугой. Будь добр, расскажи нам Верховную Истину, которую ты осознал!» И с этой просьбой Драуг Срин Мо спела:

«О Ты! Ты, великий! Сын великих героев!
Накопив многочисленные заслуги,
Ты стал одаренным человеком.
Принадлежа незаурядному Наследованию ,
Ты снабжаешься волнами Благоволения ,
Ты, тот, кто медитирует с великой настойчивостью,
Кто продолжительно пребывает один,
Кто трудолюбиво практикует глубокие положения.
Для тебя не существует никаких дьяволов и никаких препятствий!

Через осознание микрокосма внутренних Каналов и Пран

Ты можешь творить большие чудеса.
Между нами и тобой – отношения гармонии.
Наши чистые помыслы в прежних жизнях
обеспечили нашу встречу.

Хотя я встречала множество совершенных святых,
Только благодаря тебе я получила благоволение и водительство.

Я, привидение-карга, говорю искренне!
Целесообразная истина Хинаяны может быть иллюзией;

Поистине тяжело подчинить страсти из-за Кармы!
Кто-то может говорить красноречиво о Дхарме,
Но от разговоров никакого толка, когда приходят страдание и горе.

Учитель этого типа, отбившийся от Дхармы,
Не поможет себе, а только навлечет на себя ненависть.

Ты! Тело Воплощения Будды в Трех Временах,
Осознавший неизменную истину Дхарматы .
С внутренним учением ты практикуешь
квинтэссенцию Дхармы.

В этом благословенном месте, где взросло
Окончательное Просветление,
Мы, Драуг Срин Мо и ее свита,
Молим тебя пролить для нас свет на учение

Внутреннейшего Секрета,
Молим! Даруй нам тайные слова Ваджраяны
(Алмазного Пути), истины Окончательного;
Молим! Научи нас великой сверкающей Мудрости,
Молим! Даруй нам излучение Света!
Услышав неизменную Истину, глубинную
Тайную Доктрину, –
Не упасть на низший путь.
Практикуя учение Тайной Доктрины,
Не будешь бродить по тропам Сансары.
Без утайки и сокрытия,
Мы молим тебя раскрыть нам истину полную!»

Миларепа тогда сказал: «Судя по тому, что я вижу сейчас, не все из вас способны практиковать высочайшее учение неизменной Истины. Если вы настаиваете на изучении Внутреннего Учения, вы должны поклясться своей жизнью и дать торжественный обет».

После этого Друг Срин Мо дала клятву, что отныне она будет следовать всем велениям Джецюна и что она будет служить и помогать всем буддистам. В ответ на ее вопросы Миларепа спел песню «Неизменная и Реальная Дхарма двадцати семи Исчезновений»:

«Тайному Будде с человеческим телом,
Несравненному Переводчику Марпе, моему отцу
Гуру

К твоим ногам я склоняюсь, о Милосердный!
Я не певец, желающий продемонстрировать свое искусство,

Но ты, привидение, уговариваешь меня петь еще и еще.

Сегодня я спою тебе Окончательную Истину.

Гром, молния и облака,

Возникая, как они это делают, из неба,

Исчезают и удаляются обратно в него.

Радуга, туман и пасмурность,

Возникая, как они это делают, из небосклона,

Исчезают и удаляются обратно в него.

Мед, фрукты и урожай, произрастая из земли,

Исчезают и удаляются обратно в нее.

Цветы, листья и леса.

Возникая, как они это делают, из земли,

Исчезают и возвращаются в нее снова.

Волны, прилив и отлив,

Возникая, как они это делают, из великого океана,

Все исчезают и в него возвращаются.

Стереотипное мышление, тяготения и желания,
Возникая, как они это делают, из Сознания Алайя
Все исчезают и возвращаются к Алайе.
Самоосведомленность, самоосвещение и
самоосвобождение,
Возникая, как они это делают, из Ума-Сути,
Все исчезают и растворяются снова в уме.
Не-возникновение, не-угасание и не-описание
Возникают из Дхармы
И все возвращаются обратно в нее.
Фантасмагории, галлюцинации и видения демонов,
Все производятся от Йоги
И все идут обратно и исчезают в ней опять.
Если будет кто-либо тяготеть к реальности видений

– Запутается в своей медитации.

Если он не знает, что все препятствия
Обнаруживают пустоту проявлений ума,
Он обманется в своей медитации.
Самый корень всего замешательства
Тоже происходит из ума.
Тот, кто осознает природу этого ума,
Видит великое свечение без прихода и ухода.
Наблюдая природу всех внешних форм,
Он осознает, что они – не что иное,
Как иллюзорные картины ума.
Он видит также тождественность Пустоты и Формы.
Более того, медитировать – иллюзорная мысль;
Не медитировать – иллюзорно также.
Все равно, медитировать или не медитировать.
Различение «двух» – источник всех неверных
взглядов.
С абсолютной точки зрения –
Нет взгляда как такового.
Это – природа ума.
Ученые наблюдения Дхармы-природы
Иллюстрируются через сравнение с пространством.
Ты, Драуг Срин Мо,
Должна всмотреться в значение вне-мыслей.
Ты должна войти в царство не-отвлечения в
медитации.
Ты должна действовать естественно и спонтанно,
Всегда держа в уме Суть.
За пределом слов –

Совершенство, свободное от надежды и страха.
У меня нет времени петь для развлечения,
Бросаясь пустыми словами.
О Дух, подумай о небесной Дхарме!
Меньше спрашивай, не поднимай так много
вопросов,
Но расслабься и сиди свободно!
Я пою по твоей просьбе.
Это мои сумасбродные слова .
Если ты сможешь практиковать их,
Ты будешь есть пищу Великого Блаженства ,
Когда голодна,
И пить нектар, когда чувствуешь жажду .
Тогда ты сможешь помогать
Йогам своими действиями».
В результате Драуг Срин Мо и ее свита были
переполнены преданностью к Джецюну. Они стали
совершать поклоны и обошли вокруг него много раз,
воскликая: «Почитаемый, мы поистине глубоко
благодарны тебе!», а затем исчезли, как радуга,
растворившись в небе. С тех пор они повиновались
повелениям Миларепа, служили Йогам, никогда не
обижали их и стали хорошими друзьями.

МИЛАРЕПА В РАГМЕ

Поклон всем Учителям!

Когда Джецюн Миларепа решил пойти в Риво Балнбар из Линба Драуг, чтобы практиковать медитацию, он уведомил об этом своих опекунов в Рагме. Они сказали: «Около Риво Балнбар есть храм в очень прекрасном месте.

Мы советуем тебе остановиться там. Что же до Риво Балнбар, то мы знаем немного о нем. Почитаемый, ты мог бы побыть сначала в храме; тем временем мы послали бы людей разведать местность для тебя».

Миларепа подумал про себя: «Прежде я пойду в храм ненадолго, затем продолжу свой путь к Риво Балнбар». Он тогда сказал им: «Я не нуждаюсь в вашем проводнике; я сам могу найти путь». Когда опекуны спросили: «У тебя есть проводник?» Миларепа отвечал: «Да; у меня есть». «Кто он? Расскажи нам побольше о нем».

В ответ Миларепа запел:
«Славный и совершенный Гуру,
Разгоняющий мрак – проводник!
В стороне от тепла и холода, эта хлопковая одежда ,
Которой я отвергаю мехо-стяжательство, –

проводник.

Йоги Призыва, Идентификации и Трансформации ,
Которые сокрушают мрак Бардо, – это проводник.

То, что указывает тебе путь во всех походах через все
страны –

Законченное мастерство Праны-Ум – это проводник.

Отдать свое тело как доброе-подношение –

Учение Подчинения-Эго – это проводник.

Оставаться в уединении и практиковать медитацию,

Ведущую к Просветлению, – это проводник.

Ведомый этими шестью проводниками,

Пребывающий в Джаунг Чуб Понг ,

Я знаю – все будет у меня хорошо».

Затем Миларепа направился в верхнюю часть Рагмы,
которая с того времени стала называться Джаунг Чуб
Понг. Он затем погрузил себя в Самадхи Текущей Реки .

Однажды в полночь он услышал большой шум и
громкие звуки возни, рев труб, как будто приближалась
армия, готовая напасть. Миларепа подумал: «Что, война,
что ли, в этой стране?» Он затем погрузился в Самадхи
Великого Сострадания. Но звуки все приближались и
приближались. Казалось, и небеса, и земная поверхность
были озарены красным светом. Миларепа недоумевал, что
происходит. Он посмотрел вокруг и увидел, что вся
равнина горела, что ничего не оставалось на земной
поверхности и на небесах. Разбойная армия демонов была
занята поджогами, взбалтыванием воды и сшибанием гор.
Посредством бесчисленных колдовских ухищрений
демоны угрожали Миларепе, срывали-скалы и запускали
в него, покрывали его грязной бранью. Миларепа понял,
что демоны сговорились против него. Он подумал: «Какая
жалость, с незапамятных времен и по сей день
практикуют грешные демоны Ах Тса Ма зло в Шести
Царствах, превращаясь таким образом в голодных
привидений, витающих в небе. Со своими порочными
мыслями и злобными намерениями они причинили вред
стольким живым существам, что с этой черной Кармой им
не останется ничего иного, как отправиться в ад в их
будущей жизни». И поэтому Миларепа запел с большим
состраданием:

«Я свидетельствую почтение тебе, Марпа
Переводчик!

В необъятном небе твоего сострадания

Собраны облака милосердия отовсюду,

Из которых идет благотворный дождь помощи.

Так растет урожай учеников.
Несметному количеству чувствующих существ,
бесконечному, как сам космос,
Молю: даруй свои волны –
Благоволения для Обретения Просветления.
Вы, собравшиеся демоны – не-люди.
Вы, летающие и путешествующие по небу,
Вечно алчущие пищи.
Вы – голодные привидения!
Движимые силой полностью созревающей Кармы ,
Вы родились в этой жизни как голодные духи.
А также Кармой злодеяний,
Причинения вреда другим,
Вы попадете в ад в вашей будущей жизни.
Я – сын Учителей Чагню;
С верой в моем сердце
Я изучаю Дхарму.
Зная Закон Причины и Следствия,
Я практикую аскетический образ жизни;
Усердный и непреклонный,
Я вижу истинную природу ума.
Я сознаю, что все формы – ничто,
Это иллюзии – Майя.
Этим я освобождаю себя от болезни Эго-тяготения,
Этим я отсекаю оковы
Субъекта-Объекта Сансары,
Я достигаю царства Будды, неизменной Дхармакаи.
Я – йогин, пошедший дальше человеческого ума;
Что вы можете мне сделать, вы, смутьяны?
Ваши порочные поступки и злые намерения
Изводят вас, но мне не принесут вреда.
Опять же, вы должны знать, что ум – источник
ненависти.
Даже, если от восемнадцати видов глубин внизу
И до Небес Брахмы наверху,
Вы соберите все силы против меня,
И тогда это только вызовет легкую рябь
На поверхности моей всеобъемлющей Мудрости,
Ибо в моем уме нет места страху.
Вы, соборище демонов и не-людей,
Со всеми вашими заговорами и магическими
орудиями,
Не причините боль мне.
Все, что вы сделали – без пользы:
Как бессмысленно и жалко, если вы вернетесь

Восвояси, оставив меня целым и невредимым!
Покажите же свое могущество и сделайте худшее
Из того, что можете, вы, жалкие демоны».

После чего Миларепа погрузился в Самадхи
Таковости. Устрашенные и пересиленные его величием,
все демоны раскаялись перед ним и выразили ему свою
преданность. Они поклонились и обошли вокруг него
много раз, говоря: «Мы были действительно слепы, не
зная о том, что ты такой совершенный йогин. Просим,
прости нас за то, что мы тебе сделали. С этих пор мы
будем следовать любому твоему слову. Просим, даруй
нам поучения так, чтобы отношение в Дхарме могло
установиться между нами».

Миларепа отвечал: «Очень хорошо. В таком случае я
дам вам следующее наставление»:

«Очищайтесь от греха, Практикуйте добродетель!»

Все демоны вскричали: «Да, будем слушаться!»

Затем они предложили ему свои жизни и сердца, а также
пообещали Джецюну выполнять его приказания. Вслед за
этим они все ушли обратно в свое царство.

Среди них был один по имени Сейи Лхамо, из Манга,
а другие были местными божествами из Риво Балнбара.
Миларепа решил, что раз демоны Риво Балнбара были
уже подчинены, то не было необходимости идти туда
медитировать больше. Он решил остаться в Месте-Бодхи
на несколько дней. Окрыленный, он пел:

«Здесь, в доме Просветления,
Я, практикующий Путь-Бодхи, Миларепа,
Который освоил Ум-Бодхи,
Практикую Йогу Бодхи-Сердца.
Я скоро достигну великого Бодхи,
И приведу несметное число матери-подобных
существ .

К святилищу Совершенного Просветления».

Однажды к хижине Миларепы пришел один из
опекунов, неся с собой вязанку дров и половину меры
муки. Посетитель был недостаточно тепло одет и ему
было холодно. Он сказал: «Рагма – самый холодный
регион на Юге, а это – самое холодное место в Рагме. Я
хотел бы, лама, предложить тебе меховую накидку, если
ты ее примешь».

Миларепа спросил: «Мой дорогой покровитель, как
твое имя?» И человек отвечал: «Лабар Шава». Миларепа
тогда сказал: «У тебя очень хорошее имя, право. Хотя мне
и не нужны твоя мука и меховая накидка, я тебе очень

благодарен. Я возьму муку, если ты хочешь, но что касается меховой накидки, то я вовсе не нуждаюсь в ней».

И он запел:

«Как ребенок, забывший дорогу к дому,
Смятенный ум бродит в Шести обманчивых

Царствах.

Силой иллюзорной Кармы

Субъект видит мириады видений

И получает нескончаемое море ощущений.

Иногда ко мне приходит иллюзорное чувство голода,

Поэтому я готовлю себе пищу и обед.

Иногда я прилагаю большие усилия, чтобы построить дом ;

В другое время я выношу труд поедания камней .

Иногда я ем пищу Суньяты (Пустоты)

Или делаю по-другому и совсем не ем .

Когда чувствую жажду временами,

Я пью чистую голубую воду;

В другое время я полагаюсь на свою собственную секрецию.

Часто я упиваюсь Фонтаном Сострадания.

Весьма нередко я потягиваю чарующий нектар богинь.

Иногда мне холодно, и я надеваю одежды Двух Каналов ;

В другое время Йога Теплоты дает горящее блаженство и тепло.

Бывает, я меняю свой аскетический образ жизни,

Когда мне кажется, что друзья окружают меня.

Я живу, имея спутником своим Мудрость

Осведомленности.

Я практикую белые поступки Десяти Добродетелей;

Я созерцаю истинное знание Реальности

И знаю без колебаний самоизлучающий ум.

Украшен драгоценным самоцветом истинного знания,

Я, Йогин Миларепа, – лев среди людей.

Искушенный и победоносный, я опытен в медитации.

На снежной горе я занят практикой в уединении.

Я – Йогин, собирающий плоды заслуг,

Я – Йогин Миларепа, тигр среди людей.

Я трижды оживил Бодхи-Ум ,

Я радостно улыбаюсь

Не-различению Средств и Мудрости ;

Я обитаю в лесах лучезарной Долины Снадобий

И произвожу плоды благосостояния всего живого.
Я – Йогин Миларепа – орел среди людей.
У меня – пара могучих крыльев далеко смотрящей
Возникающей Йоги ;
Я обладаю двумя крыльями для полета стабильной
Совершенствующей Йоги .
Я воспаряю в небо Таковости Двух-в-Одном ;
Я сплю в пещере Трансцендентальной Истины;
Я обретаю плоды, благотворные для себя и для
других.
Я – Йогин Миларепа, человек среди людей.
Я – тот, кто видит лицо формы,
Я – добрый советчик.
Я – йог без атрибутов.
Я – человек, не заботящийся о том, что может
случиться.
Я – нищий, которому нечего есть,
Голый отшельник без одежды,
Проситель без средств.
Мне негде положить свою голову;
Я – тот, кто никогда не думает о внешних вещах –
Мастер всяких йогических действий.
Как помешанный, я счастлив пришествию смерти.
У меня нет ничего, и я не хочу ничего.
Если кто-то желает обзавестись собственностью,
Это ведет лишь к зависти и злобе.
Это только доставляет беспокойство покровителям
И ведет их на ошибочные пути в жизни.
Для йогина же – все превосходно и замечательно!
С дружелюбным сердцем и сопутствующими
благословениями,
Сбор подаяния должен быть всегдашней твоей
практикой.
Я желаю тебе всяческого счастья и процветания;
Я желаю тебе доброго здоровья, досуга долгой
жизни.
Пусть ты в будущей жизни родишься в Пречистой
стране Будды,
Чтобы практиковать счастливо Дхарму.
Пусть ты тогда будешь способен без прерывания
Посвящать себя благополучию всех людей».
В результате большая вера в Джецюна возникла в
этом человеке. Он сказал: «Так как ты совершенный
йогин Миларепа, ты можешь обойтись без этих вещей.
Это только ради принесения блага нам, грешным, ты

пребываешь здесь. Молю, окажи милость и возьми мои подношения».

Впоследствии, на всем протяжении пребывания Миларепы в Месте-Бодхи, этот человек постоянно приносил щедрые блюда и продукты ему. Наполненный великой радостью, Миларепа задержался там на некоторое время.

Однажды несколько селян из Рагмы пришли проведать Джецюна. Они спросили его: «Нравится ли тебе это место? Чувствуешь ли ты себя довольным, пребывая здесь?» Он отвечал: «Да, я действительно очень счастлив. Я также весьма доволен своим продвижением». Они спросили: «Почему тебе здесь так нравится? В чем причина, что ты так счастлив здесь?» В ответ Миларепа запел:

«Здесь – Место-Бодхи, тихое и спокойное.
Снежная гора, жилище божеств, возвышается рядом;
Внизу, далеко отсюда,
В деревне, живут мои благоверные опекуны;
Окружают его горы, гнездящиеся в белом снеге.
На переднем плане стоят деревья, исполнители желаний;
В долине – обширные луга, цветущие дико.
Вокруг благоухающего красавца лотоса жужжат насекомые.
По берегам реки
И посередине озера
Журавли сгибают свои шеи,
Наслаждаясь пейзажем, довольные.
На ветвях деревьев поют дикие птицы;
При легком дуновении ветра плачущая ива исполняет медленный танец;
Обезьяны весело скачут по вершкам деревьев.
Разбрелись стада по диким зеленым пастбищам и грезят,
А веселые пастухи, бодрые и не знающие тревог,
Поют славные песни и играют на своих свирелях.
Люди мира с горящими желаниями и стяжательством,
Увлеченные делами, становятся рабами земли.
С вершины Блистательной Скалы Самоцвета
Я, Йогин, вижу эти вещи.
Наблюдая их, я знаю, что они эфемерны и быстротечны;
Созерцая их, я осознаю, что комфорт и удовольствия

—
Всего лишь миражи и отражения в воде.
Я вижу эту жизнь как колдовство и сон.
Великое сострадание поднимается в моем сердце
К тем, кто лишен знания этой истины.
Пища, которую я ем – Пространство-Пустота.
Моя медитация – Дхьяна, без отвлечения.
Мириады видений и разные ощущения –
Все проходит передо мной.
Странны воистину феномены Сансары!
Воистину забавны дхармы в Трех Мирах ,
О, что за чудо, что за диво!
Пуста их натура, а вот же все проявлено».
Селяне были восхищены этой песней и с
укрепленной верой вернулись домой в очень радостном
настроении.

Это – первая часть рассказа о пребывании Миларепы
в Рагме.

МИЛАРЕПА В ДЖУННАН НАНКА ТСАНГ

Поклон всем Учителям!

Из Рагмы Миларепа отправился в Джуннан Нанка Тсанг и остановился там
на некоторое время.

Однажды к хижине Миларепы подъехала обезьяна верхом на кролике,
прикрываясь броней из гриба и неся лук и стрелу, сделанные из соломы. Ее вид
был таким смехотворным, что Миларепа не мог не засмеяться. Демон заявил
Джецюну: «Тебя привел сюда страх . Если тебе больше не страшно, то можешь
уходить». Миларепа отвечал: «Я полностью осознаю, что проявление есть ум
сам по себе; также я вижу, что Ум-Суть идентичен с Дхармакаей. Ты, жалкое
призрачное создание! Что бы ты ни изображало здесь своими заклинаниями,
это лишь будет служить причиной моего смеха». Тогда демон сделал свое
подношение и принял присягу перед Миларепой. Затем, подобно радуге, он
испарился в небе. Это был демон-Король Дро Танга.

Однажды опекуны Миларепы из Дро Танга пришли навестить его. Они
спросили его, какими преимуществами обладает Джуннан Нанка Тсанг. В ответ
Миларепа запел:

«Я возношу молитву моему Гуру, Святейшему!
Слушайте, мои опекуны,
И я расскажу вам о достоинствах этого места.
Благостное безмолвие Замка Неба Джуннан,
А над ним, высоко вверху, темные тучи собираются;
Темно-голубая, далеко внизу протекает река Тсанг.

Позади меня вздымается Красная Скала Небес;
У ног моих дикие цветы растут, дрожащие и
беспечные;
У выхода из моей пещеры дикие звери бродят, ревут
и ворчат;
В поднебесье грифы и орлы кружат свободно,
А капли моросящего дождя из неба относятся
ветром;
Пчелы жужжат и гудят, усыпляя своим монотонным
пением;
Кобылы и жеребята резвятся и скачут дико.
Ручей журчит по гольшам и валунам.
Обезьяны перескакивают с дерева на дерево
и раскачиваются на ветвях.
А жаворонки заливаются сладкой песней.
Все звуки, которые я слышу, – мои собратья.
Достоинства этого места – невообразимы –
Я сейчас посвящаю вас в них в этой песне.
О, добрые опекуны,
Будьте благоразумны, следуйте моему Пути и моему
примеру;
Отбросьте зло и практикуйте хорошие дела.
Непроизвольно, из самого сердца,
Я даю вам это наставление».

Среди опекунов был Тантрический Йогин, который
сказал Миларепа: «Мы были глубоко благодарны, если бы
ты дал нам наставления по Видению, Медитации и
Деланию в качестве приветствия или дара
гостеприимства».

Миларепа спел в ответ:
«Милосердие моего Гуру входит в мое сердце.
Прошу, помоги мне осознать истину Пустоты!
В ответ моим преданным опекунам
Я пою, доставляя радость Божествам и Буддам.
Эти три – квинтэссенция Видения.
Свечение, не-мысль и не-отвлечение –
Квинтэссенция медитации.
Не-тяготение, не-привязанность и полное
Равнодушие – Квинтэссенция Делания.
Нет Надежды, нет Страха и нет Смущения –
Квинтэссенция Совершенства.
Не-попытка, не-утаивание и не-дискриминация –
Эти три – квинтэссенция Предписания».

По услышании песни Миларепа все опекуны
возвратились домой. Несколькими дням позже много

учеников пришло опять навестить Джебьюна, справляясь о его здоровье и благополучии и выражая свои лучшие пожелания. Миларепа спел в ответ:

«Я склоняюсь к ногам моего Гуру!

В чаще леса девственного, нетронутого человеком,
Я, Миларепа, счастливо практикую медитацию.

Без всякой привязанности и всякого тяготения
Гуляние и безмятежность – и то, и то приятно.

Свободен от болезней и сумятиц,

Я охотно ухаживаю за этим телом иллюзии;

Никогда не сплю, я сижу в комфорте тишины.

Пребывая в Самадхи Не-постоянства ,

Я вкушаю наслаждение.

Продолжительность в Тепла-Йоге без холода –

Действительно отраднa.

Без трусливости или уныния,

Радостно я следую Тантрической практике.

Без усилий я совершенствую культивацию.

Без какого бы то ни было отвлечения,

Оставаясь в уединении, я поистине счастлив.

Это – приятности тела.

Счастлив путь и Мудрости и Средств !

Счастлива Йога Возникновения и

Совершенствования,

Медитация Двух-в-Одном.

Счастлива Праджна;

Осведомленность не-прихождения-и-ухождения!

Счастливо отсутствие разговоров;

Ни друзей, ни болтовни!

Это – приятности слов.

Счастливо понимание не-ухватывания;

Счастлива медитация без прерывания;

Счастливо совершенство без надежды и страха;

Счастливо делание, делаемое без профанации. Это –

приятности ума.

Счастливо свечение с не-мыслью и не-переменной!

Счастливо великое блаженство в первозданности

Дхармадхату !

Счастливо Не-останавливающееся Царство Формы!

Эта маленькая песнь великого счастья,

Которая проистекает свободно из моего сердца,

Воодушевлена медитацией,

Слиянием поступка и знания.

Тот, кто нацелен на плод Бодхи,

Может следовать этому образу йогической

практики».

Ученики сказали Миларепе: «Чудесны поистине радости Тела, Слова и Ума, как ты только что сказал. Просим рассказать, как они обретаются». Миларепа отвечал: «Реализацией Ума». Ученики тогда сказали: «Хоть мы никогда и не сможем заполнить такое счастье и приятности, которыми наслаждаешься ты, надеемся, что удастся получить хотя бы немного. Поэтому мы умоляем тебя дать нам ясное учение, легкое для понимания и простое для практики, через которое и мы могли бы реализовать Суть Ума». После чего Джецюн спел «Двенадцать значений ума»:

«Я склоняюсь к ногам моего Гуру!

О, добрые покровители! Если вы желаете реализовать Суть Ума,

Вам следует практиковать следующие положения:

Веру, знание и дисциплину.

Эти три – Древо-Жизни Ума.

Это – дерево, которое вам следует посадить и лелеять.

Не-привязанность, не-тяготение и не-слепота,

Эти три – щиты ма;

Их легко носить, они крепки при обороне,

И это – те щиты, которые вам следует искать.

Медитация, прилежание и настойчивость.

Эти три – кони ума;

Быстр их бег, на них можно спастись!

Если вы ищите коней, то эти – то, что надо.

Самоосведомленность, самоосвещенность и саморадость ,

Эти три – плоды ума;

Посейте семена, соберите плоды,

Выпустите воду, и суть предстанет.

Если вы ищите плод, то они – то, что вы ищите.

Выпрыснулась из йогической интуиции

Эта песня, спетая о Двенадцати Значениях Ума.

Воодушевляемые своей верой,

Продолжайте свои занятия, мои добрые покровители!»

После этого ученики еще больше поверили в Миларепу, чем прежде, и принесли ему отличные подношения. Миларепа потом решил пойти к Снежным Склонам Йолмо.

МИЛАРЕПА НА СНЕЖНОЙ ГОРЕ ЙОЛМО

Поклон всем Учителям!

Мастер Йоги, Джецюн Миларепа, повинувшись велению своего Гуру, из Джуннана отправился на Снежный Склон Йолмо, где поселился в пещере Тигра у Сенге Таона в лесах Сингалина. Местная богиня Йолмо явилась в грациозной форме, подчинялась приказам Джецюна и оказывала ему преданнейшим образом всевозможные почести.

Однажды пять молодых монашек из Мона пришли навестить его. Они обратились к нему: «Говорят, что это место полнится страхами, и оно идеально для достижения большого прогресса в медитации. Так ли это? Что говорит твой личный опыт?» Миларепа же запел хвалебную песню этому месту:

«Поклон тебе, мой Учитель!

Я встретил тебя, так как накопил большие заслуги,
И сейчас я – в месте, указанном тобой !

Это – восхитительное место, место холмов и лесов.

В горных лугах цветут цветы;

Деревья в лесах раскачиваются в танце!

Это место забав для обезьян.

Птицы поют мелодично.

Пчелы летают и жужжат,

И весь день до ночи радуги сменяют друг друга.

Летом и зимой идет приятный дождь,

И дымка тумана разворачивается осенью и весной.

В таком приятном месте, в уединении,

Я, Миларепа, счастливо живу,

Медитируя о пустосветлом уме.

О, полны восторгов мириады проявлений!

Чем больше эти вверх-вниз, тем больше радости я
чувствую.

Благостно тело без Кармы греховной,

Благостна, право, вся эта несчетная чехарда!

Чем больше захватывает дух от волнения,

Тем большее счастье я ощущаю .

О, благостно умирание чувств и страстей!

Чем больше страсти и напасти,

Тем больше беспечности и веселья!

Какое счастье не переживать ни болезней, ни
недугов.

Какое счастье переживать осознание того, что
радость и страдание – одно.

Какое счастье играть в движении телесном

Силой, поднятой Йогой.

А еще радостней – прыгать и бегать, танцевать и

скакать.

Какое счастье петь песню победоносную,
Какое счастье напевать с открытым ртом или
сомкнув губы.

А еще радостней – говорить и петь громко!
Счастлив ум сильный и уверенный,
Погруженный в королевство Всеобщности.
Крайняя степень счастья –
Самоистечение самосилы;
Благостны мириады форм, мириады откровений.
Как приветственный дар моим верным ученикам,
Я пою о йогическом счастье».

Вслед за тем Миларепа посвятил пять молодых
новообращенных монахинь и дал им устные наставления.
После практикования этих уроков в течение некоторого
времени в них родился свет внутреннего Понимания.
Миларепа был вне себя от радости и запел о «Нектаре
Наставления»:

«О, мой Гуру, ты, кто знает
Безошибочный путь к Освобождению,
Спаситель Совершенный, великий Сострадатель,
Молю, не покидай меня никогда, будь всегда
Надо мной как самоцветный конек крыши над
домом.

Внемлите, последователи Дхармы,
Эй, созерцатели, сидящие здесь,
Хоть и весьма многочисленны учения Будды,
Тот, кто может практиковать этот Глубокий Путь,
Поистине одарен!
Если вы желаете стать Буддой в одной жизни,
Вы не должны стяжать вещи этого мира
И дразнить хотение себя
Или же вы запутаетесь между добром и злом,
И вы можете очутиться в царстве нищеты.
Когда вы служите вашему Гуру,
Воздерживайтесь от мысли: «Я – тот, кто работает,
Он – тот, кто наслаждается».
А будь у вас такое в мыслях,
Ссора и разлад последуют неминуемо,
И никогда не исполнится ваше желание.
Когда вы соблюдаете Тантрические Предписания,
Приостановите ассоциации с порочным,
Иначе злыми влияниями вы будете заражены,
И окажетесь перед риском нарушить Предписания.
Когда вы занимаетесь учебой и изучением,

Не привязывайте себя к словам с гордостью,
Иначе спящий огонь
Пяти Ядовитых Страстей вспыхнет,
И ваши добродетельные мысли и поступки будут
съедены.

Когда вы медитируете с друзьями в отдаленном
месте,

Не гонитесь за слишком многим,
Или же ваши добрые деяния приостановятся
И ваша посвященность будет рассеяна.
Когда вы практикуете Путь с Формой , школы
Нашептываемой Передачи ,
Не заклиняйте демонов, не отваживайте духов от
себя,

Чтобы не поднялись демоны внутри вашего ума.
И не вспыхнуло стремление к целям земным.
Когда вы обрели опыт и Реализацию ,
Не демонстрируйте ни свои чудесные возможности,
ни ясновидение,

Чтобы тайные слова и символы не ускользнули прочь
И заслуги и духовная интуиция не ослаблялись.
Знайте об этих ловушках и избегайте их.
Не совершайте злых дел. Не ешьте соблазна пищу.
Не берите на себя груз мертвеца .
Не произносите сладких слов в угоду другим.
Будьте почтительны и воздержаны и вы найдете свой
путь».

Монашки затем спросили Миларепу, как бы им найти
свой собственный путь, прося его продолжить
наставления. В ответ Миларепа запел:

«Я свидетельствую свое почтение моему Гуру,
милостивому!

Я прошу тебя удостоить меня твоих
благоволительных волн.

Молю, помоги мне, нищему, счастливо
медитировать!

Хоть и вы, дети нового поколения,
Проживаете в городах, наводненных обманчивой
Кармой,

Связь с Дхармой все же остается.

А вы, раз слышали слово Будды,

То идите тогда ко мне,

И вы не заблудитесь.

Постоянной практикой Накопления Заслуг

Вы вскормите склонность к посвященчеству.

В вас тогда войдут благоволения волны,
И тем временем соответствующее и действительное
Осознание будет возрастать.
Но если даже вы будете делать все это,
То это мало поможет,
Если вы не сможете достичь полного мастерства.
Имея жалость к вам, я даю сейчас это наставление.
Слушайте внимательно, мои юные друзья!
Когда вы одни, в уединении,
Думать не надо о городских развлечениях,
Иначе поднимется кто-то злой в вашем сердце;
Поверните свой ум вовнутрь,
И вы найдете свой путь,
Когда вы медитируете настойчиво и с решимостью,
Вы должны думать о злоключениях Сансары
И неопределенности смерти.
Остерегайтесь стяжания мирских благ;
Мужество и терпеливость тогда возрастут в вас
И вы найдете свой путь.
Когда вы в поисках глубинного учения Практики,
Не стремитесь страстно к исследованию или тому,
чтобы стать ученым
Или мирские действия и желания будут преобладать,
И тогда сама эта жизнь будет выброшена на свалку.
Будьте почтительны и скромны
И вы найдете свой путь.
Когда к вам приходят различные результаты в
медитации,
Не возгордитесь и не взжаждайте рассказать это
людям,
Иначе вы потревожите Богинь и Матерей .
Медитируйте, не отвлекаясь,
И вы найдете свой путь.
Когда вы следуете за своим Учителем,
Не смотрите на его плюсы или минусы,
Иначе вы найдете гору ошибок.
Только с верой и терпимостью
Вы найдете свой путь.
Когда вы посещаете святые собрания
С братьями и сестрами в Дхарме,
Не думайте о главенствующей роли,
Иначе вы вызовете как ненависть, так и желание
страстное,
И это будет нарушением Предписаний.
Поправляйте себя, понимайте друг друга

И вы найдете свой путь.
Когда вы собираете подаяние в деревне,
Не употребляйте Дхарму для обмана и извлечения
выгоды

Или вы стащите себя на низкий Путь.

Будьте честными и искренними

И вы найдете свой путь.

И ко всему прочему помните также во все времена и
езде:

Никогда не будьте самонадеянны или горды собой,

Иначе самомнение заставит вас брать на себя

слишком много

И вы будете перегружены притворством.

Если вы откажетесь от обмана и притязаний,

Вы найдете свой путь.

Человек, который нашел путь,

Может перейти к просвещению других;

Так он оказывает благо другим

И помогает себе также.

Давать – единственная мысль,

Остающаяся в его сердце тогда».

Все ученики были сильно воодушевлены
решимостью прилежно работать и отвергнуть мир. В них
установилась неизменная вера в Джецюна. Они сказали:
«Мы хотим предложить тебе золотую Мандалу .
Пожалуйста, прими ее и дай нам практический урок
Видения, Работы и Делания».

Миларепа отвечал: «Мне не надо золота; вы можете
использовать это для поддержания своей медитации. Что
же до Видения, Работы и Делания, то я вам расскажу.
Внемлите же»:

«О, мой Гуру! Образец Видения, Работы и Делания,

Прошу, удостой меня своей милости

И дай мне способность

Быть погруженным в сферу Самоприроды!

Что же до Видения, Работы,

Делания и Совершенствования,

То есть три Ключевых момента,

Которые вы должны знать:

Все явленное, сама вселенная содержится в уме;

Природа ума есть царство свечения,

Которое нельзя постичь,

До которого нельзя дотронуться.

Это – Ключевые моменты Видения.

Блудные мысли высвобождаются в Дхармакае;

Осведомленность, свечение, всегда блаженственно.
Медитируйте в манере не-делания и не-усилия.
Это – Ключевые моменты Работы.
В делании натуральности
Десять добродетелей растут спонтанно.
Таким образом происходит очищение от всех
Десяти Пороков.
Исправлениями и лекарствами
Светящуюся Пустоту никогда не потревожить.
Это – Ключевые моменты Делания.
Нет Нирваны, которую достигать – по ту сторону;
Нет Сансары, которую отрицать – здесь.
Верно знать самому –
Значит быть самим Буддой.
Это – Ключевые моменты Совершенствования.
Сведите внутренне Три Ключевых Момента к
Одному.

Один есть Пустотная природа Бытия,
Которую лишь Учитель-чудотворец
Способен ясно проиллюстрировать.
Много деятельности – бесполезно.
Если кто-то видит Одновременно
Рожденную Мудрость ,
Он достигает своей цели.
Для всех практикующих Дхарму
Эта проповедь – драгоценная жемчужина;
Это мой прямой опыт от йогической медитации.
Обдумывайте заботливо и носите это в своих умах,
О, мои дети и последователи».

Ученики затем спросили Миларепу: «Как мы тебя
поняли, безошибочный проводник на Пути Практики –
это молиться своему Гуру с большой искренностью. А
есть ли еще что-нибудь, кроме этого?» Миларепа
улыбнулся и ответил: «Дерево Проведения тоже имеет
много ветвей».

Объясняя это, он запел:
«Гуру, ученики и тайные школы;
Стойкость, неуклонность и вера;
Мудрость, сострадание и облик человеческий;
Все это – извечные проводники на Пути.
Уединение без потрясений и тревог –
Проводник, охраняющий медитацию.
Совершенный Учитель, Джецюн –
Проводник, рассеивающий невежество и тьму.
Вера без печали и усталости –

Проводник, ведущий вас благополучно к счастью.
Ощущения пяти органов –
Проводники, которые ведут вас к свободе от
«контакта» .

Устные поучения Учителей Династии –
Проводники, иллюстрирующие Три Тела Будды.
Защитники, Три Драгоценности –
Проводники без ошибок и неверностей.
Ведомый этими шестью проводниками,
Человек достигнет плоскости Йоги, –
Пребывая в царстве Недифференциации,
В котором больше нет всех взглядов и софизмов .
Оставаться в сфере самосознания и
самоосвобождения

Поистине радостно и счастливо;
Пребывая в безлюдной долине,
С уверенностью и знанием живет по-своему.
Гремящим голосом
Он поет счастливую песню Йоги.
В Десяти направлениях рассыпается дождь славы;
И от этого расцветают цветы и листья Сострадания.
Подвиг Бодхи облетает Вселенную;
Таким образом чистый плод
Бодхи-Сердца приобретает совершенство».

Ученики подумали: «Для Джецюна уже не имеет
разницы, где он находится. Пригласим его в свою
деревню». И они сказали Миларепе: «Почитаемый, ведь
твой ум отныне неизменен, тебе нет нужды практиковать
медитацию. Так для блага чувствующих существ приди к
нам в деревню проповедуй нам Дхарму». Отвечал
Миларепа: «Практиковать медитацию в уединении само
по себе является служением людям. И несмотря на то, что
мой ум отныне неизменен, все же для большого йога
оставаться в одиночестве – хорошее следование
традиции». Затем он спел:

«Практикой медитации я показываю благодарность
моему Гуру!

Молю, даруй мне твое милосердие,
Сделай меня зрелым и свободным!
Вы, одаренные ученики, последователи Дхармы,
Слушайте внимательно,
А я буду петь о глубинном Сущностном Учении.
Большая львица на одной из самых высоких снежных
гор
Приняла гордую позу на пике вершины;

Она не знает страха –
Гордо жить на горе –
Это Путь снежного льва.
Королева ястребов на Красной Скале
Простирает свои крылья в широкое небо;
Она не боится упасть –
Лететь через небо – путь ястреба.
В глубинах великого океана
Вытанцовывает Королева рыб, поблескивая;
Она не знает страха –
Плавать – путь рыбы.
На ветвях дубов
Раскачиваются и скачут проворные обезьяны;
Они не боятся упасть –
Такой путь дикой обезьяны.
Под лиственным колпаком густого леса
Полосатая тигрица расхаживает и мчится
стремительно
Не из-за страха или беспокойства –
Это демонстрация ее величественной стати
И это путь могучего тигра.
В лесу на Горе Синга
Я, Миларепа, медитирую о Пустоте
Не потому, что я опасюсь потерять мое понимание –
Постоянная медитация – путь йога.
Без отвлечения йогин медитирует, застыв
Над чистой Мандалой Дхармадхату
Не потому, что он боится сбиться с пути –
Придерживаться Самоквинтэссенции – путь йога.
Когда он работает над Нади, Праной и Бинду «',
Он избегает помех и заблуждений
Не потому, что учение само имеет ошибки в себе –
Но так хорошо улучшается истинное Осознание.
При естественном и самопроизвольном поведении,
Конечно, сталкивается с несчетными вверх-вниз ,
Не потому, что там есть различие и
дуалистические мысли –
Но потому, что все проявления есть суть
причинности.
Когда он способствует развитию других существ,
показывая мощь Кармы,
Хотя он видит реально и сразу добро и зло,
То это не потому, что он заблудился в своей практике
,
Но потому, чтобы объяснить истину разным людям,

Он вынужден подбирать подходящие формы показа.
Те великие йогины, которые овладели Практикой,
Никогда ничего не желают в этом мире.
И не потому, что хотят славы,
Они остаются в одиночестве,
Это – единственный признак,
Исходящий из их сердец,
Истинное чувство непривязанности и отречения.
Йогины, практикующие Путь Глубинный,
Всегда живут в пещерах и на горах;
Не то, чтобы они циничны и экстравагантны,
Но с целью сконцентрироваться на медитации –
Это их самоволеизъявление.
Я, одетый в бумагу , много песен уже спел
Не потому, что забавляюсь, распевая софистику,
Но ради вас, преданные последователи, собравшиеся
здесь.

От души я говорю слова полезные и глубокие».

Тогда ученики сказали Миларепе: «Можно жить
одному в отшельничестве, но необходима ведь и пища и
пригодное для жилья место, где есть условия для
медитации». Джецюн ответил: «У меня есть собственная
пища и жилье, которые я вам покажу».

«Я склоняюсь к ногам Учителя,
Исполняющего желания!

Прошу, удостой меня своей милости в ниспослании
благотворной пищи.

Прошу, дай мне понять мое собственное тело как дом
Будды,

Прошу, даруй мне это знание несомненное.

Я построил здание от страха ,

Здание Суньяты, пустого естества вещей;

А теперь я не боюсь, что оно развалится.

Я, Йогин, обладатель волшебного самоцвета,

Исполняющего желания,

Нахожусь в счастье и радости, где бы я ни был.

Я боялся холода и искал одежду,

И нашел одежду в виде Ах Шее –

Жизнетворной Теплоты .

Теперь я не боюсь холода.

Я боялся бедности и искал богатства;

И нашел богатство в виде

Семи Святых Сокровищ неистощимых.

Теперь я не боюсь бедности.

Я боялся голода и искал пищу,

И нашел пищу в виде Самадхи Подобия.
Теперь я не боюсь голода.
Я боялся жажды и искал питье,
И нашел небесный напиток – вино полноты
внимания .
Я боялся одиночества и искал друга,
И нашел друга в виде бесконечной Суньяты .
Теперь я не боюсь одиночества.
Я боялся заблудиться
И искал верный путь, дабы последовать.
Широкую дорогу я нашел в виде
Пути Двух-в-Одном .
Теперь я не боюсь потеряться.
Я – йогин, обладающий всем, что только можно
пожелать,
Человек, всегда счастливый, где бы он ни был.
Здесь у Йолмо Тагну Сенге Таон
Львица, воющая трогательно и надрывно,
Напоминает мне о том, что ее беспомощные детки
резвятся беззаботно.
Я не могу не чувствовать сильное сострадание к ним,
Я не могу не работать еще усердней,
Я не могу не наращивать мой Бодхи-Ум.
Трогательный крик обезьяны –
Такой выразительный и волнующий,
Я не могу не ощутить в себе глубокую жалость.
Болтовня маленькой обезьянки так забавна и
трогательна;
Я слышу и не могу не думать о ней с сочувствием.
Голос кукушки такой волнующий,
И так мелодично сладкое пение жаворонка,
Что когда слышу их,
Я не могу удержаться от слез.
Разные выкрики и карканье вороны –
Хороший и полезный товарищ йогу.
Даже без единого товарища
Оставаться здесь – прелесть.
С радостью, проистекающей из моей груди,
Я пою добрую песню;
Пусть темная тень всех людских горестей
Будет рассеяна моим радостным пением».
Ученики все были глубоко тронуты, и чувство
усталости от Сансары захлестнуло их. Они поклялись
Миларепе, что никогда не уйдут с горы. Впоследствии все
они достигли состояния совершенства через практику

медитации.

Однажды покровитель Миларепа Будда сообщил ему, что пришло время идти ему в сам Тибет и медитировать там в уединении, чтобы помочь чувствующим существам. Покровитель Будда также предсказал ему успех в его миссии помощи людям и распространения Дхармы. И вот, в это время, Миларепа решил отправиться в Тибет.

МИЛАРЕПА И ГОЛУБКА

Поклон всем Учителям!

Соответствуясь с пророчеством своего покровителя Будды, Миларепа пошел в Тибет прямо из Йолмо. Он прибыл в Гу Танг и жил в пещере, погружаясь в Медитацию Великой Ясности.

Однажды голубка в золотых украшениях посетила Миларепу. Птица кивнула, поклонилась и обошла вокруг него много раз. Затем она улетела в направлении Скалы Незапятнанности. Миларепа понял, что это, должно быть, заговор не-людей, которые приветствуют его таким образом. И вот он последовал за голубкой и взошел на холм, где нашел горку белого риса. Птица взяла в клюв несколько зернышек и поднесла их Миларепе, как бы выказывая свое гостеприимство и дружелюбие. Миларепа, удивленный и польщенный, залился пением:

«О! Мой милостивый Гуру, Марпа Лхо Драуг Уа,
Из глубины моего сердца я думаю о тебе!
С глубочайшей чистосердечностью
Я медитирую о тебе.
Чтобы никогда не был я разлучен с тобой, моя
молитва!
Слияние Само-ума с Гуру –
Поистине счастливая штука.
Проявление само – суть Реальности.
Через осознание этой нерожденной Дхармакаи
Я сливаюсь с Царством Не-усилия
К высоким и низким Видениям я безразличен.
Природа ума – Свет и Пустота.
Осознанием осведомленности Света-Пустоты
Я сливаю себя с первоизданным состоянием
не-усилия.
К хорошим и плохим опытам я безразличен.
С умом не-усилия я ощущаю счастье и радость.
Шесть Чувств и Объектов Чувств '
Сами по себе рассеиваются в Дхармадхату

Там, где не-различение субъекта и объекта осознано;
Я сливаю счастье и печаль воедино;
Я вхожу в первозданное состояние не-усилия.
К правильным и неправильным действиям
Я безразличен.

Счастлив поистине не-усилиям ум.
Сама природа Дхармакаи
Опознается через мириады форм ее;
Мириады форм – Нирманакая Будды.
С этим пониманием в уме,
С какими обстоятельствами я бы ни столкнулся,
Я – свободен в счастливом царстве Освобождения!
Возвратиться в дом Будды
Я не жажду!
Счастлив поистине этот ум не-усилия».

После этого голубка с семьей подружками подошла ближе к Миларепа. Все они поклонились ему и обошли вокруг него много раз, как это сделала первая птица до этого. Миларепа подумал: «Эти голубки не-люди, должно быть. Я спрошу их и посмотрю, скажут ли они правду». И он сказал: «Кто вы, и зачем вы здесь?» Голубки тогда показали в своих настоящих обличьях – женскими Дэвами. Их предводительница сказала: «Мы ангелицы Небесные. Так как мы имеем большую веру в тебя, то пришли сюда поучиться Дхарме от тебя. Мы покорнейше просим тебя дать нам наставления».

В ответ Миларепа запел:
«О! Чудесное Тело Превращения моего Гуру!
Молю, даруй мне милостиво твои волны

благоволения!

Вы, восемь очаровательных ангелиц Небесных,
Которые только что были голубками.
Ваша магия была прекрасной
И в полном соответствии с Дхармой!
Если вы, восемь прекрасных ангелиц Небесных,
Захотите практиковать белую Дхарму Будды,
Прошу, запомните смысл этой песни.
Хотя мирские счастья и удовольствия
Кажутся восхитительными и приятными,
Они скоро пройдут.
Хотя женщины из высших слоев –
Гордые и ликующие
В своем тщеславии,
Что за прибежище и укрытие они имеют?
Проживание в пламенном доме Сансары

Иногда кажется приятным, но оно – дно горя.
Если хорошо одаренный и любимый сын
Не имеет самоуважения и не делает самоусилия,
Его отцу не достанется ничего, кроме расстройства.
Если ученик совершает злодеяние,
Он должен пасть в Сансару.
Как бы ни был высок его Гуру.
О, ангелицы Небесные, сотворившие голубок!
Легко вам спрашивать Дхармы,
Но тяжело иметь глубокую веру в нее.
Вы должны напоминать себе
О неизбежных превратностях,
Связанных с мирскими радостями.
К болям и неприятностям в этой жизни
Вы должны относиться как к друзьям,
Ведущим к Нирване.
Что до меня, то я весьма благодарен
За неприятности, которые встречал.
О, друзья мои! Несите это в уме
И поступайте так же!»

Дэвы улыбнулись Миларепе и сказали: «Мы будем поступать так». Затем они совершали поклон и обошли вокруг него многократно. Джецюн тогда спросил у ангелиц: «Почему вы явились в облики голубок?» Они отвечали: «Ты – Йогин, не имеющий ни малейшей привязанности к себе, ни какого-либо желания этой мирской жизни. Это лишь во имя Бодхи и ради благосостояния всего живого то, что ты пребываешь в уединении и медитируешь без отвлечения. Нашими небесными глазами нам удалось узреть тебя; и с уважением и верой – мы перед тобой, в поисках Дхармы. Но чтобы скрыть наш действительный облик от греховных существ, мы превратились в голубок. Мы просим Ваше Преподобие быть настолько любезным, чтобы подняться с нами на Небеса и проповедовать там праведную Дхарму». Но Миларепа отвечал: «Пока живу, я буду оставаться в этом мире, принося благо чувствующим существам здесь. Вам не мешало бы знать, что Небеса далеко от того, на что можно опереться, они – не вечны и не следует полагаться на них. Быть рожденным на Небесах – вовсе не обязательно так чудесно. Вы должны принять во внимание следующие наставления и следовать им».

«Я низко кланяюсь Марпе Лхо Драуг!
О, Отец Гуру! Молю,

Даруй мне твою волну благоволения и совершенство!
Вы, восемь красавиц царства Дэвов,
Поднесли мне белый рис,
Замечательный плод Дхьяны.
Поел я, и мое тело укрепилося, а ум оживился.
Как знак моей благодарности,
Я пою эту песню Дхармы вам,
Если даже кто-то достигает
Высочайшего Неба Белых Дэвов .
Это не имеет постоянной ценности и значения!
Достойны любви и трогательны
Те цветы юности на Небесах.
Но как приятно это ни казалось бы,
В конце ждет разлука.
Хотя блаженство на Небесах кажется очень велико,
Это просто полный мираж,
Сбивающая с толку галлюцинация;
Фактически это и есть причина возврата к
страданию!

Думая о горестях в Шести Царствах Сансары,
Я не могу удержаться
От чувства отвращения и неприятия,
Чувства муки и расстроенных эмоций!
Если вы намереваетесь практиковать учение Будды,
Вы должны находить прибежище
В Трех Драгоценностях и молиться им.
Чувствующие существа в Шести Царствах
Вы должны принимать за своих родителей.
Давайте бедному и подносите Учителю!
Благу всеобщему посвящайте свои заслуги.
Помните всегда, что смерть может прийти
В любой момент.
Отождествляйте свое тело с телом Будды!
Отождествляйте свой собственный голос с Мантрой
Будды.

Созерцайте Суньяту самопробуждающейся
Мудрости,
И всегда старайтесь быть хозяевами своего ума!»
Дэвы Небесные сказали: «В невежественных
существах, как мы, Клеши никогда не отстают от ума.
Молим, дай нам учение, при помощи которого мы могли
бы покончить с этим, положиться на него и практиковать
его часто». В ответ на их просьбу Миларепа запел:
«Поклон Марпе милосердному!
Молю, даруй мне благословение добродетельного

лекарства!

Если вы, о благороднейшие госпожи Дэвы,
Собираетесь практиковать Дхарму часто,
Внутренне вы должны практиковать концентрацию и созерцание.

Отречение от внешних дел – украшение ваше.
О, носите в уме это средство от вовлечения во внешнее!

С самообладанием и внимательностью
Вы должны оставаться безмятежными.

Слава – это невозмутимость ума и речи!

Слава – это отказ от многого действия!

А если вы встретитесь с неприемлемыми условиями,
Тревожащими ваш ум,

Следите за собой и будьте бдительны;

Предупредите себя:

«Опасность разгневания на подходе».

А если обидные, оскорбительные

Слова коснутся вашего слуха,

Следите за собой и будьте бдительны

И напоминайте себе:

«Обидные звуки – лишь иллюзия слуха».

Когда вы общаетесь с друзьями,

Наблюдайте внимательно и предупреждайте себя:

«Да не поднимется самолюбие в моем сердце».

Когда вас ублажают услугами и подношениями,

Будьте бдительны и предупредите себя:

«Надо мне поостеречься, а не то гордыня

Восстанет в моем сердце».

Во все времена, во все дни наблюдайте за собой.

Во все времена стремитесь

К покорению злых мыслей в себе,

Что бы ни встретилось вам

В ваших повседневных делах

Вы должны не упускать из виду пустую и

иллюзорную природу его.

Будь бы здесь собраны сто святых и ученых,

Больше этого они не могли бы сказать.

Пусть всех вас посетит счастье и процветание!

Пусть все вы с сердцами радостными,

Посвятите себя практике Дхармы!»

Ангелицы Небесные были очень счастливы и в восторге, и удовлетворенности, вновь превратили свои тела в голубиные и полетели вверх, к Небесам. Миларепа затем поел предложенный рис и отправился к Скиту

Серой Скалы Ваджра.

МИЛАРЕПА И ЕГО УЧЕНИКИ

Скит Серой Скалы Ваджра.

Джецюн Миларепа после прибытия в Скит Серой Скалы Ваджра пребывал в состоянии воодушевления.

В то время у Гу Танга находился тантрический йогин, который слышал его проповеди и глубоко поверил в него. Придя к Миларепе, он сказал: «Уважаемый, я практикую некоторое время медитацию, но до сих пор не пережил опытов и не получил достижений, которые должны были бы последовать. Это, вероятно, из-за моего незнания правильного пути в занятиях. Прошу, будь так добр, даруй мне необходимые наставления!» Миларепа отвечал: «В таком случае необходимо, чтобы ты знал все существенные моменты». И затем он спел песнь о «Шести Сущностях»:

«Манифестации ума превосходят
Мириады частичек пыли
В бесконечных лучах солнечного света.
Богopodobный йогин знает
Самоприроду этих проявлений.
Реальность истинной природы существ –
Никогда не результат причины или условий.
Богopodobный йогин знает
Истину единственную абсолютно и безоговорочно.
Даже перед лицом сотни копий угрожающих
Его пронизывающее Видение не поколеблется.
Так Благородный йогин естественно
Подчиняет все привязанности.
Вечно движущийся ум трудно приучить,
Если даже запереть в железный ящик.
Благородный йогин знает,
Что все эти порождения являются иллюзией».

Затем ученик спросил: «Опыты, упомянутые тобой, даются ли они постепенно или в один момент?» Миларепа отвечал: «Хорошо одаренные люди достигнут Просветления мгновенно. Средние и низшего порядка люди достигнут своих Реализаций постепенно. Я укажу признаки реального Просветления, а также признаки опытов, отражающих Просветление, но ложно принимаемые некоторыми за реальные». И затем спел песнь для объяснения различных опытов четырех ступеней Махамудры, как реальных, так и псевдореальных:

«Я склоняюсь к ногам верховного Учителя!
Цепляться за актуальность ума
Есть порождение Сансары.
Сознание того, что не-цепляющаяся
И светящаяся Самоосведомленность
Не рождена и имманентна –
Признак достижения Ступени Однонаведенности.
Если кто-то говорит о Двух-в-Одном,
Но все еще медитирует над формой,
Если кто-то признает истину Кармы,
Но все еще совершает дурное,
Он поистине медитирует со слепотой и
пристрастием.
Такое никогда не случается
На истинной Ступени Однонаведенности.
В осознании не-цепляющегося и светящегося ума,
Воплощенности его в большинстве
И нахождения по ту сторону всех слов-игрушек
Можно увидеть природу собственного ума так ясно,
Как великое Пространство.
Это – признак достижения.
Ступени Вне-Слов-Игрушек.
Если кто-то говорит о Ступени Вне-Слов-Игрушек,
Но все же заявляет то и это;
Вместо показа того, что за всеми словами,
Он все же нагромождает горы слов,
Тогда он – невежественный,
С самодержательством медитирующий.
На Ступени Вне-Слов-Игрушек
Нет ничего подобного.
Неразличение проявления в Пустоте
Есть Дхармакая,
В которой Сансара и Нирвана ощущаются как одно.
Это – полное слияние Будды и чувствующих
существ.
Это – признаки Ступени Одновкусовости.
Так говорили многие.
Тот, кто говорит «Все-одно»,
Все еще дискриминирует;
На ступени Одновкусовости
Нет такой слепоты.
Блуждающая мысль являет собой суть Мудрости –
Имманентную и подлинную.
Причина и следствие – тождественны.
Это – понимание Трех Тел Будды –

В себе.
Это – признаки достижения
Ступени не-практики.
Когда кто-то говорит о не-практике,
Но ум его все еще активен;
Он говорит о свечении,
Но фактически – слеп.
На ступени не-практики,
Нет этого!»

Ученик воскликнул: «Эти поучения поистине поразительны! Прошу же, сделай милость, научи нас практике Шести Парамит, чтобы помочь таким невежественным людям, как мы». В ответ Миларепа запел:

«Я склоняюсь к ногам
Безупречных Джецюнов Учителей!
Собственность и богатство – как роса на траве.
Зная это, с радостью следует отдать их.
Великолепней всего родиться пенным баловнем –
Человеческим созданием .
Зная это, следует заботливо соблюдать предписания,
Все равно, что защищать собственные глаза.
Злоба – причина падения в Низкие сферы.
Зная это, следует воздержаться от гнева,
Даже рискуя жизнью.
Пользу себе и другим никогда не найти в лености.
Стремитесь, следовательно, совершать добрые дела.
Беспокойный, блуждающий ум никогда
Не уводит в истины Махаяны.
Практикуйте, следовательно, концентрацию.
Будда не может быть найден через поиск.
Итак, созерцайте свой собственный ум .
Пока осенние туманы не рассосутся в небе,
Боритесь, полные веры и решимости».

По окончании пения в сердце ученика возникло большое восхищение и вера по отношению к Джецюну, и он вернулся домой. Через несколько дней он и еще много других покровителей пришли проведать Мила-Джецюна и принесли обильные подношения. Они все слышали историю жизни Джецюна и, преисполненные веры, пришли теперь поучиться Дхарме. Они спросили Миларепу, как ему удалось перенести испытания послушничества и вступить на путь аскетической практики, и попросили изложить путь, через который он наконец обрел свое Просветление, Миларепа ответил

песней о «Шести Решительных Шагах»:

«Когда кто-то потеряет интерес к этому миру.
То его вера и нужда в Дхарме укрепляется.
Трудно оставить связи с домом.
Только оставив родную землю,
Можно быть невосприимчивым к гневу.
Трудно покорить пылающие страсти
По отношению к родственникам и близким друзьям.
Лучший способ разделаться с ними –
Разорвать все связи.
Невозможно знать, что ты богат в меру.
Удовлетворенным, следует
Носить неброские хлопковые одежды.
И так можно покорять чрезмерное желание и
стяжательство.

Трудно покорить гордыню и себялюбие;
Так живите в горах, как животные.
Мои дорогие и преданные покровители!
Таково реальное понимание,
Происходящее от неуклонности.
Я желаю вам всем заниматься делами значимыми
И собирать Заслуги !
Как пространство, Дхармакая
Пронизывает все чувствующие существа.
И тем не менее, кармическая слепота
Сталкивает их в Сансару.
Легко увидеть Дхармакаю мельком,
Но трудно стабилизировать ее понимание.
И вот, осаждают и осаждают Пять Ядов .
Если осознание Суньяты стабильно,
То органы и чувства движутся
Свободно и плавно, не цепляясь.
Тогда идет слияние с Трикаей навечно.
Это – убежденность в Просветлении.
Главное и Проистекающее Самадхи –
Два состояния только для новичков.
В укрепленном уме они – как одно.
В Йоге Не-блуждания
Шесть непривязанных Чувств всегда восстают.
Но я остаюсь устойчиво в неотделимой Трикае.
Непривязан, я гуляю с мощью;
Свободен от цепляния, я зарабатываю
Исполняющие желания заслуги .
Мудрый знает, как практиковать
Медитацию, подобную пространству.

Во всем, что он делает за день,
Он не привязывает себя ни к чему.
С освобожденным духом, он не желает
Ни богатства, ни красоты.
Надо увидеть, что все проявления –
Как туман;
Хоть и принят обет освобождения
Всех чувствующих существ,
Следует знать, что все проявления
Подобны отражению луны в воде.
Непривязанный, он знает.
Что человеческое тело – не что иное,
Как магический заговор.
И находит он свободу от всего связывающего.
Как незапятнанный лотос, вырастающий из грязи,
Он достигает уверенности в Практике.
Ум – вездесущ, как пространство;
Он освещает все проявления, как Дхармакайя;
Он знает все и высвечивает все.
Я вижу это ясно, как кристалл
На моей ладони!
Ничто не приходит в начале;
Ничто не остается в середине;
Ничто не уходит в конце.
В плане ума нет появления исчезновения!
Таким образом, ты остаешься
В равности прошлого, настоящего и будущего.
Имманентный ум – чист, как небо.
Красные и белые облака исчезают сами по себе;
Не найти и следа Четырех Элементов.
Вездесущий ум отражает пространство:
Он никогда не отделяется от сферы Нерожденного.
Он обрубает дорогу Трем мирам Сансары.
Это – убежденность Просветления.
Если Йог это понимает,
Когда он покидает смертную оболочку,
И вступает в моментальное Бардо ,
Он может тогда исполнить все заслуги.
С пониманием глубинного наставления
Он позволяет встретиться
Уму-Матери и Уму-Сыну .
Если затем не удастся их объединить,
То через учение Одновременно Рожденного
Он все равно сможет трансформировать
Призрачную форму Бардо

В Чистое Тело Блаженства!

Если он знает, что даже Самбхогакая нереальна, как
тень,

Как тогда он может заблудиться?

Это – неизменно моя собственность:

Верная убежденность Йогина относительно Бардо!»

Люди Гунг Танга сильно укрепились в своей вере и
впоследствии часто приносили приношения Миларепа.

Однажды совсем рано утром, Миларепа в состоянии
Освещенности, увидел перед собой Ваджра-Дакини. Она
изрекла пророчество: «Миларепа! У тебя будет один
солнцеподобный, два луноподобных, двадцать три
звездopodobных и двадцать пять совершенных
человека-ученика, сто просветленных существ, никогда не
отступающих, сто восемь больших людей, которые
достигнут начального Понимания Пути и тысяча йогинов
и йогинь, которые вступят на Путь. Тем, кто с тобой
возымеет склонность к Дхарме, и таким образом избегнут
навек низшего пути Сансары, – нет числа. В верхней
части Гунг Танга есть назначенный человек, который
будет твоим луноподобным учеником. Иди туда ради
него». И так Миларепа решил идти в Гунг Танг.

Это – первый рассказ из серии рассказов о Ските
Серой Скалы Ваджра .

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА МЦДАРЕПЫ С РЕЧУНГПОЙ

Поклон всем Учителям!

Следуя предсказаниям Марпы, Миларепа отправился в верхнюю часть
Гунг Танга. Когда он прибыл в Замок, он увидел много людей, занятых
постройкой дома, и обратился к ним с просьбой дать ему немного еды. Они
ответили: «Мы трудимся над постройкой этого дома. Мы очень заняты, как ты
видишь, и у нас нет времени для другого. А ты, похоже, располагаешь
временем. Почему бы тебе не присоединиться к нам?»

Миларепа ответил: «Да, у меня много свободного времени, но я добыл его
тем, что завершил строительство моего «дома» по-своему. Если даже вы не
дадите мне чего-нибудь поесть, я никогда не стану работать для постройки
мирского здания, которое я, вероятнее всего, покину». Люди спросили его:
«Как ты построил свой дом и почему ты с таким презрением отвергаешь наш
труд?»

Миларепа запел в ответ:

«Вера – прочный фундамент моего дома,

Усердие образует высокие стены,

Медитация лепит массивные кирпичи,
И Мудрость – великий краеугольный камень.
Эти четыре вещи я использовал
При строительстве своего замка,
Который будет стоять столько,
Сколько будет царствовать Вечная Истина!
Ваши мирские дома – обман,
Простые темницы для демонов.
И вот я покину и опустошу их!»

Рабочие сказали: «Твоя песня действует так
просветляюще! А не скажешь ли ты, имеешь ли ты, при
своем образе жизни, что-нибудь подобное нашим фермам,
имуществу, родственникам, приятелям, женам и детям?
Нам думается, что эти вещи ценней того, что ты
предложил. Расскажи нам, пожалуйста, чем таким
владеешь ты, что это настолько лучше нашего? Почему
ты смотришь на наш образ жизни, как на никчемный?»
Миларепа отвечал:

«Сознание Алаяя – хорошая почва,
Внутреннее учение – семя посеянное,
Достижение и медитация – побег,
И Три Тела Будды – созревший урожай.
Это четыре неотъемлемых
Оплота небесного земледелия,
Ваше земное хозяйствование –
Иллюзорное и обманчивое –
Просто рабский труд от голода.
Я отбрасываю его без колебаний!
Прекрасное хранилище Шуньяты,
Сверхземные сокровища,
Служение и претворение Десяти Добродетелей,
И великое счастье Невытекания –
Эти четыре сокровища – вечное имущество небесное.
Ваши мирские сокровища и владения –
Иллюзорны и обманчивы;
Как чарующие волшебные заклинания,
Они заставляют вас заблудиться.
Без всяких колебаний я отбрасываю их.
Отец и Мать Будда – мои родители,
Незапятнанная Дхарма – мое лицо,
Собрание Сангхи – мои братья и племянники,
А стражи Дхармы – мои друзья.
Эти четверо составляют мою
Долговечную небесную родню.
Ваша земная родня – обман и призрачность;

Без колебаний я выбрасываю
Все эфемерные связи прочь!
Происхождение, Полное Блаженства
Мне как отец,
Полная Блаженства Освещенность в хорошо
сделанной работе –
То, на чем я стою,
Два-в-Одном – моя гладкая блестящая кожа,
Опыты и Реализация – моя славная одежда.
Эти четверо – мои небесные жены навечно.
Обманчивы и призрачны ваши земные приятели,
Они ведь – друзья лишь на время, склонные к ссоре;
Без колебаний я отбрасываю их все прочь.
Я искренне желаю, чтобы я и вы,
Добрый народ Гунг Танга,
Через кармическую направленность этой беседы
Могли встретиться еще раз
В Чистой Стране Суджен ».

Селяне, объятые сильным порывом веры,
поклонились и сделали затем приношения Миларепа.

После этого Миларепа ушел в верхнюю часть
Козлиного Холма, где нашел Шелковую Пещеру. В то
время у Козлиного Холма находился юноша, который
потерял отца в детстве. Это был красивый и умный
мальчик, которого воспитала мать вместе с дядей.
Обладая блестящей памятью, он мог цитировать великое
множество рассказов и проповедей из буддистских Сутр.
И так он всегда получал много подарков от людей .
Однажды, собирая в стадо волов на своем осле в верхней
части долины, он приблизился к пещере, где медитировал
Миларепа. Решив, что это чье-то пенье, он слез с осла,
оставил волов и пошел к пещере. Как только он увидел
Миларепу, его посетило неопишное переживание
Самадхи, и на мгновение он застыл в экстазе.
(Впоследствии он стал Сердечным Сыном Миларепы –
прославленный Речунг Дордже Драгпа.)

В мальчике, отделенном таким образом от Кармы,
родилась неизменная вера по отношению к Джецюну. Он
преподнес Миларепа все подарки, полученные им за свои
услуги. Затем он остался с ним изучать Дхарму,
совершенно забыв о матери и дяде. В результате,
естественно, он перестал получать доходы, и его мать и
дядя подумали: «Что случилось? Где он? Может быть,
люди перестали платить ему?» Полные дурных
предчувствий, они приступили к расспросам

покровителей, платили ли они Речунгу должным образом. Все говорили, что ему было заплачено. Тогда они догадались, где он может быть, и что все дары отданы Миларепе. Они всеми силами пытались помешать такому ходу событий, но их усилия были бесполезны. Парень остался с Миларепой и познал от него Дхарму. Спустя некоторое время в нем возросли Опыт и Реализация медитации. Благодаря овладению искусством Йоги Теплоты, он получил возможность окутываться куском простой материи из хлопка, и его стали называть Речунгпа .

Тем временем мать и дядя Речунгпы очень озлобились. Они послали ему котелок с помещенным на нем проклятием . В результате Речунгпа заболел проказой . Стремясь излечиться, он замкнулся в своей обители отшельника для медитации.

Однажды его посетили пять индийских йогов, и Речунгпа предложил им немного жареного ячменя, посланного матерью и дядей. Во время еды индийцы воскликнули: «Какая ужасная болезнь»! Они узнали, что Речунгпа заразился проказой. Речунгпа тогда спросил, есть ли какое-нибудь средство. Один из йогов сказал: «Ты действительно, бедняга, достойный сожаления, и я тебе сочувствую. У меня есть Гуру Уада Цандра, он, возможно, в состоянии помочь тебе. Но он не собирается в Тибет, так что тебе придется отправиться в Индию».

Речунгпа спросил разрешения идти у Джецюна. Миларепа дал согласие и спел, как подарок, на прощание: «Умоляю моего Гуру, к которому питаю огромную благодарность!

Я умоляю тебя взять под защиту и благословить сына моего, Речунгпа!

Сын, ты должен отвергать мир

И упорно работать в Дхарме.

К Гуру, Покровителю Будде и Трем Драгоценностям

Ты возноси молитвы с открытым сердцем,

А не просто словами.

Храни это в уме, путешествуя по Индии.

Принимая пищу Устойчивого Самадхи,

И нося одежды Ах Тунг ,

Верхом на коне волшебного Ума-Праны –

Так, сын мой, ты должен путешествовать по Индии.

Ты должен всегда держать незапятнанный ум

чистым.

Ты должен всегда помнить

О ярко-серебряном зеркале
Тантрического Предписания,
И соблюдать его без раздражения.
Храни это в уме, сын мой,
Когда будешь путешествовать по Индии.
Если тебя будут преследовать и схватят бандиты,
Вспомни о никчемности
Восьми Мирских Потребностей.
Не расточай свои силы и заслуги.
Путешествуй по Индии с ровным и веселым умом.
Сын мой, с самой искренней молитвой и
благословением

Ты можешь избавиться от своего недуга и счастливо
жить долго».

Затем Миларепа возобновил медитацию в пещере.
Речунгпа закупорил вход в пещеру глиной и отправился с
йогами в Индию. Придя туда, он встретил ламу Уаду
Цандру, который согласился дать ему учение
Разгневанного Держателя Удара Молнии с Орлиными
Крыльями в полном объеме. После практикования в
течение некоторого времени Речунгпа выздоровел.

Когда он вернулся в Тибет и пришел в долину
счастья, он справился о местонахождении Джецюна у
местного жителя, который поведал следующее: «Я
слышал, что есть такой Йогин Мила, но в последнее
время до моего слуха не доходило ничего о нем».
Услышав это Речунгпа очень встревожился. Он подумал:
«Неужели мой Гуру умер?», – в глубоком расстройстве
пошел к Шелковой Пещере. Там он увидел, что глиняная
стена, которой он замуровал вход, все еще была
нетронутой. «Неужели он умер внутри?» подумал
Речунгпа и разломал стену. При виде Миларепы, прямо
сидящего в медитации, он почувствовал крайнюю степень
счастья и облегчения. Он спросил Джецюна о его
здоровье и благополучии. В ответ Миларепа, выйдя из
медитации, запел:

«Я склоняюсь к ногам Марпы, Милосердного!
Я счастлив, потому что оставил своих родных.
Потому что я отбросил привязанность к моей стране,
Я счастлив.
Я безразличен к этому месту, и я счастлив.
Потому что я не ношу надменно одеяние
богослужителя,
Я счастлив.
Потому что я не стремлюсь к дому и семье,

Я счастлив.
Мне не надо ни того, ни другого, и вот я счастлив.
Потому что я обладатель великого богатства Дхармы,
Я счастлив.
Потому что я не забочусь об имуществе,
Я счастлив.
Потому что я не боюсь потерять ничего,
Я счастлив.
Так как я не страшусь никогда измождения,
Я счастлив.
Полностью осознавший Ум-Суть,
Я счастлив.
Не имея ни утомительной работы, ни утомленности,
Я счастлив.
Так как мне не нужно ни к чему готовиться,
Я счастлив.
Так как все, что я делаю, созвучно Дхарме,
Я счастлив.
Никогда не желая движения,
Я счастлив.
Так как мысль о смерти не приносит мне страха,
Я счастлив.
Бандиты, воры и грабители никогда не пристают ко
мне,
И вот во все времена я счастлив!
Завоевав наилучшие условия для практики Дхармы,
Я счастлив.
Прекратив злодеяния и бросив грешить,
Я счастлив.
Следуя Путем Заслуг,
Я счастлив.
Отрешившись от ненависти и ранимости,
Я счастлив.
Потеряв всякую гордость и зависть,
Я счастлив.
Понимая дурной характер Восьми Мирских Ветров,
Я счастлив.
Погруженный в покой и уравновешенность,
Я счастлив.
Умом наблюдая ум,
Я счастлив.
Без надежды или страха,
Я всегда счастлив.
В сфере не-цепляющейся Освещенности
Я счастлив.

Неразличающая Мудрость Дхармадхату –
Счастье само по себе.
Позволяя течь свободно Шести Группам Сознания,
Чтобы вернуться к их подлинной природе,
Я счастлив.
Пять лучезарных ворот смысла – все дела –
Делают меня счастливым.
Остановить ум, приходящий и уходящий, – счастье.
О, у меня столько счастья и радости!
Это – песнь веселья, которую я пою,
Это – песня благодарности моему Учителю
И Трем Драгоценностям.
Мне не нужно другого счастья.
Через милость Будд и Учителей
Я обеспечен моими опекунами едой и одеждой.
Свободен от плотских дел и грехов,
Я буду полон радости, умирая.
Со всеми добрыми делами и добродетелями,
Я счастлив, будучи жив.
Наслаждаясь Йогой, я поистине счастлив в высшей
степени.

А как ты, Речунгпа? Исполнилось ли твое желание?»

Речунгпа сказал: «Я опять здоров. Я получил то, что хотел. Отныне я хотел бы оставаться в уединении поблизости от тебя. Пожалуйста, будь так добр, продолжи одаривание меня внутренними учениями».

Миларепа поделился некоторым поучением с Речунгпой, и остался с ним в Шелковой Пещере. Непрерывной практикой медитации Речунгпа достиг высших опытов и Реализации.

Это – рассказ о том, как Миларепа встретил своего Сердечного Сына в Шелковой Пещере.

ДОБРЫЙ СОВЕТ ПО ПОВОДУ «РЕДКОЙ ВОЗМОЖНОСТИ ПРАКТИКИ ДХАРМЫ»

Поклон всем Учителям!

Однажды Джецюн пошел в пещеру Света в Рунцу и оставался там некоторое время. Несколько молодых людей из его родных краев пришли навестить его. Они сказали: «Ранее ты сокрушил всех своих врагов, отомстив им, а теперь ты занят практикой Дхармы таким выдающимся образом. Это поистине чудесно и необыкновенно! Когда мы рядом с тобой, в нас не может не возникнуть стремления посвятить себя религии, но когда мы возвращаемся домой, нас снова захватывает круговорот мирских дел. Как нам справиться с

этим?» Миларепа отвечал: «Если кто-то действительно решился избавить себя от страданий Сансары, таких, как рождение, старость, болезнь, смерть и так далее, у него будет мир в уме все время и не будет нужды ему прилагать какие-либо усилия. Или же ему следует держать в уме, что страдания в будущей жизни могут быть гораздо продолжительнее и неотступнее, чем те, которые в этой, и груз также может быть гораздо тяжелее. Вот почему чрезвычайно важно делать шаги в плане подготовки к следующей жизни.

Пожалуйста, внимайте, я спою вам песню:
«Мы, чувствующие существа, скитальцы Вселенной,
Плывем вниз по текущему потоку
Четырех Страданий .
В сравнении с этим насколько грознее
Непрекращающиеся будущие жизни в Сансаре.
Почему бы тогда не приготовить
Лодку для «пересечения»?
Вопрос наших будущих жизней –
Гораздо более устрашающий
И заслуживающий гораздо большего внимания,
Чем кошмарные демоны, духи и Яма.
Так почему же не приготовить для себя проводника?
Даже черные страсти – стяжание,
Ненависть и слепота –
Не так страшны, как неизвестности нашего

будущего;

Так почему бы не приготовить для себя противоядие?
Велико царство Трех Сфер Сансары,
Но больше – бесконечная дорога рождения-и-смерти,
Так почему бы не позаботиться
О продовольствии для себя?
Лучше бы вам практиковать Дхарму,
Если у вас нет уверенности в себе».

Молодые люди сказали: «Твой добрый совет очень полезен. Мы придем и будем практиковать Дхарму с тобой. Однако, так как не имеет смысла истязать себя практикованием крайне аскетического образа жизни, мы просим тебя, ради защиты ресурсов твоих опекунов и учеников, оставить у себя крошечную долю принадлежностей как подарок на память. А еще нам не совсем понятно то, что ты только что сказал в своей песне. Пожалуйста, проясни это». В ответ Миларепа запел:

«Опора на опытного Учителя –
Проводник по Сансаре к Нирване.
Бескорыстная благотворительность

Обеспечит путешествие;
Как восходящая луна сияет ярко в темноте,
Реальные опыты в медитации просветляют ум.
Это – компания,
Которую следует искать в проводники.
Отдать накопленное богатство Дхарме –
Подготовка лодки для течения Сансары.
Придерживаясь Взгляда, свободного от сектантского
фанатизма,

Можно медитировать без отвлечения,
Если Делание согласуется с буддистским учением,
То предписание – чисто, и Гуру доволен.
Наградой – умереть без сожаления.
Родня, покровители и ученики –
Ничего не значат для меня, Йогина;
Только вы, мирские создания, нуждаетесь в них.
Слава, знатность и почет
Ничего не значат для меня, Йогина.
Ловцы Восьми желаний нуждаются в них.
Собственность, добро и жизнь в обществе
Ничего не значат для меня, Йогина.
Искатели славы не могут без них.
Опрятность, мытье и ухоженность
Ничего не значат для меня, Йогина.
Не нужны они мне совсем.
Это то, что вам, молодым людям, нужно.
Эти двенадцать вещей меня не касаются.
Я хорошо знаю, что не каждому по плечу
Практиковать все эти вещи;
Но все же вы, молодые люди, собравшиеся здесь,
Помните «хвастливые» разговоры этого старика!
Если вы хотите счастья в жизни,
Практикуйте тогда Дхарму.
Отвергайте постороннее и оставайтесь в уединении.
Тяготейте к отшельничеству неуклонному.
Томитесь по Состоянию Будды
И ваша сила духа возрастет.
Вы тогда покорите Четырех Демонов».

Среди парней был один хорошо одаренный, самый
смышленный, старательный и сострадательный. Он сказал
Миларепе: «Мой Гуру, это единственно потому, что нас
держали дела этой жизни, мы пренебрегали тем, чтобы
позаботиться о наших судьбах в будущих жизнях.
Пожалуйста, прими нас как своих слуг. Мы отвергнем эту
жизнь и посвятим себя приготовлениям к нашим будущим

жизням. Пожалуйста, будь так добр, дай нам дальнейшие наставления».

«Человеческое тело, свободное и благоприятное, драгоценно, как самоцвет, – отвечал Миларепа, – и иметь возможность практиковать Дхарму – такая же редкость. Также найти одного серьезного буддиста среди сотни – сложно! Принимая во внимание все сложности, связанные со встречей с верным Учителем, и другими необходимыми благоприятными условиями для практикования буддизма, вы должны считать себя очень везучими, так как вы сейчас встретили все эти требования. Так не упускайте их, но практикуйте Дхарму».

Затем Миларепа запел:

«Освободиться от Восьми Не-Свобод – тяжело,
Так же, как и заполучить человеческую форму,
свободную и благоприятную.
Осознать печали Сансары –
И искать Нирвану – трудно!
Среди сотни искателей Бодхи тяжело найти
Хотя бы одного, кто мог бы обрести
чистые и благоприятные условия!
Отречься от прелестей этой жизни – тяжело,
Так же, как и извлечь полную пользу
Из самоцвету подобного человеческого тела.
Ничтожен шанс встретить сострадательного Гуру,
Который знает традиционные
И целесообразные учения.
Искренний и преданный ученик,
Обладающий способностью практиковать
Дхарму, – сама редкость.
Найти храм без страха
И суеты – очень трудно.
Найти конгениального спутника, чьи Видение,
Практика и Школа согласуются с твоими – редкость.
Обрести тело без боли и недугов,
Способное вынести трудную практику, – трудно!
Даже когда все эти условия налицо,
Все же еще трудно сосредоточиться на медитации!
Это девять трудных условий
Какими бы трудными и довлеющими они ни были,
Решимостью и практикой можно одолеть их».

Услышав этот добрый совет, молодой человек не мог не оказаться во власти очень сильной веры в Джецюна. Он посвятил себя служению Миларепе, который дал ему

Посвящения и Наставления. Впоследствии он стал совершенным Йогином и обрел Освобождение. Его знали как сокровенного сына-ученика Миларепы Цапу Репу.

Услышав этот добрый совет, молодой человек не мог не оказаться во власти очень сильной веры в Джецюна. Он посвятил себя служению Миларепе, который дал ему Посвящения и Наставления. Впоследствии он стал совершенным Йогином и обрел Освобождение. Его знали как сокровенного сына-ученика Миларепы Цапу Репу.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Великие Гуру школы Каргьютпа
Репродукция с картины, написанной акварелью ламой Кази-Дава-Самдупом в 1920 г. в Гангтоке, Сикким, в строгом соответствии с традициями тибетской монастырской живописи. На ней изображены Главные Гуру, или Великие Учителя школы Каргьютпа Северного Буддизма. Эта икона – прощальный подарок ламы издателю.

В верхней части изображен Божественный Гуру, Небесный Будда – Дордже-Чанг (санскр. Ваджра-Дхара), т.е. Держатель Молнии (называемой дордже – духовной молнией или скипетром богов), от которого исходит эзотерическое учение Каргьютпа. Официальная церковь не только признает его эманацией Будды-Шакьямуни, но, как и Каргьютпа, почитает его Главой Небесных Будд, равным Ади, или Первосущему Будде Старой Школы, основанной Падмой Самбхавой. Он облачен в богатое царское одеяние, в котором принято изображать Дхьяни-Будд (Будд Медитации) ордена Самбхога-Кая, к которому он также принадлежит. Это одеяние служит знаком того, что он непосредственно руководит чувствующими существами и их нравственным развитием. У него отрешенное выражение лица и прекрасная внешность, потому что он по природе своей пассивен (неимпульсивен) и является Источником Добра, Истины и Справедливости. Он сидит на троне в позе Будды (санскр. ваджра-асана), потому что он постоянно находится в состоянии невозмутимости-самадхи. Колокольчик, который он держит в левой руке, символизирует Пустоту (санскр. Шуньята), т.е. Высший Разум. Дордже в правой руке символизирует Божественный Метод и Духовную Власть. Львы у основания трона означают бесстрашие, так как он преодолел страх изменений. Синий цвет – цвет Вечного Неба выражает неизменность и вечность его бытия. Являясь родоначальником Иерархии Бодхических Божеств Херука, он носит ожерелье из костяных бус – символ отречения от мира, победы над сансарой (круговоротом смертей и рождений) и обладания йогическими способностями Херуки и Дхьяни-Будды.

По правую сторону от него, т.е. слева на картине, изображен первый человеческий гуру – индийский йог, или святой, Тилопа, непосредственно воспринявший учение от Божественного Гуру. Золотая рыбка, которую Тилопа держит в поднятой правой руке, символизирует чувствующие существа,

погруженные в океан сансары, или мира явлений, спасти и освободить которых является миссией Тилопы .

Наполненный кровью череп, который Тилопа держит в левой руке, символизирует его способность как Херуки передавать локич-сиддхи – оккультные силы, действующие на Земле. Его сущность, как Херуку, указывает тиара из человеческих черепов и костяные украшения. Трон в форме лотоса, на котором он сидит, означает его принадлежность к Ордену Лотоса. Красный цвет лепестков лотоса символизирует Сукхавати (Западный Рай), где правит Будда Амитабха – Безбрежный Свет, Освещающий и Просветляющий, символ которого всепоглощающий и очищающий мистический Огонь. Тилопа почитается воплощением Амитабхи, зеленый цвет его ауры и аур других гуру выражает йогическую невозмутимость, умиротворенность и духовную силу.

По другую сторону от Божественного Гуру изображен сидящим на таком же троне в форме лотоса второй человеческий гуру – индийский йог (святой) Наропа, трубящий в бараний рог и прославляющий орден своего гуру Тилопу. Тиара из человеческих черепов и костяные украшения Наропы, как и у Тилопы, указывают не только на его сущность Херуки, а также являются эзотерическим символом верховного принципа или основания Вселенской – Дхарма-Каи (или Тела Истины) как истинного бытия – несозданной, трансцендентной природе, Нирваны и означают победы над Рождением и Смертью, т.е. над становлением и изменением. Таких украшений, с которыми изображаются Тилопа и Наропа, обычно насчитывается шесть:

- 1) тиара из черепов,
  - 2) запястья,
  - 3) браслеты на руках,
  - 4) браслеты на ногах (видны только у Наропы),
  - 5) передник вместе с поясом из костяных бус,
- которых нет на этой картине, и
- б) двойная нить из костяных бус, проходящая чрез плечо и грудь, где подвешено Зеркало Кармы, в котором, как описано в «Тибетской книге мертвых», отражаются добрые и злые дела. Эти шесть украшений (обычно сделанные из человеческих костей) символизируют шесть парамит (бесконечных добродетелей):

- 1) дана-парамиту (бесконечное милосердие),
- 2) шила-парамиту (бесконечную нравственную чистоту),
- 3) кшанти-парамиту (бесконечное терпение),
- 4) вирья-парамиту (бесконечное усердие),
- 5) дхьяна-парамиту (бесконечную медитацию) и
- б) праджня-парамиту (бесконечную мудрость).

Тот, кто хочет достичь состояния Будды и, став бодхисаттвой, помогать всем живым существам обрести спасение, должен неукословно осуществлять шесть

парамит.

Наропа, как и два первых гуру, сидит в одной из многочисленных поз йоги (асаны). Его трон также из красного лотоса, но этот цвет уступает по яркости цвету трона Тилопы. Он также символизирует Сукхавати и указывает на принадлежность Наропы к Учителям Ордена Лотоса.

Гуру Марпа, известный как Переводчик Марпа ввиду большого числа переведенных им трактатов по тантрийской йоге, которые он приобрел в рукописях в Индии, изображен в нижней части картины. Он одет в полусветское одеяние ламы, живущего в миру, какое носят тибетцы из высшего сословия, так как, хотя он и очень известный гуру этого Ордена, в отличие от других гуру иерархии, он не отказался от семейной жизни. Он также держит человеческий череп, наполненный кровью (в ламаистском ритуале употребляется подкрашенная священная вода) как знак права и способности передавать локич-сиддхи. Он сидит на троне из белого лотоса, что указывает на его принадлежность к Ордену Ваджры (тиб. Дордже), называемому также Орденом Востока (белый цвет символизирует восточную часть Неба).

Миларепа, которого в Тибете обычно называют Джецюн-Миларепа, изображен слева своего гуру Марпы. Он сидит в пещере на шкуре антилопы, на которой йоги имеют обыкновение сидеть практикуя йогу. На нем только одно платье из хлопковой ткани, которые носят аскеты секты Каргьютпа, что свидетельствует о его способности согреться при отсутствии какой-либо другой одежды в суровом климате покрытого снегами тибетского высокогорья. Он так же держит череп, наполненный кровью, что означает способность предавать локич-сиддхи. Его правая рука поднята к уху в знак того, что он поет гимн. На груди у него красная лента, напоминающая священный шнур брахмана, с помощью которой тибетские йоги удерживают ноги в позе асаны при погружении в состояние самадхи во время глубокой медитации. Такую же ленту мы видим у Тилопы и Наропы. Над входом в пещеру изображен лев, как символ того, что пещера находится в пустынной местности гималайского высокогорья, где обитает любящий одиночество горный лев, и что сам Миларепа является, бесстрашным львом Дхармы (Истины), а пещера – «Жилищем Льва». Справа от Марпы изображен Гампопа в одеянии ламы секты Каргьютпа, сидящим в кабине для

проповедей на подушке, расшитой богатым орнаментом. Держа в руке священную тибетскую книгу, он проповедует Учение Просветленного – Прекращение страданий и Путь к окончательному Освобождению. Гампопа – пятый из Великих Гуру, воплотившихся на Земле ради блага многих, и шестой Иерархии, родоначальником которой является небесный – Дордже-Чанг, который, как считают современные Каргьютпа, посылает прямо из Небесного Мира, которым он управляет, благословения Братству на Земле, передаваемые телепатически в виде «волн благодати». Со времени Гампопы, который был самым духовно развитым учеником Миларепа, преемственность Учителей Каргьютпа сохранялась вплоть до настоящего времени.

Миларепа, которого в Тибете обычно называют Джецюн-Миларепа, изображен слева своего гуру Марпы. Он сидит в пещере на шкуре антилопы, на которой йоги имеют обыкновение сидеть практикуя йогу. На нем только одно платье из хлопковой ткани, которые носят аскеты секты Каргьютпа, что свидетельствует о его способности согреваться при отсутствии какой-либо другой одежды в суровом климате покрытого снегами тибетского высокогорья. Он так же держит череп, наполненный кровью, что означает способность предавать локич-сиддхи. Его правая рука поднята к уху в знак того, что он поет гимн. На груди у него красная лента, напоминающая священный шнур брахмана, с помощью которой тибетские йоги удерживают ноги в позе асаны при погружении в состояние самадхи во время глубокой медитации. Такую же ленту мы видим у Тилопы и Наропы. Над входом в пещеру изображен лев, как символ того, что пещера находится в пустынной местности гималайского высокогорья, где обитает любящий одиночество горный лев, и что сам Миларепа является, бесстрашным львом Дхармы (Истины), а пещера – «Жилищем Льва». Справа от Марпы изображен Гампопа в одеянии ламы секты Каргьютпа, сидящим в кабине для проповедей на подушке, расшитой богатым орнаментом. Держа в руке священную тибетскую книгу, он проповедует Учение Просветленного – Прекращение страданий и Путь к окончательному Освобождению. Гампопа – пятый из Великих Гуру, воплотившихся на Земле ради блага многих, и шестой Иерархии, родоначальником которой является небесный – Дордже-Чанг, который, как считают современные Каргьютпа, посылает прямо из Небесного Мира, которым он управляет, благословения Братству на Земле, передаваемые телепатически в виде «волн благодати». Со времени Гампопы, который был самым духовно развитым учеником Миларепа, преемственность Учителей Каргьютпа сохранялась вплоть до настоящего времени.

Миларепа – тибетский йог (или святой)

Миларепа изображен в центре, в традиционной позе
– с поднятой к уху правой рукой в знак того, что он поет

гимн. Как и на описанной выше картине, Миларепа сидит на шкуре антилопы, в позе йога, с лентой на груди. Он также одет в платье из хлопковой ткани, которое здесь украшено богатым орнаментом. Его окружают человеческие и небесные существа, поклоняющиеся ему и приносящие дары. Картина заполнена миниатюрами, каждая из которых отражает какой-то эпизод из биографии Миларепы (Джецюн-Кахбума). Например, на переднем плане в центре, прямо под изображением Миларепы и ниже до самого края картины видны здания различной формы, которые Миларепа строил, проходя суровые испытания под руководством своего Гуру Марпы, а у левого края картины находятся четыре колонны с символическими животными, окружающие высокую гору. Они являются изображением вещего сна Миларепы об иерархии Каргьютпа. Эта иллюстрация – репродукция с иконы, которую можно встретить во многих домах Тибета. Она столь же чтима среди тибетских буддистов, как и изображения христианских святых среди христиан, что свидетельствует об особом почитании Миларепы тибетцами всех сословий и теперь – спустя 800 с лишним лет со времени его жизни на Земле.

Миларепа изображен в центре, в традиционной позе – с поднятой к уху правой рукой в знак того, что он поет гимн. Как и на описанной выше картине, Миларепа сидит на шкуре антилопы, в позе йога, с лентой на груди. Он также одет в платье из хлопковой ткани, которое здесь украшено богатым орнаментом. Его окружают человеческие и небесные существа, поклоняющиеся ему и приносящие дары. Картина заполнена миниатюрами, каждая из которых отражает какой-то эпизод из биографии Миларепы (Джецюн-Кахбума). Например, на переднем плане в центре, прямо под изображением Миларепы и ниже до самого края картины видны здания различной формы, которые Миларепа строил, проходя суровые испытания под руководством своего Гуру Марпы, а у левого края картины находятся четыре колонны с символическими животными, окружающие высокую гору. Они являются изображением вещего сна Миларепы об иерархии Каргьютпа. Эта иллюстрация – репродукция с иконы, которую можно встретить во многих домах Тибета. Она столь же чтима среди тибетских буддистов, как и изображения христианских святых среди христиан, что свидетельствует об особом почитании Миларепы тибетцами всех сословий и теперь – спустя 800 с лишним лет со времени его жизни на Земле.

Дхьяни-Будда Акшобья

О Дхьяни-Будде Акшобье (Невозмутимом, Непокколебимом). Акшобья – второй из пяти Дхьяни-Будд Северного буддизма. Вайрочана – первый, Ратна-Самбхава – третий, Амитабха – четвертый и

Амогха-Сиддхи – пятый. (см. «Тибетская книга мертвых»). Акшобья изображен сидящим со скрещенными ногами и с обращенными вверх ступнями. Это поза йоги, в которой изображаются все Будды, – медитации. Его правая рука, опущенная вниз, касается земли концами вытянутых пальцев. Это – бхумиспарша, или мудра свидетельства, которая в изображениях Гаутамы Будды гандхарской школы означает тот момент из его жизни, когда он обратился к Земле, прося ее свидетельствовать о том, что он противостоял искушениям злого духа Марпы. Третий глаз (санскр. урна) на стыке бровей символизирует духовную мудрость и всеведение, а выпуклость (санскр. ушниша) на голове – достижение им состояния Будды.

О Дхьяни-Будде Акшобье (Невозмутимом, Непоколебимом). Акшобья – второй из пяти Дхьяни-Будд Северного буддизма. Вайрочана – первый, Ратна-Самбхава – третий, Амитабха – четвертый и Амогха-Сиддхи – пятый. (см. «Тибетская книга мертвых»). Акшобья изображен сидящим со скрещенными ногами и с обращенными вверх ступнями. Это поза йоги, в которой изображаются все Будды, – медитации. Его правая рука, опущенная вниз, касается земли концами вытянутых пальцев. Это – бхумиспарша, или мудра свидетельства, которая в изображениях Гаутамы Будды гандхарской школы означает тот момент из его жизни, когда он обратился к Земле, прося ее свидетельствовать о том, что он противостоял искушениям злого духа Марпы. Третий глаз (санскр. урна) на стыке бровей символизирует духовную мудрость и всеведение, а выпуклость (санскр. ушниша) на голове – достижение им состояния Будды.

Верховный Гуру – Ади-Будда Ваджра-Дхара
Ваджра-Дхара, как и Дхьяни-Будда, изображен в позе медитации. Скрещенные на груди руки означают, что он является Высшим и Вечным Буддой (ваджра-хум-кара-мудра). В правой руке он держит ваджру, символизирующую Мистическую Истину (которая как молния богов, т.е. ваджра, не может быть уничтожена), или Божественную Мудрость, которая освобождает от страстей и ведет за пределы сансары (мирского бытия). В левой руке у него колокольчик с рукояткой в форме ваджры, называемой на санскрите гханта. Как и у Ашкобьи на нем знаки достигнутого им Просветления – урна и ушниша.

Ваджра-Дхара, как и Дхьяни-Будда, изображен в позе медитации. Скрещенные на груди руки означают, что он является Высшим и Вечным Буддой (ваджра-хум-кара-мудра). В правой руке он держит ваджру, символизирующую Мистическую Истину (которая как молния богов, т.е.

ваджра, не может быть уничтожена), или Божественную Мудрость, которая освобождает от страстей и ведет за пределы сансары (мирского бытия). В левой руке у него колокольчик с рукояткой в форме ваджры, называемой на санскрите гханта. Как и у Ашкобьи на нем знаки достигнутого им Просветления – урна и ушниша.

Миларепа демонстрирует владение оккультными силами

Миларепа, преобразенный и окруженный сияющим ореолом, демонстрирует близким ученикам свои оккультные знания и в последний раз благословляет их. Это происходит в пещере Брилче в Чубаре перед его уходом в паранирвану. Над ним изображена светящаяся Мандала, а в соседней пещере – Колесо Закона и Пламя Мудрости, явленные Миларепой с помощью оккультных сил.

Иллюстрация является репродукцией с картины тибетского художника «Ближайшие ученики просят благословения».

Иллюстрация является репродукцией с картины тибетского художника «Ближайшие ученики просят благословения».

Марпа

Марпа

В детстве Марпа изучал санскрит у лоцзавы Бромги – духовного наставника школы, исповедующей доктрину, в основе которой лежит взаимообусловленная связь между «начальной причиной» и «конечным следствием». Согласно этой доктрине, «энергия мысли», или «ум», имеет световую природу, а сутью мысли является Абсолют, или Пустота, и их слияние порождает свет. Суть мысли лишена дуальности, постоянства, конечности и находится вне пределов дискурсивного мышления.

Затем он отправился в Индию, где нашел Наропу, обитавшего неподалеку от знаменитого – монастыря Наланда. Наропа дал Марпе посвящение в цикл тантрических учений и отправил его получить наставления от махасиддхи, жившего на необитаемом острове, расположенном посреди ядовитого озера. Он ознакомил Марпу с «Тантрой великой иллюзии», а впоследствии другой махасиддха передал Марпе знание учения «Великого символа» («Махамудра»). Но главным учением школы Каргьютпа стали «Шесть доктрин Наропы», в которые Наропа посвятил Марпу. В них входит шесть йогических учений: «йога внутреннего огня», «йога иллюзорного тела», «йога сновидений», «йога ясного света», «йога бардо» и «йога перемещения сознания».

Неутомимый Марпа трижды посещал Индию и привез на родину много священных книг, относящихся к традиции ваджраяны. Это было в ту пору,

когда буддийское учение в Индии стояло на пороге кризиса. По словам тибетских историков, буддизм в его тантрической форме, как его преподавали в буддийском университете Наланда, в тот период излучал в Индии особенно яркий свет перед тем как угаснуть там навсегда. Поэтому Марпе, которому поразительная любознательность и упорство помогли совершить эти трудные и опасные путешествия в Индию, философская школа Каргьютпа во многом обязана своим существованием. Марпа видел во славе великих бенгальских пандитов, но он не знал тогда, что окажется единственным наследником их учения. Перенесенные в Тибет «Шесть доктрин Наропы» стали учением традиционным, процветающим, более духовным, чем учения других школ.

Марпа перевел с санскрита на тибетский язык пятьдесят сочинений, в которых в том числе излагаются теория и практика пути, ведущего к освобождению от уз сансары в буддизме ваджраяны. В Тибете Марпа встречался с Атишей, но не стал его последователем. Главным учеником Марпы был Миларепа, который продолжил традицию школы Каргьютпа, передав свои знания многочисленным ученикам, среди которых самым известным стал Гампопа (1079-1153). Свой духовный путь Гампопа начал с изучения положений школы Атиши и только в 32 года, встретив Миларепу, воспринял от него доктрины школы Каргьютпа и был признан ее пятым иерархом. Гампопа признавался реинкарнацией Сонг-цен-Гам-по – первого буддийского правителя Тибета, умершего за 500 лет до его рождения. Дже-Гампопа умер в 1152 г., через два года после основания им монастыря Цур-лка, ставшего главным монастырем Каргьютпа, иерархия которой до сего времени не прерывалась.

Учителя Марпы принадлежали к древней индийской секте Кусулипов, т.е. тех, кто стремится к достижению Просветления путем медитации, что отличает их от пандитов, которые стремились достичь Высшей Истины, заключенной в учении о Шуньяте, т.е. Пустоте, умозрительным путем. Один из великих гуру Кусулипов Тилопа, живший приблизительно в X веке, стал первым апостолом Каргьютпа. Учение школы Каргьютпа основано на философии Махамудры, переданной Тилопе Небесным Буддой Дордже-Чангом (санскр. Ваджрадхара), которого Каргьютпа почитают своим Небесным Гуру, равным Ади – Первосущему Будде, и как не отделимую от него эманацию милосердия. Тилопа изложил учение устно как эзотерическое (оно и доньше так сохраняется) своему ученику Наропе. Наропа и Тилопа были глубоко образованны. Наропа, например, был одним из первых интерпретаторов системы Калачакра. Наропа передал его Марпе, а Марпа – Миларепе. Наропа был вторым в иерархии человеческих гуру, третьим был Марпа, четвертым – Миларепа.

Тилопа

В стране Бхигунагара жил весьма ученый наставник по имени Тилопа. Сам царь той страны почитал и поклонялся ему и ежедневно одаривал его пятью сотнями золотых монет. Но однажды Тилопу охватило беспокойство, и как раз тогда, когда он проповедовал Дхарму несметному числу учеников, окружающих его. Он задумался о бессмысленности своей жизни и захваченный

этой мыслью захотел ускользнуть куда-нибудь. Его последователи пытались всячески отговорить его от такого замысла, но оставшись один он снял с себя монашеский хитон и облачился в старые и рваные одежды. Он написал записку и оставил ее в своем доме: «Я не вернусь. Не ищите меня». И ночью он бежал.

Тилопа остановился на кладбище близ города Каньчи и там жил подаянием и вершил подвижничество. Тогда же к нему пришел и Наропа и там подносил ему пищу. Живя таким образом Тилопа очистился от духовной скверны без следа. Спустя десять лет подвижничества он достиг высочайших успехов в Махамудре.

Поднявшись в сферу богов, Тилопа и там получал от них подношения пищей. Обретя благотворные могущества тела, речи и разума, он стал известен повсюду как Тилопа. Он направил на благую стезю несметное число людей и непрестанно трудился на благо живых существ. В завершение во плоти своей он взошел на небо Даков.

Наропа

Наропа был родом из семьи виноторговцев, но сам он отверг этот семейный промысел. Живя в Салипутре на востоке Индии он зарабатывал на жизнь собиранием дров. Однажды Наропа прослышал о том, что в Вишнуагара живет некий мудрец по имени Тилопа. Тогда Наропа обменял большую вязанку дров на шкуру черной антилопы, избрал себе жизнь йогина и в конце концов отправился на поиски мудреца по имени Тилопа.

Он пришел в Вишнуагара и стал расспрашивать всех о том йогине, но Учитель уже ушел куда-то, оставив всех в лишении. Наропа странствовал по всей той земле, но найти его не мог. Наконец, после долгих поисков он встретил Тилопу на дороге. Наропа поклонился, обошел Тилопу посолонь и спросил: «О, Гуру, в добром ли Вы здравии?» – «Я не твой учитель, а ты – не мой ученик», – ответил Тилопа и в гневе стал колотить Наропу, но побои лишь упрочили веру Наропы.

Затем Наропа собрал в глиняный горшок подаяние и поднес его Тилопе, поставив перед своим Гуру, но Учитель вновь разгневался и избил его, как и раньше. Вера Наропы возросла пуще прежнего. Он съел остатки пищи и вновь обошел учителя посолонь. Вечером Наропа снова принес собранное подаяние, и следующим утром он тоже пошел собирать милостыню. Так двенадцать лет подряд он поклонялся своему Гуру, ни на мгновение не отчаиваясь, хотя Учитель не сказал ему ни слова, а только гневался.

Однажды Наропа собирал подаяние на свадебном пиршестве. Он получил множество разнообразной снеди и обилие весьма лакомого кушанья, называемого «зеленая патаса», которая приготавливается с восемьюдесятью четырьмя приправами. Он поднес это кушанье своему Гуру, и когда тот отведал, то блюдо ему так понравилось, что он спросил: «Сын мой, где ты достал это кушанье? Кто тебе его дал?»

Наропу охватила такая радость, какую испытывает только бодхисаттва на первой ступени. Он подумал про себя: «Двенадцать лет я сопровождал моего Гуру, а он не спрашивал меня даже кто я. Теперь же он сказал «сын мой»! И осознав это Наропа был очень счастлив.

«Сын, – сказал Тилопа, – иди и добудь еще такой лакомой снеди». Четыре раза Наропа приходил просить это кушанье, и каждый в том доме был рад подать ему. На пятый день Наропа постыдился просить еще, но почувствовал, что если он не достанет той пищи, то Гуру будет недоволен. Потому он все же пошел просить еще раз. Видя, что все гости домохозяина раздражены, он стащил горшок, полный этой еды и сбежал. Когда он поднес его своему Гуру, тот был удовлетворен пуще прежнего.

Наропа получил посвящение с благословениями и наставления о Ваджраварахи. После шести месяцев созерцания он стал известен повсюду под именем Наропа. Отовсюду приходили к нему люди с подношениями. Из его сердца источался такой свет, что его можно было видеть даже на расстоянии месяца пути. После трудов на благо несметного числа живых существ, он в конце концов взошел на небо Даков.

Тибетский чортен

Чортен (буквально, реликварий, санскр. дхатугарбха). В индийском буддизме ему соответствует чайтья, ступа или топе, а в цейлонском – догаба. Миниатюрные чортены, или чайтьи, сделанные из металла, камня, дерева или глины, украшают алтари ламаистских храмов, и в них часто хранят реликвии. О других назначениях чортенов см. «Тибетскую книгу мертвых».

В экзотерическом аспекте чортен символизирует пять субстанций, на которые распадается тело человека после смерти. Квадратное основание символизирует твердость земли, т.е. субстанцию земли; сферическая часть в виде капли воды – субстанцию воды; суживающаяся кверху часть, напоминающая язык пламени, символизирует огонь; полумесяц в виде перевернутого небосвода – воздух; шар с заостренным навершием в виде поднимающегося к небу языка пламени – эфир.

В эзотерической интерпретации чортен символизирует Путь Освобождения, начинающийся от Земли (основание чортена) и проходящий через Тринадцать Небес Бодхисаттв (тринадцать сегментов в форме ступеней) к Не Имеющий Формы, Несозданной, Трансцендентной по отношению к Природе Нирване за пределы эфира (последнего из элементов сансары) – туда, куда указывает пламя (называемое Джьетих, или Священный Свет Будды), сливающееся с Пустотой.

МИЛАРЕПА

(Из книги Ю.Н.Рериха «По тропам Срединной Азии»)

С Тенгри и районом к юго-западу от него связан один из удивительных эпизодов истории Тибета. Здесь в первой половине XI столетия жил и трудился великий проповедник Тибета Миларепа, святой Франциск страны снегов. На юге Тенгри, в неприступных горных долинах, до сих пор живут ревностные хранители заветов мудреца. Здесь, среди диких гор, еще можно услышать песни Миларепа и, как гласит предание, прислушиваясь к своему внутреннему голосу, увидеть на стене пещеры его лик.

Паломники ежегодно поднимаются на подступы к Эвересту, чтобы взглянуть на гигантскую расщелину в горе – след падения Наро-Бончуна.

Однажды Наро-Бончун, один из выдающихся проповедников «черной веры» в Тибете, вызвал Миларепу на состязание в горы. Миларепа принял вызов. Наро-Бончун, видя, что Миларепа погрузился в медитацию, воспарил благодаря своей сверхъестественной силе к вершине Эвереста. Но разве могла победить «черная вера»? Внезапно над вершиной пика появился сияющий трон, на котором восседал Миларепа, и потрясенный Наро-Бончун упал в глубокую пропасть, признав свое поражение. Так рассказывает легенда, и сотни паломников прославляют мудрость праведника, которому повиновалось все живое на земле.

На пути в Тенгри мы встретили несколько лам, последователей Миларепы, направлявшихся в храм в долине Лачэна. Двое из них несли большой трезубец и трубу из человеческой кости. Белые домотканые халаты лам посерели от пыли; волосы их были стянуты в узел на макушке. Я воспользовался случаем и стал расспрашивать лам о последователях великого проповедника и о знаменитых пещерах в горах. Вопросы чужеземца сначала им показались странными, но постепенно они разговорились. «Братья и друзья Скрытого» – это обычно ученики одного учителя, объединенные общим учением. Живут они в пещерах в горах и узнают друг друга по условным знакам. Постигшие тайное учение «Внутреннего огня», по словам паломников, могут часами сидеть на обжигающем ледяном ветру, не чувствуя холода. Напротив, они ощущают приятное тепло, разливающееся по телу, и иногда видят языки пламени, пляшущие вокруг них. Ламы убеждали меня, что некоторые проповедники, чья жизнь была наиболее безгрешной, способны заставить таять снега на значительном расстоянии от себя. Перед достижением этой стадии «тум-мо» монах должен пройти курс обучения под руководством наставника. Без помощи учителя «тум-мо» считается чрезвычайно опасным, известно много случаев умопомешательства. Я слышал о ламе, в течение четырнадцати лет занимавшемся самосозерцанием, покой которого был внезапно нарушен заблудившимся путником. Лама испытал такой шок, что сошел с ума.

Песни Миларепы очень популярны среди населения Тенгри, а предания о его подвигах можно услышать и поныне. В некоторых домах в Тенгри и соседних деревушках мы видели фрески, на которых был изображен Миларепа. С правой рукой, поднятой к уху, он сидит у входа в пещеру, над которой возвышается огромная снежная гора. На нем белое одеяние его секты и цепочка аскета. На подвижника, погруженного в медитацию, смотрят газели, леопарды и олени; в облаках парит его учитель Джецюн-Марпа с руками, сложенными в мудре созерцания. На других фресках проповедник изображен восседающим среди крутых скал на фоне снежных вершин. Тут же находится богиня Цэрингма, прислуживающая ему. Видно, что подвижник изнурен тяжелой епитимьей. Эти фрески выполнены довольно грубо, но изумительны по цвету. Время смягчило яркие краски и скрыло недостатки настенной живописи. Подобные изображения Миларепы встречаются часто, но его бронзовых изваяний немного. Нам удалось достать только одну статуэтку очень грубой работы.

